

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

Болгария и Россия

Сборник трудов
Б.Н.Билунова

Составители:
Р.И.Билунова, Л.И.Жила, А.В.Карасев

Москва 1996

Данный сборник представляет собой наиболее полное собрание работ безвременно ушедшего из жизни известного российского болгариста Б.Н.Билунова. Они освещают различные аспекты болгарской истории XIX в., в частности, болгаро-российских культурных связей, а также развития славяноведения и балканистики в России. В него вошла ранее не публиковавшаяся диссертационная работа Б.Н.Билунова. Материалы сборника отражают многоплановую деятельность Б.Н.Билунова как университетского преподавателя и как исследователя. Публикация работ Б.Н.Билунова осуществляется по рукописям. Статьи, помеченные звездочкой (*), написаны в соавторстве (см. список публикаций и содержание).

ISBN 5-7576-0035-7

© Институт славяноведения и
балканистики РАН, 1996

**Борис Николаевич Билунов –
историк-славист
(1946 - 1992)**

Публикуемые в настоящем сборнике сочинения принадлежат историку-слависту Борису Николаевичу Билунову. Выход сборника - дань памяти этому видному ученому, которому в 1996 г. исполнилось бы 50 лет.

Автор, пишущий строки настоящего введения, испытывает особые чувства: примерно четверть века тому назад ему довелось руководить написанием дипломной работы своего студента Бориса Билунова на тему "Публицистическая деятельность Любена Каравелова в 60-е гг. XIX в." Судьба распорядилась так, что ныне приходится оценивать обширное и серьезное научное творчество известного отечественного болгариста Бориса Николаевича Билунова, к сожалению, рано ушедшего из жизни (15 марта 1992 г.).

Б.Н. Билунов родился 4 мая 1946 г. в Москве в семье офицера Красной Армии. Путь Бориса в "историки" оказался достаточно сложным. На этом пути была учеба в Люберецком техникуме сельско-хозяйственного машиностроения (1960 - 1964 гг.), работа на заводах в Люберцах и Москве (1963 - 1968 гг.), редакторская служба в ряде издательств, в том числе в ТАСС в отделе социалистических стран Европы.

Историком он задумал стать в 1965 г., поступив на заочное отделение исторического факультета Московского Государственного университета. Тем самым Борис как бы принял семейную эстафету - ведь в этом году истфак МГУ закончила его старшая сестра Светлана Николаевна. Билунов обучался на кафедре истории южных и западных славян, которую закончил

в 1970 г. Абсолютно очевидно, что начинающий славист обнаружил незаурядные способности, коль скоро его - студента-заочника тотчас по окончании кафедры рекомендовали в очную аспирантуру.

Заметим, что уже в годы студенчества ему удавалось соединить не только учебу и работу, но и обязанности мужа и отца. В 1967 г. он женился на Римме Ивановне Казминой (в замужестве Билуновой), известной российской шахматистке, ставшей впоследствии старшим тренером женской сборной команды СССР. Кстати, и сам Борис Николаевич был незаурядным шахматистом, неизменно возглавлял команду истфака в университетских турнирах и имел звание мастера спорта СССР по шахматам. В 1969 г. в семье Билуновых родился сын Денис. Продолжая семейную традицию, он в 1993 г. окончил исторический факультет МГУ и ныне обучается в аспирантуре под руководством профессора Н.С. Киняпиной.

Вернемся, однако, к началу 70-х годов. Аспирант Билунов в 1971-74 гг. успешно трудился над исследованием избранной еще в студенческие годы проблемы публицистической деятельности болгарского революционера-демократа Любена Каравелова под руководством заведующего кафедрой профессора В.Г. Карасева.

В 1974 г. Б.Н. Билунов стал преподавателем кафедры. Началась его почти двадцатилетняя педагогическая деятельность с продвижением по службе от младшего научного сотрудника до доцента со всем разнообразием ее проявлений. Билуновым был подготовлен и прочитан цикл лекций, составляющий лицо кафедры - общий курс по истории южных и западных славян. Студенты слушали также лекции Б.Н. Билунова по исторической географии южных славян и спецкурсы по болгарскому национальному возрождению и истории болгаро-русских общественных отношений в XIX веке. Тематика национально-освободительных движений славянских народов составила основу руководимого им семинара по новой истории. Естественно, появились ученики, увлеченные проблематикой научных исследований своего учителя. О молодом, успешно работающем ученом узнали в Болгарии, на изучении истории которой сосредоточились его главные творческие усилия. В Софийском университете Б.Н. Билунов стажировался

еще в аспирантские годы в 1973-1974 гг., а затем - в 1978 г. уже в период работы на кафедре истории южных и западных славян.

Б.Н. Билунов оставался доцентом кафедры и в 80-е - 90-е годы, когда пришлось сочетать преподавательскую деятельность с работой в отделе Науки и учебных заведений (1982-1989 гг.) и Идеологическом отделе (1989-1991 гг.) ЦК КПСС. Вполне уместно заметить, что прекрасно подготовленный специалист по истории славянских народов, каковым был Б.Н. Билунов, выполнял эту нелегкую работу в ответственном ведомстве самым достойным образом. В последний год своей жизни Б.Н. Билунов работал в Институте славяноведения и балканистики АН России.

Научный путь слависта Билунова начался с опубликования в 1973 г. статьи "К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии (на примере формирования взглядов Любена Каравелова)". Уже в этой первой работе видны авторские предпочтения, ставшие затем постоянными, - это стремление обращаться к вопросам неизученным или дискуссионным. В данном случае таким дискуссионным сюжетом стала оценка идеологии председателей Болгарского Революционного Центрального Комитета, в том числе Любена Каравелова. В ту же пору становится явной и еще одна авторская черта - привлечение максимального количества самых разнообразных по виду и жанрам источников и умение сопоставить частную проблему с более общими и значимыми. Так, в упомянутой статье отмечалось, что "При неизученности революционного демократизма как явления международного, отсутствии единой точки зрения по вопросу о его социально-классовой природе принципиально важным представляется сопоставление региональных проявлений этой идеологии с революционным демократизмом в России".

В следующей своей работе - "К истории "Болгарской дружины" - организации болгарских студентов в Московском университете (1974 г.)" - Б.Н.Билунов анализирует забытые страницы просветительской деятельности болгар, обучающихся в конце 50-х - начале 60-х годов прошлого века, впервые привлекая к изучению программные документы "Болгарской дружины". В статье очевидны предельная тщательность ее автора в подборе фактов, стремление не упустить са-

мые мельчайшие подробности исследуемой темы, желание расширить источниковую базу проблемы, уважительное отношение к трудам коллег при создании широкого историографического фона. И в настоящей статье, и в последующих работах Б.Н. Билунов вносит в историографию многочисленные и, как правило, весьма важные фактические поправки и дополнения. Обильно привлекая к изучению материалы российской периодики, историк развивает традиции исследования этого рода материалов, заложенные в свое время профессорами воспитавшей его кафедры - С.А. Никитиным и В.Г. Карасевым.

Статья "К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати" (1974 г.) прямо отражала тему его кандидатской диссертации. Здесь решаются сложнейшие вопросы по установлению авторства анонимных статей русской периодики 60-х годов XIX века. С полным основанием молодой ученый оспаривает многие источниковедческие выводы своего солидного коллеги - болгарского академика М. Димитрова, вступает в полемику с отечественным историком Л.С. Ерихоновым. Отметим, что Билунов - мастер корректной полемики. "Исправление некоторых неточностей, утвердившихся в литературе" - так скромно оценил историк свой титанический труд по внесению огромного числа фактических поправок и исправлений в историографию освещаемой проблемы. "Вопрос об оценке публицистической деятельности Л. Каравелова не может быть решен без уточнения всех его публикаций", - справедливо полагает ученый. Центральная идея статьи содержится в ее конечном выводе, а именно: "установившаяся неточная оценка многих вопросов сотрудничества Л. Каравелова в русских газетах и журналах не способствует изучению связей болгарского публициста с некоторыми изданиями, в забвении остаются и многие его работы".

Важно, что выявляя фактическую базу изучения российской публицистики Л. Каравелова, Б.Н. Билунов устанавливает факт активного и плодотворного сотрудничества большого числа болгарских авторов в российских газетах и журналах.

В кандидатской диссертации "Публицистическая деятельность Любена Каравелова в русской периодической печати 60-х годов XIX века" (1974 г.) Б.Н. Билунов обобщил и проанализировал сложную и разноплановую публицистическую

работу болгарского революционера-демократа в российской прессе. Впервые в историографии были систематизированы и подробно освещены вопросы пребывания Л.Каравелова в России (1857-1866 гг.), Сербии и Воеводине (1867-1869 гг.), а также его деятельности в Болгарском комитете в Белграде. Вновь обращает на себя внимание огромная источниковая база исследования, в котором важнейшее место занимает атрибуция работ Л.Каравелова. Привлекаются как опубликованные, так и находящиеся в архивах документы. Обращение к работам болгарских (К.Шарова) и сербских коллег носит самый уважительный характер. Ученый демонстрирует умение обобщать разрозненный, многоплановый материал и сопоставлять частные проблемы с более общими и обширными. Так, по его мнению, участие Л.Каравелова в русских изданиях невозможно рассматривать в отрыве от состояния болгарского вопроса в России. В диссертации Б.Н.Билунов демонстрирует мастерство источниковеда: опираясь на бесспорные факты, выходит на решение спорных проблем.

В работе предстают удачно обрисованные мини-портреты многих общественных деятелей России и Болгарии 60-70-х годов прошлого века. В сущности, перед нами духовная жизнь нашей столицы той эпохи, свою лепту в создание которой внес Л.Каравелов. Б.Н.Билунову удастся поставить и выяснить вопросы сотрудничества Л.Каравелова в российских изданиях - "День", "Русские ведомости", "Голос" и др., определить корреспонденции болгарского публициста 1867-1869 гг. В завершающих частях работы Б.Н.Билунов характеризует политическую программу Л.Каравелова, подчеркивая, что "русская публицистика Л.Каравелова, активного участника болгарского национального движения в 60-е годы XIX в., представляет интерес для изучения процесса развития общественно-политической мысли в Болгарии". Важен вывод о выработке Л.Каравеловым собственной оригинальной политической программы и о ее близости идеям Н.Г.Чернышевского.

Разумеется, написание и защита кандидатской диссертации - важная творческая веха в жизни каждого ученого. И должно пройти какое-то время, чтобы новые творческие идеи захватили душу и сердце. Такой период случился и в жизни Б.Н.Билунова. В 1975-1977 гг. ученый преимущественно зани-

мался написанием рефератов и рецензий на труды коллег-славистов, тем самым пропагандируя их сочинения. Никак нельзя недооценивать такого рода работы, всегда требующей отзывчивости, которая так отличала Б.Н.Билунова. Рецензии он писал постоянно, и это - неперенный компонент его творческой биографии.

В конце 70-х годов появляются новые темы и новые работы. В статье "Русское славянофильство и болгарское национальное движение" (1978 г.) ученый обратился к весьма непростому вопросу, ведь речь шла об отношении раннего славянофильства к зарубежным славянам. Б.Н.Билунов совершает, по его собственному признанию, "экскурс в хронологические и эволюционные дебри проблемы". Он обращается к вопросу об этимологии термина "славянофильство", рассматривает соотношение славянофильства и панславизма, воздействие славистических исследований Ю.Венелина на взгляды его ученика К.Аксакова, работ Н.Савельева - на исторические концепции А.Хомякова. Б.Н.Билунов констатирует сложный характер болгарских связей русских славянофилов, отмечая сильное воздействие болгарского национального движения на общественную практику русских славянофилов.

В эти же годы славистом был написан ряд статей, по тем или иным причинам не вышедшим в свет. В настоящем сборнике они публикуются впервые. Одна из них - "К истории болгаристики и славяноведения в России" - посвящена начальному этапу становления славистики в России. В ней использован обширный источник - соответствующие материалы архива Московского университета, что позволило сообщить новые сведения об учреждении первой славистической кафедры в университете (1811 г.), о деятельности ее профессоров - М.Гаврилова и М.Каченовского.

В другой неопубликованной статье - "Освобождение Болгарии в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов в освещении современной историографии", написанной к столетию этой эпохальной даты, Б.Н.Билунов производит обобщающий анализ работ историков НРБ и СССР, вышедших в 60-70-е годы.

Еще одна статья - "Россия и принятие Тырновской конституции" также приурочена к юбилейной дате - столетию

принятия болгарской конституции (1879 г.). Здесь авторское внимание привлекла проблема, ранее специально не изучавшаяся историками и юристами. В основе статьи обширный источниковый фундамент - материалы архивов отечественной и иностранной периодики. Статью завершают вопросы, выявленные автором в качестве нуждающихся в дальнейшем изучении - это использование судебной практики России в новом болгарском государстве, влияние конституционалистской практики России на Балканах на развитие буржуазного права в русском государстве.

Две следующие статьи Б.Н.Билунова свидетельствовали о расширении авторской проблематики. Одна из них - "Сотрудничество болгарских авторов в русской периодической печати в 40-х - 50-х гг. XIX века" (публикуется впервые) была, видимо, написана в середине 70-х годов. Избранная историком проблема до него не ставилась. Ученому удалось доказать в этой статье, что в истории развития русско-болгарских связей участие болгарских литераторов, историков и публицистов представляет большой интерес. Перед нами целая череда болгарских публицистов: Ю.Венелин, В.Априлов, С.Палаузов, Г.Бусилин, З.Княжевский.

В развитие этой тематики была написана опубликованная в 1978 году в Болгарии статья - "Български публицисти върху страниците на руски вестници (1876-1878 гг.).

И наконец, весь 1978 год был заполнен написанием статей для Биобиблиографического словаря "Славяноведение в дореволюционной России" (1979 г.), в котором ученому принадлежат материалы о Л.В.Березине, С.М.Горяинове, С.П.Зыкове, Н.Н.Мурзакевиче и Н.В.Савельеве-Ростиславиче.

В начале 80-х годов Б.Н.Билунов выходит на новую проблематику - историю болгаро-русских общественных связей 50-60-х годов XIX века. Сначала появляется резюме на эту тему, а затем и статья "Болгаро-русские общественные связи в 1856-1869 годах". Написана она потому, что в историографии эта проблема не ставилась. Автору удалось выявить всю совокупность обширных связей между болгарскими и русскими общественно-политическими течениями и группами, среди которых Одесское болгарское настоятельство, Московская болгарская дружина и др. С докладом на вышеуказанную тему Б.Н.Билу-

нов выступил на Первом международном конгрессе по болгаристике в Софии в 1981 году. В этом же году были написаны и другие важные работы Б.Н.Билунова. В их числе статья "Из истории болгаро-русских журналистских связей". Главное внимание автора сосредоточивается на основных этапах развития болгарской публицистики в России, деятельности болгарских авторов русской периодики, разных по своим политическим пристрастиям, но объединенных единой целью пропаганды освобождения Болгарии от османского ига. Эти выступления были, по мнению автора, важной составной частью общественного воздействия на внешнюю политику России, а "характер и развитие публицистических выступлений болгар в русской периодической печати 1840-1870 гг. соответствовали как развитию национального движения в болгарских землях, так и процессу углубления интереса русского общества к Болгарии".

В том же 1981 году ученый вновь обращается к теме истории университетского славяноведения в статье "Первые болгарские воспитанники Московского университета" (статья была написана в соавторстве с О.К.Вяземской). И в данном случае прочную источниковую базу составило обращение к богатейшему архиву университета. Обильно привлекались материалы российской периодики и отдела письменных источников Государственного исторического музея. В статье воссоздана портретная галерея первых болгарских студентов Московского университета. Среди них Г.Бусилин, Н.Михайловский, С.Палаузов, Н.Катранов, И.Шопов и другие.

Воистину 1981-ый год оказался необычайно плодотворным для Б.Н.Билунова. И пришелся этот год на очень важную дату - 1300-летие Болгарской государственности. В сборнике "Н.Г.Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран" (1981 г.) появляется статья Б.Н.Билунова "Чернышевский и болгарское национальное движение" (в соавторстве с болгарским ученым М.Бычваровым). В статье удалось показать действительно обширное воздействие идеологии Н.Г.Чернышевского на представителей складывавшегося революционно-демократического течения в Болгарии.

Все в том же творчески "урожайном" году пишутся вышедшие, правда, уже в следующем 1982 году - введение к из-

данному в Москве труду "Россия и освобождение Болгарии", раздел в коллективной статье "Историческая болгаристика в Московском университете в XIX-XX вв." (совместно с В.И.Владимирской, И.А.Вороновым, Л.В.Гориной и В.Г.Карасевым).

В статье Б.Н.Билунова "К истории славяноведения в Московском университете (1811-1835 гг.)" (1983 г.) все творческое внимание отдается не общероссийскому, а университетскому славяноведению, еще точнее - славистике Московского университета. Ученым определяются этапы формирования славяноведения в университете. Предложенная Б.Н.Билуновым концепция абсолютно оригинальна. По его мнению, "вслед за первой фазой длительного этапа формирования и становления русского славяноведения наступает переходный период, охватывающий 10-30-е годы XIX века, когда вместе с завершением процесса формирования славистических научных дисциплин были предприняты попытки организации преподавания славистики в ее ограниченном филологическом понимании. Этот период подготовил завершающую фазу становления славяноведения в 1840-1850-е годы, когда закончилось складывание на научной основе комплексных представлений об изучении зарубежных славянских народов".

Затем ученый обращается к историографической проблеме и пишет статью на тему: "Изучение болгарского революционно-демократического движения 60-70-х годов XIX века в советской исторической литературе" (1983 г.), вновь возвращаясь к жизни и творчеству Любена Каравелова и политическим организациям на Балканах второй половины XIX века. Видимо, в 1984 году Б.Н.Билуновым была написана статья "Политическое развитие национальных движений на Балканах (50-70-е годы XIX века)". Она впервые публикуется в этом сборнике.

В середине 80-х годов Б.Н.Билунов устанавливает прочные научные связи с кишиневскими учеными. Свидетельство тому - появление рецензии слависта на монографию Н.Н.Червенкова "Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-60-х годов XIX века" и написание заключения к вышедшему в Кишиневе в 1986 году научному сборнику "Болгаро-российские

общественные связи, 50-70-е гг. XIX века". Б.Н.Билунов являлся ответственным редактором этого труда.

В 1986-1987 гг. ученому довелось включиться в сложную работу по написанию ряда разделов в "Краткой истории Болгарии с древнейших времен до наших дней (1987 г.) - книги, адресованной массовой читательской аудитории. Научно-популярная форма этого издания требовала предельного мастерства изложения. Б.Н.Билунову принадлежат следующие разделы: "Формирование национально-революционного течения в болгарском освободительном движении", "Болгарский революционный Центральный комитет", "Апрельское восстание", "Построение основ социализма" и "На пути к развитому социализму" (два последних - в соавторстве с В.И.Гребенниковым). Б.Н.Билунов - один из редакторов этого тру

Мастерство и ученого и университетского преподавателя потребовалось при работе над "Хрестоматией по истории южных и западных славян". Совместно с Л.Е.Грачевой им был составлен раздел этого учебного пособия - "Национальное возрождение зарубежных славянских народов. Болгары". Эта часть вошла во второй том "Хрестоматии", вышедшей в Минске в 1989 году.

Истекали 80-е годы. Начавшиеся 90-е рождали новые творческие планы. Время было непростое, но именно оно-то и стало периодом творческой зрелости ученого. В соавторстве И.И.Лещиловской была написана важнейшая статья "Основные проблемы развития культуры славянских и балканских народов в XVIII-XIX веках" (1990 г.). Статья буквально насыщена сложными проблемами, нуждающимися в дальнейшем исследовании, в частности, Просвещения и Романтизма. Удалось создать панораму духовного развития славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII-XIX веков. В творчестве ученого появляются все новые и новые темы. Небольшая статья "Западники и болгарское национальное движение" (1992 г.) стала последней прижизненной работой слависта. Свою статью "К истории македонского вопроса" он не успел закончить. Она так и опубликована - в незавершенном виде в сборнике "Очаги тревоги в Восточной Европе", который вышел в свет в 1994 году с посвящением "Светлой памяти Бориса Николаевича Билунова".

Как следует из вышеизложенного, Б.Н.Билунов - видный специалист в области истории зарубежных славян, преимущественно - Болгарии в период ее национального возрождения в XIX веке. Уместен вопрос: приходилось ли ученому покидать установившиеся творческие рамки и обращаться к другим страницам славянской истории? Этот вопрос получает утвердительный ответ. В цепочке работ слависта находим статьи : "37 лет по пути социализма в тринадцативековой истории Болгарии" (1982 г.), "Политическая борьба в Болгарии (последняя треть XIX века)" (1982 г.), "Строительство развитого социализма в Болгарии" (в соавторстве с Ф.Г.Песчаным, 1984 г.), "С войной покончили мы счеты" (1991 г.) и другие.

Б.Н.Билунову довелось быть и первопроходцем, разрабатывающим на кафедре южных и западных славян МГУ учебную дисциплину, ранее не преподававшуюся. Речь идет о курсе лекций по исторической географии южных славян. Этот курс он читал для студентов кафедры постоянно. Программа курса лекций "Историческая география южнославянских народов" впервые публикуется в настоящем сборнике. Это дает будущим читателям представление о творческой лаборатории доцента Б.Н.Билунова.

Научное наследие историка-слависта является несомненно важной частью науки славяноведения. Включение результатов творчества Б.Н.Билунова в общую панораму славистических изучений - необходимая научная перспектива.

Профессор Л.В.Горина

К истории болгаристики и славяноведения в России

Изучение истории славяноведения становится в последнее время предметом многочисленных и разноплановых исследований. При этом комплексный характер славяноведения и общеславянский охват проблематики этой отрасли наук уже с момента превращения знаний о славянах в науку, комплекс научных дисциплин, затрудняют выяснение развития болгаристики, полонистики, богемистики, русистики и т.д., особенно на начальном этапе развития.

Важной вехой и своеобразным рубежом в истории славяноведения в России является учреждение по университетскому уставу 1835 года кафедр "истории и литературы славянских наречий" в Московском, С.-Петербургском, Харьковском и Казанском университетах. Этот рубеж выделяется и в самых последних исследованиях по истории славяноведения в России (*1), хотя интерпретация факта создания славянских кафедр далеко не идентична. Кроме этого, общим пробелом остается невыясненность вопроса о связи этого события с существовавшей в Московском университете еще с 1811 года кафедры "славяно-российской словесности", с деятельностью крупного болгариста и славяноведа Ю.И.Венелина, роли болгаристики в развитии славяноведения первой трети XIX ст. Новые сведения по этим вопросам приводятся в настоящем сообщении по неопубликованным материалам архивных фондов Московского университета и имеющимся специальными исследованиями смежных вопросов.

25 октября 1897 года на заседаниях Славянской комиссии императорского Московского археологического общества был прочитан доклад Н.А.Лаврова "Конспект преподавания истории славянского языка и литературы", составленный по определению Совета императорского Московского университета от 2 мая 1834 года (*2). Программа преподавания, составленная Ю.Венелиным, до того времени не публика-

лась и, что еще более важно, не была реализована, поскольку известный болгарист не был допущен к преподаванию славяноведения в Московском университете. Эти обстоятельства повлияли на соответствующую степень внимания исследователей к названному документу Венелина. Совершенно невыясненным остается вопрос о происхождении названной программы.

В ходе интенсивных многоаспектных занятий болгарской историей и филологией Ю.Венелин завершил в начале 1834 года составление "Грамматики болгарского наречия", направив рукопись этого труда в феврале 1834 года президенту Российской академии /преобразованной впоследствии во 2-е отделение Академии наук т.е. отделение русского языка и словесности/ А.С.Шишкову. Судьба этой рукописи, оценка ее содержания освещены в научной литературе (*3), однако эта работа Ю.Венелина была направлена им и по другому маршруту. 14 марта 1834 года Венелин обратился в Совет Московского университета: "Кончив поручение императорской Российской Академии объяснением Болгарских грамот, собранных мною в Молдавии, Валахии и Болгарии во время путешествия моего в сих странах в 1830 и 1831 годах, и сочинением Грамматики болгарского наречия, извлеченной из памятников оного и живого употребления, я нахожусь теперь в возможности предложить свои услуги императорскому Московскому университету, если Совету благоугодно будет поручить мне преподавание Славянского языка, доселе беспрерывно продолжающегося, то я употреблю все свое старание, чтобы принести пользу слушателям своими сведениями, сколько их имею по сей части. Болгарскую грамматику, мною приготовленную для Академии, при сем имею честь представить в свидетельство оных. Лекарь Юрий Венелин. 1834. марта 14." (*4)

В 1834 году в ожидании нового университетского устава не было еще ясно изменение структур преподавания гуманитарных наук. После поражения восстания декабристов в следующем 1826 году был создан специальный Комитет для устройства учебных заведений, который на протяжении долгих лет разрабатывал систему унификации в консервативном духе преподавания во всех русских университетах. В

ходе затянувшегося периода подготовки нового университетского устава постоянными приверженцами идеи учреждения славянских кафедр выступали А.Шишков, М.Сперанский, С.Строганов. Поддержка этой идеи президентом Российской академии /1813-1841 гг./ А.С.Шишковым, известным консерватором и сторонником "славянских изучений" в противовес влиянию "французских идей XVIII в.", служило доказательством благонадежности. Опираясь на мнение П.И.Кеппена, известного слависта, обращавшегося к болгарской проблематике (*5), А.Шишков ориентировался на приглашения зарубежных ученых Шафарика, Ганки, Добровского. Кроме этого, обстановка в самом университете осложнялась идейно-теоретической борьбой главы так называемой скептической школы М.Каченовского и проф. М.П.Погодина, поддерживавшего Ю.Венелина еще с начала его научно-публикаторской деятельности в Москве.

Проф. М.Т.Каченовский /1775-1842/ в абсолютизации "конструктивно-критического метода" в приложении к источникам отрицал подлинность ряда летописных сведений. Известен также его диспут с поэтом А.С.Пушкиным, являвшимся почетным членом Московского университета (*6), о подлинности "Слова о полку Игореве". Вместе с ошибками М.Каченовского в области древней русской истории необходимо отметить его журнально-популяризаторскую деятельность в области болгаристики (*7). Скептицизм М.Каченовского послужил одной из причин для обвинений в "антипатриотизме" и "неблагонадежности". Именно в середине 30-х годов он подвергался "перемещениям" с кафедры на кафедру, не всегда совпадавшим с его желаниями и интересами. В этих условиях М.Каченовский, критически относившийся еще к работе Ю.Венелина "Древние и нынешние болгары ...", устранился от рассмотрения его прошения. Как отмечалось в журнале заседаний Совета Московского университета от 14 марта 1834 года, по прошению Ю.Венелина было принято следующее решение: "Так так преподавание славянского языка, существовавшее и прежде в университете, было бы весьма полезно, возобновить для полноты филологического изучения языка отечественного, ту означенную грамматику болгарскую препроводить г/осподину/ ор./динарному/

пр./офессору/ Давыдову, как профессору языка российского, с тем, чтобы по получении его отзыва сполна приступить к рассуждению о возможности и средствах к поручению преподавания славянского языка г-ну Венелину (*8).

Ссылка на прежнее преподавание славянского языка в университете требует пояснений. Вероятно речь идет о профессоре славянской словесности М.Г.Гаврилове. Его кафедра, учрежденная в 1811 г., забыта в современных исследованиях по истории славяноведения, о ней лишь иногда упоминалось в работах конца XIX века (*9). Отсутствие характеристик деятельности М.Г.Гаврилова - слависта заставляет внимательнее отнестись к имеющимся справочным сведениям по истории Московского университета и архивным материалам.

Архивные материалы Московского университета начала XIX века лишь фрагментарно представлены в настоящее время, значительная их часть погибла еще во время московского пожара 1812 года во время краткого пребывания Наполеона в старой русской столице. К счастью, сохранился формулярный список служебной деятельности М.Г.Гаврилова и другие документы, связанные с его длительным пребыванием в университете. Эти источники, а также воспоминания учеников М.Г.Гаврилова позволяют восстановить основные вехи деятельности первого слависта университета.

Матвей Гаврилович Грицко /впоследствии - Гаврилов/ родился в 1759 году в слободе Дмитревке Севского уезда Орловской губернии, в семье казачьего сотника. В 1776 году поступил студентом в Московский университет, в 1779 году он поступил в педагогическую семинарию, организованную при университете проф.Шварцем. Известно, что еще будучи студентом в 1782 году М.Гаврилов возглавлял в качестве председателя шварцевское "Собрание питомцев Московского университета" и поддерживал связи с кружком И.Новикова. С 1790 года М.Гаврилов издавал /первоначально совместно с Подшиваловым и Сохатским/ "Политический журнал", переименованный впоследствии в "Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света". Это издание Московского университета М.Гаврилов вел на протяжении 38 лет до самой своей смерти. В 1795 году он ста-

новится адъюнктом философии, а 2.XI.1804 года - экстраординарным профессором теории изящных искусств, наконец, 29 августа 1811 года М.Гаврилов утвержден министром народного просвещения ординарным профессором славянской словесности (*10). Таким образом с этой даты начинается официальное университетское славяноведение в России, а проф. М.Г.Гаврилов становится первым в истории мировой славистики университетским славистом.

Последняя констатация, верная по своим формальным данным, не снимает вопроса о месте и роли первой университетской кафедры в истории славяноведения, о деятельности ее профессора. По воспоминанию одного из учеников /1829 год/ М.Гаврилов "весьма уважал" М.В.Ломоносова, а одним из любимейших писателей его был немецкий гуманист Гердер, высоко оценивавший, как известно, нравственно-духовные качества славянских народов. Познания М.Гаврилова в немецком языке способствовали его привлечению к преподаванию этого предмета в 80-90 годы XVIII века, им были написаны "Начальные правила немецкого языка" /М., 1790/, составлены и изданы русско-немецкие и немецко-русские словари, переведены сочинения немецких авторов. Редакционно-издательская деятельность М.Гаврилова в "Политическом журнале", особенно в начальный период, была связана с переводом содержания "Гамбургского политического журнала".

Оценка объемной журналистской, филологической и издательской деятельности М.Гаврилова требует специальных исследований. Педагогическая и общественная деятельность М.Гаврилова получила высокую оценку. Без рассмотрения его конкретного вклада М.Гаврилов охарактеризован как "видный деятель просвещения России" конца XVIII века (*11). Вероятно все эти качества способствовали его выдвижению в качестве профессора "славянской словесности" на гребне подъема Московского университета в 1804 - 1811 гг. Обстоятельства учреждения министром народного просвещения А.К.Разумовским "славянской кафедры" в 1811 году остаются еще не совсем ясными. По воспоминанию биографа М.Гаврилова в его задачи входило "ознакомить учащихся со всеми вообще славянскими книгами, с показанием соотно-

шения Российского языка к славянскому и происхождением его из славянского" (*12). Отголоском сложной общественно-политической борьбы по вопросу об отношении к славянскому вопросу является воспоминание современника: "По случаю учреждения сей кафедры, а более после превратных толков невежд, почитавших язык Славянский только устаревшим, церковным языком, один вельможа писал в 1812 году к попечителю университета: "Вы очень хорошо сделали, что учредили у себя класс Славянского языка. Не смотрите на тех, кои против сего вопиют или насмеваются: невежество должно унимать или презирать; надобно только стараться, чтобы сей класс не именем одним существовал, но подлинно открывались бы в нем источники и богатства нашего языка. Тогда можете Вы быть уверены, что принесется и нравам, и словесности великая польза, и что воспитанники Ваши будут Вам и разумом, и сердцем благодарны. Они, сличая себя с другими, которым внушаемо было презрение к сим истинным началам учения, почувствуют сколь они их счастливее" (*13).

Как видно из цитированного отрывка, содержание которого выдает приверженника А.С.Шишкова /если не его самого/, филолого-славистическая сторона организации славяноведения ставилась в подчинение консервативному просветительству. Новые тенденции в интересе к славянскому вопросу после войны 1812 года не затронули университетского славяноведения. М.Гаврилов, спасший во время Отечественной войны имущество университета, (*14) на закате своей педагогической карьеры принадлежал к последовательным сторонникам официального просвещения, награждался орденами(*15). Хотя в 1821 году М.Гаврилов получил выговор за пропуск статьи о политическом положении крестьян в России в издававшемся им журнале (*16), это свидетельствовало не об идейно-политических изменениях в общественных позициях профессора славянской словесности, а об усилении цензурного режима второй половины царствования Александра I.

В том же 1821 году произошли изменения в положении М.Гаврилова в университете. Поскольку по уставу 1804 года в университете не полагалось никакой "славянской ка-

федры", то оплата профессора "славянской словесности" после войны производилась за счет других сумм. В ноябре 1821 года, в связи с переходом М. Каченовского на кафедру Российской истории, статистики и географии освободившаяся кафедра теории изящных искусств была соединена по предложению попечителя университета кн. А. Оболенского со славянской кафедрой (*17). 22 ноября 1821 года это было утверждено министром духовных дел и народного просвещения А. Голицыным (*18). М. Гаврилов, ранее также преподававший теорию изящных искусств, все более уделял внимание этому предмету. В 20-е годы XIX в. М. Гаврилов увлекался также под влиянием проф. Брянцева религиозно-философскими исканиями, его труды по этой части не были приняты в Обществе любителей российской словесности (*19).

Все эти причины, прежде всего отсутствие постоянной государственной поддержки, неспособность М. Гаврилова, просветителя XVIII века, отвечать запросам складывавшейся науки, привели к постепенному затуханию "славянской кафедры". Сам М. Гаврилов, по воспоминаниям молодого поколения студенчества 1820-х годов, стремившегося найти ответы на новые общественные запросы, превратился в реликта старой университетской профессуры (*20). После смерти М. Г. Гаврилова 21 января 1829 года "лекции славянского языка" читал непродолжительное время один из его сыновей А. М. Гаврилов /1795 г. род./ (*21). "Невыгодное впечатление", которое произвело одно из его перлюстрированных писем в 1826 году на императора Николая I (*22), надолго отложило отпечаток на его положение в университете (*23). Свидетельств о преподавании "славянской словесности" в университете в начале 1830-х годов не имеется.

В этих условиях инициатива известного болгариста Ю. Венелина была встречена Советом Московского университета, как видно из процитированного выше решения, в плане восстановления преподавания славянского языка. Несколько иными были соображения рецензента проф. И. И. Давыдова.

Иван Иванович Давыдов /1794-1863 гг./ не являлся славистом, более того, на протяжении долгих лет он раздваивался в своих интересах между филологией и математикой. После поступления в университет в 1808 году он посещал лекции

на словесном и математическом отделениях, в 1812 году стал кандидатом словесного отделения /с 1814 года - магистр, а с 1815 года - доктор словесных наук/, но преподавал математику и русскую словесность в университетском пансионе. В 1820 году И.Давыдов стал экстраординарным, а 1822 году ординарным профессором латинской словесности и философии, и лишь в 1830-е годы определяется основной профиль его занятий. В 1831-1847 гг. И.Давыдов занимал кафедру русской словесности, в 1841 году он стал академиком по отделению русского языка и словесности, которое впоследствии возглавлял. К периоду 30-х годов XIX в. относятся воспоминания известного филолога Ф.И.Буслаева, слушавшего лекции И.Давыдова: "Он убежден, что русская словесность в настоящем ее смысле начинается только со времен Петра Великого, и древнерусским письменным и старопечатным памятникам не придавал никакого собственного литературного значения" (*24). Хотя это замечание Ф.И.Буслаева не совсем точно передает смысл позиций И.Давыдова, занимавшегося и древнерусской литературой (*25), но оно позволяет понять направленность выводов рецензента болгарской грамматики, составленной Ю.Венелиным.

Охарактеризовав структуру работы Венелина, И.И.Давыдов, не знавший болгарского языка, сосредоточил внимание на теоретических воззрениях автора. Рецензент признал "основательные филологические знания сочинителя" (*26), но выразил в спокойном академическом тоне свое несогласие с отдельными положениями, сославшись при этом на авторитет Бернгарди, Добровского, Востокова и других ученых. Отметив, что "в отношении историческом основная мысль г.Венелина та, что славяно-церковный язык наш есть староболгарский", И.Давыдов, не разделял этого мнения, тем не менее высказался за необходимость исторического изучения славянских наречий с использованием болгарской грамматики Ю.Венелина. "Я не думаю, - писал И.Давыдов, - чтоб нужно было у нас преподавать грамматику болгарского языка отдельно ..." (*27). Не рассматривая по понятным причинам существа работы Венелина, И.Давыдов высказывался за более широкий "славянский предмет для студентов-филологов: "Объяснение же соотношений между славянскими наречиями,

указание на письменные памятники каждого из оных - вообще история славянских наречий и словесности действительно составила бы новый весьма полезный предмет для учащихся словесным наукам (*28).

Это мнение Давыдова и было воспринято Советом университета, определившим в своем решении от 2 мая 1834 года: "Предложить Венелину составить конспект преподавания истории славянского языка и литературы вообще и представить в Словесный факультет на рассмотрение ..." (*29). Декан отделения словесных наук Н.Надеждин в письме к Венелину сообщил об этом решении Совета университета и о том, что "Ваша грамматика нынешнего болгарского наречия ... найдена г. ор.профессором Давыдовым заслуживающею внимания" (*30).

Позиция И.И.Давыдова и Совета университета соответствовали представлениям научной общественности России того времени, однако, конкретное решение вопроса о славянской кафедре долгое время затруднялось в силу отсутствия подходящей кандидатуры. После смерти М.Гаврилова возникала идея о представлении славянской кафедры выдающемуся польскому поэту А.Мицкевичу, но он после выезда из России много лет спустя, лишь в сентябре 1840 года, занял кафедру славянских языков и литературы в Коллеж дю Франс в Париже. В самом начале 1830-х годов большой интерес вызвала "Программа и система славянской филологии" польского славяниста Кухарского (*31). В это же время в Москве широко пропагандировалась деятельность чешских славистов профессором университета М.П.Погодиным. Его поддержка, оказанная инициативе Ю.Венелина, не имела успеха. Представленный Венелиным "Конспект преподавания истории славянского языка и литературы" (*32) известен в историко-славистической литературе, хотя конкретные обстоятельства отказа остаются еще не выясненными.

Летом 1835 года в преддверии введения нового университетского устава министр народного просвещения С.Уваров запросил руководство Московского университета о представлении списка профессоров с указанием кафедр, в соответствии с проектом устава (*33). После составления заклю-

чений факультетов и распределения предметов Советом университета 12 октября 1835 года ректор Болдырев сообщил об этом попечителю университета, отметив, в частности, что в I /историко-филологическом/ отделении философского факультета годовой курс "История и литература славянских наречий" для студентов третьего года обучения будет читать проф. М. Каченовский (*34). Он же принимал на себя обязанность чтения статистики государства российского (*35).

Утверждение М. Каченовского на кафедре истории и литературы славянских наречий уже не соответствовало тогдашнему уровню славистики. В 1837 году для подготовки к занятию этой кафедры был направлен О.М. Бодянский в зарубежные славянские страны (*36). Его многолетняя /1842-1868 гг./ деятельность на славянской кафедре способствовала закладыванию прочных славистических традиций в Московском университете.

Как видно из приведенных выше фактов, за короткий исторический отрезок с 1811 года до начала 1840-х годов университетская славистика существенно изменилась по своему содержанию, характеру преподавания. Первые славяноведы Московского университета М. Гаврилов, А. Гаврилов, М. Каченовский занимались также и другими предметами, их преподавательская деятельность способствовала выделению славистических предметов в одно из направлений гуманитарного образования. Расширение славистических исследований, складывание болгаристики как одного из направлений в славяноведении первой трети XIX в. - все это привело к изменениям в представлениях о нуждах университетской славистики. Хотя попытка Ю. Венелина ввести преподавание болгарского языка оказалась нереализованной, достижения в области болгаристики в России того времени /труды Ю. Венелина, М. Каченовского, П. Коппена, В. Панова, К. Калайдовича, М. Оболенского, М. Погодина, Н. Савельева и др./ и за ее пределами составили основу для преподавания болгарской истории, языка и литературы в университетах. При этом необходимо отметить, что хотя подготовка О.М. Бодянского, И.И. Срезневского, П.И. Прейса к преподаванию славистики велась в основном в западно-славянских странах, разработка проблем болгарской истории отставала от из-

учения истории Чехии и Польши. В преподавательской деятельности названных профессоров, не говоря уже о В.И.Григоровиче, планировалось и было осуществлено широкое включение проблем болгарской истории, этнографии филологии. Оценка деятельности знаменитой четверки русских славистов давно уже определилась, их научные и преподавательские заслуги снискали общее признание. Это становится еще более ясным при обращении к предшествующему периоду прерывистых и односторонних попыток учреждения университетской славистики, периоду, составившему необходимое звено в истории становления славяноведения в России.

*1 См. Дьяков В.А., Мыльников А.С. Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России. В кн.: "Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь". М., 1979, с.14; Мыльников А.С. Проблемы периодизации истории мировой славистики: цели и принципы. В кн.: "Методологические проблемы истории славистики". М., 1978, с.52; Дьяков В.А., Марков Д.Ф., Мыльников А.С. Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики. В кн.: "История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII международный съезд славистов. Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации". М., 1978, с.487 и др.

*2 См.: "Древности. Труды Славянской комиссии императорского Московского археологического общества". М., 1898, т.2, с.110-124.

*3 Там же; Лунина М.В. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю.И.Венелина. В кн.: "Славянская филология. Статьи и монографии". М., 1951, с.108-123. Здесь автор не совсем точно отмечает априорный характер оценок грамматики всеми учеными за исключением А.Востокова и Ив.Шишманова. Помимо рецензии И.Давыдова можно указать также работы Д.Матова /"Сб.НУК", т.ХII и др./

*4 Центральный государственный исторический архив г.Москвы /далее - ЦГИАГМ/, фонд 418 /Совет Московского университета/, опись 3, арх.ед.84 /дело "О препоручении пре-

подавания славянского языка при Московском университете лекарю Юрию Венелину/, лист .

*5 В журнале П. Коппена "Библиографические листы" сообщалось о книге Филлипа Станиславова "Български молитни" /24.XII.1825,N 33/, в заметке "Болгарская литература"/1826, N 40, с.597-600/ сообщалось о переводных и предстоящих изданиях.

*6 ЦГИАГМ, ф.459/Канцелярия попечителя Московского учебного округа/, оп.1, том I, 1817 год, а.е.931

*7 К. Исторические справки об Иоанне, экзархе болгарском."Вестник Европы", 1836, NN 15,17-24; см. также переводные работы: *Вали Р.* Известие о Булгарах."Вестник Европы",1828,N 12; *Вали Р.* Картины на пути через Ромелию и Балканские горы."Вестник Европы", 1828, NN 13,14 и др.

*8 ЦГИАГМ, ф.418, оп.3, е.х.84, л.л. 2-2об

*9 См.: *Кочубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцев. Одесса, 1887-1888; *его же.* Граф С.Г.Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов. Вестник Европы" 1896, кн. 7,8.

*10 ЦГИАГМ, ф.459, оп.1, с.х.697, т.2, л.л.136- 137 /формулярный список/; ф.459, оп.1, т.1, 1829г., а.е. 3738 /дело "О смерти орд.проф.Гаврилова и пожаловании вдове его единовременной выдачи и пенсиону"/.

*11 *Панагин Ф. Г.* Педагогическое образование в России. Историкопедагогические очерки. М.,1979, с.19.

*12 "Биографический словарь профессоров Московского университета", М.,1855, т. I, о.171. Автором статьи о М.Г. Гаврилове был его сын А.М.Гаврилов.

*13 Воспоминание о первом издателе сего журнала. "Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света", М., 1829, ч.1, кн.1, январь, с.60.

*14 В сентябре 1812 г. М.Г.Гаврилов, будучи начальником обоза, вывез "ученые сокровища" университета в Нижний Новгород, где сохранял имущество вплоть до открытия после войны университета. Летом 1813 г. в связи с этим М.Г.Гаврилов временно уступил право издания

"Исторического журнала" начальнику университетской типографии Невзорову. См.: ЦГИАГМ, ф.459, оп.І, е.х.53, лл.7-9.

*15 ЦГИАГМ, ф. 459, оп.І, т. І, 1819г., а.е.1264.

*16 ЦГИАГМ, ф.459, оп.І, т.І, 1821г., а.е.1621 /дело "О воспреещении пропускать сочинения, касающиеся до политического состояния крестьян в России, об истребовании по сему случаю объяснения от цензора Черепанова и о неизбрании его за сим ни в деканы, ни в цензоры, а издателя Гаврилову о сделании выговора"/.

*17 ЦГИАГМ, ф.459, оп.І, е.х.1677, л.3. "Кафедру же изящных искусств, по мнению моему, - писал А.Оболенский Совету университета, - соединить со славянским языком, ибо небезызвестно Совету, что за преподавание славянского языка неположено в штатах особого жалования, а производится оное из других сумм, которые со временем могут востребоваться на предназначенные предметы."

*18 ЦГИАГМ, ф.459, оп.І, е.х.1677, л.4.

*19 "Воспоминание о первом издателе...", с.66-67.

*20 "В 20-х годах он представлял собою на кафедре уже притчу во языцех. Студенты засыпали на его лекциях или развлекались тем, что приглашали на его лекции товарищей с других факультетов, чего профессор не выносил, и весь час проходил в том, что студенты ежеминутно указывали профессору на того или иного "чужака", профессор прерывал чтение, торжественно выводил "чужака" из аудитории:"вот и еще чужак", и профессор опять приходил в волнение. Комедия продолжалась пока звонок не возвещал о конце лекции." См.: *Кизеветтер А.* Московский университет. Исторический очерк. В кн.: Московский университет. 1755-1930. Юбилейный сборник", Париж, 1930, с.68,86.

*21 А.М.Гаврилов родился в Москве 19.ІІ.1795г., окончил гимназию при университете, в 1814 г. - "кандидат словесных наук" университета, в 1818 г.- магистр, в 1828 г. - адъюнкт. Преподавательская деятельность его протекала в Благородном пансионе при университете, а также на медицинском факультете, где А.Гаврилов до 1835г. преподавал "российскую словесность".

*22 См.: *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М.,1972, с.91-93.

*23 См. ЦГИАГМ, ф.418, оп.3, е.х.328, е.х.187; ф.418, оп.4, е.х.333; ф.459, оп.1, е.х.4910, е.х.3768 и др., где в переписке Совета и попечителя решалась судьба А.Гаврилова, направленного в итоге инспектором 2-ой московской гимназии.

*24 *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897, с.122.

*25 *Давыдов И.И.* Составные начала и направление древней отечественной словесности. "Ученые записки имп. Московского университета". М., 1834, ч. III и др.

*26 ЦГИАГМ, ф.418, оп.3, е.х.84, л.3/об

*27 ЦГИАГМ, ф.418, оп.3, е.х.84, л.4

*28 Там же, л.4/об

*29 ЦГИАГМ, ф.418, оп.3, е.х.84, л.5

*30 Там же, л.8

*31 См. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.Погодина, т.3, с.125-127.

*32 См. публикацию П.Лаврова: "Древности. Труды Славянской комиссии императорского Московского археологического общества при Московском университете." М., 1898, т.2, с.110-121. О большом значении документа Венелина для изучения истории славяноведения писала в недавнее время Л.П.Лаптева в статье "Изучение истории славян в Московском университете в конце XIX - начале XX вв. /до 1917 года/". В кн.: "Славяне в эпоху феодализма", М., 1978, с.291-292.

*33 ЦГИАГМ, ф.459, оп.2, е.х.1, л.1/об.

*34 ЦГИАГМ, ф.459, оп.2, е.х.1, лл.24/об., 74

*35 Там же, лл.74/об., 88, 92. За чтение статистики Каченовскому не производилось особого жалования.

*36 См.: *Кондрашов Н.А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956; *Алексапкина Л.Н.* О.М. Бодянский - первый славист Московского университета. "Вестник МГУ. История", 1973, № 5; *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянский и Българското възраждане. С., 1978. Ограниченный характер преподавания Каченовского и его надежды на Бодянского видны из письма М.Каченовского в его бытность ректором университета к попечителю учебного округа от 5 марта 1841 г. См.: ЦГИАГМ, ф.459, оп.2, е.х.397, лл.3-3/об.

К истории славяноведения в Московском университете (1811-1835 гг.)

Изучение истории отечественного славяноведения как составной части мировой славистики приобретает в последние годы широкий и разноплановый характер. Внимание историков привлекают проблемы соотношения славяноведения с общественно-политическими и культурными явлениями эпохи, а также разнообразные вопросы истории развития наук, составляющих славяноведение. При обращении к дореволюционной истории славяноведения в России подавляющая часть исследовательских проблем оказывается тесно связанной с историей университетской славистики. В связи с этим вопрос об организационном вычленении преподавания славистических дисциплин в гуманитарном образовании занимает центральное место в истории отечественного славяноведения периода его становления.

Учреждение по университетскому уставу 1835 г. кафедр "истории и литературы славянских наречий" в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах обычно выделяется в качестве важной вехи в истории русского славяноведения. Однако интерпретации этого факта и его места в периодизации истории русского славяноведения существенно отличаются в многочисленных исследованиях дореволюционных и современных авторов.

Рассмотрим основные концепции, определившиеся в самое последнее время, но отражающие и прежние представления.

А.С.Мыльников, выделяя четыре этапа в развитии мировой славистики, определяет содержание второго из них (со второй половины XVIII в. до 60-70-х годов XIX в.) как становление науки. В пределах этого этапа, отмечает он, "вырисовываются по крайней мере два периода, вехой между которыми является создание университетских кафедр славяноведения в России и других европейских странах" (*1).

Болгарский ученый Э.Георгиев в статье "Об основных этапах развития славистики в славянских странах" возражает

против традиционного определения начала славистики последними десятилетиями XVIII века, связывавшегося с деятельностью чешского просветителя Й.Добровского. Опираясь на филолого-славистический материал, Э.Георгиев выделяет со времен Кирилла и Мефодия до наших дней девять этапов в развитии славистики в славянских странах. Пятый этап, охватывающий первую половину XIX века, характеризуется болгарским ученым как время бурного национального подъема славянских народов, когда славистика рассматривалась в качестве "национальной науки". При этом "основание в 1835 г. славистических кафедр в русских университетах послужило новым толчком к развитию славяноведения" (*2).

По мнению Л.П.Лаптевой, дореволюционная история русского славяноведения разделяется на два больших периода, первый из которых начинается с 1830-х годов и является временем становления отечественной славистики, когда "Московский университет был ведущим как в области воспитания кадров, так и в разработке научных вопросов ..." (*3). Время, предшествовавшее учреждению кафедры славяноведения в Московском университете, отнесено Л.П.Лаптевой к преддистории славяноведения в России.

Против мнения о возникновении отечественного славяноведения "в 1835 г. - со времени основания отделения славяноведения при Московском университете" выступает Г.Н.Моисеева (*4). Она считает, что общественно-политические преобразования в России конца XVII - начала XVIII вв. способствовали развитию русской славистики и привели к началу XIX в. "к значительным результатам: были изданы многие памятники славянской культуры, определилась концепция происхождения славян, были установлены контакты с славянскими учеными." (*5)

Указанные существенные различия в определении начала славяноведения в России связаны, на наш взгляд, с расхождениями в определении предмета славистики и содержания понятий "ученый-славяновед", с различным учетом степени влияния общественно-политических факторов на формирование наук, составляющих славяноведение. При этом характерно также, что не отрицая комплексного характера славяноведения, ни один из упоминавшихся авторов не останавливается на

очевидном факте одновременного генезиса наук, составляющих славяноведение. Лишь одно это обстоятельство затрудняет определение периода превращения знаний о славянах в науку.

Кроме этого, необходимо отметить своего рода абсолютизацию правительственного решения 1835 г., поскольку систематическое преподавание славяноведения в упомянутых четырех университетах началось практически лишь через несколько лет. Целесообразно также обратить внимание на правительственное решение 1811 г. о создании в Московском университете славистической кафедры. Решение вопросов истории организации университетской славистики необходимо для выяснения проблемы становления славяноведения в России.

В настоящей статье рассматриваются слабо изученные вопросы ранней истории организации преподавания славяноведения в Московском университете. Источником послужили материалы фондов Совета университета и его попечителя, хранящиеся в Центральном государственном архиве г.Москвы (ЦГИАМ), а также данные имеющиеся в специальных исследованиях по смежным вопросам.

Интерес к ранней истории русского славяноведения обнаружился уже в конце XIX - начале XX вв. В это время официальная славистическая наука достигла значительных результатов (*6), ее представители рассматривали начальный период отечественного славяноведения именно с позиций собственных достижений. Принцип историзма, внимание к общественно-политической обусловленности становления славяноведения слабо проявлялись в специальных работах по его истории. Это относится, например, к работе А.А.Кочубинского (*7). Она сохраняет фактографическое значение в изучении русского славяноведения первой четверти XIX в., но вместе с тем в ней лишь упоминается о создании в это время славянской кафедры в Московском университете и ее первом профессоре М.Г.Гаврилове. Отрицание А.А.Кочубинским какого бы то ни было значения университетской кафедры 1811 г. утвердилось в дореволюционной историографии отечественного славяноведения. Полузабытым этот факт остается и в современной научной литературе. Показательно, что первая "славянская" кафедра не упоминается в специальных исследованиях по истории Московского университета, а ее профессор

М.Г.Гаврилов - в изданном в 1979 г. библиографическом словаре "Славяноведение в дореволюционной России", где приведены данные и о тех деятелях, которые лишь косвенно были связаны со славяноведением.

Действительно, о деятельности М.Г.Гаврилова до сих пор известно очень мало, хотя архивные материалы Московского университета начала XIX века представлены в настоящее время лишь фрагментарно (значительная их часть погибла еще во время московского пожара 1812 года), сохранился, к счастью, формулярный список служебной деятельности М.Г.Гаврилова (*8). Вместе с другими документами о его пребывании в университете и воспоминаниями его учеников эти источники позволяют восстановить основные вехи деятельности первого слависта Московского университета.

Матвей Гаврилович Грицко (впоследствии - Гаврилов) родился в 1759 г. в слободе Дмитривке Севского уезда Орловской губернии, в семье казачьего сотника. В 1776 году он стал казеннокоштным студентом Московского университета, где уже учился его старший брат, а в 1779 году поступил в педагогическую семинарию, организованную при университете проф.И.Г.Шварцем. М.Г.Гаврилов учился в семинарии как стипендиат П.А.Демидова. В 1782 году он стал председателем "Собрания питомцев Московского университета", поддерживал связи с кружком Н.И.Новикова. М.Г.Гаврилов был масоном, что подтверждается более поздним документом 1826 г., сохранившимся в фонде попечителя университета и отмеченном в исследовании Л.И.Насонкиной (*10).

С 1790 года М.Г.Гаврилов издавал (до 1808 г. совместно с В.С.Подшиваловым и П.А.Сохацким) "Политический журнал", переименованный впоследствии в "Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света". Это издание университета М.Г.Гаврилов вел на протяжении 38 лет до самой своей смерти. Его деятельность в этом журнале, являвшемся первоначально почти буквально переводом одноименного гамбургского журнала, была подготовлена сотрудничеством в качестве переводчика в изданиях Н.И.Новикова, преподаванием немецкого языка в 80-90-е годы XVIII века, активной учебно-методической и научной работой в области грамматики и лексикологии немецкого языка. Еще в

1781 году М.Г.Гаврилов составил "Новый лексикон на немецком, французском, латинском и российском языках" (второе издание М., 1789), в следующем году - "Краткую немецкую грамматику с вопросами и ответами для употребления при императорских Московских гимназиях". В университетской типографии были напечатаны переводы М.Г.Гаврилова с немецкого языка: Виланд Х.М. "Музариона, или Философия граций. Поэма в трех песнях" (1784), Зонненфельс И. "Начальные основания полиции, или благочиния" (1787), Бруккер И. "Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории" (1788), "Эрвина фон Штейнгейм, немецкая повесть из средних веков" (1790), Виланд Х. "История абдеритов" (1793-1795, ч.1-II). В 1792 г. М.Г.Гаврилов составил книгу для чтения на немецком языке "для пользования обучающегося юношества", 1796-1797 гг. участвовал в составлении изданного И.Геймом немецко-русско-французского словаря.

В 1795 г. М.Г.Гаврилов становится адъюнктом философии, в 1804 году - экстраординарным профессором теории изящных искусств, а 29 августа 1811 г. - министром народного просвещения гр. А.К.Разумовским он утвержден в должности "профессора славяно-русской словесности" (*11).

Обстоятельства учреждения "славянской" кафедры остаются еще не совсем ясными. Интерес русского общества к зарубежным славянам усилился в эпоху Просвещения. На рубеже XIII-XIX вв. возросло воздействие общественно-политических факторов на проблематику складывавшихся наук. Намечившаяся еще в трудах В.Н.Татищева и М.В.Ломоносова тенденция обращения к раннему феодальному периоду в истории славянства находила разные варианты своего развития. Успехи отечественного и общеславянского языкознания (*12), историко-публицистическое освещение южного славянства (*13), интерес к славянской мифологии и современному быту зарубежных славян, первое научное путешествие по славянским землям А.С.Кайсарова и А.И.Тургенева (*14) - все эти явления происходили в обстановке острой идейной борьбы между консервативным и демократическим течениями в русском Просвещении. Одним из ее проявлений была знаменитая полемика между карамзинистами и шишковистами.

Полемическое выступление А.С.Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге" (СПб., 1803), его ревностная защита старославянского языка справедливо характеризуются как консервативный анахронизм, имевший реакционное общественно-политическое содержание. В адрес А.С.Шишкова было впервые употреблено название "славенофил", хотя и в ироническом плане, но имевшее прямое смысловое содержание (*15). Задолго до появления славянофильства как общественно-политического течения первые "славенофилы" вполне сознательно воспринимали это название, стремились в рамках господствовавшей идеологии просветительства преодолеть его универсализм, казавшийся им опасным, укрепить связи со старославянской культурой.

Хотя инициатива создания славянской кафедры исходила от М.Т.Каченовского (*16), являвшегося личным секретарем и секретарем канцелярии А.К.Разумовского, мотивы представителей высшей администрации были созвучны идеям А.С.Шишкова. По воспоминанию биографа М.Г.Гаврилова, в его задачи профессора славяно-русской кафедры входило "знакомить учащихся со всеми вообще славянскими книгами, с показанием соотношения Российского языка к Славянскому и происхождением его из Славянского" (*17). Эта ограниченная научно-педагогическая задача приобретает более широкое общественное звучание в другом свидетельстве современника: "По случаю учреждения сей кафедры, а более после превратных толков невежд, почитавших язык Славянский только устаревшим, церковным языком, один вельможа в 1812 году к попечителю университета: "Вы очень хорошо сделали, что учредили у себя класс Славянского языка. Не смотрите на тех, кои против сего вопиют или насмеваются: невежество должно унимать или презирать; надобно только стараться, чтобы сей класс не именем одним существовал, но подлинно открывались бы в нем источники и богатства нашего языка" (*18). Тогда можете Вы быть уверены, что принесется и нравам, и словесности великая польза, и что воспитанники Ваши будут Вам и разумом, и сердцем благодарны. Они, сличая себя с другими, которым внушаемо было презрение к сим истинным началам учения, почувствуют, сколь они их счастливее." (*19).

Как видно из процитированного отрывка, содержание которого выдает приверженца А.С.Шишкова, филолого-славистическая сторона организации преподавания славяноведения ставилась в подчинение консервативному просветительству. Тем не менее учреждение кафедры, определение круга ее задач свидетельствуют не только о стремлении руководителей российского просвещения (*20) направить в выгодное для себя русло общественные интересы, но и отражают тогдашнее состояние изучения славянства. Это состояние делало затруднительной более широкую организацию преподавания славяноведения. Одновременно необходимо подчеркнуть подчиненный характер "славянских изучений" относительно русского языкознания и истории. Эта тенденция долгие годы господствовала в отечественном славяноведении, она соединяла в себе различные интерпретации идеи славянской взаимности и объективно отражала общественно-политическую обусловленность организационного становления российского славяноведения.

Исполнение замысла о преподавании "славяно-русской словесности" зависело от первого профессора новой кафедры. Вторжение наполеоновской армии в Россию прервало деятельность университета. В сентябре 1812 г. М.Г.Гаврилов, назначенный начальником университетского обоза, вывез "ученые сокровища" университета в Нижний Новгород, где сохранял их до окончания войны. После изгнания французов М.Г.Гаврилов некоторое время находился в Нижнем Новгороде и поэтому вынужден был временно уступить в 1813 г. право на издание университетского "Исторического журнала" начальнику типографии М.И.Невзорову, о чем было сообщено попечителю университета гр. П.И.Голенищеву-Кутузову (*21).

После возобновления в августе 1813 г. занятий в университете М.Г.Гаврилов читал "славянскую литературу, восточное стихотворство и изящные науки" (*22). При таком соединении различных предметов вряд ли преподавание славянской словесности выходило за рамки очерченных задач. Кроме того М.Г.Гаврилов входил в Училищный комитет и другие органы при университете, в 1816 г. был избран деканом отделения словесных наук и исполнял эту должность до мая

1817 г. (*23). В современных работах по истории педагогического образования М.Г.Гаврилов охарактеризован как "видный деятель просвещения России" (*24).

Отсутствие конкретных и достоверных источников затрудняет характеристику преподавательской деятельности Гаврилова-слависта. В то же время публикаторская деятельность М.Г.Гаврилова была исключительно интенсивной, в особенности если учесть журналистскую практику той поры, когда подавляющая часть содержания журнала принадлежала перу редактора-издателя. Содержание университетского журнала, который издавал М.Г.Гаврилов, может быть предметом специального рассмотрения. В числе публиковавшихся материалов были и интересные славистические материалы, например, "Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи" (*25) и др. В этом отношении популяризаторская деятельность М.Г.Гаврилова была созвучна историко-публицистическим выступлениям в "Вестнике Европы" другого университетского профессора М.Т.Каченовского. Сопоставление этих университетских изданий позволит конкретизировать представления об изучении славянских народов учеными Московского университета в первой четверти XIX в. (*26).

Решение министра народного просвещения об учреждении кафедры в 1811 г. не решало полностью всех организационных вопросов славистического преподавания. Проф. М.Г.Гаврилов преподавал также и российскую словесность, и искусствоведение, и другие предметы, поскольку университетский устав 1804 г., распространявшийся не только на старейший русский университет, но и на новые университеты в Петербурге, Казани и Харькове, не предусматривал никакой "славянской" кафедры и не был изменен (*27). Исключительное в этом смысле положение Московского университета претерпело в 1821 г. изменения.

В связи с переходом проф. М.Т.Каченовского на кафедру Российской истории, статистики и географии его прежняя кафедра была соединена с кафедрой славяно-русской словесности. Мотивы этого видны в предложении попечителя университета кн.А.Оболенского, который писал в Совет университета 2 ноября 1821 г.: "Кафедру же изящных искусств, по

мнению моему, соединить с Славянским языком, ибо неизвестно Совету, что за преподавание славянского языка не положено в штатах особого жалования, а производится оное из других сумм, которые со временем могут востребоваться на предназначенные предметы." (*28) Это предложение было утверждено министром духовных дел и народного просвещения кн. А.Н.Голицыным (*29).

Таким образом и формально М.Г.Гаврилов все более отдалялся от преподавания славяно-русской словесности, получая жалование по кафедре теории изящных искусств и археологии. В том же 1821 г. М.Г.Гаврилов получил выговор за напечатание статьи о политическом положении крестьян в России (*30). Это свидетельствовало не об изменениях в общественной позиции профессора славянской словесности, аккуратно награждавшегося орденами (*31), а об усилении цензурного режима второй половины царствования Александра I. В 1820-е годы М.Г.Гаврилов увлекался, под влиянием проф. А.М.Брянцева, также и религиозно-мистическими исканиями, его труды по этой части не были приняты даже в Обществе любителей российской словесности (*32). В это время по воспоминаниям студенчества той поры М.Г.Гаврилов превратился в реликт старой университетской профессуры (*33).

Общие оценки деятельности М.Г.Гаврилова, основанные на впечатлениях студентов 1820-х годов (*34), не являются объективными. Для более полной характеристики необходимо специальное изучение всей публикаторской деятельности М.Г.Гаврилова, включая его работы в "Трудах Общества любителей российской словесности", членом-учредителем которого он являлся с 1811 г. (*35). Будущие исследования могут также прояснить вопрос о степени восприятия М.Г.Гавриловым идей Ломоносова, которого он "весьма уважал", и Гердера, бывшего его "любимейшим писателем" (*36).

После смерти М.Г.Гаврилова, последовавшей 21 января 1829 г., непродолжительное время "лекции славянского языка" читал его сын адъюнкт Александр Матвеевич Гаврилов (*37).

После восстания декабристов университет и Благородный пансион, где преподавал А.М.Гаврилов, подвергались проверкам (*38). Одной из причин этого было и "невыгодное впечатление от письма Гаврилова", которое попало в руки

военных властей вместе с письмами его ученика Егора Морозова. Последний, зная содержание еще не изданной трагедии А.С.Пушкина "Борис Годунов", писал о настроениях в Москве, в связи с провозом тела Александра I: "Это была скорее комедия, а не трагедия..." А его учитель А.М.Гаврилов в письме к отцу Е.Морозова сообщал в это же время об успехах воспитанника, подчеркивая его любовь к "литературе отечественной, которая, по-видимому, составляет ныне господствующий предмет в обществе" (*39). По приказу Николая I особое внимание после проверки было уделено и учащимся, и их воспитателям.

В литературе отмечалось отсутствие данных о непосредственных последствиях этих мер для А.М.Гаврилова (*40). Но его последующая служба в университете возобновилась лишь в марте 1828 г., а когда в августе 1834 г. он подал прошение о предоставлении ему преподавания "практической части отечественной словесности по отделению словесности, к которому он принадлежит, а не в медицинском отделении, где он вел практический класс российской словесности и не знал о новом распределении лекций, так как не был приглашаем на занятия Отделения словесности" (*41), произошли новые мате-морфозы. Совет университета, "учитывая труды и звания Гаврилова", предложил попечителю утвердить его в звании экстраординарного профессора, но через две недели Совет принял решение об определении А.М.Гаврилова "учителем истории и географии в Дмитровское уездное училище" (*42). Это решение также было изменено, и в конце концов в ноябре 1835 г. А.М.Гаврилов был уволен из университета и утвержден инспектором во 2-ю московскую гимназию (*43).

Как видно, положение А.М.Гаврилова в университете не было прочным. Он заменил отца на издательском поприще, продолжив издание "Исторического журнала" в 1829 и 1830 годах (*44). "Наследство" оказалось, однако, недолговечным, т.к. 31 декабря 1830 г. министр народного просвещения К.Ливен считал нужным прекратить издание этого журнала (*45). Основанную с 1821 г. преподавательскую кафедру его отца ("теория изящных искусств и археология") занял в конце 1831 г. Н.И.Надеждин. В литературе иногда указывается, что А.М.Гаврилов до 1835 г. читал лекции "славянского языка" (*46). Это не подтверждается, однако, источниками.

Преподавание А.М.Гавриловым "славянского языка", вероятно, не было продолжительным, т.к. уже в ноябрьском номере журнала "Вестник Европы" за 1830 год была объявлена программа конкурса на "опустевшую славянскую кафедру".

До конца 1820-х годов, как можно судить по имеющимся отрывочным данным, "славянская кафедра" в университете весьма слабо отражала рост интереса к зарубежным славянским народам в России. Обращение к старой и новой литературе на церковнославянском языке не могло удовлетворить более широкие общественные запросы. Они были подготовлены специальными публикациями в журналах "Вестник Европы", "Благонамеренный", "Северный архив", "Сын отечества" и др., распространением сведений о деятельности чешских и польских ученых, новостей о сербских восстаниях, о современной славянской литературе (в том числе и написанной на так называемом славяно-сербском языке), а также многообразными проявлениями просто русского национального самосознания. Значительную роль в специальном формировании концепций преподавания славяноведения сыграли достижения русских ученых в процессе возникновения отечественной науки о литературе в 1820-е годы (*47).

Примером нового подхода к задачам славистики явился "Проект ученого путешествия по России, для объяснения древней славянской истории" (*48). В нем подчеркивалась значимость изучения древней славянской истории не только для характеристики современных славянских наречий, но и для выяснения других общих черт славянских народов. Автор проекта призывал к изучению обычаев, преданий, языка сельского населения в славянских странах, топонимики и т.д. В проекте специально подчеркивалось, что обращение петербургских историков к отечественной истории, "не познавши народа", не было успешным.

Представления о необходимости изучения раннефеодального периода всех славянских народов становились традиционными вместе с успехами в исследовании прошлого русского народа, его связей с зарубежными славянами. Вместе с этими успехами необходимо отметить, что специальное освещение истории зарубежного славянства не выходило за рамки публицистических работ. Не случайны поэтому имеющиеся в

работах по истории отечественного славяноведения разногласия при определении первых историко-славистических исследований о зарубежных славянах. Так В.И.Пичета (вероятно, под влиянием Ю.Е.Готье) считал, что работы С.Н.Палаузова 1850-х годов положили начало исторического изучения зарубежного славянства (*49). Более точным в этом отношении является мнение С.А.Никитина, называвшего в качестве первого историка-слависта Ю.И.Венелина (*50). Характерно, однако, что название нашедшей его работы "Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам" (М., 1829) свидетельствовало и о стремлении продолжить традиции изучения русско-славянских связей и отношений.

Помимо историко-славистических исследований Ю.И.Венелин, выпускник медицинского факультета Московского университета, предпринял также попытку организации преподавания славяноведения. 14 марта 1834 г. он обратился в Совет Московского университета со следующим предложением: "Кончив поручение императорской Российской академии объяснением Болгарских грамот, собранных мною в Молдавии, Валахии и Болгарии во время путешествия моего в сих странах в 1830-х и 1831-х годах, и сочинением Грамматики Болгарского наречия, извлеченной из памятников оного и живого употребления, я нахожусь теперь в возможности предложить свои услуги императорскому Московскому университету, если Совету благоугодно будет поручить мне преподавание Славянского языка, доселе непрерывно продолжающегося, то я употреблю все свое старание, чтоб принести пользу слушателям своими сведениями, сколько их имею по сей части. Болгарскую грамматику, мною приготовленную для Академии, при сем имею честь представить в свидетельство оных" (*51).

Отношение Совета университета к прошению Ю.И.Венелина было в тот же день сформулировано в следующем решении: "Так как преподавание славянского языка, существовавшее и прежде в университете, было бы весьма полезно возобновить для полноты филологического изучения языка отечественного, то означенную грамматику болгарскую преподавать г. ор. проф. Давыдову, как профессору языка русского, с тем, чтобы по получении его отзыва сполна при-

ступить к рассуждению о возможности и средствах к поручению преподавания славянского языка г. Венелину" (*52). Ссылка на прежнее преподавание славянского языка, передача грамматики Ю.И.Венелина на отзыв к профессору русского языка - все это свидетельствует о традиционном представлении о преподавании славяноведения.

В 1834 году в ожидании нового университетского устава не было еще ясно намечавшееся изменение структуры преподавания гуманитарных наук. Комитет для устройства учебных заведений, созданный сразу после подавления восстания декабристов, на протяжении долгих лет разрабатывал систему унификации преподавания во всех русских университетах. При этом помимо А.С.Шишкова, энтузиаста "славянских изучений" в противовес влиянию "французских идей XVIII в.", постоянными приверженцами идеи учреждения славянских кафедр выступали также М.М.Сперанский и С.Г.Строганов. В то же время получила распространение и идея акад.Г.Ф.Паррота, пользовавшегося поддержкой императора, о посылке за границу готовящихся к получению профессорского звания, для чего в Дерпте был учрежден Профессорский институт (*53).

В этих условиях Совет московского университета в своем решении о преподавании славяноведения предвосхитил положение утвержденного год спустя устава, опираясь на отзыв проф. И.И.Давыдова. Позиция рецензента, не знавшего болгарского языка, явилась отражением представлений научной общественности того времени. По воспоминаниям Ф.И.Буслаева, относящимся к началу 1830-х годов, И.И.Давыдов был "убежден, что русская словесность в настоящем ее смысле начинается только со времен Петра Великого" (*54). Тем не менее рецензент Ю.И.Венелина высказался за необходимость исторического изучения древних славянских наречий. "Я не думаю, - писал И.И.Давыдов, - что нужно было у нас преподавать грамматику болгарского языка отдельно... Объяснения же соотношений между славянскими наречиями, указание на письменные памятники каждого из оных - вообще История славянских наречий и словесности действительно составила бы новый весьма полезный предмет для учащихся словесным наукам" (*55). Эта направленность отзыва И.И.Давыдова, высказавшего одновременно несогласие с теоретическими положе-

ниями Ю.И.Венелина, была воспринята Советом, в журнале заседаний которого от 2 мая 1834 года было отмечено признание основательности познаний автора болгарской грамматики и необходимости введения нового предмета. В связи с этим было решено: "предложить Венелину составить конспект преподавания истории славянского языка и литературы вообще и представить в Словесный факультет на рассмотрение... с тем, чтобы он, получив требуемый конспект от г. Венелина представил о нем Совету свое мнение" (*56).

21 мая 1834 г. Совет университета направил в отделение словесных наук уведомление о принятом решении, и декан Н.И.Надеждин обратился к Ю.И.Венелину с предложением "составить конспект преподавания истории славянского языка и литературы вообще" (*57). Содержание представленного Ю.И.Венелиным конспекта и его значение в истории отечественного славяноведения освещены в исторической литературе (*58). Особо следует выделить при этом стремление Ю.И.Венелина расширить преподавание славистических дисциплин, не только введя курс истории литературы, но и путем чтения лекций по политической истории славянских народов и специальным историческим дисциплинам.

Хотя попытка Ю.И.Венелина осталась не реализованной, по университетскому уставу 1835 г. учреждалась именно кафедра "истории и литературы славянских наречий". В преддверии официального утверждения устава министр народного просвещения С.С.Уваров 21 июля 1835 г. запросил попечителя Московского университета о предложениях по составу профессоров, направив при этом выписку из проекта устава с указанием предметов и состава факультетов (*59). После переписки с университетом попечитель предложил утвердить профессора М.Т.Каченовского на кафедре "истории и литературы славянских наречий" для чтения этого предмета на третьем году обучения ("полный курс в один год", 4 часа в неделю). При этом предполагалось сохранение за М.Т.Каченовским чтения лекций по "статистике Российского государства", с чем согласился министр С.С.Уваров (*60).

Преподавательская деятельность М.Т.Каченовского на "славянской кафедре" (1836-1842 гг.) противоречиво оценивается в воспоминаниях современников (*61). Многочисленные

его труды славистического характера существенным образом могут дополнить и уточнить оценку места в отечественной историографии так называемой "скептической школы", необходимость чего отмечается в настоящее время.

Утверждение на славянской кафедре М.Т.Каченовского, заканчивавшего свою преподавательскую деятельность, может быть оценено как продолжение традиционных представлений о славяноведении. В середине 30-х годов XIX века в университете занимались славистическими проблемами и профессора, читавшие другие предметы. Так по воспоминаниям Ф.И.Буслаева, поступившего в университет в 1834 году, известный историк М.П.Погодин знакомил студентов с деятельностью зарубежных славистов (*63). Юрист Федор Лукич Морошкин (1803-1857), товарищ А.И.Герцена и один из немногих последователей Ю.И.Венелина, читал римское право и историю российского законодательства, но в отчете о научной работе за 1835 г. указал помимо своих основных занятий и открытие им, ни много, ни мало, места прародины славяно-русов (*64). В это же время в университете подрастало новое поколение славистов (О.М.Бодянский, Ф.И.Буслаев, Н.В.Савельев, Н.Н.Мурзакевич и др.), чему в немалой мере способствовала преподавательская деятельность профессоров, в сфере интересов которых славяноведение не занимало центрального места.

В этих условиях наиболее подходящей оказалась кандидатура М.Т.Каченовского, известного прежними славистическими интересами. Кроме того в середине 30-х годов отношение к нему высшей администрации менялось. В 1808-1821 гг. М.Т.Каченовский читал теорию изящных искусств и археологию, в 1821-1835 гг. - историю, статистику и географию Российского государства, но в первой половине 30-х годов его отстраняли от преподавания русской истории и перемещали временно на другие кафедры. В июне 1835 г. М.Т.Каченовский был утвержден в звании заслуженного профессора и уволен из университета с пенсией, кафедра его была объявлена "праздной", но ему вменялось в обязанность продолжать чтение лекций и разрешалось снова быть кандидатом на кафедру истории, статистики и географии Российского государства (*65). После утверждения на славянской кафедре М.Т.Каченовский был избран в феврале 1836 г. деканом историко-

филологического отделения философского факультета, а после отстранения от службы ректора А.В.Болдырева, цензуровавшего "Телескоп" Н.И.Надеждина и пропустившего "Философическое письмо" П.Я.Чаадаева, профессор истории и литературы славянских наречий был утвержден ректором Московского университета (*66).

В мае того же 1837 г. О.М.Бодянским была защищена магистерская диссертация "О народной поэзии славянских племен", он был направлен за границу с целью усовершенствования и подготовки к профессорскому званию по кафедре истории и литературы славянских наречий (*67). Все надежды университета относительно новой кафедры были связаны с именем О.М.Бодянского, ученика М.Т.Каченовского, которому в силу увеличения административных обязанностей пришлось резко сократить свою преподавательскую деятельность.

Во многих отношениях показателен случай с выполнением "высочайшего повеления" о подготовке казеннокоштных воспитанников университета из Царства Польского к преподаванию славянского языка. После соответствующего распоряжения министра С.С.Уварова ректор университета М.Т.Каченовский вынужден был отвечать попечителю университета, что "по уставу 26 июля 1835 года положена в университете кафедра истории и литературы славянских наречий, преподавание же собственно славянского языка не относится к университетскому курсу" и, поэтому, "для должного исполнения Высочайшего повеления следует назначить с будущего года особого преподавателя для обучения воспитанников Царства Польского славянскому языку, каковая обязанность и может быть возложена на ожидаемого в университете магистра Бодянского, но если он к этому времени не явится, в таком случае предоставить 1-му отделению философского факультета войти в соображение, может ли кто из членов оного занять упомянутый класс, или нужно будет пригласить для того стороннего преподавателя, ибо ректор (т.е. сам М.Т.Каченовский, профессор кафедры истории и литературы славянских наречий - Б.Б.) преподает согласно ст. 86 Устава только половинное число лекций; в истекающем же академическом году ректор примет меры к усилению занятий оканчивающих курс воспитанников Царства Польского по своей кафедре, а ординарный профессор Давы-

дов будет упражнять их письменными переходами славянского текста на русский" (*68).

Отношение царского правительства к славяноведению, к различным тенденциям, проявлявшимся в интересе русского общества к славянскому вопросу, не может быть оценено однозначно. Создание кафедр славяноведения во всех русских университетах, утверждение М.Т.Каченовского деканом, ректором, избрание его 19 октября 1841 г. академиком и ряд других фактов свидетельствуют о стремлении правящих кругов использовать в своих целях новые общественные и научные запросы. Поэтому мало убедительным представляется категорическое заключение С.Б.Бернштейна: "Славяноведение и славянский вопрос всегда вызывали у Николая I подозрение и недоброжелательство" (*69). Соотношение славяноведения и славянофильства, в особенности после "весны народов", может быть предметом специальных исследований о своеобразии их общественного восприятия.

После смерти М.Т.Каченовского в 1842 г. кафедре истории и литературы славянских наречий долгие годы занимал его ученик О.М.Бодянский, сыгравший значительную роль в развитии славяноведения в Московском университете и в России (*70). Он развернул вместе с В.И.Григоровичем, П.И.Прейсом и И.И.Срезневским широкую преподавательскую деятельность, сочетавшуюся с собственными научными изысканиями. При этом было специально выделено зарубежное славянство, что стало новой отличительной чертой отечественного славяноведения, хотя по-прежнему продолжалось и освещение русско-славянских связей и отношений. Научные и преподавательские заслуги знаменитой четверки русских славистов еще в XIX в. получили признание (*71). Их вклад в дело развития университетской славистики становится еще более ясным при рассмотрении предшествующего периода прерывистых и односторонних попыток учреждения славяноведческих кафедр, периода, составившего важное звено в истории становления славяноведения в России.

Рассмотренные в настоящей статье организационные вопросы учреждения славистической кафедры в Московском университете дают лишь ограниченное представление о процессе формирования новой учебной дисциплины. Вместе с

учитывая взаимосвязи между оформлявшимися науками и их преподаванием, можно сделать ряд общих, хотя и предварительных заключений о месте рассмотренного периода в начальной истории отечественного славяноведения.

Значительная роль Московского университета в общественной и научной жизни страны обусловила выдвижение его преподавателей в ряды первых деятелей русского просвещения, в том числе и в области изучения зарубежных славянских народов. Начиная с основателя университета М.В.Ломоносова, обосновавшего ряд важных филологических и исторических положений о славянстве, многие его профессора и воспитанники (П.А.Алексеев, М.И.Антоновский, Е.А.Болховитинов, Н.Н.Бантыш-Каменский, Ю.И.Венелин, А.М.Гаврилов, М.Г.Гаврилов, А.С.Кайсаров, К.Ф.Калайдович, Н.М.Карамзин, М.Т.Каченовский, А.Ф.Малиновский, Ф.Л.Морошкин, Н.В.Савельев, Х.А.Чеботарев, Н.Е.Черепанов и др.) способствовали распространению знаний о зарубежных славянах в России во второй половине XVIII - начале XIX вв. Вслед за первой фазой длительного этапа формирования и становления русского славяноведения наступает переходный период, охватывающий 10-30-е годы XIX в., когда вместе с завершением процесса формирования славистических научных дисциплин были предприняты попытки организации преподавания славистики в ее ограниченном филологическом понимании. Этот период подготовил завершающую фазу становления славяноведения в 1840-1850-е годы, когда закончилось складывание на научной основе комплексных представлений об изучении зарубежных славянских народов. Таким образом, рассмотренный период университетской славистики занимает важное связующее звено в длительном процессе возникновения и формирования славяноведения в России.

*1 Мильников А.С. Проблемы периодизации истории мировой славистики: цели и принципы. - В кн.: Методологические проблемы истории мировой славистики. М., 1978, с.52. Это положение повторяется в коллективной работе: Дьяков В.А., Марков Д.Ф., Мильников А.С. Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой слависти-

стики. - В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с.487. См. также: *Марков Д., Дьяков В., Мыльников А.* Методологические вопросы истории славистики. - Общественные науки, 1978, N 4, с.116.

*2 Методологические проблемы истории мировой славистики, с.97

*3 *Лантева Л.П.* Славяноведение в Московском университете с 1835 по 1917 г. (К постановке вопроса). - ВМУ, 1979, N 2, с.39. Она же. Основные линии развития научного славяноведения в России в XIX - начале XX в. - ВМУ, 1977, N 2.

*4 *Моисеева Г.Н.* Славистика в России XVIII в. - В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с.511.

*5 Там же, с.516

*6 *Лантева Л.П.* Русское славяноведение в конце XIX - начале XX в. (Проблемы истории). - В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с.491-510.

*7 *Кочубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцев. Одесса, 1887-1888.

*8 ЦГИАМ, ф. 459, оп.1, ед.хр.697, т.2, л.136-137. См. также: ф.459, оп.1, т.1, 1829 г., ед.хр.3738 (дело "О смерти орл. проф. Гаврилова и пожаловании вдове его единовременной выдачи и пенсионна").

*9 Московские ведомости, 1779, 23 ноября; Летопись Московского университета. 1755-1979, М., 1979, с.30.

*10 *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972, с.98.

11 ЦГИАМ, ф.459, оп.1, ед.хр.697, т.2 л.136-137.

*12 См.: *Булахов М.Г.* Основные этапы развития славянского языкознания в России (до 1917 г.). - В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978.

*13 *Калоева И.А.* Изучение южных славян в России в конце XVIII - начале XIX в. Труды биб-ки АН СССР и ФБОН АН СССР. М.-Л., 1963, т.7.

*14 *Истрин В.М.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в. - ЖМНП, 1912, сент. с.78-109.

*15 См.: *Батюшков К.Н.* Опытты в стихах и прозе. М., 1977, с.361, 369.

*16 *Кочубинский А.А.* Начальные годы ..., с.50, 250 и др.

*17 Биографический словарь профессоров Московского университета. М., 1855, т.1, с.19. Автором статьи о М.Г.Гаврилове был его сын.

*18 В связи с этим небезынтересно воспоминание М.П.Погодина, учившегося у профессора славяно-русской словесности М.Г.Гаврилова: "Славянский язык он превозносил как материал для высокого слога, не упоминая даже имени Кирилла и Мефодия, и любимым примером для доказательства было изречение: "юная дева трепещет", сравнительно с - "молодая девка дрожит". Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1888, т.1, с.38. Сравни у А.С.Пушкина: "Здесь девы юные цветут для прихоти бесчувственной злодея". ("Деревня").

*19 Воспоминание о первом издателе сего журнала. - Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. М., 1829, январь, ч.1, кн.1, с.60.

*20 Министр А.К.Разумовский, в юности воспитывавшийся за границей, в майском (1811 г.) докладе императору "является нам совершенно в новом свете, он представляется чуть ли не славянофилом, или, вернее, так как эти два понятия часто у нас смешивают, чисто русским человеком". См.: *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880, т.2, с.85.

*21 ЦГИАМ, ф.459, оп.1, ед.хр.53, 1813 г., л.7-9. Здесь упомяната также очень интересная цифра - 465 подписчиков журнала на 1813 г.

*22 См.: Московские ведомости, 1813, 30 августа.

*23 Летопись Московского университета ..., с.49.

*24 *Паначин Ф.Г.* Педагогическое образование в России. Историко-педагогические очерки. М., 1979, с.19.

*25 Исторический, статистический и географический журнал ..., 1829, ч.2, кн.1, с.34-48.

*26 Не останавливаясь на этой теме, упомянем решение "публичной задачи Московского университета" Михаилом Антоновским, который в работе "Когда словене переселились в Россию, и кого летописец Нестор называет Волохами?"

(СПб., 1806) предвосхитил некоторые построения Ю.И.Венелина 1820-1830-х годов.

*27 Еще в донесении попечителя университета П.Г.Кутузова министру А.К.Разумовскому от 7 сентября 1811 г. отмечалось, что учреждение "славянской кафедры" произвело "приятнейшее впечатление во всех наших русских профессорах, так что в Совете все изъявили и радость, и благодарность... за такое патриотическое постановление". Вместе с тем попечитель писал: "Но не скрою и того, что немцы все молчали и хранили благопристойность; единый г.Буле возопиял громко: "Это не в порядке, это не по уставу! Сей статьи и кафедры там нет, а устав высочайше утвержден, и сам министр не имеет права сего делать в отмену устава" и проч., при сем крайне горячился, кричал и побуждал других быть с ним одного мнения". Цит. по: *Васильчиков А.А. Семейство Разумовских.* СПб., 1880, т.2, Приложения, с.349.

*28 ЦГИАМ, ф.459, оп.1, ед.хр.1677, л.3.

*29 ЦГИАМ, ф.459, оп.1, ед.хр.1677, л.4 (министр А.Голицын - попечителю университета А.Оболенскому, N 3746 от 22 ноября 1821 г.).

*30 ЦГИАМ, ф.459, оп.1, т.1, 1821 г., ед.хр.1621 (дело "О воспреещении пропускать сочинения, касающиеся до политического состояния крестьян в России, об истребовании по сему случаю объяснения от цензора Черепанова и о неизбрании его за сие ни в деканы, ни в цензоры, а издателю Гаврилову о сделании выговора"). В университете молодежь воспринимала это иначе. Так, в дневнике М.П.Погодина 15 декабря 1821 г. было отмечено: "... хохотали над тем, что Черепанов и Гаврилов, одни из самых боязливых и преданных престолу людей, пожалованы в либералы." Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина, т.1, с.38.

*31 ЦГИАМ, ф.459, оп.1, т.1, 1819 г., ед.хр. 1264. Императорским указом коллежский советник М.Г.Гаврилов был награжден орденом св. Владимира.

*32 Воспоминание о первом издателе..., с.66-67.

*33 "В 20-х годах XIX ст. он представлял собою на кафедре уже притчу во языцех. Студенты засыпали на его лекциях или развлекались тем, что приглашали на его лекции товарищей с других факультетов, чего профессор не выносил, и

весь час проходил в том, что студенты ежеминутно указывали профессору на того или иного "чужака", профессор прерывал чтение, торжественно выводил "чужака" из аудитории: "вот и еще чужак", и профессор опять приходил в волнение. Комедия продолжалась, пока звонок не возвещал о конце лекции". Цит. по: Московский университет. 1755-1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930, с.68, 86.

*34 Сведения Н.Н.Мурзакевича, относящиеся к 1828 г., о том, что на лекциях М.Г.Гаврилов читал псалтырь (см.: Русская старина, 1887, к.1-4), послужили основанием для характеристики последнего как "бесталанного эстетика" в книге А.А.Кочубинского "Начальные годы русского славяноведения ...", с.250, а также с.50-52.

*35 Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811-1911. М., 1911, с.73. Знаменательны два совпадения: в 1811 г. были созданы Общество любителей российской словесности и кафедра славяно-русской словесности в Москве, а в австрийском городе Граце словенский просветитель Я.Примиц начал преподавание словенского языка в университете. См.: *Slodnjak A. Slovensko slovstvo*. Ljubljana, 1968. В одном из сообщений отмечалось, что в Граце нет славян, "но ссть кафедра языка славянского". - "Московский вестник", 1830, ч.2, N 8, с.395.

*36 Воспоминание о первом издателе ..., с.59.

*37 А.М.Гаврилов родился в Москве 19.II.1795 г., окончил гимназию при университете, в 1810-1814 гг. учился на словесном отделении, которое окончил кандидатом, с 1818 г. - магистр, с 1828 г. - адъюнкт. В 1814-1825 гг. преподавал словесность в Благородном пансионе, в с 1826 г. - в университете, преимущественно для студентов I курса медицинского факультета (ЦГИАМ, ф.418, оп.3, ед.хр.328; ф.418, оп.4, ед.хр.333, л.38 и др.). А.М.Гаврилов являлся также "соревнователем" Общества любителей российской словесности с 26.II.1816 г., а в марте 1829 г. стал его действительным членом (Московские ведомости, 1829, N 61).

*38 Шишкова Э.Е. Московский университетский Благородный пансион. (1776-1831). - ВМУ, 1979, N 6.

*39 Насонкина Л.И. Указ, соч., с.93.

*40 Насонкина Л.И. Указ, соч., с.93.

*41 ЦГИАМ, ф.418, оп.3, ед.хр.328, л.1.

*42 ЦГИАМ, ф.418, оп.3, ед.хр.187, л.1-3.

*43 ЦГИАМ, ф.418, оп.4, ед.хр.377, л.1-4. См. также: *Гулевич С.* Историческая записка о 50-летию Московской 2-ой гимназии. 1835-1885.М.,1885.

*44 ЦГИАМ, ф.458, оп.1, ед.хр.3768.

*45 ЦГИАМ, ф.459, оп.1, ед.хр.3970, л.1-7. Отмечая размер убытков за пять лет в сумме 6618 руб.77 коп., попечитель писал министру: "Неоспоримо, что Московский университет с начала издания журналов, из числа коих остался один только Исторический, с 1790 года существующий, приносил пользу как наукам, так и самому университету, который возбуждал соревнование к изданию журналов и в других университетах, но с умножением периодических изданий, более старающихся угодить вкусу читающей публики. Исторический журнал потерял свою цену, и дальнейшее его издание кроме убытка не может принести желаемой пользы, почему продолжение или прекращение одного представляю разрешению Вашей светлости". На это министр К.Ливен указал: "... я нахожу нужным печатание сих журналов прекратить".

*46 Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811-1911, с.72.

*47 См.: Возникновение русской науки о литературе. М.,1975.

*48 Сын отечества, 1820, N 33, с.289-312. Необходимость путешествий по славянским землям была признана Министерством народного просвещения, командировавшим в 1817-1822 гг. М.Бобровского, готовившегося к преподаванию в Виленском университете, и А.Кухарского, путешествовавшего в 1825-1829 гг. Последним была опубликована "Программа и система славянской филологии". См.: Московский вестник, 1830, N 8.

*49 *Пичета В.И.* К истории славяноведения в СССР. - ИМ, 1941, N 3, с.40.

*50 Очерки истории исторической науки в СССР, т.1, М., 1955, с.496.

*51 ЦГИАМ, ф.418, оп.3, ед.хр.84 (дело "О препоручении преподавания славянского языка при Московском университете лекарю Юрию Венелину"), л.1.

*52 ЦГИАМ: ф.418, оп.3, ед.хр.84, л.2-2 об.

*53 Русская старина, 1885, февраль, с.265-266. Хотя это касалось прежде всего естественных наук, уже в 1827 г. П.И.Кеппен, советовавший А.С.Шишкову пригласить зарубежных славистов, действовал и в другом направлении. 27.1.1827 г. он запрашивал М.П.Погодина: "Есть ли в Московском университете молодые люди, которые могли бы объехать славянские земли и которые могли бы со временем быть профессорами славянской литературы по всем наречиям." Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина, т.2, СПб., 1904, изд.2, с.150.

*54 Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897, с.122.

*55 ЦГИАМ, ф.418, оп.3, ед.хр.84, л.4-4 об. Позиция И.И.Давыдова, выраженная в отзыве, находила приложение в его научных и преподавательских занятиях. См.: Давыдов И.И. Составные начала и направление древней отечественной словесности. - Уч. зап. имп. Московск. ун-та, 1834, ч.3. Он же. Чтения о словесности. М., 1837 (курс первый).

*56 ЦГИАМ, ф.418, оп.3, ед.хр.84, л.5-6.

*57 ЦГИАМ, ф.418, оп.3, ед.хр.84, л.8 (черновик); Древности. Труды СК МАО, 1898, т.2, с.121. В 1835 г. Н.И.Надеждин приветствовал учреждение славянской кафедры в "Телескопе", однако, отзыв о конспекте Венелина в архиве университета обнаружить не удалось.

*58 См.: Лантева Л.П. Славянская комиссия Московского университета (1892-1915). - ВМУ, 1979, N 6.

*59 ЦГИАМ, ф.459, оп.2, ед.хр.1, л.1-1 об. (дело "О распределении кафедр в Московском университете и о прочем").

*60 Там же, л.2-4, 18, 24, 74, 88, 92 и др.; ф.418, оп.4, ед.хр.398, л.32 и др. Утвержденный императором 26 июля 1835 г. устав вводился в полном объеме лишь с 1836 г. Согласие министра на чтение М.Т.Каченовским лекций по статистике сопровождалось оговоркой: "без производства ... особого за сие жалованья".

*61 В литературе широко распространены мемуарные свидетельства о чтении М.Т.Каченовским славянских наречий "по немецкому учебнику Шафарика". Против этого выступал его сын. См.: *Каченовский В.М.* Михаил Трофимович Каченовский. 1775-1842. По биографическим трудам Соловьева, Погодина, Давыдова, Кавелина и личным воспоминаниям. М., 1892, с.12-13. Для преподавания славистики в 1830-е годы использование работ Шафарика было, по существу, прогрессивным явлением.

*62 *Шевцов В.И.* "Скептическая" школа М.Т.Каченовского в оценке В.С.Иконникова. - В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976, с.80-88. Необходимо отметить, что, если в дореволюционной историографии (Кочубинский А.А. Начальные годы ...) был выдвинут весьма смелый тезис о непосредственной связи публицистической деятельности М.Т.Каченовского в "Вестнике Европы" с образованием декабристского общества соединенных славян, то в современной историографии славистические работы М.Т.Каченовского не подвергались, к сожалению, развернутому анализу.

*63 "Является Михаил Петрович на кафедру, - вспоминал Ф.И.Буслаев, - и вместо исторической лекции начинает нам рассказывать о Шафарике, Палацком, Ганке, Вуке Караджиче и других знаменитых ученых славянских, с которыми он познакомился в свою поездку за границу, откуда только что воротился. 30-е годы было время самое бойкое для возрождения славянской народности в науке, литературе и политике. Это великое дело только еще тогда начиналось: и вот мы студенты - в первый раз в жизни услышали имена знаменитых славянских деятелей ... и тогда же мы узнали, что Шафарик готовит к печати свои Славянские древности, в которых он докажет всему миру, что не немцы, а славяне были сторожилами и хозяевами всех тех областей, где потом очутились насильниками и господами немцы; ... что Палацкий работает над историей чешского народа и что искалеченный Вук Караджич, подпираясь своими костылями исходил всю сербскую землю и собрал сокровища сербской народной поэзии". - *Буслаев Ф.И.* Мои досуги, ч.2, М., 1886, с.254.

*64 ЦГИАМ, ф.418, оп.4, ед.хр.333, л.175. По словам Ф.Л.Морошкина он "открыл первоначальное отечество (происхождение) Руса, откуда пошла Русская земля (на берегах Одера) ..."

*65 ЦГИАМ, ф.418, оп.4, ед.хр.144, л.23.

*66 Летопись Московского университета ..., с.66.

*67 *Алексашкина Л.Н.* О.М.Бодянский. Из истории возникновения славяноведения в России. - В кн.: Проблемы всеобщей истории. М., 1973, с.195-212.

*68 ЦГИАМ, ф.459, оп.2, ед.хр.397, л.3,3 об. (М.Т.Каченовский попечителю университета от 3 марта 1841 г.).

*69 *Бернштейн С.Б.* О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения. - ВМУ, сер. Филология, 1979, N 4, с.6.

*70 *Алексашкина Л.Н.* О.М.Бодянский - первый славист Московского университета. - ВМУ, 1973, N 5.

*71 В современной историографии можно выделить, помимо вышеупомянутых работ, кандидатские диссертации: *Алексашкина Л.Н.* О.М.Бодянский и его роль в развитии русско-чешских связей (40-е - 70-е годы XIX века). М., 1973; *До-сталь М.Ю.* И.И.Срезневский и его роль в развитии русско-чешских научных и культурных связей в 40-70-е годы XIX в. М., 1977; и цикл работ А.В.Сергеева о В.И.Григоровиче, в особенности: *Сергеев А.В.* Исторические взгляды В.И.Григоровича. Казань, 1978; а также исследование болгарского филолога Л.Минковой, оригинальное по замыслу и исполнению "Осип Максимович Бодянский и Българското възраждане" (София, 1978).

1983

Основные проблемы развития культуры славянских и балканских народов в XVIII - XIX веках*

В настоящее время происходит выделение истории культуры в самостоятельную отрасль исторической науки, что требует уточнения параметров этой дисциплины и определения ее соотношения со смежными гуманитарными науками. В странах Западной Европы ведется, хотя и с разной степенью интенсивности, широкомасштабное исследование истории культуры, материальной и духовной, профессиональной и бытовой. Предприняты первые попытки такого освещения культуры и в СССР (*1). История культуры призвана изучать явления, черты и компоненты, объединяющие в целостную систему духовный процесс, представляющий собой осознание обществом себя и освоение окружающего мира (разные формы общественного сознания); деятельность по материализации результатов познания и отражения жизни, а также их распространению в обществе (издательское дело, периодическая печать, школа, музеи, библиотеки и другие учреждения); преобразование типа личности как цель такой деятельности, итог ее воздействия на людей.

В литературе есть множество определений культуры, взаимоисключающих или дополняющих друг друга. При всей полярности мнений четко обозначились понимание духовной культуры как сложной, многогранной, но внутренне целостной системы. Такое видение культуры остается, однако, в пределах абстрактно-теоретических построений и не получило должного развития в практических исследованиях. В конкретно-исторических работах используется традиционная схема изучения теории культуры по "видам". Подобный метод неоднократно подвергался критике со стороны историков культуры (*2). "Повидовой" подход, по существу, дублирующий предмет и методику исследования других наук - литературоведения, искусствоведения, музыковедения и т.д., - не позволяет показать

целостность культуры, выделить в ней главный, системообразующий компонент и раскрыть взаимодействие всех структурных элементов.

В последнее время наблюдается повышенный интерес к духовному развитию различных народов в переходные исторические эпохи. Появилось немало работ и о состоянии отдельных видов культуры или их совокупности у славянских и балканских народов в XVIII - XIX веках (*3). В то время с изменением социально-экономического характера общества у славянских и балканских народов происходила смена исторических типов культуры. Духовная культура этих народов, представляя особую сферу жизни, характеризовалась сочетанием социальных, национальных и общечеловеческих черт.

Периодизация развития культуры опирается на общеисторическую, но имеет и относительно самостоятельный характер; при этом ее рубежи еще более условны, чем, например, политических процессов. Показателем зарождения в рамках феодальной формации исторического типа культуры, свойственного начавшему складываться капитализму, было возникновение нового, отличного от феодальных стереотипов, мировоззрения. У славянских и балканских народов в XVIII в. начавшиеся перемены давали о себе знать в зарождении на первых порах робких бессистемных рационалистических идей (так было у сербов в 60-е годы XVIII в.), в первых проблесках национального сознания, которое получало выражение в разных формах от выступлений в защиту родного языка (знаменитые "защиты" чешских мыслителей) до страстных призывов к "пробуждению" своего народа (1762 г. - "История славяноболгарская" Паисия Хилендарского).

Показателем утверждения исторического типа культуры, свойственного капитализму, у славянских и балканских народов было принципиальное расширение социального состава культуры (в том числе появление рабочей печати, литературы, просветительских обществ и т.д.). В Центральной и Юго-Восточной Европе (*4) 70-80-е годы XIX в. - рубеж, означавший утверждение здесь капитализма. Содержание культуры в указанные годы отразило реальную социальную структуру общества. Правда, общественно-политические условия жизни некоторых изучаемых нами народов были таковы, что они

сложились в нации много позднее. Хорватская нация, например, из-за обособленности Далмации и особенно Истрии окончательно оформилась только в годы первой мировой войны. В таких условиях завершение складывания национальной общности хорватской культуры протекало уже в XX веке.

В Центральной Европе смена общественных формаций произошла в ходе буржуазных революций 1848-1849 годов. Победа капитализма в историко-культурном развитии означала превращение буржуазной культуры из подчиненной и подавляемой в господствующую. Закрепив экономические позиции, молодая буржуазия старалась сделать духовные формы своей жизни - интеллектуальные ценности, этические нормы, право и т.д. - всеобщими. У славянских и балканских народов развитие культуры было тесно связано с этапами национально-освободительной борьбы и в конечном счете определялось ими: менялись социальные основы профессиональной культуры (*5), ее общественное наполнение, решаемые ею задачи. На историческую арену выступали новые слои населения, которые в результате социальной активности не только косвенно влияли на культурный процесс, оживляя его, но и вносили с помощью "своей" интеллигенции прямой вклад в профессиональную культуру.

Особенно отчетливо это проявилось с оформлением революционной демократии - идеолога и руководителя трудящихся масс города и деревни. В польских условиях ее отряды сложились в 30-40-х годах, в Венгрии и Дунайских княжествах, революционная демократия появилась в 40-е годы, а в Сербии, Боснии и Герцеговине, Болгарии - в 60-70-е годы XIX века. Революционные демократы на теоретическом уровне оформили интересы, запросы и вкусы трудящейся части населения и обогатили принципиально новыми положениями общественную мысль, науку, эстетику, дали импульс дальнейшему развитию периодической печати; талантливые поэты и прозаики создали высокохудожественные образцы литературы. Национальные культуры поднялись на новый уровень, выросло воздействие народных масс на культурный процесс.

В рассматриваемое время борьба угнетенных народов за освобождение переживала подъемы и спады, мирные периоды и годы вооруженных конфликтов и столкновений.

Столь же неравномерно протекало культурное развитие. Национальный подъем давал импульсы процессам во всех сферах жизни, особенно в духовной. У чехов, хорватов, словаков, словенцев национально-освободительные движения на начальной стадии во второй четверти XIX в. имели культурно-просветительную форму. Эти народы добивались укрепления национальных позиций в сфере культуры. У других народов, а в дальнейшем и у чехов, словаков, хорватов и словенцев культурно-просветительная деятельность являлась важным, но не единственным направлением национально-освободительных движений.

В Сербии в ходе освободительной борьбы 1804-1813 гг. тема героизма получила дальнейшее развитие в фольклоре, был создан цикл песен о народном восстании. В революционные 1848-1849 гг. в славянских землях Австрийской империи утвердились позиции национальных литературных языков, настоящий расцвет получила прогрессивная публицистика, появились новые литературные жанры и т.д. И все же не духовные достижения в конечном итоге определяли участь народов.

Судьбы самой культуры зависели от успехов освободительной борьбы. Следствием поражения революций 1848-1849 годов в Центральной Европе было закрытие национальных газет и журналов, падение издательской деятельности, прекращение работы многих культурных учреждений и т.д. Что же касается Балкан, там поражение освободительных восстаний вообще влекло за собой разгул османского террора и насилия. Вооруженные конфликты оказывали на культуру разрушительное влияние. В сражениях и стычках гибли лучшие представители интеллекта наций. Военные действия не щадили памятников искусства, архитектуры и иные культурные ценности.

Теснейшая связь культуры и национально-освободительных движений особенно наглядно проявилась в том, что видные деятели культуры, как правило, были одновременно руководителями или активными участниками национально-освободительной борьбы. Достаточно назвать имена поляка И.Лелевеля, чехов Ф.Палацкого и П.Й.Шафарика, словака Л.Штура, венгра Ш.Петефи, словенцев Ф.Прешерна и Ф.Левстика, хорватов Л.Гая, И.Кукулевича-Сакцинского и Ф.Рачки, сербов Й.Суботича и Й.Йовановича Змая, болгар

Х.Ботева и Л.Каравелова, румын Н.Бэлческу и М.Когелничану, грека К.Ригаса Велестинлиса.

Освободительные восстания и революции даже в случае их поражения потрясали душу и поднимали самосознание народов на новый уровень, способствуя их освобождению от исторически изживших себя идеалов и продвижению по пути более глубокого познания актуальных задач. В этой связи трудно согласиться с периодизацией историко-культурного развития славянских народов в XVIII-XIX вв., данной В.И.Злыдневым в работе "Типологическая близость культур западно- и южнославянских народов в эпоху формирования наций" (*6). Он датирует начало формирования национальных культур у славян серединой - 70-ми годами XVIII в., завершение - 60-70-ми годами XIX в. и при этом внутри переходного периода выделяет "эпоху Просвещения" и "эпоху Романтизма", граница между которыми - 30-е годы XIX века. Такая периодизация не принимает во внимание смену формаций, а также революционные события национального и общеславянского масштабов.

В литературе высказаны разные мнения о временных рамках национального возрождения, о соотношении его с Просвещением и вообще о правомерности употребления этого понятия к историко-культурному развитию поляков, греков, венгров и некоторых других народов. Национальное возрождение или, национальное пробуждение славянских и балканских народов имеет в основе развитие капитализма, формирование наций и подъем национально-освободительных движений. Большинство исследователей ограничивают национальное возрождение для подавляющего числа народов временем с конца XVIII в. до середины XIX в., в некоторых конкретных случаях - до 70-х годов XIX века. Албанцы переживали этот процесс в начале XX века. Причем задачи, свойственные этой фазе капитализма, решались в рассматриваемых землях на протяжении всего XIX и начала XX века.

В.А.Дьяков, сопоставляя Ренессанс и национальное возрождение в Центральной и Юго-Восточной Европе, подчеркнул, что "речь идет о явлениях, которые хотя и не синхронны, но однотипны по своей основной социальной сущности и по некоторым проявлениям в социально-

экономической сфере и имеют определенное сходство в области политики, идеологии и культуры" (*7). В то же время попытка провести аналогию между "национальным возрождением" и классическим Ренессансом встретила возражение в печати (*8). В статье В.А.Дьякова и В.И.Фрейдзона "Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX веке" сформулировано положение об аналогичности основного содержания исторического процесса в период западноевропейского Возрождения и Просвещения и "национального возрождения" в Центральной и Юго-Восточной Европе (*9).

Культура западноевропейского Ренессанса и формирующиеся новые культуры славянских и балканских народов эпохи национального пробуждения принадлежат к одному историческому типу, а именно, к типу культуры капитализма. В этом широком смысле они имеют общие типологические черты. Однако культура Ренессанса возникла на раннекапиталистической стадии развития, в некоторых странах - на обратной ее стадии, в то время как становление национальных культур в Центральной и Юго-Восточной Европе протекало с самого начала в условиях необратимости развития капиталистических отношений в самих этих землях, на базе формирования капиталистического уклада, в обстановке победы капитализма в наиболее продвинувшихся странах Запада. Кроме того, Польша, Венгрия, Чехия прошли ренессанский этап, хотя и с разной степенью выразительности, еще в XV-XVI веках. В Чехии всенародный размах получила Реформация, тогда же гуманистические черты проявились в общественной мысли и других народов Центральной Европы. Умеренные реформационные движения затронули Польшу, Венгрию, Словению, Хорватию. Несмотря на победу контрреформации, они тем не менее оставили след в культуре.

В отличие от культуры Ренессанса с ее нерасчлененностью основных сфер и моностилем культура национального возрождения характеризовалась разделением науки, искусства и религии, дифференцированностью научных знаний, стилевой многоликостью. Это были разные гуманитарные системы: в центре первой стоял индивидуализированный человек, в центре второй - судьбы народов. Культура Ренессанса при всем ее

величии по своему содержанию, решаемым задачам и адресату носила элитарный характер, новая профессиональная культура в Центральной и Юго-Восточной Европе по целям деятельности, ценностным категориям и воздействию была ориентирована на все общество, на весь этнос. Все это не отрицает сознательного обращения славянских и балканских деятелей XVIII-XIX вв. к великим достижениям западного и отечественного Ренессанса и воскрешения некоторых его черт.

В силу конкретных условий, не в последнюю очередь благодаря общеевропейской общественной и культурной ситуации, славянские и балканские народы, пробудившись в XVIII в. к национальной жизни, стали создавать свои культуры на общеевропейском, более высоком уровне развития (их питала уже идеология просвещения), нежели западные народы в XIV-XVI веках. Поэтому уже к концу XVIII в. стало возможным синхронное сближение стадий культурного процесса в Западной и Восточной (в широком значении слова) Европе. В дальнейшем процесс синхронизации развития культур европейских народов стал еще более очевидным.

В научной литературе понятия: "эпоха Просвещения", "эпоха романтизма" нередко отождествляются с понятиями "Просвещение", "Романтизм". Представляется, однако, что первые дефиниции по содержанию шире вторых. Просвещение и романтизм как идейно-художественные системы были показателями обновления духовной жизни общества, но в эти же годы не только наличествовали, но и развивались традиционные и переходные формы.

Социальная многоукладность культуры, с точки зрения выражения в ней разных потребностей и интересов, отнюдь не означает, что она распадается на социально изолированные комплексы. Не говоря уже о взаимодействии классовых компонентов, в культуре всегда существуют межклассовые, межнациональные и общечеловеческие ценности - научные истины, художественные открытия, определенные нравственные нормы, культурные институты. Духовное достояние, выработанное многовековым опытом человечества при всех антагонизмах и конфронтациях, выполняло связующую роль между людьми в пространстве и во времени.

Вопрос о соотношении классового, общенационального и общечеловеческого в культуре требует углубленного изучения. Представляется, что это соотношение зависит от конкретно-исторической ситуации, поэтому в рассматриваемое время в землях Центральной и Юго-Восточной Европы, в условиях формирования наций и их борьбы против феодализма (или его остатков), абсолютизма и национального угнетения, особое звучание получил лозунг национальной культуры, который тогда имел широкий общедемократический, общенациональный освободительный смысл. Деятельность по защите и созданию национальной культуры стала доминантой культурного процесса.

В новых условиях последовательно возрастал объем светской профессиональной культуры и расширялась ее социальная адресованность. Процесс формирования национальных культур протекал путем преодоления регионального сознания, провинциальных различий в литературном языке, локальной обособленности художественных школ в искусстве и т.д. Творческие деятели, движимые национальным самосознанием, в своей ориентации на нацию поднимались до общенациональных задач, и их культурная практика получала общенациональное значение.

Но вопрос о социальном адресате творческой деятельности имел и другой аспект. Наиболее дальновидные представители новой культуры уже на стадии Просвещения стремились выйти на путь прямого общения с широкими кругами читателей и зрителей в соответствии с просвещенческой доктриной "воспитания" общества в духе новых идей и интеллектуального развития. Выдающийся представитель сербского Просвещения Д.Обрадович призывал современников писать "для сербов-крестьян, для которых мы должны много стараться и трудиться, потому что в каждом народе крестьян большинство, и подавляющее большинство" (*10). Этому служили и языковые средства, и литературные жанры (моралистическая притча, басни и т.д.), и доходчивый характер изложения с использованием народных пословиц, поговорок, изречений. В период национального подъема (30-40-е годы XIX в.) с возникновением и развитием романтизма простой народ стал привлекать пристальное внимание прогрессивных общественных дея-

телей в контексте национальной идеи. На широкую демократическую аудиторию был ориентирован, например, чешский театр, занявший особое место в культуре национального возрождения (*11).

С новых позиций подошли к проблеме "культура - общество" революционные демократы. Они видели задачи периодической печати, литературы, искусства в подготовке трудящихся к революционной борьбе за социальное и национальное освобождение, причем в своей деятельности они сознательно обращались к трудящимся массам разных национальностей. Этими принципами руководствовались сербы Св.Маркович и В.Пелагич, болгары Х.Ботев и Л.Каравелов (*12). Реформы литературных языков, развернувшиеся в конце XVII-XIX в. у сербов, хорватов, словенцев, словаков, болгар, греков и объективно проистекавшие из процесса складывания наций, субъективно были направлены на приближение литературы к широким слоям населения.

В рассматриваемое время христианская церковь разных конфессий продолжала апеллировать к массам, церковная дидактика была направлена прежде всего на поддержание в прихожанах в новых условиях христианских идеологических, этических и эстетических норм, которые включали, однако, и выработанные веками общечеловеческие ценности, а также в обстановке национального угнетения, там, где церковь занимала патриотические позиции, - на поддержание в народе исторического сознания. Но положение церкви и, следовательно, ее влияние в культуре в разных ситуациях не были одинаковыми. В Болгарии развернувшееся в середине XIX в. церковное движение за отделение от Константинопольской патриархии стало важным направлением национально-освободительного движения. В Венгрии католическая церковь была одним из оплотов Габсбургов.

Религиозность пронизывала бытовую культуру, но если в Центральной Европе она оставалась фактом обыденно-бытовой жизни, то на Балканах в условиях османского насилия и произвола религиозные чувства были одним из факторов, побуждающих к общественным действиям. На протяжении переходного периода шел процесс модернизации церковной культуры, идеологическую сердцевину которой составляла

религия. Если в условиях феодализма церковная культура воплощала господствовавшие в нем интеллектуальные и нравственные установки, то с победой капитализма религиозный комплекс все больше приспособлялся к потребностям национальной буржуазии, однако лишь в той мере, в какой это допускалось условиями инационального господства.

В условиях Центральной и Юго-Восточной Европы при отсутствии у ряда этносов дворянства, протекавшей денационализации части имущих классов, народный (по существу, крестьянский) слой нес не только социальную, но и основную этническую нагрузку в культуре вообще. До смены формаций в тех обществах, где имелось национальное дворянство - на польских землях, в Венгрии, Хорватии и в Дунайских княжествах, - господствовала феодальная дворянская культура. Во второй половине XIX в. сохранившийся от прежних времен, но изменившийся в новых условиях капитализма помещичий класс тормозил развитие духовной жизни.

В Польше, Венгрии, Хорватии и в Дунайских княжествах буржуазия в начале переходного периода не была самостоятельно представлена на профессиональном уровне духовной культуры. Существовал буржуазно-дворянский или буржуазно-шляхетский слой культуры, в котором, постепенно усиливаясь, в конечном итоге возобладаало буржуазное содержание. Так, М.Когельничану - мыслитель, историк, публицист - в 50-е годы XIX в. во всех сферах деятельности выступал как яркий представитель буржуазной румынской культуры времени ее формирования. В культурах других этносов с начала переходного периода последовательно возрастала роль буржуазного слоя.

Как уже отмечалось выше, в духовной сфере революционно-демократическая интеллигенция представляла интересы трудящихся масс на профессиональном уровне, в результате чего содержание профессиональной культуры в большей степени стало соответствовать социальному составу общества и отражать его. Но и до появления революционной демократии черты духовного облика трудящихся масс проникали в профессиональную культуру. Процесс формирования наций, большинство которых составляло крестьянство, размах, особенно на Балканах, народных волнений, участие хотя в разных

конкретно-исторических условиях и в неодинаковой степени в национально-освободительных движениях крестьян и ремесленников - все это заставляло передовых представителей культуры проявлять интерес к жизни и настроениям простого народа, а наиболее дальновидных - в какой-то мере и выражать его чаяния.

Но даже при искреннем желании сделать для крестьян доступными достижения мировой культуры, при всем понимании значимости крестьянского вклада в духовную жизнь общества представители прогрессивного направления, ввиду их исторической ограниченности и сохранявшихся идейных связей с имущими классами, были способны отразить лишь некоторые аспекты жизненных запросов и вкусов трудящегося населения, включая их в общую гамму настроений национальных сил.

В переходную эпоху от феодализма к капитализму в Центральной и Юго-Восточной Европе шел процесс вкладывания национальной общности культуры каждого этноса. Формирование этой общности проявлялось в развитии общенационального литературного языка и утверждении его в разных сферах общественной жизни. В различной ситуации этот процесс протекал не одинаково - от обновления архаичных норм литературного языка, сложившегося в предшествующие эпохи, до его создания на основе народной речи. Преодоление раздробленности духовной культуры находило выражение также в создании институций и учреждений с общенациональными функциями - школы, основанной на единых принципах учебного процесса, периодической печати, разного рода культурных заведений.

Переходная эпоха характеризовалась наличием в профессиональной культуре старых и новых форм. В условиях национального угнетения в разных ситуациях и на разной стадии развития отношения между ними были неоднозначными - от открытого противоборства до сосуществования, и в результате частичной трансформации старой культуры - до их взаимопроникновения. Духовная жизнь прогрессивных сил, в свою очередь, была наполнена противоборством. В основе его лежали реальные, земные интересы людей, групповые, локальные, отражающие разную степень зрелости их носителей. Со-

циальные коллизии иногда получали достаточно завуалированную форму и протекали в разных плоскостях, то в виде столкновения различных концепций языкового развития, то в виде литературной борьбы, то в виде противостояния абстрактным общественным доктринам и т.д. Идеи славянской общности находили прямое отражение в литературной и шире - в культурной практике. Борьба, которая развернулась в славянской публицистике 40-х годов XIX в. по вопросу о структуре славянства и в связи с этим о праве народов на самобытную духовную жизнь, отразила противоречия в процессе поступательного развития славянских национальных культур.

В переходную эпоху, когда борьба против феодализма сочеталась с борьбой за обеспечение самой возможности национального существования, культура славянских и балканских народов развивалась под знаком приоритета общенациональных задач, общенациональных интересов и ценностей. Угнетенное положение народов создавало определенный социально-психологический фон, который налагал отпечаток на внутренние духовные коллизии, порой смягчая и сглаживая их.

Общая культурная ситуация особым образом преломлялась в эстетической сфере, в стилевом облике художественной культуры славянских и балканских народов в последних десятилетиях XVIII - 70-х годах XIX в., который характеризовался сложным сплетением и взаимным дополнением разных направлений, хронологически сменявших и взаимоисключавших друг друга в Западной Европе. Представители Романтизма при всем их новаторстве и отрицании рационализма XVIII в. находили в художественном наследии Просвещения принципы и формы, созвучные потребностям общественного подъема первой половины XIX века. С Просвещением было связано зарождение идей раскрепощения мысли и свободы духа, защиты родного языка, возрождения и обогащения или создания литературного языка на народноречевой основе, гражданственности, национального единства и т.д.

В условиях жизни славянских и балканских народов в рассматриваемое время, при нерешенности или недостаточном разрешении актуальных общественных задач, смена разных стадий в развитии национальной культуры проходила не только путем преодоления исторически пройденных, но и углуб-

ленной переработке достигнутых форм. Литература южных славян 60-70-х годов XIX в. пережила новую волну романтизма при зарождении реалистической эстетики. В творчестве выдающихся поэтов болгарина Х.Ботева, сербов Й.Йовановича Змая и Дж.Якшича сочетались романтические и реалистические черты. Эти особенности эстетического сознания коренились в общественной атмосфере тех лет, отмеченной взлетами и драматизмом национально-освободительной борьбы, ее героическими и социальными идеалами.

В исследованиях о литературе славянских и балканских народов в XIX в. широкое распространение получило положение об ее ускоренном развитии, в котором усматривается причина "параллелизма" художественных форм (*13). Конечно, складывание капиталистических отношений вообще означало повышение темпов общественного прогресса в сравнении с предшествующей эпохой. И в этом отношении тезис об ускоренном развитии литературы в XIX в. является правомерным. Однако становление капиталистических отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе было замедленным и тяжелым, изменения в социальной структуре общества накапливались с трудом. По существу, даже в первой половине XIX в. национальная буржуазия нигде не выступала в "чистом" виде. Социальная жизнь представляла собой смешение полуфеодальных и полубуржуазных форм с перевесом тех или других на разных этапах истории и в различной конкретной обстановке. Общественная ситуация опосредованно сказывалась на национальной духовной сфере, в которой происходило столкновение и перемалывание разных в социальном смысле культурных слоев, взаимопроникновение различавшихся между собой не только локальными чертами, но и уровнем развития региональных пластов.

В период формирования национальных культур важное общественное значение получили отношения профессионального и народного, "фольклорного", комплексов. Они существенно различались между собой. Речь идет не об уровнях, высшем или низшем, а о разных типах видения мира, его освоения и художественного воспроизведения. Если первый по социальному наполнению был достаточно сложным, отражая состав общества, то второй в рассматриваемое время, по су-

шеству, являлся крестьянским. Они различались характером творческого процесса - индивидуальным или коллективным. Профессиональное творчество отличалось сознательным эстетическим освоением мира, стилевым многообразием, в то время как фольклор пронизывала стихийная художественность. Профессиональная культура была письменной, народное творчество - устным. И в плане взаимодействия с инациональными культурами в профессиональной сфере действовал принцип избирательности, в фольклорной контакты устанавливались стихийно.

В рассматриваемое время в Центральной и Юго-Восточной Европе крестьянская культура, хотя она имела познавательные и образно-выразительные пределы, включала достижения непреходящей ценности. Это касалось песенной поэзии, устной прозы, а также жилой архитектуры, прикладного искусства и т.д. Но как профессиональный комплекс располагал не только духовными ценностями, но и продукцией, находившейся в противоречии с интересами прогресса, так и народный слой наряду с духовными достижениями был отмечен также консерватизмом и патриархальностью.

В процессе общественно-экономического развития отличавшаяся вообще большой устойчивостью народная культура все же медленно менялась, однако не столько под воздействием профессионального слоя, хотя и это имело место, сколько под влиянием крупных событий, национально-освободительной борьбы. Но перспектива была такова, что с ростом урбанизации, подрывавшей устои патриархальной жизни с ее социальными и героическими идеалами народного эпоса, с расширением профессионального слоя культуры, а также усилением влияния культурных центров Запада шел процесс "размывания" крестьянской культуры, снижения удельного веса фольклора в общей массе культуры общества и сужения сферы его функционирования. Общий строй народной зоны культуры при феодализме был другим, нежели в условиях утверждения капитализма.

При всем различии профессиональной и "фольклорной" зон культуры они еще в предшествующие периоды находились во взаимосвязи. Применительно к славянским и балканским народам это выражалось в функционировании у ряда этносов

литературных языков на речевой основе, стихийном проникновении элементов сельского быта и искусства в повседневную городскую жизнь и письменную литературу, бытовании фольклорных произведений за пределами крестьянской среды. С формированием национальных культур изменился характер взаимодействия профессионального творчества и фольклора. Связи между ними не только расширились, но обращение деятелей культуры к народному творчеству стало осознанным и целенаправленным.

Этот процесс всюду в Европе особенно отчетливо проявился с развитием романтизма. В первой половине XIX в. в рассматриваемых землях обостренные национальные чувства вызвали подлинный взрыв общественного интереса к фольклору. Особенностью отношения к фольклору славянских деятелей было и то, что они имели в поле зрения не только отечественный, но и весь славянский фольклор. Это было связано с широким распространением в то время идеи славянской взаимности (*14). В консервативной среде фольклор воспринимался и использовался как свидетельство феодальной старины, подтверждение ее незыблемости, как материал для мистических конструкций.

С иных позиций подошли к народному творчеству революционные демократы. Ботев, Каравелов, не отрицая задачи сохранения и развития национального облика отечественной культуры, обратили внимание на социальное содержание фольклора. С развитием наций резко возросло влияние субъективного фактора в отношениях между профессиональной культурой и фольклором. На новом уровне развернулся широкий процесс восприятия городской культурой элементов сельской.

Переходная эпоха от феодального строя к капиталистическому характеризовалась предельно напряженным состоянием общества. Его потрясали социально-политические события европейского, регионального и локального масштабов, войны, террор и насилия. Сосредоточенные на решении острейших жизненных проблем народы нуждались в идее, слове. Шла напряженная работа мысли. Эту потребность была призвана удовлетворить идеологизированная культура. Иногда эстетическая функция литературы, искусства вообще отходила на второй план. Революционные демократы Маркович, Ботев,

Каравелов в концентрированном виде идейно оформили духовные запросы южных славян в требовании общественного содержания искусства (*15).

Одной из закономерностей изучаемого периода было расширение контактов между народами. Глубина и интенсивность культурных общений Центральной и Юго-Восточной Европы с внешним миром, связи внутри нее в разных ситуациях были неодинаковы. Сказывались и степень удаленности общества от "центра" новой формации, и уровень его подготовленности к усвоению современных ему идей. Но общей была линия на укрепление позиций прогрессивных сил путем обогащения достижениями других народов. Некоторые особенности межнационального культурного взаимодействия применительно к отдельным народам проистекали из самого характера их расселения. Так, жизнь сербов и хорватов в тесном взаимном соприкосновении и при общности разговорной речи облегчало бытование у них одних и тех же фольклорных произведений. У греков, поляков, болгар важную роль в поддержании внешних контактов играла эмиграция.

В переходный период взаимодействие культур славянских и балканских народов между собой, а также с культурами Запада и России основывалось на избирательном принципе, но в сравнении с предшествующим временем характер его изменился. Если раньше культурные связи развивались в рамках конфессионального ареала, то с ростом капитализма и наций решающее значение получила адекватность идей потребностям развития общества, а в сфере искусства - общеевропейские художественные формы. Убедительным свидетельством этого было распространение в Центральной и Юго-Восточной Европе основополагающих идейных и художественных принципов западного Просвещения.

Длительный культурный застой, в котором пребывали славянские и балканские народы, обусловил тот факт, что в новое время у них параллельно протекало диахронное и синхронное освоение мировых ценностей. У сербов Обрадович и его последователи, ведомые идеей веротерпимости, "открыли" соотечественникам необозримый культурный мир античности, католического и протестантского Запада прошлых времен и

современности. При этом сохранялись и приобретали новые черты традиционные связи сербов с Россией.

Угнетенное положение славянских и балканских народов создавало особые сложности в их общении с культурами угнетающих этносов. В Центральной Европе это прежде всего касалось немецкой культуры. Исторически сложилось так, что народы Австрийской империи тысячами нитей были связаны с немецким языком. Это был язык администрации, деловых сношений, а в городах даже в первой половине XIX века - и семейной жизни. На заре национального пробуждения видные чешские и хорватские деятели лучше владели немецким, нежели родным языком. Поэтому важной общественной задачей угнетенных народов тогда было преодоление господства немецкого языка и утверждение родного языка во всех сферах жизни. Вместе с тем, когда не было факта насильственного навязывания, немецкий язык выполнял общественные функции как связующий элемент между разноязычными нациями в государстве и как средство приобщения к великим культурным ценностям.

На Балканах, несмотря на постоянное противодействие христианских народов исламу, в течение веков исламская культура оказывала большое влияние на внешний вид городов, характер ремесел и быт. В Боснии и Герцеговине сложилась особая культурная ситуация в связи с тем, что значительная часть местного славянского населения исповедовала ислам и его культура представляла сложный симбиоз масульманских и юго-славянских черт.

Влияние внешних культурных факторов на духовное развитие славянских и балканских народов было сложным и значительным. Культурная политика государств-угнетателей, насильственная или скрытая линия на денационализацию была серьезным препятствием на пути становления национальных культур угнетенных этносов. Кроме того, темпы культурного развития в конкретных исторических условиях их жизни во многом зависели от использования прогрессивными силами инонационального культурного опыта. Мощное культурное воздействие Запада и России на западно- и южно-славянские и балканские народы, которое было возможно благодаря тому, что они были подготовлены к творческому восприятию миро-

вых достижений на новом уровне ходом внутренней истории, сыграло роль ускорителя национального культурного процесса.

*1 См.: Очерки русской литературы XIII-XV ввскв. ч.1-2. М., 1970; Очерки русской культуры XVI века. ч.1-2. М., 1977; Очерки русской культуры XVII века. ч.1-2. М., 1979; Очерки русской культуры XVIII века. ч.1-3. М., 1985, 1988.

*2 См.: *Ким М.П.* О культуре как предмете исторического изучения. - Вопросы истории, 1974, N 11, с.33; *Краснобаев Б.И.* О некоторых понятиях истории русской культуры второй половины XVII- первой половины VIII века. - История СССР, 1978, N 1, с.59.

*3 Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974; *Львова Е.П.* Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального возрождения. М., 1975; Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII-XIX вв. М., 1976; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; *Титова Л.Н.* Чешский театр эпохи национального возрождения. М., 1980; *Мыльников А.С.* Эпоха Просвещения в чешских землях. М., 1977; *его же.* Культура чешского возрождения. Л., 1982; Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982; *Софронова Л.А.* Театр польского Просвещения. М., 1986; Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988; и др.

*4 Историческое развитие славянских и балканских народов, охватываемых в статье понятием "Европа", при всех существенных различиях имело характерные общие черты: достаточно позднее вступление на путь капитализма, многовековое национальное угнетение или угроза утраты независимости, замедленность инноваций в духовной жизни в докапиталистический период.

*5 Ю.В.Бромлей относил понятие "профессиональная культура" "к специализированному производству, отделенному от потребления в пространственно-временном отношении", и включал в него "как способы деятельности специа-

листов-профессионалов, так и ее "результаты" (продукцию) (Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983, с.136-137).

*6 Советское славяноведение. 1983, N 4.

*7 Дьяков В.А. Эпоха "национального возрождения" в Центральной и Юго-Восточной Европе. В кн.: Формирование национальных культур. с.26.

*8 См.: Тананаева Л.И. Особенности польского изобразительного искусства в эпоху Просвещения. В кн.: Формирование национальных культур, с.156-157; Никольский С.В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения. В кн.: Литература эпохи формирования наций, с.98.

*9 Советское славяноведение. 1984, N 2.

*10 Обрадович Д. Сабрана дела. Т.II. Београд. 1981, с.281.

*11 Титова Л.Н. Ук. соч., с.3.4.

*12 "Журналистика - одно из первых средств революции" - так определил Ботев ее содержание и задачи (цит. по: Уножцев И., Уножцева Ц. Христо Ботев. Жизнь и творчество. М. 1976, с.286; см. также Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. М., 1983, с.80-81).

*13 См.: Гачев Г.Д. Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX века). М., 1964; Наупокоева И.Г. О типах романтической литературы. В кн.: Неизученные страницы европейского романтизма. М., 1975, с.18,22; Никольский С.В. Славянские литературы эпохи национального возрождения. В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII-XIX вв. М., 1978, с.201-202; и др.

*14 См.: Гусев В.Е. Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов. В кн.: Формирование национальных культур.

*15 Маркович Св. Избранные сочинения. М., 1956, с.57,60,166,167; Каравелов Л. Събрани съчинения. т.6. София. 1966, с.177.

Политическое развитие национальных движений на Балканах (50-70-е годы XIX века)

Обращение к политическим проблемам развития национальных движений балканского региона представляет научный интерес для выяснения ряда вопросов. Во-первых, для исследования степени отражения в политике тех изменений, которые происходили в базисном компоненте балканских обществ в связи с формированием или утверждением капиталистических отношений. Во-вторых, для определения соотношения между политическими и идеологическими последствиями процесса социальной дифференциации внутри каждой из формировавшихся наций. Этот аспект проблемы исключительно объемн и многогранен в силу переплетенности, взаимодействия или противоборства отдельных политических и идеологических течений в рамках общенациональных освободительных движений, а также совместных выступлений, например, против османского владычества на Балканах.

Наконец, в-третьих, изучение политического развития отличавшихся по своим условиям национальных движений интересно для сопоставления и оценки взаимодействия лишенных государственно-политических институтов народов и обладавших определенной самостоятельностью стран, а также крупных европейских держав, активно участвовавших в решении так называемого восточного вопроса.

Естественно, что эти и другие аспекты проблемы имеют давнюю исследовательскую традицию в страноведческом плане. Не имея возможности останавливаться на достижениях национальных историографий в этом отношении, хотелось бы отметить плодотворные результаты регионального рассмотрения интересующей нас тематики в исследованиях последних лет. Это прежде всего систематическое изложение болгарским историком В.Трайковым динамичного развития идеологических течений и программ национальных движений на Балканах с конца XVIII в. до 1878 г. (*1). Это также серия работ со-

ветского историка В.Г.Карасева о типологии буржуазно-национальных революций на Балканах в XIX в. (*2). Интересно сквозное историческое рассмотрение историками ГДР проблем и идеологии буржуазного либерализма от Великой Французской буржуазной революции до Великой Октябрьской социалистической революции (*3).

Оценивая результаты многочисленных исследований политических проблем развития национальных движений на Балканах, можно сказать о значительных достижениях в научно-исторической конкретизации ленинских положений об эпохе национальных, буржуазно-демократических революций, о развитии буржуазии по восходящей линии в период до самостоятельных выступлений пролетариата, о революционном демократизме в общедемократических движениях (*4).

Вместе с этим интерпретации многих вопросов политического развития освободительных движений остаются неоднозначными. Требуют дальнейших исследований и обобщений идейно-политические взаимодействия межнациональных общественных течений и государственно-политических мероприятий.

В рамках периода со времени Крымской войны до восточного кризиса 1875-1878 гг., имеющего самостоятельное значение в истории освободительной борьбы балканских народов, особенно для выступавших против османского ига, можно выделить общие и особенные черты социально-экономических и общественно-политических условий. В славянских землях Габсбургской империи центральной тенденцией социально-экономического развития являлось утверждение капиталистических отношений и интенсификация процесса формирования классов буржуазного общества. В Османской империи в 50-70-е годы XIX века наблюдается, наряду с развертыванием процесса перехода от феодализма к капитализму, также и усиление феодально-бюрократических попыток приспособления к новым условиям. Это переплетение буржуазных тенденций развития в болгарском и греческом обществе, с одной стороны, и "модернизации" восточной формы феодализма - с другой, приводило к обострению национального угнетения и усилению политических противоречий в многонациональном обществе Османской империи.

В Сербии, Черногории и Румынии углубление тенденций буржуазного развития сочеталось с медленным устранением или даже сохранением старых пережитков. Для правящих кругов Сербии, Греции и Румынии внутривнутриполитические задачи тесно сплетались с задачами борьбы за национальное объединение. Это было обусловлено ростом торговой буржуазии, ее политического влияния, усилением темпов формирования буржуазной интеллигенции, выступавшей защитницей и активным пропагандистом общенациональных интересов.

Общим для всех балканских стран в 50-70-е годы стало повышение степени организованности политических институтов, создание в той или иной форме организаций, имевших по преимуществу политическое значение. Даже без конкретного перечисления многообразных форм просветительских и религиозных движений в защиту национальных прав можно отметить политизацию национальных движений как в Габсбургской, так и в Османской империи. В политике Сербии, Черногории и Румынии наметились тенденции к политическому сотрудничеству в решении задач национального освобождения. Хотя Балканский союз, созданный во второй половине 60-х годов XIX в., не был по ряду причин эффективным, сам факт его возникновения является показательным в поступательном развитии национально-освободительной борьбы. Несмотря на имевшиеся противоречия и различия по ряду вопросов, в рамках Балканского союза и вне его имели место политические контакты болгарских национальных организаций с правительствами Сербии, Румынии и Греции. Это свидетельствовало о росте политического авторитета болгарского национального движения в целом.

Если отмеченное повышение степени организованности упомянуто в обобщенном плане для всех национальных движений, то это же можно сказать и о течениях внутри них. Несмотря на то, что в рамках национально-освободительных движений существовало в той или иной мере единение в борьбе за освобождение, именно в рассматриваемый период происходит отчетливое политическое обособление группировок, направлений, течений. Конкретное проявление этого процесса определялось расстановкой классовых сил в конкретной стра-

не, их соотношением, уровнем идейно-политического и организационного развития.

В зависимости от политических условий и исходного к началу рассматриваемого периода уровня развития лояльных по отношению к инациональным властям общественных сил, в балканских провинциях Габсбургской и Османской империй существовали и активизировались представители консервативного течения. Они выступали за ограниченные преобразования и сосредотачивали свою деятельность в просветительских организациях и обществах. Определенными особенностями отличалось консервативное течение в болгарском национальном движении. Оно зачастую поддерживало или поощряло вооруженные выступления, инициаторами которых были иные политические силы в болгарском движении. Для сильной группировки болгарских консерваторов в Румынии, участвовавшей во всех формах национального движения, не существовало вопроса о "консервации" общественных порядков в империи и о поддержке османской власти. Однако постоянное стремление согласования своих действий с русской дипломатией, оказавшейся после Крымской войны в трудных условиях, ставило консервативные круги болгарской эмиграции в Румынии в отличные позиции даже от умеренно-либерального течения в болгарском национальном движении.

Широкий спектр политических сил национальной буржуазии в балканских странах составляли политически оформившиеся в 60-е годы XIX века группировки либералов и колеблющихся от умеренного либерализма к буржуазному радикализму. Несмотря на значительный рост политизации национальных движений, например, по сравнению с периодом до революции 1848-1849 гг., либеральное течение, обособившееся во всех балканских странах, по преимуществу использовало различные формы легальной борьбы, активизировало свое участие в национально-культурном движении. В славянских землях Габсбургской империи заметна связь активности либеральных течений с удельным весом национальной буржуазии и интеллигенции в среде городского населения. В то же время степень радикальности политических программ этого течения в Словении, Хорватии, Воеводине зависела и от отношения к

политике Сербии, к идейно-политическим интерпретациям концепции югославизма.

Либеральное течение в имевшихся балканских государствах по сути концентрировало свою деятельность на критике собственных правительств по вопросам прежде всего внутренней политики. Связь либералов с общественными деятелями неосвобожденных земель Османской империи не отличалась большей интенсивностью, нежели деятельность правительственных органов. Хотя в этом отношении могут быть отмечены исключения, либералы в этих странах были сторонниками реформистского пути или же вмешательства европейских держав в решение проблем национального освобождения.

Тем не менее активность либерального течения в "мирных" формах национальных движений способствовала росту самосознания в угнетенных балканских провинциях и массовизации национальных движений в целом. Это особенно отчетливо прослеживается в так называемых церковных движениях за обособление национальных церквей в Болгарии, а также в Боснии и Герцеговине. Приобщение широких народных масс к этой борьбе способствовало росту политического сознания, хотя и в ограниченных размерах.

В рамках рассматриваемого периода происходит также обособление в политическом и организационном плане в ряде балканских стран революционного течения. Острота национальных противоречий в османском регионе полуострова, опыт народных выступлений и традиции вооруженного сопротивления в греческих, болгарских, сербских и других провинциях империи ускорили оформление политических организаций, выступавших за национальную революцию. Вопрос о соотношении в революционном течении буржуазной революционности и революционного демократизма продолжает оставаться дискуссионным. Тем не менее можно говорить, что все это течение в целом выступило в османском регионе основным руководителем освободительного движения в целом, несмотря на некоторые различия в социальной базе в отдельных случаях. Революционный демократизм стал высшим достижением в идейно-политическом развитии национальных движений на Балканах в рассматриваемый период.

Политическая идеология Васы Пелагича, Светозара Марковича, Христо Ботева и других балканских революционеров-демократов во многом имела точки соприкосновения с позицией национальных революционеров, не выходявших за рамки буржуазной революционности. Однако большим шагом вперед стала их пропаганда не только национального освобождения путем революции, но и идеологическое обоснование социальной революции, сообразно балканским условиям той поры. Этот идейно-политический водораздел не служил препятствием для вовлечения широких крестьянских масс в балканских странах в открытую борьбу с инациональным гнетом. Напротив, последовательная революционность и пропаганда новых социальных идеалов делали революционных демократов подлинными вождями национальных движений.

Эти политические достижения революционной демократии на Балканах не снимают вопроса об оценке содержания социальных утопий, о месте в них решения аграрного вопроса и т.д. (*5). Однако дискуссия не должна заслонить и роли революционной демократии, как в политическом развитии национальных движений, так и в подготовке последующих этапов формирования социалистического движения на Балканах.

Конкретные политические идеалы, выдвигавшиеся в национальных движениях, имели достаточно широкий диапазон: от административной автономии до восстановления государственности в виде республики или федерации республик. Это зависело от уровня накопленного идейно-политического багажа, конкретной расстановки классовых сил в отдельных странах, а также от тактических соображений лидеров национальных движений, сообразовавшихся с общебалканской или даже шире - с общеевропейской международной ситуацией. В целом конечные установки соответствовали характеру течений в национальных течениях.

В этой связи необходимо обратить внимание на соответствие политических планов России в ее войне с Турцией тем политическим платформам, с которыми выступали в середине 70-х годов XIX века различные национально-буржуазные группировки балканских стран. Это во многом определяет объективно прогрессивный шаг вперед по пути национального освобождения, который был сделан в конце 1870-х годов.

Ограниченный характер решения тех или иных национально-территориальных проблем не был связан с субъективными стремлениями, имевшимися у царской России, а явился следствием развития международных отношений того времени.

Рассмотренные в обобщенном виде некоторые аспекты политического развития национальных движений далеко не исчерпывают всего богатства этой проблематики. Последующие специальные исследования сопоставительно-типологического плана несомненно будут способствовать выяснению специфики балканского региона, вступавшего в 70-е годы XIX в. в новый этап своего поступательного развития.

*1 *Трайков В.* Идеологически течения и програми в национално-освободителните движения на Балканите до 1878 година. София, 1978.

*2 *Карасев В.Г.* Буржуазно-национальные революции балканских народов, восточный кризис середины 70-х годов XIX в. и русско-турецкая война 1877-1878 гг. - В кн.: "100 лет освобождения балканских народов от османского ига". Москва, 1979 и др.

*3 "Politik und Ideologie des burgerlichen Liberalismus im Revolutionszyklus zwischen 1789 und 1917." Jena, 1983.

*4 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. т.22, с.187; т.23, с.38; т.25, с.316, т.26, с.143-144; т.41, с.121; т.49, с.287 и др.

*5 Сравни, например: *Фрейдзон В.И.* Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в. - "Советское славяноведение", 1975, N 2; *его же.* Революционная демократия и буржуазная революционность в национально-освободительных движениях южных славян в конце 60-х - 70-х годах XIX в. - В кн.: "История, культура, этнография и фольклор славянских народов". Москва, 1978; *Воробьев Л.В.* Любен Каравелов. Москва, 1981; *Гросул В.Я.* Реформы и революции на Балканах в XIX в. - В кн.: "Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы." Москва, 1984 и др.

О болгарском национальном возрождении (Проблемы историографии)

Введение

Эпоха национального возрождения славянских народов охватывает период перехода от феодализма к капитализму. Представления о содержании, характере и результатах национального возрождения менялись в течение времени, но воздействие процессов той эпохи и ее романтика наложили глубокий отпечаток на развитие славянских народов в новое время. Вместе с утверждением буржуазных отношений происходило возрастание роли межнациональных общественных связей. Формирование славянских буржуазных наций так же, как и в других регионах Европы и на других континентах, охватывало широкую сферу базисных и надстроечных изменений. Вместе с этим славянские народы Центральной и Юго-Восточной Европы, находившиеся под инонациональным гнетом, имели в своем развитии ряд особенностей. Одна из них была связана с распространением в различных интерпретациях идеи славянской общности. При этом, естественно, большое место отводилось единственному в то время независимому славянскому государству - России, которая стала играть в XVIII-XIX вв. значительную роль в европейских и ближневосточных событиях. Общественность зарубежных славянских народов, боровшихся за национальную независимость, за восстановление государственности, стремилась расширить свои связи не только с военными и политическими органами Российской империи, но и с различными кругами русского общества. Вместе с процессами социально-классовой дифференциации и политической поляризации общественных течений в славянских странах и России происходили и изменения в межнациональных общественных связях и взаимоотношениях России и отдельных славянских наций.

В процессе Болгарского национального возрождения проходило интенсивное развитие болгаро-русских общественных связей, опиравшихся на богатые традиции средневековья, на новые идеи межславянского культурного и политического сотрудничества буржуазных наций, на наиболее прогрессивные

для той эпохи революционно-демократические политические программы. Соотношение этих и других компонентов взаимоотношений менялось, различными были и результаты взаимных контактов в общественном движении двух стран. Изучение болгаро-русских отношений является необходимой составной частью исследования болгарского национально-освободительного движения, Эпохи Болгарского национального возрождения в целом.

Проблемы историографии Болгарского национального возрождения

Начиная с древнейшей мифологии, вплоть до наших дней на протяжении многих столетий, не тускнеет яркий образ, выражаемый для обновительных процессов термином "возрождение". Его широкое применение для обозначения разнообразных явлений стало в ряде случаев традиционным. Особенно широкое звучание приобрело наименование прогрессивного переворота в идеологическом и культурном развитии ряда европейских стран в XIV-XVI вв. Это Возрождение (Ренессанс, Ринашита) иногда имеет региональные определения, но в целом отражает наиболее устойчивое представление о конкретном явлении зарождения раннебуржуазной идеологии, расцвета обновленной культуры. Хотя содержание этой эпохи далеко не исчерпывается термином "Возрождение", применявшимся уже самими деятелями той поры, ранее всего Д.Бокаччо (1313-1375) и Д.Вазари (1511-1574), тем не менее этот термин широко применялся впоследствии для обозначения как более поздних эпох (чешское, польское, словацкое, болгарское, хорватское, сербское возрождение или точнее - национальное возрождение), так и для более ранних, например, возрождение в Китае VIII-XII вв. (*1).

Характерно, что начавшееся еще в эпоху Просвещения широкое распространение термина "возрождение" сопровождалось осознанием его несовершенства. Тем не менее вместе с формированием и становлением современных наук сохранилось устойчивое употребление термина "возрождение", усиленное его публицистическим наложением на общественные движения угнетенных народов в XVIII-XIX вв. В славянских странах, утративших собственную государственность, именно в это время освободительная борьба проявлялась первона-

чально в форме национально-просветительских движений: чешские "будители", "иллирийское" движение в Хорватии и т.д. Своеобразное пробуждение угнетенных национальностей, зачастую апеллировавших к собственному прошлому, традициям былой государственности, также стало обозначаться "возрождением", или же "национальным возрождением".

"Национальный" аспект Ренессанса отмечал и Ф.Энгельс. Во введении к "Диалектике природы" он отмечал, в частности, что новая история ведет свое начало с великой эпохи Реформации (Ренессанса, Чинквеченто), что содержание эпохи не исчерпывается ни одним из этих названий. В качестве стержня многогранных процессов Ф.Энгельс выделил создание крупных монархических государств, "в сущности основанных на национальности" и в которых "начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество" (*2).

Такое историко-материалистическое видение возрождения далеко не скоро стало достоянием историографии или даже публицистики. Наоборот, продолжалось накопление научных знаний, систематизировавшихся и обобщавшихся с самых разнообразных мировоззренческих и теоретических позиций. В особенности это относится к "национальным возрождениям" и соответствующим национальным историографическим традициям.

Подобно тому, как расширялись теоретические представления о западноевропейском возрождении, существенно изменялись оценки и характеристики Болгарского национального возрождения. Краткий обзор наиболее важных фактов в историографии этой проблемы необходим для уточнения исследовательских вопросов изучения болгаро-русских общественных связей и отношений.

Зарождение и развитие болгарского национального движения воспринималось его участниками и современниками той эпохи в связи и в сравнении с предшествовавшим периодом позднего средневековья, когда в болгарских землях, утративших за несколько веков до того государственную традицию, наблюдались характерные для заката Османской империи явления. Собственно болгарская народная культура и народное самосознание продолжали развиваться в трудных усло-

виях, однако отсутствие качественных изменений в этом процессе, в особенности на фоне общеевропейского прогресса, еще более представлялось мрачным в работах идеологов болгарского национального движения.

Первые попытки рассмотрения Болгарского национального возрождения связаны с русско-болгарскими связями. Еще в работах Ю.И.Венелина 1820-1830-х годов зафиксировано романтическое предчувствие общественно-литературного подъема. Во введении его нашумевшей книги "Древние и нынешние болгары ..." говорилось, что болгарская литература "еще не возродилась" (*3). Пафос другой его работы "О зародыше новой болгарской литературы" (М., 1838) состоял в поддержке литературно-общественного возрождения. В то же время одесский историк Н.Н.Мурзакевич (1806-1883) в статье "Нынешнее состояние просвещения у болгар", первом специальном исследовании литературно-просветительского движения 1820-1830-х годов, не только не считал, что болгарская письменность "прервалась совершенно" с утратой самостоятельного государства, но и отмечал результаты современного движения, оценивая болгарскую литературу как уже "возродившуюся" (*4).

Видный болгарский просветитель В.Априлов, проживавший в Одессе, считал также, что возрождение болгарского народа находит свое выражение в развитии просвещения, литературы, но в отличие от Венелина и Мурзакевича, рассматривавших этот процесс как результат деятельности отдельных болгарских патриотов, подчеркивал в качестве причины начало общих преобразований в Турции, вошедших в историю государства как эпоха Танзимата. В.Априлов в работах 1840-х годов указывал, что "лишь преобразование Турции должно считаться причиной зародыша болгарской образованности" (*5). Подобным же образом определял значимость Гюльханейского хатти-шерифа 1839 г. болгарский просветитель 1850-1860-х годов С.Филаретов (*6).

Смещение акцентов в определении содержания болгарского возрождения произошло в условиях обострения болгаро-греческой церковной борьбы в конце 50-х годов XIX века. В работе Х.Даскалова, названной "Возрождение болгар или реакция в европейской Турции", наряду с взаимствованиями из

работ Венелина и Априлова заметна полемическая направленность. Само возрождение Х.Даскалов определял как реакцию болгарского народа на денационализаторскую политику греко-фанариотского духовенства в болгарских землях. Задавая риторическим вопросом "Кто же был причиной спячки болгар до 1830 года?", автор давал на него однозначный ответ: греки-фанариоты. Импульс возрождения он видел в появлении книги Венелина "Древние и нынешние болгары ...", "первым двигателем" возрождения считал Априлова, началом возрождения в болгарских землях был, по его мнению, 1834 год, когда начали создаваться болгарские училища (*7).

Особенность позиции Х.Даскалова заключалась в актуализации политических проблем возрождения. Хотя он, подобно Априлову и Филаретову, идеализировал турецкие порядки и прямо указывал, что "болгарам не столь тягостно иго турецкое ... Болгары гомятся под игом фанариотских архипастырей, которого, кажется, никто и не подозревает" (*8), тем не менее Х.Даскалов видел и подчеркивал быстрое развитие национального движения. Он выделял революционные события 1848-1849 гг. в Европе как рубеж в деятельности возрожденцев, которых он именовал "реакционистами". После этого в центре задач движения стала попытка "свергнуть двойное иго собственными силами" (*9).

Для представителей русской славистической науки возрождение болгарского народа было синонимом общенационального просвещения. Особенно значительным был вклад в изучение проблем возрождения русского славяноведа В.И.Григоровича (1815-1876) (*11). Он выделил в качестве первых "будителей" болгар Иосифа Брадатого, Поисия Хилендарского, Софрония Врачанского, отодвинув тем самым начальную границу возрождения к середине XVIII в. и отвергнув распространенную идею о привнесении возрождения извне (*12). Вместе с выделением в качестве характерных черт возрождения развития ремесел и торговли в болгарских землях, В.И.Григорович считал одним из его условий и ослабление турецкой централизованной власти.

В работах крупнейших представителей болгарской исторической науки эпохи национального возрождения - С.Палаузова (1818-1872) и М.Дринова (1838-1906), творчество

которых является также неотъемлемой частью российского славяноведения - были широко поставлены вопросы исторической традиции, преемственности и исторического права болгарского народа. Профессиональное изучение феодальной истории Болгарии доосманского периода сочеталось с историко-публицистическими выступлениями С.Палаузова и М.Дринова по вопросам Болгарского национального возрождения. В серии статей С.Палаузова в "Северной пчеле" в 1860-1861 гг. были показаны различные аспекты национально-церковного движения, рассматривавшегося в русле воздействия революционных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1848-1849 гг. (*13). Заслугой М.Дринова было сопоставление деятельности Паисия Хилендарского и возрожденцев 1830-1840 гг., хотя при этом историк, дискутируя с популярными представлениями, преувеличивал роль личности Паисия (*14).

Политические воззрения представителей складывавшейся буржуазной науки, степень развития освободительного движения в болгарских землях, идеалистические представления об условиях его прогресса явились причинами ограниченного понимания возрождения в работах современников. В целом такой подход был характерен и для идеологов революционного течения в болгарском национальном движении. Тем не менее трактовка болгарского просвещения в духе революционного просветительства Г.Раковским и Л.Каравеловым отличала их позиции от либерально-буржуазных представлений о возрождении как очень далекой предпосылке для политических достижений в деле национального освобождения. Г.Раковский считал, что с 1800 г. началось движение "бол-гарского народного духа", и с 1828 г. "солнце просвещения рассеяло темную мглу невежества" (*15). В период 50-60-х годов XIX в. он не только широко поддерживал борьбу за создание независимой болгарской церковной организации, но и выдвигал задачу политической борьбы за национальное возрождение революционным путем.

В развитии взглядов Л.Каравелова по вопросам национального возрождения также заметно влияние романтических теорий. Отмечая живучесть болгарских народных традиций и оживление литературной деятельности с 1830-х годов, Л.Каравелов считал, что лишь с сороковых годов началось

"настоящее болгарское возрождение" (*16). Выделяя при этом значение деятельности Ю.Венелина, болгарский демократ замечал, что "смысл сочинений Венелина был понятен может быть одним ученикам Герова, но народу они были непонятны; народу нужны были не критические рассуждения, а простые рассказы об его истории" (*17). Вместе с этим Л.Каравелов показал в конце 60-х - начале 70-х годов XIX в. политическую ограниченность национально-церковного движения в рамках освободительной борьбы болгарского народа за независимость. Его пропаганда революционных путей освобождения на страницах газет "Свобода" и "Независимость" определяла в качестве непосредственной цели возрождения завоевание национальной независимости.

Ограниченность задач, стоявших перед болгарским национальным движением в 60-е годы XIX века, просветительская направленность деятельности Л.Каравелова после 1874 года, развитие болгарского возрождения были по-новому обобщены Хр.Ботевым. Он также определял начало болгарского возрождения в связи с зарождением в 1830 году церковного вопроса, который был "первым, самым легким, самым доступным и необходимым для разрешения" (*18). Однако, рассматривая достижения болгарского просвещения с начала возрождения до середины 70-х годов XIX в., Хр.Ботев иронически замечал: "Действительно, у нас есть и училища, и читальни, и газеты, и книжные магазины, и литература, но все это довело народ до такой степени человеческого счастья, что он уже умеет достаточно правильно записать, когда в Турции произошел голод, когда мор, когда пожары" (*19) и т.д. В связи с этим Хр.Ботев считал эти достижения и создание Болгарской экзархии запоздавшими и, преклоняясь перед героями четнического движения, выдвигал идею "всеобщей болгарской революции", рассматриваемой в качестве третьего периода освободительной борьбы (*20).

Различия в оценках проблем возрождения у крупнейших идеологов революционного течения определялись историческими и политическими особенностями условий их деятельности и были связаны с выделением различного соотношения компонентов национального движения. Общим в идеологической и организаторской деятельности Г.Раковского,

Л.Каравелова, В.Левского, Хр.Ботева было стремление подчинить все проявления национального движения делу политической борьбы за освобождение Болгарии. При таком подходе к содержанию и задачам национального возрождения происходило резкое размежевание в политической интерпретации общественных явлений 30-70-х годов XIX в., происходила борьба с либерально-буржуазными представлениями о возрождении. Не случайно сторонники революционного течения даже после поражения Апрельского восстания издавали во второй половине 1876 г. газету под названием "Възраждане".

После русско-турецкой войны 1877-1878 гг., завершившейся освобождением Болгарии от османского ига и восстановлением болгарской государственности, в исторической литературе стала складываться специальная область знаний, посвященная национальному движению в Болгарии в XVIII-XIX вв. В эпоху буржуазного господства в Болгарии (1878-1944 гг.) были написаны сотни работ по этой проблематике, эмпирические исследования сопровождались утверждением романтического ореола эпохи национального возрождения. Вместе с этим историческое наследие этой эпохи стало предметом острой идеологической борьбы между представителями буржуазной и рано сложившейся в Болгарии марксистской историографии, а также между различными течениями (реакционно-националистическое, буржуазно-демократическое и др.) в исторической науке.

Накопление исторических фактов из области национального возрождения позволило начать исследовательскую работу по этой важной эпохе болгарской национальной истории. Сильное распространение различных оттенков позитивистской методологии истории в буржуазной Болгарии способствовало появлению разнообразных интерпретаций национального возрождения. Цельное систематическое изложение эпохи национального возрождения было дано Ив.Пастуховым (*21). Однако, его работа, в которой сочетались идеи позитивистской теории факторов и исторического материализма и обобщались достижения историографии, не получила широкого научного и общественного отклика, поскольку появилась в последние годы буржуазного господства в Болгарии. По широте охвата исследовательских вопросов и оригинальности

постановки проблем Болгарского национального возрождения первенство в буржуазной историографии принадлежало Ив.Шишманову (*22).

Определяя многофакторную обусловленность болгарского национального возрождения, Ив.Шишманов в своей иерархии факторов обращал специальное внимание на социально-экономические предпосылки возрождения. Критикуя М.Дринова, он писал, что "возрождение является коллективным, а не личным делом Паисия - продуктом болсе или менее медленной социальной эволюции, а не внезапного гигантского скачка" (*23). Вместе с этим, будучи по преимуществу историком культуры, Ив.Шишманов с идеологических методологических и либеральных политических позиций рассматривал содержание болгарского возрождения в рамках культурно-духовных достижений. Считая исходной и основной целью возрождения духовно-религиозную эмансипацию болгарского народа, Ив.Шишманов видел завершение этой эпохи в "торжественном акте" провозглашения автономии болгарской церкви в 1870 году. А "если мы стремимся быть еще более точными, - писал историк, - то мы должны признать высшей точкой нашего возрождения" 3 апреля 1860 г., когда во время пасхальной службы не было упомянуто имя константинопольского патриарха. По мнению Ив.Шишманова после 1860 г. началось осуществление новой цели - политического освобождения, которое он выводил за границы возрождения (*24).

Эта позиция Ив.Шишманова была тесно связана с его сравнительными изучениями западноевропейского ренессанса и болгарского возрождения. Выступая против выделения ренессансных явлений в истории второго Болгарского царства, Ив.Шишманов подчеркивал, что в основе западноевропейского Возрождения лежали "переход от средневекового натурального хозяйства к капиталистическому и экономическое усиление итальянского городского населения. А Болгария не только в XII в., но и до конца своего самостоятельного политического существования не имела такого развития городского населения" (*25). Вместе с этим историк поддерживал термин "болгарское возрождение", он замечал: "Употребляя термин, освященный нашей историографией, мы хорошо знаем, что он не отвечает полностью понятию, которое обыкновенно связы-

вается со словом "ренессанс". Содержание понятия нашего возрождения является и большим и меньшим. Оно не имеет ничего общего с воскресением классической древности, или со слиянием античного с христианским, или эмансипацией личности от оков средневекового авторитета и с возникновением критицизма (Бургхард, Корелин). Наше возрождение, появившееся как более или менее оформившийся этап лишь в конце XVIII и в начале XIX вв., не случайно носит некоторые из самых характерных черт этих двух эпох. В нем отразился как культ разума эпохи просвещения, так и романтика века пробужденного национализма" (*26).

Выводы Ив.Шишманова подверглись критике в работах Д.Страшимирова, в творчестве которого заметна эволюция от народнических социологических воззрений к позитивизму. Проблематика творчества Д.Страшимирова-историка была подчеркнута направлена к политическим проблемам национально-революционного движения (*27). Критикуя Ив.Шишманова, он подчеркивал единство процессов возрождения и выделял при этом три последовательных периода: "экономическое оздоровление, культурный подъем и революция в Болгарии" (*28). Хронологические границы возрождения Д.Страшимиров определял с известными колебаниями, начало его он связывал то с появлением "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского (1762 г.) (*29), то с Чипровским восстанием 1688 г. (*30), а завершение эпохи возрождения был склонен относить к 1885 г., времени соединения Болгарского княжества с Восточной Румелией (*31).

*1 *Конрад Н.И.* Начало китайского гуманизма. - "Советское востоковедение", 1957, N 3. Академик С.Д.Сказкин в энциклопедической статье возражал против расширительного толкования Возрождения. См.: "СИЭ", т.3, М., 1963, с.606-607.

*2 *Маркс К., Энгелс Ф.* Сочинения. Изд.2, т.20, с.345.

*3 *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829, с.16.

- *4 "ЖМНП", 1838, N 4, с.119.
- *5 *Априлов В.* Съчинения. София, 1968, с.153.
- *6 См.: "С.-Петербургские ведомости", 18 февраля, 27 апреля, 18 мая 1860г., NN 37, 90, 107 (корреспонденции из Софии)
- *7 *Даскалов Хр.* Возрождение болгар или реакция в европейской Турции. М., 1858, с.2, 16, 18.
- *8 *Даскалов Хр.* Возрождение болгар ... , с.20-21.
- *9 *Даскалов Хр.* Ук.соч., с.36.
- *10 См.: *Срезневский И.И.* Очерк книгопечатания в Болгарии. "ЖМНП", 1846, N 9; *Соловьев М.А.* (на Априлов В. Денница новоболгарского просвещения.) - "Москвитянин", 1842, N 5; *Савельев Н.В.* Болгарин Василий Евстатиевич Априлов. СПб., 1848 и др.
- *11 *Сергеев А.В.* Исторические взгляды В.И.Григоровича. Казань.
- *12 *Григорович В.И.* Обзорение славянских литератур. Воронеж, с.48, 42 и др.; он же. Очерк научного путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848, с.202.
- *13 См.: *Палаузов С.* Избрани трудове. С., 19744, т.1, с.500-529. Сравни: *Дринов М.* Исторически преглед на българската църква от само и начало и до днес. Вена, 1869.
- *14 *Дринов М.* Отец Паисий, неговото време, неговата история учниците му. - "Периодическо списание", 1871, N 4; он же. Еще няколко бележки за Паисия и за неговата история. - "Периодическо списание", 1866, кн.ХІХ-ХХ.
- *15 *Раковски Г.С.* Българийо, майко мила! София, 1967, с.195.
- *16 *Каравелов Л.* Болгарская журналистика. - "Московские ведомости", 1862, NN 153, 154.
- *17 Там же.
- *18 Дума на българските емигранти", Браила, 17 июля 1871, N 4.
- *19 "Знаме", 5.I.1875, N 4.
- *20 "Знаме", 29.VI.1875, N 20.
- *21 *Пастухов Ив.* Българска история. т.II. Уредба на второто царство. Турска власт. Възраждане. С., 1934 (2 изд. - 1945).

*22 Значительная часть исторического наследия Ив.Шишманова переиздана в недавнее время. См.: *Шишманов Ив.* Изорани съчинения. С., 1965, т.1.

*23 *Шишманов Ив.* Паисий и неговатв епоха. Мисли върху генезиса на новобългарското възраждане. - "Списание на БАН", 1914, кн.8, с.11.

*24 См.: *Шишманов Ив.* Увод в историята на Българското възраждане. В кн.: "България 1000 години". С., 1930.

*25 *Шишманов Ив.* Западноевропейското и българското възраждане. - "Българска историческа библиотека", 1928, т.1, кн.1, с.190.

*26 *Шишманов Ив.* Студии из областа на българското възраждане. - "Сборник на БАН", 1916, кн.VI, с.3-4.

*27 См.: *Страшимиров Д.* Христо Ботев като поет и журналист. Критически опит. Пловдив, 1897; *он же.* История на Априлското въстание. Пловдив, 1907, т.т.1-III; *он же.* Архив на Възраждането. т.1. Документи по политическото възраждането. т.II. Документи по Съединението. С., 1908; *он же.* Васил Левски. Живот, дела, извори. С., 1929; *он же.* Комитетско десетилетие. Епоха на комигите. 1866-1876. В кн.: "България 1000 години". С., 1930 и др.

*28 *Страшимиров Д.* Великият син на Балкана. В кн.: "Възпоменателна книга "Васил Левски". 1837-1873-1937". Пловдив, 1937, с.17.

*29 См.: *Страшимиров Д.* Комитетско десетилетие ...

*30 *Страшимиров Д.* Великият син на Балкана.

*31 *Страшимиров Д.* Архив на Възраждането. т.II, с.XIV и др.

К истории просветительского движения в эпоху болгарского возрождения

Национальное возрождение болгарского народа, развернувшееся в условиях османского господства, представляет собой широкий комплекс процессов, связанных с формированием болгарской буржуазной нации и борьбой за освобождение от иноземного ига. В основе этих процессов лежали переходные явления, определявшие кризис османской военно-феодальной, а затем феодально-бюрократической системы и возникновение капиталистических производственных отношений. Постепенное созревание всех признаков болгарской буржуазной нации происходило в борьбе против различных форм социально-экономического, политического и национального угнетения со стороны Османского государства.

Освободительное движение болгарского народа по мере своего политического развития включало разнообразные формы борьбы за национальное просвещение, самостоятельную церковную организацию, стихийные и организованные вооруженные выступления против османского господства. На протяжении всей эпохи Болгарского национального возрождения большое значение имело просветительское движение, хотя политический смысл его приобретал различные оттенки на разных этапах развития освободительной борьбы.

В настоящей статье рассматриваются вопросы ранней истории организованного просветительского движения, характеризовавшего складывание национально-просветительских институтов. Этот вопрос не получил специального освещения в историографии, хотя многочисленные сведения по этой тематике приводятся в специальных исследованиях, прежде всего, в обобщающих работах по истории Болгарии в XIX веке (*1).

Просветительское движение во многом способствовало складыванию представлений об эпохе национального возрождения. В буржуазной идеологической историографии была заложена традиция употребления термина "возрождение" применительно к культурным процессам в условиях инонационального господства в славянских землях Турции и Австрии.

Более того, под "возрождением" понималось именно развитие национального самосознания, разнообразные проявления культурной деятельности, возникновение и подъем просветительского движения (*2).

В марксистской историографии вместе с сохранением и уточнением термина - "национальное возрождение", применяющегося, как правило, к комплексу социально-экономических, политических и культурных процессов эпохи перехода от феодализма к капитализму, просветительскому движению отводится важное место в ряду надстроечных явлений, определявшихся глубинными пружинами складывания буржуазных отношений. При этом не исключается и ускоряющее воздействие собственно надстроечных явлений на развитие национально-освободительной борьбы (*3). Спорными, однако, остаются вопросы соотношения эпохи Просвещения и национального возрождения, политической интерпретации просветительского движения (*4).

В контексте развития всех славянских народов, в особенности западных и южных, болгарское просветительское движение было типологически сходным с аналогичными явлениями у чехов, словаков, сербов, хорватов и других народов, не имеющих своей государственности и испытывавших национально-культурный гнет господствующих наций в многонациональных государствах. Подъем движения за национальное просвещение, создание собственных органов печати, изучение и пропаганду национального прошлого, современного языка, литературы, фольклора и национального уклада жизни приобретал широкое общественное звучание и политическую остроту. Это сопровождалось не только активизацией многогранной деятельности отдельных представителей национального просвещения, но и созданием различных обществ и организаций.

В истории эпохи национального возрождения многих славянских народов широко известна позитивная роль матиц - просветительских организаций, оказавших, кроме всего прочего, организующее воздействие на развитие национальных движений. В историографии Болгарского национального возрождения на эту форму не обращалось должного внимания. Между тем, выяснение подобных общественных инициатив, их фактических результатов, имеет существенное значение для

понимания просветительского движения и национально-освободительной борьбы болгарского народа.

На протяжении XVIII в. в развитии болгарского образования преобладало накопление традиционных форм обучения в так называемых училищах, организовывавшихся чаще всего при монастырях православным духовенством. На рубеже XVIII-XIX веков происходило постепенное сосредоточение вопросов организации школьного дела в деятельности болгарских общин. Это сопровождалось вытеснением сугубо религиозных форм обучения светской направленностью, появлением новых черт в содержании учебного процесса. Однако в целом состояние просвещения отражало тяжелые условия бесправного политического положения болгар в Османской империи.

Усиление связей с соседними странами, возрастание потребностей формировавшейся торговой буржуазии в получении образования способствовали также активизации деятельности болгарских колоний за пределами Турции. Учеба молодых болгар в средних и высших учебных заведениях других стран сочеталась с перенесением на болгарскую почву идей Просвещения, их преломлением к практическим нуждам национального образования сообразно его тогдашнему состоянию.

Болгарские просветительские общества и организации.

Национально-просветительское движение, являвшееся частью освободительной борьбы болгарского народа, во многом способствовало складыванию представлений об эпохе национального возрождения. Подобно аналогичным процессам у других славянских народов, подъем движения за развитие национального просвещения, за создание национальных органов печати, оживление в исследовательской и пропагандистской деятельности по изучению прошлого Болгарии и ее современной культуры воспринимались как национальное возрождение. Приобретение широкого общественного звучания этих явлений сопровождалось не только активной многосторонней и разнообразной деятельностью отдельных представителей национального просвещения, но и созданием различных обществ и организаций. В истории эпохи национального возрождения ряда зарубежных славянских народов известна позитивная роль матиц, просветительских организаций, оказавших орга-

низирующее значение в деле формирования и укрепления национального самосознания зарубежных славянских народов, развитии и пропаганде национальной культуры.

В историографии Болгарского национального возрождения не предпринималось попыток рассмотрения исторического развития национально-просветительских институтов, несмотря на наличие большого количества исследований о борьбе за национальное просвещение, о деятельности различных болгарских обществ и организаций периода 60-70-х годов XIX века. В этом отношении интерес представляет вопрос о появлении общественных инициатив просветительского плана, предпринятых болгарскими деятелями еще до зарождения организованного революционного течения в болгарском национальном движении, а также связанных с развитием болгаро-русских связей.

В трудных условиях османского политического режима и греческого культурного преобладания в болгарских землях не было удивительно, что многие из первых национально-просветительских инициатив были осуществлены за пределами собственно болгарских земель. В начале 20-х годов XIX в. возникло "Болгарское филологическое общество" в Брашове, ставившее своей целью содействовать просвещению своего народа путем издания совместными усилиями книг на болгарском языке. Деятели этого общества В.Ненович, П.Берон, И.Селиминский, Ан.Кипиловский, Й.Генович подготовили к печати несколько книг филологического содержания, призывали болгар к изданию имеющихся рукописных книг, переводам с других языков, сочинению новых. Практически это была также и первая попытка коллективной нормализации болгарского литературного языка. Постановка всех этих задач имела большое значение для последующих начинаний, само же общество в силу внутренних разногласий и материальных трудностей не сумело развернуть свою деятельность. Можно говорить в то же время об индивидуальных достижениях членов "Болгарского филологического общества", в частности об издании П.Бероном так называемого "Рыбного букваря" (Брашов, 1824), явившегося первой болгарской учебной книгой и своеобразной детской энциклопедией.

Другое общество было создано болгарскими учащимися в Греции в конце 1830-х годов. Группа молодых болгар (Ив.Добровски, Ст.Чомаков, Ил.Макариопольски и др.), учеников школы знаменитого деятеля демократического течения греческого просвещения Т.Каириса на острове Андрос, составили "Славяноболгарское ученолюбивое общество", имевшее тайный характер и антигреческую просветительскую направленность в связи с перспективами развертывания церковного движения на болгарских землях. Демократические идеи Т.Каириса относительно греческого возрождения преломились в болгарском национальном аспекте у его учеников. После анафемы Т.Каирису и закрытия его школы в 1839 г. большинство членов болгарского общества оказалось в Афинах, где предприняло неудавшуюся попытку добиться политического признания болгарской народности в Греческом государстве.

Разрозненный и кратковременный характер имели и попытки наладить болгарское книгоиздание. Члены упоминавшегося "Болгарского филологического общества" пытались организовать "Болгарскую книгоиздательскую задругу", но сумели издать лишь ряд книг в немецкой типографии Браншова и в университетской типографии Будапешта. В середине 20-х годов началась издательская деятельность "Болгарской книгоиздательской эфории" в Бухаресте. С 30-х годов оформилось несколько издательских центров в Константинополе, Бухаресте, Вене, Крагуевце, других городах. Если с 1806 года, времени появления первой новоболгарской печатной книги, до начала 30-х годов появилось лишь 17 оригинальных болгарских изданий, преимущественно религиозного содержания, то с 1835 года до начала Крымской войны - уже 264 болгарских книги светского характера. В 1846 году в г.Самоков начала работать болгарская типография Николы Карастоянова.

Разрозненный характер имели и первые попытки создания болгарской периодической печати. В 1844-1846 гг. издавался первый болгарский журнал "Любословие", составлявшийся Константином Фотиновым и печатавшийся в типографии миссионеров-евангелистов в малоазиатском г.Смирна. Первая болгарская газета начала печататься в Лейпциге в 1846 году Иваном Богоровым под названием "Болгарский орел". Впервые сообщивший о них русский славист П.П.Дубровский

восклицал при этом: "Вот судьба болгарской письменности: один журнал выходит в Германии, а другой в Азии!" ("Москвитянин", 1846, ч.V, кн.9-10, Славянские новости, стр.189). После этих кратковременных попыток, а также непродолжительного издания Ив.Добровским в Вене в 1850 г. журнала "Мирозрение" было налажено издание одной из значительных болгарских возрожденческих газет "Цариградски вестник" (1848-1861 гг.).

Еще в период до Крымской войны была оформлена "Болгарская Матица". Первыми ее участниками стали находившиеся в Петербурге Константин Петкович и Нафанаил Стоянов (1852 г.), позднее к Болгарской Матице присоединились Иван Шопов в Праге, Братья Александр и Драган Цанковы в Вене, Парфений Зографский в Константинополе, Николай Христофорович Палаузов в Одессе. Распыленность и немногочисленность участников "Болгарской Матицы" препятствовали развитию активной совместной деятельности по развитию болгарского просвещения. Однако можно говорить об индивидуальном вкладе членов организации в русло общих представлений о нуждах болгарского национального движения.

Константин Дмитриев Петкович, уроженец Баштино Село (Велесский округ в Македонии), в 1843 г. прибыл в Одессу, где окончил гимназию, затем учился в Петербургском университете, который окончил с званием кандидата в 1852 г. В процессе занятий у известного слависта И.И.Срезневского вместе с Н.Г.Чернышевским с интересом занимался славистическими дисциплинами. Одна из студенческих работ К.Петковича - перевод с чешского на болгарский песни о Любушином суде из Краледворской рукописи - стала еще в 1849 г. предметом обсуждения видных славистов. В сентябре 1849 г. И.И.Срезневский сообщил В.Ганке об этом переводе по его просьбе, а 24 декабря 1849 г. в протоколе заседания второго отделения (литературы и языка) имп. Академии наук было постановлено "иметь в виду для помещения в "Записках отделения" представленный И.И.Срезневским перевод Краледворской рукописи на народное болгарское наречие, исполненный болгарином Дмитриевым", т.е. К.Д.Петковичем. В год учреждения "Болгарской Матицы" работа К.Д.Петковича была опу-

бликована в "Известиях имп. АН по 2 отделению" (СПб., 1852, N 1, с.11-16). Во 2-м томе этого же издания (вып.9, с.312-313) была помещена также и другая работа К.Д.Петковича "Известия о рукописях Зографского Святогорского монастыря", опубликованная также на болгарском языке в газете "Цариградски вестник" (23.V.1853, бр.122). С 1853 г. К.Д.Петкович поступил на русскую дипломатическую службу, работал в консульствах в Видине, Дубровнике, Бейруте, написал несколько филологических и исторических работ по славяноведению. Хотя за десятилетия русской службы К.Д.Петкович обрусел, его родные места остались под властью Турции и после его смерти в 1898 г. В 50-е годы XIX в. он проявил себя как поборник развития болгарского просвещения и развития славяноведения как средства сближения славянских народов. Характерно в этом отношении одно место из письма его младшего брата Андрея, повторившего во многом жизненный путь Константина (учеба в Одессе, Петербургском университете, с 1863 г. русская дипломатическая служба в Яссах, Риеке, о-ве Корфу), к болгарскому революционеру Георгию Раковскому: "Один экземпляр Вашего "Указателя", который мне подарили, собственно для моего брата, я только в последнее время нашел случай послать его ему в Рагузу, и вот что он мне пишет для Вас: "Сочинение г-на Раковского я читал с удовольствием и пользою и прошу тебя с выражением моей благодарности за этот дорогой подарок сказать ему от меня, что, по моему мнению, эта первая книга на болгарском языке, написанная дельно и умно, и которой содержание в высшей степени интересно, не только для болгар, но и для всех ученых и неученых славян вообще. Поздравляю г-на Раковского с этим успехом и желаю ему продолжать и окончить это дело так же блистательно, как начал его!"

Другой участник Болгарской Матицы Нафанаил Стоянов, активный участник национально-церковного движения, занимавший впоследствии ряд высоких церковных должностей в Болгарской экзархии, учился с конца 30-х годов в Одессе, затем в Киевской духовной академии, закончив ее со званием кандидата. Его кандидатское сочинение носило достаточно характерное название "Краткое начертание о том, что болгарское архиепископство и церковное священначалие не зависи-

ло от Константинопольского патриарха в старые времена, а именно от 533 до 1767 г.". В период обострения болгаро-греческой церковной борьбы эта работа участника "Болгарской Матицы" публиковалась в константинопольском журнале "Български книжици" (1858, NN 1-14; 1859, NN 5,6,10; 1860, NN 5,6). Более ранняя работа Н.Стоянова "Зерцало или огледало славянское", отпечатанная в типографии Московского университета в 1847 г. и являвшаяся совместно с З.Княжеским переводом "со славянского на болгарский язык", была отмечена в рецензии русского слависта И.И.Срезневского в журнале "Финский вестник" (1847, N 8).

Пражский участник "Болгарской Матицы" Иван Шопов (1820-1853), учившийся в середине 1840-х годов в одесской гимназии и слушавший лекции О.М.Бодянского в Московском университете, поступил в начале 1850-х годов в Карлов университет, поддерживая связи с русскими и чешскими славистами. Студент-медик, трагически закончивший свой жизненный путь, стал известен как первый болгарский библиограф. Его сотрудничество с П.Шафариком и О.М.Бодянским, публикации работ в "Цариградски вестник" оставили глубокий след в развитии болгарской науки и просвещения.

Братья Александр и Драган Цанковы, присоединившиеся в Вене к программе "Болгарской Матицы", издали в австрийской столице "Болгарскую грамматику" на немецком языке. Впоследствии Д.Цанков издавал в Константинополе газету "България", являлся одним из активных участников церковной борьбы, сторонником униатского течения.

Парфений Зографский также принимал участие в национально-церковном движении. О деятельности Н.Х.Палаузова к моменту вступления в 1855 г. в "Болгарскую Матицу" можно сказать, что это было начало его активных организационных и пропагандистских усилий в деле постановки политических, национально-церковных и просветительских проблем болгарского национального движения. В годы Крымской войны и в последующие десятилетия как в рамках Одесского болгарского настоятельства, так и индивидуально, он стремился к лидерству в болгарском национальном движении, и представительстве болгарских интересов перед официальными русскими инстанциями. Его интенсивная деятельность по развитию бол-

гаро-русских связей во многом способствовала также расширению пропаганды различных аспектов болгарского национального движения в русском обществе.

Перечисленные краткие сведения о направлениях усилий членов "Болгарской Матицы", созданной, очевидно, под влиянием аналогичных институций других славянских народов, позволяют говорить о ее своеобразном функционировании. Было бы, однако, преувеличением считать задачу создания национальной просветительской организации выполненной в 50-е годы. Именно нерешенность этой задачи вызвало во второй половине 50-х годов новые попытки создания более реалистических форм таких организаций. Тем не менее можно заметить, что вскоре после освобождения Болгарии, русский славист П.А.Сырку, рецензируя журнал Болгарского литературного общества, прообраза Болгарской академии наук, прослеживал историю, точнее предисторию, этой институции именно со времени создания в 1852 г. "Болгарской Матицы".

В годы Крымской войны, в связи с надеждами на скорое освобождение, были созданы ряд болгарских организаций преимущественно политического характера. Однако после окончания войны две из этих организаций - Болгарский комитет в Бухаресте и Одесское болгарское настоятельство приняли форму благотворительно-просветительских.

В то же время в Константинополе было создано в 1856 г. "Общество болгарской письменности", ставившее научно-просветительские задачи. В сообщении об этом обществе, начавшем издавать с 1858 г. журнал "Български книжици", журнал "Русская беседа" одновременно указал и на новое явление в организации болгарского просвещения: начало организации читалищ. Эта специфически болгарская форма местных просветительских читален-клубов стала в 60-70-е годы XIX в. важной составной частью национального движения в болгарских землях.

Русское славянофильство и болгарское национальное движение

Развитие русского славяноведения и в его рамках болгаристики находилось в тесной взаимосвязи с национальными движениями зарубежных славянских народов, в том числе и болгарского. С середины 40-х годов, однако, в общественно-политическом звучании все больше начинает наблюдаться "накладывание" на славяноведение и болгаристику термина "славянофильство". Эта вольное или невольное смешение привело к чрезвычайной запутанности вопроса о взаимосвязях русского славянофильства и болгарского национального движения. Если учесть к тому же не прекращающиеся попытки нового прочтения славянофильства, сильные разночтения в определениях существа славянофильства, его национальных вариантов и времени функционирования, то станет ясно необходимость предварительных уточнений и историографических экскурсов.

Несмотря на наличие огромного массива литературы о славянофильстве и, пожалуй, еще большего количества работ о болгарском национальном движении, данный вопрос, как и отношение славянофильства раннего к зарубежным славянам в целом, изучены в конкретно-историческом плане слабо. В дискуссиях 30-х и 60-х годов, а также порожденных ими работах этому сюжету не придавалось даже второстепенного значения. В этой связи нельзя не сказать о необычном по своим выводам отклике на последнюю дискуссию болгарского литературоведа Т. Жечева. Он неправомерно оценил дискуссию о славянофильстве в СССР как исключительное событие в общественно-политической жизни (второе по значимости после разоблачения культа личности) и одновременно поставил задачу пристального изучения консервативного крыла в болгарском национальном движении. Появившаяся в 1975 году его книга "Болгарская пасха, или страсти болгарские" как бы восполняла очерченный пробел. Привлечение новых источников, показ драматизма национально-церковного движения, глубокое проникновение в национально-психологические особенности коллизий болгарских консерваторов и их противников способ-

ствовали постановке многих вопросов истории болгарского национального движения в целом. Эта книга Т.Жечева, как и другая его работа о Т.Икономове, названная автором "Консерватором среди либералов и либералом среди консерваторов", вызвали широкий интерес. Однако, в ряду многочисленных положительных рецензий были и критические. Среди них выделялась рецензия Кр.Шаровой, представляющая по сути самостоятельное исследование, в котором были существенно уточнены вопросы истории национально-церковного движения. Вместе с этим необходимо отметить, что при оживлении интереса к проблемам, поднятым Т.Жечевым, славянофильские параллели болгарского национального движения также отошли на задний план. Практически эта тематика вообще не получила отклика, хотя в трактовке Т.Жечевым славянофильства К.Н.Леонтьева был привлечен интересный материал о глубоких различиях в отдельных проявлениях консерватизма.

Для подхода к непосредственному рассмотрению выделенной темы необходимо также обратить внимание на различия во временном определении славянофильства. Как правило, рождение русского славянофильства относят к 30-м годам XIX века, иногда называют даже 1838 год. Далее трактовки времени существования сильно отличаются. Имеются по крайней мере четыре точки зрения на счет верхней хронологической границы славянофильства. Считающие его специфически русским явлением философской мысли общественного движения подчас ограничивают славянофильство 1861 годом, т.е. крестьянской реформой (среди этих авторов С.С.Дмитриев). Другие авторы называют славянофильство 30-50-х гг. XIX века ранним, или же "классическим", и обращают внимание на славянофильство пореформенное в 60-70 годы XIX века (работа Н.И.Цимбаева о И.С.Аксакове). В этих же, или с включением 80-х годов XIX века, рамках иногда рассматривают "новое" славянофильство с расширением его круга за счет "почвенников" Ф.М.Достоевского, К.Н.Леонтьева, Данилевского и др. Существует также попытка вытягивания генетической связи особого общественного движения начала XX века и славянофильства, что нашло свое выражение в обозначении первого явления как "неославизма". Этот устойчивый термин постоянно упоминается даже теми авторами, которые не усматривают

в "неославизме" хотя бы формального родства со "старым" славянофильством и не находят нужным обращаться к такому вопросу. Наконец, нельзя не упомянуть о тенденциозном выискивании славянофильства, как некой постоянно реакционной силе, в нашей стране вплоть до наших дней, что характерно для антисоветской публицистики и "научно-образной" литературы.

Даже краткое рассмотрение различий в определении лишь одного внешнего параметра показывает глубокие расхождения в понимании существа данного явления. Однако помимо различий в подходе к конкретно-историческому рассмотрению и социально-классовому анализу феномена "славянофильство", понимаемого по-разному, существует еще проблема отражения общественного явления, порой в преломленном виде, как это имело место со славянофильством после завершения его как особого русского общественно-политического движения. При такой постановке безусловно необходимо отсеять грубо тенденциозные попытки сковать своеобразную цепь "славянофилы - народники (революционные) - большевики - внешняя политика СССР". Различные модификации такой цепи имеются в западной литературе, а отдельные звенья пытаются наложить на рассмотрение отдельных периодов истории русско-болгарских или советско-болгарских отношений. Подобная цепочка рвется уже в первой связи. Влияние на современное выделение в историографии связей славянофильства и народничества оказали тезис Бердяева "народничество - незаконорожденное дитя славянофильства", а также несколько отличный тезис П.Струве о перерождении славянофильства в (либеральное) народничество, а западничества в большевизм. Эти ветхие конструкции с усиленным подчеркиванием общего интереса к общине славянофилов и народников ожили в различных интерпретациях современных авторов. Если в советологической или же "кремленологической" литературе (Хэйр, Шульце) указанная "связь" подразумевается в качестве научной истины и служит "вскрытию" корней современной идеологии советского общества, то в работах "объективистов" весь интерес концентрируется на этом иллюзорном "факте". При этом обнаруживаются самые причудливые формы "связи". Англичанин Янко Лаврин (1962 г.) пишет о народничестве как о

"секуляризированном славянофильстве", француз Анри Гран-жар выделяет общий "политический романтизм" славянофилов и народников, бельгиец Жан Лот рассатривает народничество, как результат сложения славянофильства и западного позитивизма. Близко к последнему действию находится польский автор Анджей Валицкий, определяющий народничество, как соединение консервативной утопии славянофилов и демократически-либеральной утопии западников ("В кругу консервативной утопии. Структура и развитие русского славянофильства". Варшава, 1964, с.).

Старый навязчивый тезис о славянофильстве и народничестве, как родственных явлениях, объясняется не только живучестью формального подхода к общему интересу к общине, но с противоположных классовых позиций. Последнее давно объяснено в работах В.И.Ленина и марксистской историографии и в общем не является секретом для перечисленных авторов. Сознательное игнорирование принципиального различия и поиск сходства являются современными попытками положительного ответа на вопрос о возможности "идеологической конвергенции", космополитизма в условиях "идеологической разрядки". В наиболее воинственном варианте эти попытки связаны с поиском "нового национализма" в СССР. Не случайны в этой связи интересы к спорным положениям ряда публикаций журнала "Молодая гвардия" конца 60-х годов о писателях - "деревенщиках", традициях крестьянства, оцененные западной пропагандой как проявление славянофильства. Вульгарное прикрытие антисоветизма в грубых формах, равно как и исторический аспект "идеологической конвергенции" можно было бы не рассматривать, если бы не было широкого "научнообразного" эксплуатирования термина "славянофильство", что приводит к наводнению мутными потоками сложившегося объективно разноречивого термина "славянофильство" в историографии. Следуя дальше от верхних пределов в хронологии славянофильства к его центру, необходимо отметить слабую изученность и сложное переплетение "славянско-го" и иных компонентов в так называемом "неославизме" начала XX в. Прежде всего надо разграничить его с национализмом в шовинистической форме, вроде черносотенного "Союза русского народа". Далее политически объяснимы

"славянские одежды" партии кадетов и ее лидера П.Н.Милюкова, а также мелкобуржуазной партии "энэсов", пытавшихся использовать "славянский бум" в России и зарубежных славянских странах для укрепления и расширения своих рядов. В "неославистском" движении эпохи империализма культурные, научные, экономические цели очень часто выдвигались либо в совокупности, либо в отдельности в качестве единственных, что нашло выражение в создании различных, иногда враждовавших между собой обществ и организаций, но позволило привлечь частично и демократические слои научной интеллигенции. Хотя, как правило, в большинстве случаев пробились подводные политические тенденции, в том числе панславистского характера, оценка даже последних осложняется трудностями анализа результатов конфронтации с не менее реакционным пангерманизмом. Собственно "неославистское" движение было явлением, связанным с буржуазной адаптацией славянофильства в 70-е годы XIX в., хотя субъективно выделялась лишь "новизна". Оставляя, таким образом, вопрос о связях "неославизма" начала XX века и славянофильства "классического" открытым, нужно заметить, что в рамках эпохи Болгарского национального возрождения связи русского славянофильства с болгарским национальным движением могут быть рассмотрены как в отношении "раннего", так и "пореформенного". При этом под последним подразумевается прежде всего группа И.С.Аксакова и его единомышленников и сподвижников.

После краткого экскурса в хронологические и эволюционные дебри необходимо остановиться на вопросе об этимологии термина "славянофильство" и различиях в его прочтении. Изначально термином "словенофил", или же "словенофильство", было обозначено консервативное просветительство А.С.Шишкова, ратовавшего подобно М.Г.Гаврилову за широкое использование старославянского языка, за соответствующую этому старую основу воспитания молодежи в противовес "французскому", т.е. буржуазному влиянию. Смысл термина заключается в его изначальном буквальном прочтении, но с ироническим подтекстом относительно обозначения старославянских образцов и их русской модификации вплоть до последней трети XVIII в.

В условиях наметившейся в конце 30-х - начале 40-х годов борьбы московских кружков термин "славянофилы" был вынут из нафталина и в подчеркнуто ироническом смысле стал употребляться "западниками" для обозначения идеологического течения, возглавлявшегося А.С.Хомяковым, К.С.Аксаковым и др. Сами же славянофилы, уделявшие много внимания вопросам сохранения традиций допетровской, московской Руси, охотнее именовали себя "москвофилами", А.С.Хомяков и А.И.Кошелев предлагали в разное время называть себя "туземцами", "туземниками" или "самобытниками". Эти попытки самоназваний сильно запоздали, прозвище "славянофилы" прочно укрепилось в журнальной полемике. Слабая генетическая связь различных по своим основам консервативных элементов у деятелей начала XIX в. и 40-х гг. тем более не охватывает богатого и широкого содержания идейно-политических, исторических, философско-этических воззрений "наследников" полузабытого термина.

В середине XIX в. вполне отчетливо осознавалось несовершенство термина. Так Н.Г.Чернышевский писал: "Мы употребляем это имя как наиболее всем известное, но нам кажется ... оно не имеет в настоящее время никакого внутреннего смысла. Мы готовы с удовольствием заменить его другим, какое будет нам указано самими последователями мнений, о которых идет речь". Для Н.Г.Чернышевского было очевидным, что "симпатия к славянским племенам не есть существенное начало в убеждениях целой школы, названной этим именем...". По этому поводу он восклицал: "Кто же из образованных людей не разделяет с ней этой симпатии?". Равным образом сами славянофилы испытывали неудобства навязанного им термина. И.С.Аксаков замечал: "Брата моего Константина даже упрекают в совершеннейшем равнодушии ко всем славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Великороссии".

Однако не все и далеко не всегда акцентировали внимание на несоответствие буквального смысла термина его употреблению. В работах В.Г.Белинского, например, не только упоминались "славянофилы - шишковисты", но и содержались расширительные толкования славянофильского движения. Так в рецензии на "Славянский сборник" (1845) горячего поклонника Петра I слависта Н.В.Савельева, посвятившего свой труд

"памяти Ломоносова и Венелина, падших за независимость русской мысли", критик-демократ считал автора вождем "целой партии славянофилов". В журнале "Иллюстрация" в 40-е годы славистические исследования характеризовались как проявления славянофильства.

В зарубежных славянских употреблениях термина славянофильство очень часто воспринималась лишь одна, буквальная сторона его. Из сказанного вытекает необходимость выяснения конкретно исторического содержания того или иного "славянофильского" явления. Через полтора века интенсивного изучения славянофильства, широкого распространения термина в дифференцированных исследованиях различных гуманитарных наук, вероятно, нет возможности и необходимости отказываться от термина.

Следующим важным моментом является соотношение "славянофильства" и "панславизма", между которыми уже с середины XIX века в особенности в работах неславянских авторов подразумевался знак равенства или тождества. Прежде всего такая тенденция связана с односторонним и историческим подходом к славянофильству, понимаемому в буквальном смысле слова, что неприемлемо ни к деятелям начала XIX века, ни к "ранним" славянофилам 30-50-х годов. Помимо этого преувеличенно и априорно предполагается наличие в любом "славянолюбстве" идеи исключительности и превосходства славян. Еще в 1849 году молодой Иван Аксаков, отвечая на вопросы III отделения написал: "В панславизм мы не верим и считаем его невозможным, потому что для этого необходимо было бы единоверие славянских племен, а католицизм Богемии и Польши составляет элемент враждебный, чуждый с элементом православия прочих славян." На полях этого ответа Николай I заметил: "И дельно, потому что все прочее - мечты... ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России." Разумеется, эти пассажи приводятся не для того, чтобы полицейский допрос приравнивался к изложению концепции, а эмоции императора - к историографическому факту. Вопрос состоит в ограничении после соответствующего выяснения возможности применения ярлыка "панславизм". В политическом звучании, когда речь заходит об объединении всех славян в единое государство, очень часто

самых различных сторонников агрессивной политики России именуют "панславистами" и "славянофилами". Эти вольный упрощения связываются, как правило, с тенденциозной трактовкой якобы извечной агрессивности внешней политики России, питавшейся поддержкой "широкого славянофильского движения". На протяжении эпохи Болгарского национального возрождения, как и до нее, и позднее, задача объединения всех славян никогда не ставилась даже самыми реакционными руководителями внешней политики России.

Утверждение в публицистике, германской и австрийской, термина "панславизм" связано с проявлениями опасений перед возросшей после Венского конгресса ролью царской России в европейских делах. В этом страхе "панславизм" подразумевался как общее выражение якобы существующего в реальной политике "панрусизма". Существование в России расплывчатых утопических прожектов-мечтаний среди агрессивных националистических элементов очень часто произвольно распространяется на те или иные проявления роста национального самосознания, на выражение поддержки борьбы угнетенных славянских народов, на промежуточные указанные явления. Политизации, в частности, подвергаются отдельные стихотворения Одоевского, Пушкина.

В идеологических построениях зарубежных славян имелись также черты панславизма политического, выступавшие как проявление национализма угнетенных народов. При этом прогрессивные черты сочетались с национальными модификациями "пан-измов". Так в иллиризме иногда проявлялись черты панхорватизма в южнославянских рамках, а в "югославизме" сербских националистических кругов иногда скрывался "пансербизм" в южнославянских масштабах.

Гиперболизация этих моментов в буржуазной западноевропейской историографии еще больше запутывает вопрос о взаимоотношениях славянофилов и зарубежных славянских национальных движений. Особенно это проявляется в однозначной трактовке, например, "панславизма культурного" как прикрытия "политического". Эта тенденция не была единственной в "культурном панславизме", имелись вариации объединения близких по языку славянских культур, общественных сил и т.д. Эти вариации иногда имели характер поддержки

зарубежных славянских культурных проявлений, иногда субъективно выражали пессимистические оценки "славянского отставания". В отдельных панславистских проявлениях "неославизма" начала XX в. имелись вариации финансово-экономического объединения усилий в космополитическом исполнении и т.д.

Панславистские проявления, как и славянофильство, необходимо рассматривать не столько в их национальном аспекте, сколько с учетом всех национальных, социальных и исторических компонентов. Только таким путем можно устранить наслоения терминологического разноречия, политической тенденциозности, упрощений и неисторического подхода, национальных славянских и неславянских трактовок и т.п.

Эти предварительные замечания не заменяют историографического экскурса, необходимого для уточнения развития марксистской историографии по проблемам социально-классового анализа русского славянофильства 30-70-х годов. В период утверждения марксистской методологии господствовали негативистские оценки славянофильства, как выражения идеологии русских помещиков. При этом однобоко выделялись и абсолютизировались реакционные черты славянофильства, противостоявшего революционному течению в общественном движении. В конце 30-х годов, в особенности в результате дискуссии 1940 года по докладу С.С.Дмитриева, утвердилась точка зрения на славянофильство, как на идеологическое проявление буржуазно-помещичьих слоев, занимавших умеренно-либеральные позиции в движении за отмену крепостного права "сверху". В работах историков за последние десятилетия проявились и некоторые новые черты. Так Е.А.Дудзинская выделяла буржуазное содержание славянофильства 60-70-х годов. В книге Н.И.Цимбаева раскрывается новый элемент славянофильства "пореформенного", а именно главный его компонент - "теория общества". Это позволило Н.И.Цимбаеву показать перенос центра идеологии на интеллигенцию, ее особую роль в славянофильской идеологии 60-70-х годов, приобретшей буржуазное содержание.

Развитие историографии не затрагивает в целом оценок славянофильства в синтетических трудах по истории России. В них, как правило, подчеркиваются консервативные стороны

славянофильства с оговорками о временном умеренно-либеральном характере антикрепостнической деятельности славянофилов накануне крестьянской реформы. В общих чертах эти оценки были повторены в дискуссии 1969 года и в последовавших работах литературоведов, участвовавших или не участвовавших в дискуссии.

Во всех этих работах крайне малое место занимали вопросы славянских связей славянофилов. Оговорки о незначительности их не снимают вопроса, тем более, что славянофильское движение как "раннее", так и пореформенное, соприкасалось со славяноведением, в том числе с болгаристикой, являлось составной частью русского общества, интерес которого к зарубежным славянам, в том числе к болгарам, возрастал на протяжении 30-70-х годов XIX века.

В современной болгарской историографии при попутном освещении русского славянофильства преобладает выделение "славянского" компонента русских славянофилов, отмечается их роль в защите болгарских интересов в период восточного кризиса 1875-1878 гг. При этом очень часты упрощения, которые находят выражение в характеристиках ряда деятелей, не имевших общего ни с каким славянофильством, но проявлявших интерес к славянским особенностям, как представителей славянофильства. При разделении прогрессивных черт в развитии русско-болгарских связей и консервативных в русском общественном движении многие авторы причисляют к славянофилам представителей консервативно-охранительного лагеря, много занимавшихся славянским вопросом (М.Погодин, М.Катков и др.). Славянский благотворительный комитет характеризуется как преимущественно славянофильское начинание и т.д.

Помимо отмеченных особенностей необходимо обратить внимание на нерешенность в историографии вопроса о соотношении славяноведения и славянофильства в процессе их воздействия на национальные движения славянских народов. Публицистическое освещение проблем зарубежного славянства, зарождение славяноведения, равно как и славянский компонент в идеологии славянофилов, имели своим основанием реально существовавший факт исторической общности славянских народов. Хотя отражение этого реального факта мог-

ло быть и было далеко не одинаковым, нельзя сбрасывать со счета факторов возникновения, например, славянофильства 30-40-х годов XIX века, воздействие общеславяноведческих изысканий на осмысление исторических особенностей развития России.

Упоминание этого обстоятельства целесообразно, хотя бы в связи с тем, что в дискуссии 1969 года, а также в книге "Литературные взгляды и творчество славянофилов" (М., 1978) выделялся и вопрос о нерусском, неславянском происхождении славянофильства. Хотя эта точка зрения, основанная на преувеличении значения известных фактов внимания ранних славянофилов к отдельным течениям немецкой философской мысли, была отвергнута, она все же присутствует в интерпретации проблем раннего славянофильства, хотя бы и в отрицательном плане. Именно поэтому более закономерным представляется вопрос о воздействии славистических исследований, например, работы Ю.И.Венелина "Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам" на взгляды его ученика Константина Аксакова, работ Н.В.Савельева на исторические концепции А.С.Хомякова и т.д. Из этого разумеется не следует делать вывода о славянофильстве Венелина и Савельева, однако их романтизация прошлого болгарского народа действительно питала романтические представления нового течения русской общественной мысли в его исходной основе о русской и славянской старине.

В общем плане традиции начального этапа русского славяноведения нашли свое отражение в специальном историческом сборнике ранних славянофилов "Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовверных и единоплеменных" (М., 1845). В том же году появилась "История Болгарского государства" ("Библиотека для воспитания", 1845, ч.6, отд.1) славянофильского историка Василия Алексеевича Панова (1819-1849 гг.).

К тому же 1845 году относится и первое известное нам болгарское проявление адаптации славянофильства. В публикации В.Априлова "Болгарские грамоты" (Одесса, 1845) было отмечено во введении, что славистические исследования Венелина являются заветом настоящего славянофильского отноше-

ния к истории славян. Хотя источниковедческая публикация Априлова не была связана с русским славянофильским движением 40-х годов, эта мнимая связь вызвала резкую критику журнала "Иллюстрация" (8.XII.1845, т.I, N 35, с.555-556).

Восприятие славянофильства как "славянолюбства" в болгарском национальном движении не сопровождалось установлением связей с московским кружком славянофилов. Известно лишь о пересылке С.Палаузовым через слависта М.Боянского болгарского журнала "Любословие" славянофилу Панову в 1845-1847 гг., а также об обращениях за благотворительной помощью болгарина З.Княжеского к отдельным славянофилам. Последний момент не был значительным в широкой деятельности З.Княжеского по привлечению представителей официальной России, а также влиятельных общественных деятелей к оказанию помощи болгарскому просвещению.

За исключением упомянутой работы рано умершего В.А.Панова в печатной продукции славянофилов не появилось в период до Крымской войны ни одной работы о Болгарии. Помимо относительно слабого тогда интереса к зарубежным славянам сильное воздействие оказала и реакция царизма на славянский вопрос 1848-1849 гг.

В то же время болгарская тематика в русском славяноведении в период с конца 30-х годов до начала 50-х годов представляла собой широкий круг исторических и современных проблем. В работах Н.Н.Мурзакевича, И.И.Срезневского, О.М.Боянского, В.И.Григоровича, С.Н.Палаузова, В.Априлова, З.Княжеского и др. заметно было стремление к научному углублению болгаристики. При этом вопросы идейной и общественно-политической полемики, выдвигавшиеся в борьбе различных течений русского общества, не занимали сколько-нибудь значительного места. Тем не менее уже с тех времен в историографии истории русского славяноведения вплоть до наших дней довольно часто ставится вопрос о славянофильстве отдельных славяноведов, появлении славянофильских концепций истории крупнейших явлений в прошлом зарубежных славянских народов и т.п.

Относительно болгаристики эти вопросы не изучены в современной историографии, можно лишь говорить о преобладающем буквальном прочтении термина "славянофильство"

в тех редких случаях, когда косвенно затрагиваются упомянутые вопросы.

Воздействие русского славяноведения, прежде всего болгаристики, на болгарское национальное движение приобретало все большее значение по мере усиления и размаха национально-просветительского движения в болгарских землях. В рассматриваемой проблеме "славянофильство и болгарское национальное движение" это явление должно быть подчеркнуто прежде всего в связи с широким отождествлением болгарскими деятелями 40-50-х годов XIX в. таких разных понятий, как "славянофильство" и "славяноведение".

Подобное восприятие проявляется и в современной историографии, однако для рассмотрения болгарских связей славянофильского общественного течения в России и отношения к нему болгарских общественно-политических группировок необходимо разграничение. В нашем случае это выражается в подчеркивании факта сильного воздействия русского славяноведения на болгарское просветительское движение и слабого, если не сказать минимального, восприятия теоретических постулатов русского славянофильства в Болгарии.

Та же пропорция действительна и в отношении болгарских контактов, с одной стороны, русских славистов и, с другой, славянофилов в период до Крымской войны.

Из постулатов славянофильской теории 30-40-х годов важное место отводилось укреплению православия в славянстве. Не углубляясь в особенности нравственных и историко-теоретических нюансов этого пункта теории славянофилов, необходимо сказать, что он соприкасался во внутривнутриполитическом плане с соответствующим пунктом теории официальной народности, а во внешнеполитическом аспекте совпадал с идеей об укреплении православного единства. В связи с начавшейся в это же время болгарской национально-церковной борьбой против духовенства Константинопольской патриархии, можно говорить об элементах противоречий между славянофильской теорией, с одной стороны, и задачами конкретного характера болгарского национального движения - с другой.

Проявление противоречий в общественно-религиозной сфере началось после Крымской войны и стало одной из причин и одним из компонентов обратного воздействия болгар-

ского национального движения на русское пореформенное славянофильство. Эта обратная связь взаимоотношений русского славянофильства и болгарского движения вообще не предусматривалась в буржуазной историографии. Данный вопрос не изучался и в современной марксистской историографии, отчасти в силу весьма слабого внимания к эволюции славянофильской концепции православия.

В изменившихся после военного поражения России условиях обострился вопрос о восстановлении ее морального престижа среди угнетенных народов Османской империи. В созданном в начале 1858 года Московском славянском благотворительном обществе оказание поддержки православным славянским народам в Турции стало одной из главных задач деятельности. Географическая направленность благотворительной помощи была обращена прежде всего к Болгарии, а также Боснии и Герцеговине. Эта инициатива различных общественных группировок Москвы, в том числе славянофилов, была поддержана правительством. Сбор материальной помощи, церковной утвари и богослужебной литературы активно поддерживался московскими славянофилами. Болгарская ориентация этой деятельности облегчила и появление на страницах славянофильского журнала "Русская беседа" статьи болгарина Х.Даскалова "Возрождение болгар или реакция в европейской Турции".

Обнаружившиеся с предельной остротой болгаро-греческие противоречия в этой публикации Х.Даскалова и, в еще большей мере, в серии статей "Турецкие дела" в журнале М.Н.Каткова "Русский вестник", противодействие властей критике константинопольского духовенства вплотную поставили перед славянофилами вопрос о национальных противоречиях в православном мире. Развертывание болгарского национально-церковного движения, усиление католической и протестантской пропаганды на Балканах способствовали актуализации проблемы как для внешней политики правительства, так и для различных течений русского общества.

В конце 1850-х - начале 1860-х годов московские славянофилы не выработали еще четкой позиции по вопросу о болгарском церковном движении. Это видно из ответа А.И.Кошелева, издателя "Русской беседы", в Московский цен-

зурный комитет в связи со статьей Даскалова, из вводных статей газеты "День" в 1861 году, писавшихся И.С.Аксаковым. В то же время славянофилы стремились привлечь болгарских авторов к освещению национально-церковной проблемы. Сотрудничество болгар Х.Даскалова и В.Поповича в "Русской беседе", попытка привлечения Х.Камбурова в состав авторов газеты "Парус", закрытой вследствие несанкционированного введения И.С.Аксаковым славянского отдела, привлечение с момента появления газеты "День" болгарских сотрудников, а также активное участие в Славянском благотворительном обществе - все это явилось новым моментом в общественной практике славянофилов, стало фактическим началом установления их непосредственных контактов с болгарским национальным движением.

Для характеристики позиций московских славянофилов по вопросам болгарского национального движения на протяжении 1860-х годов необходимо сделать два предварительных замечания. Во-первых, общественная группировка И.С.Аксакова и его сторонников субъективно стремилась поддержать традиции русского славянофильства. Во-вторых, во внутриполитической практике деятельность московских славянофилов, несмотря на эволюцию социологической концепции сообразно их пониманию общественных изменений в пореформенной России, объективно смыкалась с деятельностью иных общественных сил, по преимуществу буржуазного характера, не имевших ничего общего с "классическим" славянофильством. Эти замечания важны для учета общей эволюции славянофильства, в частности, в области внешней политики, а также для выяснения масштабов распространения болгарского компонента пропаганды славянофилов после вовлечения торгово-буржуазных слоев, практически не выдвигавших до Крымской войны, до крестьянской реформы собственных политических программ.

В издававшихся славянофилами в 1860-е годы газетах "День", "Москва", "Москвич" болгарская тематика интересна по крайней мере в двух ее компонентах: церковная борьба и вооруженные выступления болгар. Попытки И.С.Аксакова в 1861 году в примирительном духе освещать болгаро-греческие противоречия встретили резкую критику болгар. В выступле-

нии Л.Каравелова в газете "Русская речь" и "Московский вестник" отмечалось, что "День" со своими притязаниями идет наперекор истории и современным понятиям. Проповедуя соединение болгар с греками, "День" в то же время стоит против всякого единения сербов, черногорцев и болгар, тогда как история только и добивается этого единения.

Этот эпизод должен быть рассмотрен в контексте неудачи славянофильского послания "к сербам", вызвавшего отпор в России и Сербии. Попытки славянофилов опереться в начале 60-х годов на морализаторские традиции в освещении современных проблем национальных движений южных славян завершали по сути предшествовавший этап следования во внешней политике за правительством. Выработка особенной политической линии потребовала от славянофилов не только забегания вперед, но и уточнения соотношения собственно политических и нравственно-православных проблем. Это нашло свое выражение и в отношении "Дня" к польскому восстанию, и в критике казенного характера русской православной церкви.

Практика освещения болгарской тематики в "Дне" приобрела оперативный характер благодаря привлечению болгарских авторов - Р.Жинзифова, К.Станишева, Т.Минкова и др. Несмотря на отличия их взглядов, разницу их либерально-буржуазной платформы и программ болгарских революционных сил, систематическое освещение болгарского церковного движения в славянофильской газете превратило ее в рупор болгарских интересов. Существенное изменение позиции славянофилов по болгарскому церковному вопросу опережало политику русской дипломатии и отдельных органов печати в деле поддержки идеи о создании независимой болгарской церковной организации. Воздействие болгарского национального движения на позиции московских славянофилов проявилось не только в церковном вопросе. В период обострения балканских проблем в 1866-1869 гг. И.С.Аксаков в своей журналистской деятельности в газетах "Москва" и "Москвич" ограничился лишь освещением славянского вопроса. Такое распределение ролей в газетах, издававшихся на средства московских купцов, еще более усиливало практическую направленность болгарских связей московских славянофилов.

Под влиянием сообщений о болгарских четах славянофильские газеты "Москва" и "Москвич" в 1867-1868 гг. поддержали вооруженные выступления, признав "болгарское восстание" справедливым. Термин "разбойник", характерный для освещения вооруженных выступлений в русских газетах первой половины 60-х годов был заменен на термин "инсургент", приувеличение масштабов "болгарского восстания" стало одной из форм поддержки болгарского национального движения в "Москве" и "Москвиче". Эти формы освещения событий 1867-1868 гг. не были особенностью только славянофильских газет, однако они были среди наиболее активных русских органов печати в этом вопросе, информативный его аспект трансформировали в политический. Болгарские сотрудники, объективно примыкавшие к течению "старых" в болгарском национальном движении, оказались в эти годы в русле проводившейся И.С.Аксаковым пропаганды вооруженного пути освобождения Болгарии. Нелишне заметить, что в 1867 году русское правительство выступало за предоставление болгарам административной автономии.

Эволюция взглядов славянофилов по политическим проблемам болгарского национального движения сопровождалась расширением их контактов с представителями его. В деятельности болгар за пределами России в 60-е годы происходило утверждение прежнего понимания славянофильства как движения сторонников возбуждения славянского вопроса. Характерно, что некоторые болгарские студенты по возвращении на родину после обучения в России отождествляли московских славянофилов и ученых-славяноведов. Таким было, например, восприятие Д.Фингова. Старые и новые оригинально-славянофильские теоретические построения практически не получали широкого отклика в болгарском общественном движении. Главным в отношении представителей его течений к русскому славянофильству, московскому кружку И.С.Аксакова, становилось политическое проявление оценки русско-болгарских взаимоотношений, роли русских общественных кругов и официальных представителей России (дипломатических и военных) в решении задач болгарского национального движения.

Консервативный характер конкретного московского кружка славянофилов подмечался и подвергался критике в работах тех представителей болгарской молодежи, которые внимательно следили за борьбой русской демократии со славянофильством. Как уже отмечалось, еще в период обучения в Москве Л.Каравелов написал ряд антиславянофильских работ. В основе его критики лежало несогласие со славянофилами по многим вопросам болгаро-русских отношений, национально-политических проблем освободительной борьбы на Балканах. В 1864 году, еще находясь в Москве, Л.Каравелов выступил на страницах газеты "Българска пчела", издававшейся в Бразиле, с критикой общественно-литературных позиций московских славянофилов и их болгарских сторонников. В конце 60-х - начале 70-х годов на страницах собственных газет "Свобода" и "Независимость" Л.Каравелов выделял панславистские тенденции в русской прессе и, опираясь на Н.Г.Чернышевского, А.И.Герцена, А.Н.Пыпина, критиковал славянофильство, приравнивая его к панславизму. В то же время болгарский демократ достаточно высоко оценивал роль "блаженнопочившей" славянофильской "Москвы" в деле освещения положения болгар.

Прекращение московских славянофильских изданий в конце 60-х годов, организационная консолидация революционных сил в болгарском национальном движении и другие явления болгаро-русских взаимоотношений первой половины 1870-х годов затрудняют выяснение динамики текущих болгарских связей московских славянофилов этого периода. Вместе с этим можно отметить, что еще в период 60-х годов обнаружились славянофильско-панславистские тенденции в публицистических работах отдельных славистов, писавших по болгарской тематике (А.И.Гильфердинг, В.И.Ламанский, А.И.Будилович, и др.), а также в некоторых газетах и журналах, общее содержание которых было противоположным идеологической и политической линии московского кружка славянофилов ("Голос", "Русский инвалид", "ЖМНП", "Литературная библиотека" и др.). Эти явления и в особенности националистически-панславистские выступления Н.Я.Данилевского, Р.А.Фадеева, усилившиеся после германских побед в Европе, стали отражением русского национализма новой капиталистической

эпохи. "Славянолюбие" в крайней панславистской форме в 60-70-е годы XIX в. сосуществовало с московским славянофильством.

Деятельность московских славянофилов активизировалась в годы восточного кризиса 1875-1878 гг. Этот аспект достаточно хорошо изучен в конкретно-историческом плане относительно роли славянофилов в Московском и других славянских комитетах. Широкий общенародный подъем движения в защиту южнославянских народов был использован славянофилами в деле оказания прямой поддержки вооруженных выступлений болгар, посылки добровольцев на Балканы, подталкиванию правительства к военным мерам и т.д.

Позитивная оценка объективных результатов русско-турецкой войны 1877-1878 гг. позволяет поставить и ряд вопросов относительно болгарских связей славянофилов этого периода. Решительная поддержка славянофилами вооруженного пути освобождения Болгарии способствовала достижению объективно прогрессивных результатов. Неудачные проявления внутриполитического либерализма славянофилов, включая так называемый московский адрес 1870-го года, стали еще одним мотивом активизации их внешнеполитических замыслов. Создание с помощью России новых славянских государств, что должно было послужить основой для новых благоприятных для России внешнеполитических условий, было не только корыстным интересом царского правительства, испытывавшего сильное воздействие общественных течений разного толка, но и славянофилов, субъективно считавших себя сторонниками этой линии на протяжении десятилетий. Совпадение этих тенденций облегчило для славянофилов благосклонное отношение правительства и императора к их общественной активности накануне русско-турецкой войны, к выдвиганию на еще не совсем определенную роль главы гражданской администрации В.А.Черкасского. Эти моменты в русско-болгарских отношениях 1876-1878 гг. важны для характеристики роли славянофилов, соотношения их своекорыстных целей и объективных результатов дела освобождения Болгарии и воссоздания болгарской государственности.

Постоянные контакты В.А.Черкасского с И.С.Аксаковым и его ближайшими сторонниками в трудные месяцы вой-

ны, приверженность самого В.А.Черкасского ко многим идеям славянофильского кружка по славянскому и внутривосточным вопросам позволяют говорить о том, что непосредственное наполнение конкретным содержанием замыслов правительства в отношении подготовки болгарской администрации стало делом славянофилов. Определенная регламентация этой деятельности военными и дипломатическими руководителями не меняет существа этого вида деятельности славянофилов в русскоболгарских связях.

Твердая линия, которой придерживался В.А.Черкасский в отношении к представителям различных течений болгарского национального движения, определялась в конечном счете не личными чертами характера и даже не столько славянофильскими предубеждениями относительно отдельных болгарских деятелей, по поводу чего после кончины В.А.Черкасского в день подписания Сан-Стефанского прелиминария шла оживленная дискуссия в русской и болгарской прессе. Главным было отношение В.А.Черкасского и славянофилов к этому делу, как к сугубо русскому, соответственно целям политики русского правительства и славянофилов, совпадавшим в данном вопросе. Это объясняет и личную самоотверженность В.А.Черкасского в его трудной деятельности, и ориентацию на деловые качества болгар, принимавшихся на службу в администрацию, порой в причудливом сочетании из числа революционеров и консерваторов.

Было бы, однако, преувеличением считать подбор и расстановку болгарских кадров полностью делом славянофилов, в особенности если иметь в виду решение Берлинского конгресса о сокращении сроков русской оккупации и деятельность других ведомств России после смерти Черкасского. Тем не менее, несмотря на классовую ограниченность мероприятий по введению гражданского управления в годы войны, позитивный смысл их состоял в создании благоприятных условий для окончательного оформления болгарской государственности после принятия Тырновской конституции.

Ревностное отношение славянофилов к делу воссоздания болгарской государственности во многом предопределило и знаменитое выступление И.С.Аксакова по поводу Берлинского трактата. Возобладавшее в тот период отношение пра-

вительства к этому событию, как к политической реальности, не воспринималось славянофилами.

В русско-болгарских отношениях 1879-1883 гг., в деятельности военных и дипломатических представителей в эти годы в Болгарии славянофильские представления играли значительную роль не только в силу традиции 1876-1878 гг., но и в результате расплывчатых инструкций правительства относительно социально-политических проблем Болгарского княжества. Симпатии или антипатии к либералам и консерваторам в Болгарии, чередовавшиеся у военных и дипломатических представителей России, определялись их индивидуальным восприятием роли болгарских партий для стабилизации русского влияния. Абстрактные представления о нравственной основе этого влияния далеко не всегда соотносились с динамичными социально-политическими изменениями в Болгарии, а отдельными представителями попросту игнорировались. Усиление позиций австрийского капитала в Болгарии с тревогой отмечалось московскими славянофилами, пытавшимися, используя связи с купеческими кругами, подвести экономическую основу под русско-болгарские отношения. Неудача этих попыток, острое развитие политической борьбы в Болгарии во многом определили новое проявление болгарского национализма в русофильской и русофобской формах буржуазного содержания в 80-е годы.

Подводя итоги рассмотрения болгарских связей русских славянофилов, можно констатировать сложный характер их развития. Отношение представителей болгарского национального движения к славянофильству определялось их пониманием значимости славянофильства для освободительной борьбы в Болгарии. Интерес к позициям русского общества, стремление обеспечить поддержку России приводили к расширительному толкованию славянофильства, чаще всего вне зависимости от его внутрироссийских особенных позиций. В общественной практике русских славянофилов проявилось сильное воздействие болгарского национального движения, в особенности в деятельности московской группировки во главе с И.С.Аксаковым. Эволюция позиций этой генетически связанной с "классическим" славянофильством группировки протекала в тесной связи с расширявшимися ее контактами с болга-

рами. Поддержка вооруженного пути освобождения Болгарии, помощь в деле воссоздания болгарской государственности имели позитивное значение, несмотря на разочарование в отношении реализации националистических планов. Славянская окраска буржуазных взаимоотношений оказала сильное воздействие на развитие связей между русским и болгарским обществом в период становления капитализма.

Формирование национально-революционного течения в болгарском освободительном движении

Крымская война явилась рубежом перехода к качественно новому этапу истории болгарского национального движения. Главным содержанием этого этапа стали все возрасставшее влияние политически оформившегося революционного крыла, его активная идейно-политическая и организаторская деятельность. Основные формы освободительной борьбы - движение за национальное просвещение и независимую церковную организацию, а также вооруженные выступления - приобрели в 50-70-е годы значительно более широкие масштабы. Проблема освобождения болгар впервые открыто поставлена как болгарский национальный вопрос, требующий кардинального решения. Менялось и соотношение форм борьбы. На передний план выдвигалась идеологическая и политическая подготовка к вооруженному восстанию. Одновременное развитие разных форм борьбы в крепнувшем национально-освободительном движении не означало, однако, что среди его участников было достигнуто идеологическое и политическое единство. Социально-классовые изменения, происходившие в ходе кризиса феодально-бюрократической османской системы, и развитие буржуазных отношений в болгарском обществе обусловили усиление процесса идейно-политической дифференциации в национальном движении. Отношение к таким вопросам,

как политическая направленность борьбы за национальное просвещение, роль национальной церкви, организация самостоятельного вооруженного восстания болгар, служило показателем принадлежности к тому или иному течению или группировке среди борцов за освобождение.

Существенно осложнили процесс дифференциации и согласование позиций в болгарском национальном движении различия в отношении к международным аспектам борьбы за независимость, в частности, к вопросу о взаимодействии с другими национальными движениями на Балканах, к политике вассальных Османской империи княжеств (Сербии и Румынии), к роли великих держав, прежде всего России, в период освободительной борьбы болгарского народа против османского ига.

Еще в ходе Крымской войны, когда усилились надежды болгар на скорое освобождение с помощью России, были созданы "Тайное общество" в Константинополе, имевшее свои группы в ряде болгарских городов. Бухарестский комитет, объединивший болгарскую эмиграцию в Дунайских княжествах, так называемое Одесское болгарское настоятельство. Участники всех этих организаций выражали общее стремление болгар добиваться освобождения страны. Вместе с тем тактические замыслы их руководителей существенно отличались. Бухарестский комитет и Одесское болгарское настоятельство возглавляли в основном зажиточные торговцы. Они соперничали между собой за право представлять национальные интересы болгар перед русским военным командованием, содействовали организации специальных отрядов болгарских добровольцев в составе русской армии. "Тайное общество" стремилось оказать помощь русской разведывательной службе. Предприняло оно и попытку подготовить восстание в болгарских землях. Существенно отличалась позиция либеральных слоев болгарской буржуазии в Османской империи, которые в начале войны ограничивались составлением петиций, адресованных России и содержащих требования независимости болгарской церкви, организации национальных училищ и т.п., а также расплывчатые пожелания о предоставлении болгарам гражданских прав, которыми обладали другие народы.

Активность упомянутых болгарских организаций не была постоянной. Она во многом зависела от успехов и неудач русской армии на Балканском театре военных действий. Неблагоприятные перемены в ходе войны, аресты османскими властями ряда руководителей болгарских заговорщиков воспрепятствовали осуществлению намеченных планов. Тем не менее упрочилась новая тенденция в болгарском национальном движении - стремление к созданию разветвленной сети боевых организаций и последовательной ориентации на вооруженную борьбу как основной путь достижения свободы.

Повышение уровня организации национально-освободительной борьбы, идеологическое обоснование и пропаганда революционного пути к достижению цели тесно связаны с именем Георгия Раковского (1821-1867). Выходец из известной торговой семьи, он учился у видного просветителя Райно Поповича, затем в греческой школе в Константинополе и в гимназии при Афинском университете. Еще до Крымской войны Г.Раковский приобрел революционный опыт в различных формах болгарского революционного движения: в борьбе за национально-церковную самостоятельность, в организации заговоров и восстаний. Будучи одним из инициаторов создания и главных деятелей болгарского "Тайного общества" в годы Крымской войны, Г.Раковский первым предпринял шаги к организации в общенациональном масштабе борьбы болгарского народа за политическое освобождение. Аресты и тюрьмы, побег и лишения закалили его характер, широкие связи с патриотически настроенными болгарскими торговцами и интеллигенцией, с деятелями греческого, сербского и других национальных движений на Балканах, образованность и широкий кругозор способствовали выдвижению Г.Раковского на роль ведущего идеолога и организатора революционной борьбы в Болгарии.

Большое агитационное значение имела поэма Г.Раковского "Лесной путник" (1857), в которой были обобщены уроки болгарского освободительного движения, содержался призыв к созданию национальных вооруженных сил. Вера революционера в силы своего народа ярко отразилась также в историко-филологических и этнографических публикациях Г.Ра-

ковского. Путь к свободе он определил кратко и четко: борьба "печатным словом и саблей".

Среди заслуг Г.Раковского важнейшей является соединение революционной пропаганды с организаторской работой по подготовке вооруженных выступлений. Вынужденный скрываться от преследования турецких властей, он часто менял место жительства, прилагая всюду большие усилия по налаживанию издания болгарской революционной газеты. Во время недолгих остановок в Сербии, Австрии, России, Румынии Г.Раковский стремился сохранить связи с болгарскими патриотами внутри страны, а также с находившимися в эмиграции, обеспечивал выход печатных органов "Български дневници", "Дунавски лебед", "Будушност", "Бранител", "Българска старина" и др. Используя свои обширные связи с многочисленными корреспондентами этих изданий на Балканах, Г.Раковский высказывался по всем актуальным вопросам болгарского национального движения. Особенно успешной была его пропаганда вооруженной борьбы на страницах газеты "Дунавски лебед" (выходила в 1857 г. в Нови-Саде, в 1860-1861 гг. в Белграде). Эта печатная трибуна, приобретшая общенациональное значение, способствовала консолидации сил революционно настроенной молодежи, воодушевленной провозглашавшейся Раковским идеей открытой вооруженной борьбы с турецким правительством.

Выдвижение в конце 50-х - начале 60-х годов XIX века на первый план событий, связанных с обособлением болгарской церкви от греческой, придавало национально-церковной проблеме необычайно широкое звучание, вовлекло широкие народные массы в политическую борьбу, способствуя демократизации буржуазного по своему характеру движения. Г.Раковский, решительно выступая за полный разрыв с Константинопольской патриархией и отвергая идею создания унии с католической церковью, развернул именно в те годы активную идеологическую и военно-организаторскую деятельность, направленную на подготовку вооруженного восстания против османского господства в болгарских землях.

Обращаясь к историческому прошлому, Г.Раковский считал, что гайдуцкие четы, которые не прекращали вооруженной борьбы против чужеземного ига со времени завоева-

ния османами Болгарского государства, "были и остаются нашим символом политической жизни". Оформлению политических взглядов Г.Раковского содействовала осуществляемая им всесторонняя критика всей системы османского господства в болгарских землях. Отмечая политическое бесправие болгарского народа, он в отличие от либерально настроенных деятелей национально-церковного движения впервые убедительно показал безрезультатность проводимых турецким правительством реформ, бесперспективность намечавшихся путей преодоления экономической отсталости страны. Г.Раковский вскрыл также революционный характер сотрудничества турецкого чиновничества, греко-фанариотского духовенства и болгарского чорбаджийства. Основная цель Г.Раковского, несмотря на все своеобразие его формулировок и лозунгов, была достаточно ясной - полная политическая независимость Болгарии. Эта программа свидетельствовала, несомненно, о значительном прогрессе в политическом развитии болгарского национального движения.

С первых же шагов своей революционной деятельности Г.Раковский рассматривал вооруженное восстание в качестве основного средства борьбы за независимость. Главную роль при этом Г.Раковский отводил чета́м, целью которых были объединение разрозненных сил, революционизация народных масс. Наиболее развернуто он изложил свои взгляды в "Плане освобождения Болгарии" в конце 1861 г. Исходя из того, что "народный дух повсюду подготовлен к восстанию против Турции" и что агитационная работа будет продолжаться в наиболее крупных городах, Г.Раковский предусматривал заброску с территории Сербского княжества хорошо вооруженного полка в составе 1200 человек, в том числе 100 всадников и 100 артиллеристов. Рейд этого полка вдоль Старо-Планены вплоть до Черного моря должен был поднять на восстание население горных деревень, а также по обе стороны горного хребта, в результате чего численность восставших, по мнению Г.Раковского, возросла бы до 500 тыс. человек. Власть в освобожденных районах перешла бы, по его плану, к Временному болгарскому "начальничеству" (правительству).

Слабым звеном в планах Г.Раковского было недостаточное внимание к организации выступлений на местах. Идеа-

лизация четнической тактики, засылка отрядов с территории соседних стран, необходимость согласования этой меры с политикой вассальных по отношению к султану небольших княжеств - все это ставило под сомнение реалистичность плана восстания. Тем не менее в начале 60-х годов некоторые шаги к его реализации были осуществлены. Весной 1861 г. Г.Раковский приступил к созданию специального вооруженного формирования в Белграде, получившего название "Первый болгарский легион" и насчитывавшего около 600 человек, среди которых были как известные гайдуцкие воеводы (Христо Македонсий, Дед Илю, Иван Кулин и др.), так и молодые сторонники Раковского, прибывшие из Болгарии и соседних стран (Васил Левски, Стефан Караджа, Васил Друмев, Иван Касабов), сыгравшие впоследствии видную роль в болгарском освободительном движении.

Первый болгарский легион принял боевое крещение в боях с гарнизоном турецкой крепости в Белграде в июне 1862 г. во время конфликта Сербии с империей, имевшей свои опорные пункты в крепостях важнейших сербских городов. Ожидая скорого начала войны между Сербским княжеством и Турцией, Г.Раковский обратился с пламенным воззванием к болгарскому народу, в котором призывал к оружию всех от старого до малого - "за нашу дорогую свободу и независимость!". В воззвании говорилось: "Наша свобода зависит только от нас! Пусть каждому глубоко западут в сердце святыя слова - "свобода или смерть!" - и пусть каждый будет готов ... выступить на поле битвы под знаменем непобедимого болгарского льва!".

Разрешение сербско-турецкого конфликта дипломатическим путем, при посредничестве великих держав, привело к изменению внешнеполитической ситуации. Болгарский легион был распущен. В ряде болгарских городов, в связи с подготовкой к восстанию, создавались вооруженные группы. Однако координация их действий была явно недостаточной, а незначительная численность и низкое качество вооружения не позволяли рассчитывать на успех. Отличавшийся наибольшей активностью тырновский отряд ушел в июне 1862 г. в горы, но ему не удалось соединиться с габровским отрядом и вооруженными группами из больших балканских сел. Турецкие

власти, имевшие информацию о готовившемся выступлении, приняли срочные меры. Последовали многочисленные аресты. Тырновский отряд рассеялся. Поступавшие из Сербии новости о мирном разрешении сербско-турецкого конфликта сдерживали активность сторонников Раковского на местах. В трудном положении оказалась чета Панайота Хитова, находившаяся в балканских городах и не имевшая возможности ни объединить отряды местных повстанцев, ни получить оперативную информацию от Раковского. С большим трудом, скрываясь от преследований турецких карательных отрядов, поредевшая чета П.Хитова ушла на сербские земли.

Неудачи 1862 г. не обескуражили Г.Раковского и его сторонников. Несмотря на изменения международной обстановки, продолжалось формирование вооруженных отрядов, росло число подготовленных к походам сторонников активных вооруженных действий. В 1864 г. из Сербии в Болгарию снова направилась небольшая чета П.Хитова, а из Румынии - чета Стояна-Воеводы и Хаджи Димитра. Эти незначительные отряды ставили перед собой по преимуществу ограниченные задачи, готовясь к будущим выступлениям. Г.Раковский после переговоров в Сербии, Черногории и Греции о ведении совместных действий, не добившись реальных результатов, остановился в Румынии, где продолжал публицистическую деятельность и вел военно-организационную работу с помощью богатых болгар-торговцев Бухареста.

С середины 1860-х годов в Бухаресте и других румынских городах сосредотачивались значительные силы болгарской молодежи (преимущественно из малоимущих слоев), уже получившей опыт борьбы в гайдуцких отрядах или подвергавшейся преследованиям со стороны османских властей. Все это, наряду с наличием огромной массы болгарских переселенцев в Румынии, создавало здесь благоприятные предпосылки для активизации деятельности болгарских организаций. По сведениям современников, в Румынии проживало в 60-е годы от 200 тыс. до 600 тыс. болгар. Болгарский Бухарестский комитет был преобразован в 1862 г. в Добродетельную дружину, официально занимавшуюся благотворительной деятельностью. Объединившаяся вокруг этих организаций болгарская эмигрантская торговая буржуазия была вынуждена считаться с

появлением революционного крыла в общенациональном движении.

В борьбе за идеологическое влияние и лидерство в освободительном движении во второй половине 60-х годов происходила существенная перегруппировка социальных и политических сил в среде болгарской эмиграции. Это проявилось прежде всего в оформлении двух течений: "старых" и "молодых". Первые группировались вокруг Добродетельной дружины и придерживались традиционной тактики тщательного согласования своих действий с российской дипломатией, воздерживаясь при этом от целенаправленной подготовки вооруженного восстания. Это обусловило закрепление за "старыми" репутации консерваторов, хотя они были далеки от мысли о "консервации" системы османского господства в болгарских землях. Социальная база "молодых" была более широкой: от наемных батраков до представителей средней буржуазии, которых политически объединяла идея национальной революции, развивавшаяся прежде всего Г.Раковским и предусматривавшая сплочение всех патриотических сил эмиграции.

Газета Г.Раковского "Будущность", широко распространявшаяся его сторонниками в Румынии, готовила почву для создания организационного ядра группировки "молодых". Сам Г.Раковский подготовил программный документ - "Временный закон о народных лесных четах на 1867 г.", в котором предусматривалось создание в качестве суверенного органа национального движения "Верховного народного болгарского тайного гражданского начальства" и стройной системы вооруженных сил. Однако в том же 1867 г. Г.Раковский умер от туберкулеза.

Рост идейно-политического влияния движения "молодых", отражавшего чаяния широких кругов, благоприятное воздействие перемен в румыно-турецких отношениях на положение болгарской эмиграции привели к серьезным организационно-политическим изменениям в среде "молодых" в 1866-1869 гг. На протяжении нескольких лет особую активность проявлял Тайный центральный болгарский комитет (ТЦБК), который оформился в мае 1867 г. в обстановке благоприятствования со стороны румынских властей, которые были заинтересованы в организации совместного с болгарскими эми-

грантами отпора возможной османской агрессии. Однако после постепенного урегулирования румыно-турецких отношений ТЦБК продолжил самостоятельную деятельность, а подготовленный текст договора ("Священная коалиция между румынами и болгарами") так и не был подписан. Организаторов ТЦБК (И.Касабова, И.Грудова и др.) разделяли с Г.Раковским не столько личная антипатия, сколько все более усугублявшиеся идейно-политические противоречия.

ТЦБК, использовавший широкий спектр организационных форм и политических идей, революционных и либеральных, как болгарских, так и иностранных (румынских, итальянских и т.д.), течений, сыграл двойственную роль в развитии болгарского освободительного движения и организации "молодых". С одной стороны, комитет вел шумную пропаганду вокруг болгарского национального вопроса, способствуя активизации революционно настроенный болгарской молодежи в Османской империи. С другой стороны, объективно политическая линия ТЦБК, сводившаяся к требованию автономии болгарских земель в рамках проектировавшегося Турецко-Болгарского государства (подобного Австро-Венгрии), свидетельствовала об усилении буржуазно-либеральных тенденций в социально разнородном течении молодых.

На практике ТЦБК, несмотря на таинственность процедуры принятия своих членов, заимствованной во многом из ритуала масонов и, несмотря на конспирацию и иерархическую структуру, утвержденную уставом под влиянием опыта итальянских карбонариев, не был централизованной организацией со строгой дисциплиной и четкой программой действий. Создававшиеся в 1866-1867 гг. болгарские комитеты на местах не получали действенной помощи от Центрального комитета в Бухаресте, не имели зачастую и прочных связей с ним, как и между собой.

Тем не менее именно со времени создания ТЦБК начали зарождаться мифы о могуществе болгарских комитетов, широкое хождение стал приобретать термин "комиты", означавший членов комитетов, а иногда вообще всех болгар, недовольных османским режимом. ТЦБК издал в конце 1866 - начале 1867 г. ряд ярких по форме, но расплывчатых по содержанию документов: "Болгария перед Европой", "Меморандум".

адресованный султану, и др. Хотя изложенная в них политическая программа ТЦБК сводилась к идее "турецко-болгарского дуализма", содержащиеся в этих документах данные о невыносимом положении болгар под османским игом и пропаганда актуальности решения болгарского национального вопроса сделали комитет широко известным европейской общественности и дипломатам государств Европы. В самом же болгарском обществе парадоксальным образом распространилось мнение, что ТЦБК возглавляет Г.Раковский, хотя он был ярким противником компромиссов с султанским правительством.

К весне 1867 г. ряд болгарских комитетов, созданных в Румынии и Сербии, а также в самой Болгарии, готовил восстание в ожидании предполагавшейся сербо-турецкой войны. Было решено придерживаться, как и ранее, четнической тактики, пропагандировавшейся Г.Раковским. Материальную помощь формировавшимся четами оказывала и Добродетельная дружина, которую называли в то время также комитетом "стары". Эта организация продолжала ориентироваться в своих действиях на дипломатов России, постепенно снова усилившей свое влияние на Балканах после поражения в Крымской войне. Добродетельная дружина не могла оставаться в стороне от готовившихся событий, рискуя полностью потерять прежний авторитет в национальном движении. К тому же в апреле 1867 г. при содействии российской дипломатии Добродетельная дружина вступила в тесный контакт с политическими деятелями Сербии, разработав "Программу политических отношений между сербо-болгарами (болгаро-сербам) или их сердечных взаимоотношений". Хотя этот документ так и не был подписан сербским князем, его политические цели резко противостояли идее "болгаро-турецкого дуализма". В этой программе болгарской буржуазии предусматривалось создание федеративного южнославянского государства Болгаро-Сербии (или Сербо-Болгарии) под главенством сербской династии Обреновичей. Реализация проекта заранее ставилась в зависимость от международных условий: от решительности в проведении антиосманского курса Сербским княжеством и от поддержки российской дипломатии, видевшей в формировавшемся Балканском союзе противовес растущему влиянию Габсбургской империи. Тем не менее главным в содержании болгаро-сербской про-

граммы было свержение османского господства в болгарских землях.

Отношение к подготовке вооруженной борьбы болгарских чет было различным у "старых" и "молодых". Лидеры Добродетельной дружины (Х.Георгиев и др.) не были заинтересованы в расширении масштабов движения и расходовании собственных капиталов на эти цели. Связывая свои надежды с решительным выступлением против Османской империи Сербии и в особенности России, "старые" рассчитывали путем пропагандистских рейдовых походов небольших чет сохранить политическое лидерство в болгарском движении в ожидании международного дипломатического разрешения национального вопроса. В соответствии с этим "старые" стремились изолировать смертельно больного Г.Раковского, ограничить четническое движение угодными им рамками, но и то же время обеспечить важную роль Болгарии в межбалканских политических отношениях.

В лагере "молодых" не было единства и четкой организации действий. ТЦБК в Бухаресте занимал нейтральную позицию, не мешая, но и не содействуя созданию вооруженных чет, поскольку ряд членов комитета считали их формирование несвоевременным. Однако настроение основной массы "молодых" было в пользу подготовки чет к общему восстанию весной - летом 1867 г. Вдохновляемые вооруженным восстанием греков на острове Крит в 1866 г. и развернувшейся подготовкой сербского выступления против Турции, "молодые" пытались на практике осуществить план Г.Раковского.

Между тем крупную роль в болгарском освободительном движении стал играть Любен Каравелов (около 1834 - 1879). Его деятельность имела огромное значение для организационного оформления революционного течения и его демократизации. Сын зажиточного, но разорившегося торговца, Л.Каравелов в 1857 г. выехал в Россию для продолжения образования. В России сложились его мировоззрение и идейные представления, оформились разносторонние научные интересы, там же он стал писателем-публицистом. Обучаясь в Московском университете, Л.Каравелов еще в начале 1860-х годов встал на революционный путь, пропагандируя в России идеи Г.Раковского. Из опыта общественно-политической борьбы в

русском обществе Л.Каравелов извлек для себя претворенные им впоследствии в болгарском национальном движении революционно-демократические уроки. Пропагандируя на страницах умеренно либеральных и консервативных русских газет освободительные цели болгарского движения, Л.Каравелов в своих художественных произведениях и публицистике вскрывал социальные противоречия, свойственные болгарскому обществу. Идеологическое обоснование революционных задач в интересах большинства эксплуатируемого народа знаменовало новый этап в развитии болгарской политической мысли.

Прибыв в начале 1867 г. на Балканы, Л.Каравелов в своих корреспонденциях из Белграда популяризировал в русской прессе идею совместного выступления южнославянских народов против султанского правительства. В конце весны 1867 г. Каравелов основал в сербской столице Болгарский комитет, который сформировал крупную чету, готовую к выступлению в Болгарии.

Широко замышлявшаяся военная акция четы встретила, однако, много трудностей при реализации. Военно-организаторская подготовка проходила в сжатые сроки; недоставало вооружения и боеприпасов, несмотря на энергичные меры, принятые одесскими болгарскими; позиции сербского и румынского правительств менялись в зависимости от политической обстановки и хода дел у организаторов выступления. Координация действий болгарских чет, засылавшихся из Румынии и Сербии, а также гайдуцких отрядов, создававшихся внутри Болгарии, была явно недостаточной. Большие четы П.Хитова и Ф.Тотю, насчитывавшие соответственно 30 и 35 человек, вступили в Болгарию, но вынуждены были вести оборонительные бои, уходя от преследовавших их турецких отрядов. Чета Ф.Тотю в сражении у села Върбовка была разгромлена и рассеяна, сам воевода с немногими оставшимися у него четниками соединился с четой П.Хитова и с боями ушел на сербскую территорию. Боевые действия чет, несмотря на понесенные потери, поднимали революционный дух болгарского народа, готовили почву для новых вооруженных выступлений. Известие о "болгарском восстании" содействовало подъему национально-церковной борьбы. Практическим результатом четнического

движения 1867 г. стало также широкое освещение болгарского национального вопроса в европейской прессе.

Осенью 1867 г. в Белграде было открыто военное училище для подготовки болгарских юношей, а также черногорцев, хорватов и сербов в качестве военных руководителей чет. Болгарская группа численностью в 200 человек стала известна под названием "Второй болгарский легион". Материальные средства для его комплектования и обучения были предоставлены Россией, поощрявшей сербско-болгарские военно-политические контакты. Добродетельная дружина рассматривала Второй легион как важный результат своего сотрудничества с сербским правительством.

Однако после смены курса Сербского правительства, добившегося дипломатическим путем вывода турецких гарнизонов со своей территории, пребывание болгарской воинской единицы в Белграде стало неудобным для Сербии. В апреле 1868 г. Второй болгарский легион был фактически распущен. Статьи Л.Каравелова в русских газетах, критиковавшего политику сербского правительства, стали поводом для его высылки в Нови-Сад, находившийся тогда в составе Австро-Венгрии. Здесь он был арестован по подозрению в соучастии в убийстве сербского князя и заточен в будапештскую тюрьму. Смерть Г.Раковского и арест Л.Каравелова, репрессии османских властей в Болгарии отрицательно отразились на подготовке новых выступлений болгарских революционеров.

В печатных органах "молодых" - в газетах "Дунавска зора" и "Народност" - в начале 1868 г. были опубликованы статьи о четническом движении предыдущего года, в которых ставилась задача продолжать подготовку вооруженных отрядов и групп молодежи, готовой с оружием в руках отправиться в Болгарию. После фактического распада ТЦБК в начале лета 1868 г. в Бухаресте было образовано "Болгарское общество" - организация либерально-буржуазного крыла "молодых", которая, продолжая линию на пропаганду "болгаро-турецкого дуализма", открыто поддерживала создание вооруженных отрядов. Начиная с февраля 1868 г., воеводы Стефан Караджа и Хаджи Димитр приступили к формированию боеспособных чет. Их выступление в июне 1868 г. и героические сражения на родной земле стали вершиной четнического движения.

Боевые действия четников С.Караджи и Х.Димитра не были, однако, поддержаны выступлением чет, организованных в Румынии, поскольку румынское правительство уступило напору Турции и воспрепятствовало переправе через Дунай болгарских отрядов, подвергло арестам и репрессиям болгарских революционеров. Перед участниками освободительного движения, прежде всего перед представителями его революционного крыла, все более ясно вставал вопрос о пересмотре тактики и организации борьбы.

Уроки четнического движения 1867-1868 гг. требовали переноса центра тяжести подготовительной работы непосредственно в Болгарию и создания действенного организационного центра. Колеблющуюся позицию "старых" и других буржуазно-либеральных организаций в вопросе о значении вооруженной борьбы в национальном движении, зависимость от политики Сербии и Румынии можно было преодолеть лишь путем идейно-политической и организационной консолидации революционного течения при четком размежевании с иными политическими силами.

Болгарский революционный центральный комитет

В конце 1860-х годов была выработана новая тактика национально-революционного течения - подготовка народной революции. Рост политического сознания болгарских революционеров и усиление революционных настроений в стране создали благоприятные условия для развертывания непосредственной организаторской работы.

Создание революционной организации на болгарской земле стало возможным в результате усилий многих болгарских патриотов, но особенно значительными были в этом заслуги Васила Левского (1837-1873). Сын ремесленника из Карлово, он в юном возрасте постригся в монахи и стал дьяконом. В 1862 г. под влиянием роста национально-освободительного

движения В.Левский порвал с монашеством и вступил в легион Г.Раковского, затем учительствовал, а в 1867-1868 гг. принимал активное участие в четническом движении. В конце 1868 и 1869 г. предпринял поездки по Болгарии, в ходе которых внимательно изучал настроения в народе в десятках городов и сел, а во время второй поездки приступил к созданию сети революционных комитетов в Болгарии.

В конце августа 1869 г. В.Левский прибыл в Бухарест, где тогда происходила новая перегруппировка сил в болгарской эмиграции. Сторонники революционных действий после неудач четнического движения, вызванных не в последнюю очередь разногласиями в рядах эмиграции, объединились в читальнице "Братская любовь", где обсуждали перспективы и планы продолжения борьбы. В воспоминаниях современников и прессе того времени эта группировка выступала иногда под названием "Молодая Болгария". Лидеры Добродетельной дружины, пытаясь усилить свое влияние на эмигрантские круги, впервые организовали издание собственной газеты "Отечество". В качестве ее редактора "старые" пригласили освобожденного из будапештской тюрьмы Л.Каравелова. Приняв приглашение, он, однако, скоро понял, что не может работать в этом печатном органе под диктовку "старых". Вокруг идеи создания собственной революционной газеты сплотилась группа радикально настроенных членов "Молодой Болгарии". С финансовой помощью проживавших в Одессе болгар было предпринято издание новой газеты под символическим названием "Свобода", первый номер которой появился 7 ноября 1869 г.

Новый революционный центр, возникший осенью 1869 г. в Бухаресте, объединил сторонников революционных действий, а также либерально настроенные круги, находившиеся в оппозиции к Добродетельной дружине. В отличие от распавшегося в 1868 г. ТЦБК, некоторые радикальные деятели которого вошли в состав нового центра, Л.Каравелов на страницах газеты "Свобода" развернул целенаправленную революционно-демократическую пропаганду. Участвовавший в создании нового печатного органа В.Левский уже к тому времени добился серьезных успехов в деле создания революционной организации в самой Болгарии. Не все организационные вопросы были.

однако, решены, в частности вопрос о четкой внутренней структуре нового комитета.

Новый центр в Бухаресте, получивший позднее название "Болгарский революционный центральный комитет" (БРЦК), прошел в своей истории длительный путь консолидации. Активная революционная пропаганда способствовала сплочению патриотических сил под знаменем "Свободы", однако создание революционных организаций на болгарских землях требовало длительной и кропотливой конспиративной работы. В мае 1870 г. В.Левский возвратился в Болгарию, где в течение двух лет создал несколько организованных в стройную систему комитетов. Тысячи болгарских крестьян, учителей, ремесленников, торговцев и священников были вовлечены в их деятельность. Центральную роль приобрел Ловечский комитет, известный также под названием "Временное правительство". В помощь В.Левскому из Бухареста были направлены Димитр Обшти и Ангел Кынчев. Создание революционных комитетов в Болгарии явилось важным достижением в освободительной борьбе. Оформилась многочисленная и самостоятельная болгарская организация, взявшая курс на всенародное восстание.

О глубоко законспирированной сети революционных комитетов в Болгарии знали за границей немногие. По традиции общественное мнение Европы считало болгарским революционным комитетом единственный комитет - эмигрантский. БРЦК в Бухаресте обнародовал свою программу в конце лета - начале осени 1870 г. В августовско-сентябрьском номере русской народовольческой газеты "Народное дело" (выходила в Женеве), ставшей органом русской секции I Интернационала, была опубликована "Программа болгарского революционного комитета". Вслед за женевской публикацией в несколько измененном виде она появилась в каравеловской "Свободе" и брошюре "Болгарский голос" (Бухарест, 1879).

Наиболее полно программные позиции новой (бухарестской) революционной организации были изложены в "Болгарском голосе" (с пометкой "от БРЦК. Женева"). В брошюре была убедительно показана бесперспективность турецких реформ и "болгаро-турецкого дуализма", содержалась принципиальная критика системы монархического правления

и предлагалось создание Балканской федерации с единым верховным парламентом и автономным управлением в Болгарии, Сербии и Румынии. В "Болгарском голосе" подчеркивалось, что "движение за свободу Болгарии должно возникнуть внутри страны, а не вне ее, как это было до сих пор". Пламенный призыв "Болгарского голоса" свидетельствовал о решимости революционеров поднять народ на восстание: "Каждый, кто стремится к свободе народа, кто хочет жить в свободном государстве и пользоваться правами человека, должен быть мужественным и все свои силы, знания и средства отдать борьбе; нужно, не жалея жизни, браться за оружие: ружье, сабля, пистолет, револьвер, кинжал, топор, кол, косу, дубину - за все, что попало, и отвоевывать свою свободу, свое отечество".

Авторство этих программно-публицистических документов принадлежало Л.Каравелову, но основные их принципы были согласованы с В.Левским и его сподвижниками в Болгарии. В то же время компромиссный характер отдельных положений (в частности, упоминание о мирных средствах борьбы против османского правительства - как о главных, а о вооруженных - лишь в случае необходимости) отражал сложный социальный состав БРЦК, в котором, помимо революционного ядра, имелись и представители либерально-буржуазных слоев.

В "Уставе-проекте", написанном В.Левским в 1871 г., цели освободительной борьбы были сформулированы предельно четко: "Путем всеобщей революции произвести коренное преобразование нынешней государственной деспотическо-тиранической системы, заменив ее демократической республикой (народным управлением)". Цели создания "святой народной республики", в которой будет ликвидирована феодальная и чорбаджийская эксплуатация, выходили за рамки тех задач, которые обычно решает буржуазно-демократическая революция. В.Левский считал, что политическое и национальное равноправие должно быть предоставлено представителям всех народов, проживавших в болгарских землях, включая турок.

Важную роль в сплочении и организационном укреплении революционных сил сыграло Общее (объединительное) собрание БРЦК в Бухаресте в апреле - мае 1872 г., целью которого было преодоление разногласий по вопросу о полномочи-

ях внешних и внутренних комитетов. По настоянию В.Левского на собрании были широко представлены посланцы местных комитетов из Болгарии. Их было 25, они располагали 33 голосами (мандатами), тогда как представители эмиграции имели всего 17 голосов. На собрании были приняты программа и устав БРЦК, в соответствии с которыми его целью провозглашалось освобождение Болгарии путем революции ("моральной и с оружием в руках"), предусматривалось создание федерации "свободных земель" на базе добровольного объединения с учетом исторических, этнических и политических прав народов. Болгарские чорбаджии объявлялись предателями народа. В отличие от первой программы БРЦК и Устав-проекта будущая форма правления не уточнялась по тактическим соображениям.

Местом нахождения БРЦК был определен Бухарест. Председателем БРЦК был избран Л.Каравелов, его заместителем - К.Цанков, секретарем - О.Панов, кассиром - Д.Ценович, членами - П.Хитов и В.Левский. Главным эмиссаром ("апостолом") БРЦК в болгарских землях был утвержден В.Левский, направившийся в июле 1872 г. в Болгарию для подготовки предстоящего восстания.

На пути усиления революционной работы в болгарских землях неожиданно встретились затруднения из-за самонадеянной позиции честолюбивого помощника В.Левского Д.Обшти. Авантюры, на которые пошла его группа, привели к провалам и арестам. Поведение Д.Обшти на следствии по делу об ограблении турецкой почты имело далеко идущие последствия. Стремясь представить ограбление как политический акт, Д.Обшти пренебрег конспирацией и назвал местные комитеты и их руководителей. Последовавшие аресты и репрессии влияли деморализующе на внутреннюю революционную организацию. В.Левский, направлявшийся в Бухарест для обсуждения создавшейся ситуации, получил в Сливине письмо от Л.Каравелова, настаивавшего на немедленном восстании. В.Левский, хорошо знавший положение в болгарских землях, не был согласен с этим решением, считая его импульсивным. В конце декабря 1872 г. в результате предательства он был арестован турецкой полицией, мужественно и с большим достоинством держался на допросах, отстаивая права болгарского народа на

свободу. Казнь (повешение) В.Левского в феврале 1873 г. в Софии нанесла тяжелый удар болгарскому революционному движению.

Кризис охватил в 1873-1874 гг. не только находящиеся в Болгарии (внутренние) комитеты, но и их руководство - БРЦК в Бухаресте. Собрание БРЦК в мае 1873г. отменило прежний устав, что привело к ослаблению и утрате централизации. В августе был избран новый состав БРЦК, в который вошел Х.Ботев. Председатель комитета Л.Каравелов, тяжело переживая неудачи, все больше терял веру в успех самостоятельного болгарского восстания. Среди членов БРЦК нарастали противоречия; авторитет Л.Каравелова был подорван его стремлением добиться диктаторских полномочий, отвергнутых большинством, и последующим бездействием. В декабре 1874 г. Л.Каравелов прекратил издание газеты "Независимость" (это название сменило прежнее - "Свобода") и объявил о своем выходе из БРЦК. На смену старому, потерявшему уверенность в успехе, руководству пришло новое, состоявшее из последователей В.Левского, видевших по-прежнему единственный путь к цели в продолжении подготовки самостоятельного народного восстания.

Ведущую роль в БРЦК стала играть группа Х.Ботева, подвергнувшего резкой критике аполитичность Л.Каравелова, который с января 1875 г. начал издавать просветительский журнал с подчеркнуто нейтральным названием - "Знание". С конца 1874 г. определяющее значение для развития освободительной борьбы приобрели идеи революционного демократа Христо Ботева (1848-1876).

Уроженец города Калофера, он вырос в семье известного болгарского учителя, получившего образование в Одессе, Ботю Петкова. В 1863-1866 гг. он также, как и его отец, находился в России и некоторое время учился во 2-й одесской гимназии. Убеждения Х.Ботева формировались под влиянием идей российских революционных демократов. Прямые контакты с русскими революционерами способствовали соединению опыта российского революционного движения с практикой освободительной борьбы болгарского народа. Излагая свои программные идеологические и политические положения, Х.Ботев последовательно опирался на революционно-демократические

взгляды В.Левского и Л.Каравелова. Характерным для его позиции было также развитие социально-утопических идей. В 1871 г. Х.Ботев предпринял издание газеты "Дума българските емигранти", в апреле того же года издал документ "Символ веры болгарской коммуны", в котором выступил пламенным защитником Парижской коммуны. В 1873 г. в своей новой газете "Будилник" Х.Ботев пропагандировал революционные издания Л.Каравелова, на страницах которых часто появлялись его собственные работы. После отхода Л.Каравелова от революционной организации Х.Ботев предпринял издание газеты "Знаме", являвшейся в сущности органом БРЦК. Х.Ботев горячо отстаивал идею "революции народной, незамедлительной, отчаянной", резко выступал против капиталистической эксплуатации. Большой популярностью в болгарском обществе пользовалась поэзия Х.Ботева, в которой были слиты воедино революционная романтика и тончайший лиризм.

Таким образом, национально-освободительное движение в болгарских землях прошло сложный путь с момента своего зарождения вплоть до Восточного кризиса 1870-х годов. Оно включало, с одной стороны, борьбу за национальное просвещение и культуру, самостоятельную церковную организацию, а с другой - за административно-политическую автономию, независимость. Эти направления борьбы зачастую переплетались; на различных этапах преобладание получало то одно, то другое из них. Показателями нарастания национального движения являлись повышение уровня политического содержания освободительных программ, углубление идеологического обоснования политических целей, степень организованности масс в борьбе за свержение османского господства.

Идеологическое и программно-политическое созревание болгарского движения сопровождалось формированием и укреплением национального самосознания, являвшегося одним из признаков складывания буржуазной нации. Этот фактор имел важное значение в трудных условиях возвышения болгарской буржуазии (в то время по преимуществу торговой), так как буржуазные круги в европейской Турции были пестрыми по своему национальному составу. Кроме того, в экономику и торговлю империи интенсивно проникал капитал западноевропейских держав. Их политика была сознательно рассчитана

на консервирующее воздействие на экономическую и общественно-политическую систему Османской империи, ибо западные державы были заинтересованы в превращении Турции в полуколонию.

Политическое бесправие болгар и национальный гнет, которому они подвергались в Османской империи, усугублялись ростом экономической эксплуатации. Ухудшение условий жизни болгарского народа обусловило усиление национального движения.

Внешнеполитические условия имели большое значение для развития болгарского движения за свободу. Будучи связанными тесными узами с представителями национального движения других балканских народов, находившихся (в отличие от Болгарии) на периферии Османской империи, идеологи и организаторы освободительной борьбы болгар опирались на опыт европейского буржуазно-революционного развития, использовали достижения зарождавшейся социалистической мысли. Однако крупные события общеевропейского масштаба, такие, как Великая французская буржуазная революция, зарождение рабочего движения и появление марксизма, революции 1848-1849 гг., образование I Интернационала и Парижская коммуна, оказали на Болгарию лишь косвенное влияние из-за сложного комплекса неблагоприятных условий, в которых оказалась Болгария в результате многовекового иноземного ига.

Объективный ход исторического развития в болгарских землях вел тем не менее к созреванию буржуазно-национальной революции. Ее демократический характер определялся широким участием народных масс в национальном движении. В политической и идеологической сферах это нашло проявление в оформлении революционно-демократического течения в освободительном движении. Болгарские революционеры-демократы сумели творчески осмыслить применительно к местным условиям те исторические задачи, которые стояли перед складывавшейся болгарской нацией. Использование прогрессивных достижений европейской общественно-политической мысли в болгарских условиях выразилось прежде всего в стремлении к соединению борьбы за национальное освобождение с завоеванием более благоприятных социальных возможностей

для болгарского крестьянства, ремесленников и торговой буржуазии.

Иначе говоря, объективно буржуазное по своему содержанию болгарское национальное движение не ограничивалось достижением исторических целей, угодных лишь буржуазии. Демократический характер различных массовых форм освободительной борьбы (особенно в 1850-1870 гг.) сочетался с широкой идеологической деятельностью болгарских революционеров-демократов. Они усваивали опыт русских революционных демократов того времени, в том числе их социально-утопические идеалы, а также опыт революционной демократии Италии и других стран. Расширение болгаро-российских общественных связей серьезно отразилось на развитии событий 1876-1877 гг.

Апрельское восстание

Революционное крыло в болгарском национальном движении в 70-х годах XIX в. стало играть главную роль в освободительной борьбе. Несмотря на разгром многих внутренних комитетов, на неудавшиеся попытки объединить усилия с национальным движением других балканских народов, на сложность международной обстановки на Балканах, на продолжавшуюся поддержку прогнившего султанского режима западными державами, революционное крыло готовило всенародное восстание. Подвиг В.Левского, создавшего в болгарских землях организационную базу для вооруженного выступления, приблизил наступление событий, явившихся кульминацией болгарского революционного движения.

Революционные демократы В.Левский, Л.Каравелов и Х.Ботев продолжили дело Г.Раковского. Их неустанная пропагандистская и идеологическая деятельность помогла революционно настроенным массам осознать национальные и политические цели. Революционное просветительство болгарских демократов поднимало борьбу за национальное просвещение на уровень политической борьбы, подчиненной главной задаче -

достижению национальной независимости. Вокруг идеи освобождения путем народной революции, не исключавшей учета благоприятных факторов, сплотились все патриотические силы болгарского общества.

Известие о восстании в Герцеговине и Боснии летом 1875 г. ускорило начало восстания в Болгарии. По инициативе Х.Ботева и его сторонников (С.Стамболова, Н.Обретенова и др.) на общем собрании БРЦК в августе того же года было принято решение о немедленной подготовке восстания, определены районы вооруженных выступлений, назначены руководители. Было также сочтено необходимым осуществить одновременно диверсионную акцию в столице империи Стамбуле (Константинополе).

Однако недостаток времени для восстановления разорванных связей, взаимная изолированность местных комитетов, разногласия на местах в связи с поспешным решением привели к неудаче. Выступление повстанцев в сентябре 1875 г. в Стара-Загоре из-за предательства чорбаджиев не имело успеха; лишь часть бойцов во главе с С.Стамболовым сумела пробиться к Дунаю и отступить в Румынию. Выступления других малочисленных отрядов в Русенской и Шуменской областях также были подавлены турецкими властями. По стране прокатилась волна арестов.

Провал восстания 1875 г. вызвал разлад в БРЦК. Х.Ботев вышел из его состава, БРЦК прекратил свое существование. Непосредственной подготовкой нового восстания стал заниматься болгарский комитет, созданный в Гюргеве. Восстание было намечено на 1 мая 1876 г. Наиболее действенными и организованными были признаны комитеты в четырех революционных округах. Первый - Тырновский охватывал северную Болгарию, Габровский и Севлиево-Венчанский края. Главным организатором был назначен здесь С.Стамболов. Второй - Сливенский включал районы Сливена, Ямбола, Котела. Руководителем тут становился И.Драгостинов. Третий округ - Врачанский охватывал Северо-Западную Болгарию и Софийскую область. В качестве главного "апостола" был утвержден здесь С.Заимов. Центром четвертого - Пловдивского был избран город Панагюриште. Главным "апостолом" и его помощником были сюда назначены П.Волов и Г.Бенковский.

В начале 1876 г. после заседаний Гюргевского комитета руководители революционных округов направились в Болгарию, но сам координационный центр был фактически ликвидирован. Предполагалось, что эти функции одновременно будет выполнять руководство первого округа, но, как выяснилось позднее, задача управления восстанием оказалась для него непосильной.

Особенно энергично подготовка велась в четвертом революционном округе. Здесь были восстановлены и заново созданы 10 городских и 82 сельских комитета, образована боеспособная "летучая" дружина во главе с Г.Бенковским, ставшим фактическим руководителем восстания в округе. 14 апреля в местечке Обориште незадолго до намеченного срока начала восстания было созвано общее собрание, определившее план проведения военных действий. Он сводился в основном к захвату власти на местах и оборонительным действиям. Из-за предательства восстание пришлось начать раньше намеченного срока. 20 апреля повстанцы захватили власть в Копривштице и Панагюриште и объявили о начале восстания. Было образовано Временное правительство; восстание начало распространяться на весь Тырновский округ. Благодаря рейду конного отряда Г.Бенковского поднялось население соседних сел. Панагюриштенская учительница Райна Георгиева изготовила знамя повстанцев и стала знаменосцем.

К 22 апреля турецкое правительство сумело мобилизовать карательные отряды и сконцентрировать войсковые части в районах выступлений болгарских революционеров. 26 апреля пала Клисуре, после четырехдневных боев 30 апреля были взяты турецкими войсками Панагюриште и Копривштица. В ходе подавления восстания массовому террору подверглись не только повстанцы, но и старики, женщины, дети. Героическая борьба защитников Брацигова, Перуштицы, Батака и других сел и городов показала, что болгарский народ готов на любые жертвы во имя свободы.

Недостаток вооружения, неравенство сил, разобщенность действий восставших сильно осложняли ведение даже оборонительных действий. Тем не менее массовое выступление в Пловдивском (Панагюриштенском) округе составило одну из наиболее ярких страниц Апрельского восстания.

В Тырновском революционном округе известие о первоначальном успехе выступления в Пловдивском округе заставило С.Стамболова врасплох, поскольку он медлил с решением объявить восстание. Султанское правительство, опасаясь распространения вооруженной борьбы болгар, приняло срочные меры по сбору войск и организации отрядов башибузуков. Оно арестовало в Горной Оряховице ряд руководителей повстанческих отрядов. Лишь в селах, расположенных к северо-западу от Тырнова, удалось сформировать боевую чету во главе с Х.Халачевым, Бачо Киро и Х.Караминковым. Военным инструктором четы стал отставной офицер русской армии болгарин П.Пармаков. С боями чета вышла к Дряновскому монастырю, но была вынуждена занять оборону против превосходящих сил регулярных турецких войск и отряда башибузуков. На протяжении десяти дней повстанцы вели героическую борьбу, но были разбиты. Разрозненные выступления в Габровском и Севлиево-м районах и Трявне также не имели успеха (созданные здесь отряды вели партизанские действия).

В Сливенском революционном округе руководители, получив известие о преждевременном начале восстания, проявили пассивность. Они полагались на ложные известия о скором прибытии болгарских отрядов из Румынии. Стихийные выступления патриотов, формировавших небольшие четы и уходивших в горы, не получили широкой поддержки. Предательство чорбаджиев и вероломство башибузуков обусловили тяжелые потери среди повстанцев. Репрессии обрушились на болгарские села.

Врачанский революционный округ, находившийся на периферии района восстания, был хуже других подготовлен к выступлению. Здесь остро ощущалась нехватка оружия. Попытки поднять восстание во Враце в ожидании прибытия болгарских чет из пограничных округов Румынии и Сербии оказались неудачными. После того как в других округах восстание уже было подавлено, на территорию Врачанского революционного округа прибыла чета Христо Ботева. Это был в сущности героический акт самопожертвования, финал эпопеи Апрельского восстания. Отряд Х.Ботева, насчитывавший свыше 200 человек, захватил в Румынии австрийский пароход "Радецкий" и 17 мая высадился на правом (болгарском) берегу

Дуная близ села Козлодуй. Однако Врачанский комитет не смог дать четникам Ботева подкреплений, и вскоре они оказались в положении преследуемых мобильными отрядами противника. Стремясь с боями выйти из окружения, отряд Ботева вступил в противоборство со значительно превосходящими силами врага. Гибель Христо Ботева 20 мая стала тяжелым ударом для повстанцев. Разделившись на отдельные группы, четники продолжали борьбу почти до конца июня. Еще раньше была разгромлена прибывшая из Румынии немногочисленная чета Х.Стоянова, действовавшая в Северо-Восточной Болгарии. Четы, переправлявшиеся в Болгарию из-за границы, уже не могли, конечно, повлиять на исход восстания, жестоко подавленного турецкими властями.

Апрельское восстание явилось вершиной национально-освободительной борьбы болгарского народа, прямым результатом многолетней подготовительной деятельности революционного крыла. Беднейшие слои крестьянства, ремесленники, учителя, торговцы и сельские священники были наиболее активными участниками восстания. Часть буржуазной болгарской верхушки, вовлеченной в османскую административно-управленческую систему, и высшее духовенство оказались в целом в лагере противников вооруженной борьбы ("кровопролития"). Нередкими были и случаи прямого предательства со стороны болгарских чорбаджиев. Непоследовательностью отличалось и поведение представителей либеральной буржуазии, примкнувших к восстанию и игравших существенную роль в ряде местных комитетов. Сложившееся к началу восстания соотношение сил было явно в пользу султанского правительства, пользовавшегося прямой поддержкой западных держав.

Несмотря на неудачу, Апрельское восстание являлось важным этапом буржуазно-национальной революции болгарского народа. Ее демократический характер, обусловленный широким участием в ней крестьянства, привел к резкому повышению политической активности народа. Открытая борьба за национальную свободу переросла узкие рамки буржуазных политических программ благодаря организаторской и идеологической деятельности революционно-демократических сил. Восстание подготовило самое массовое участие болгарского народа в национальном движении в ходе последовавшей вско-

ре после восстания русско-турецкой войны. В 1877-1878 гг. в новых условиях расстановка политических сил была иной, однако именно Апрельское восстание повлияло на характер освобождения страны от османского ига.

Апрельское восстание 1876 г. получило широкий международный резонанс. Обострив до предела Восточный вопрос, болгарское восстание выдвинуло проблему национального освобождения Болгарии на передний план в отношениях между великими державами и Турцией. Массовое движение против террора султанских властей в Болгарии, в защиту национальных прав болгарского народа развернулось в ряде европейских стран, но особенно активным и широким это движение было в России. Выступления российской общественности существенно повлияли на политику правительства. Они были одной из важнейших причин, которые привели к войне, принесшей Болгарии освобождение.

Освобождение Болгарии в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов в освещении современной историографии

Освобождение Болгарии от османского ига является одним из крупнейших событий новой истории Европы. Национально-освободительное движение болгарского народа, развернувшееся в эпоху национального возрождения, завершилось в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. результатами, равнозначными буржуазно-демократической революции. В ходе войны укрепились разнообразные по своему характеру болгаро-русские связи, не только достигнув вершины своего развития в эпоху капитализма, но и заложив прочные основы исторических традиций взаимоотношений между двумя народами для последующих эпох. Вместе с этим в борьбе против Турецкой империи, которую вели русская армия и болгарский народ, участвовали также Румыния, Сербия и Черногория. Завоевание

государственной независимости этими странами, также явившееся итогом военной победы России, существенно расширяет значимость освобождения Болгарии в общебалканском аспекте. Одновременно против стратегических целей России, включавших освобождение Болгарии и создание национального государства, вели активную борьбу ряд европейских государств, в особенности Англия и Австро-Венгрия. Это придавало как самой борьбе за освобождение Болгарии, так и проблеме международного признания нового государства непосредственное и широкое общеевропейское звучание.

Все эти аспекты в течение прошедшего с тех пор столетия привлекают внимание историков многих стран, хотя и не в равной мере и зачастую в одностороннем плане. Громадный массив научно-исторической литературы, помимо вводных историографических экскурсов, в работах, посвященных отдельным сторонам этой проблемы, становится в последнее время предметом специальных историографических исследований. Среди них необходимо назвать работы В.Хаджиниколова (*1), Э.Костовой (*2), Л.Венковой-Илиевой (*3), В.А.Золотарева (*4).

Работы указанных авторов направлены на решение историографических вопросов, как правило, одной из сторон проблемы освобождения Болгарии в ходе русско-турецкой войны. Здесь можно назвать вопрос об участии болгарского народа в войне (работы В.Хаджиниколова, Э.Костовой), вопрос о военно-историческом аспекте освобождения (работы В.А.Золотарева). В настоящей статье ставятся задачи обобщения работ историков НРБ и СССР в последние три десятилетия после мировой войны, когда историческая наука двух социалистических стран развивалась в условиях тесного сотрудничества.

При этом главными комплексами исследовательских проблем избраны основные, на наш взгляд, аспекты темы: освобождение Болгарии как итог процесса национального возрождения, военно-политическая роль России в деле освобождения Болгарии, социально-экономические и международно-политические основы восстановления болгарской государственности.

Для характеристики послевоенного развития марксистской исторической литературы и ее современного состояния необходимо, хотя бы вкратце, рассмотреть предшествующее развитие историографии данной проблемы.

В буржуазной исторической литературе Болгарии и России были заметны различия в выборе основных вопросов освещения проблемы освобождения Болгарии. Посвятив свою книгу молодой болгарской армии, С.Бобчев поставил проблему изучения роли болгарского народа в совместных с русской армией военных действиях против турецкой армии (*5). Эта тематика с основным уклоном к изучению истории Болгарского ополчения нашла отражение в ряде специальных работ (*6). Вместе с этим направлением постепенно обозначился интерес к научному изучению вопросов подведения итогов войны в плане оформления границ Болгарского государства, международно-дипломатической борьбы по этим вопросам (*7). Этот аспект освобождения Болгарии чаще всего приобретал тенденциозный характер в зависимости от политических позиций авторов, стремившихся чаще всего в историко-публицистическом плане осветить события недавних лет или обосновать текущие задачи. В условиях сложного развития болгаро-русских отношений в период 1879-1917 гг., включая их дипломатический разрыв в 1886-1896 гг., в условиях обострения внутривосточной борьбы в Болгарии по вопросам внешнеполитической ориентации преобладали партийно-политические мотивы (*8).

В русской дореволюционной историографии преобладало внимание к военно-исторической стороне проблемы (*9), а также к политическим результатам деятельности Русского гражданского управления в Болгарии (*10). Вместе с накоплением фактического материала по этим вопросам происходило преимущественное обращение к событиям в Болгарии в плане внешнеполитической истории России. Специальное изучение новой истории Болгарии велось в ограниченных размерах (*11).

В болгарской и русской буржуазной историографии освобождение Болгарии рассматривалось в плане перечисленных направлений при игнорировании определяющего значения результатов процесса национального возрождения. Даже в трудах крупнейших представителей буржуазной исторической

науки в Болгарии (И.Шишманов, М.Арnaudов, Д.Страшимиров и др.) освобождение страны не совпадало с верхней хронологической границей возрождения. Примером идеалистического восприятия процесса национального возрождения и освобождения от османского ига может служить специальный сборник, выпущенный в связи с 50-летним юбилеем освобождения (*12). В статьях этого сборника, посвященных преимущественно национально-культурному и церковному движению, слабо освещены социально-экономические изменения, которые, по словам В.И.Ленина, составили основное объективное содержание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. как "судороги" освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества" (*13).

Марксистско-ленинские методологические положения о национально-освободительных движениях на Балканах, о восточном вопросе, о самой русско-турецкой войне 1877-1878 гг. послужили подлинно научной основой разработки проблемы освобождения Болгарии. Сложность переплетения разнородных и различных по своей оценке явлений, в данном случае объективно-прогрессивных результатов войны и внешней политики русского царизма, вызывала долгое время существенные различия в оценках всего комплекса проблем, связанных с освобождением Болгарии. В марксистской исторической литературе с конца XIX до конца 30-х годов результаты войны 1877-1878 гг. оценивались преимущественно в связи с резкой критикой внешней политики царизма. Специальное внимание уделял разработке марксистского освещения проблем болгарской истории видный революционный марксист Д.Благовев. Как показано в работах В.Хаджиниколова (*14), благовевские оценки внешней политики России на Балканах и ее результатов для Болгарии претерпевали существенные изменения. Особенно сильным при этом было влияние статьи Ф.Энгельса "Внешняя политика русского царизма" (*15), появившейся в 1890 г. В знаменитом произведении руководителя болгарских социал-демократов "К истории социализма в Болгарии" говорилось, что намерения России в войне с Турцией сводились "без сомнения к оккупации Северной и Южной Болгарии" (*16), подобно намерению Австро-Венгрии оккупировать Боснию и Герцеговину. Еще более резкую оценку внешней политики Рос-

сии дал К.Раковский, развивая положение о том, что восстановление дипломатических отношений между Болгарией и Россией послужит делу последующего закабаления Болгарии (*17).

Односторонние оценки внешней политики России на Балканах, вплоть до абсолютизации ее негативных результатов имели место в советской исторической литературе в 20-30-е годы. В плане взаимоотношений России и Болгарии, начиная с 70-х годов XIX в. до болгарского кризиса 1886-1887 гг., в 1935 г. был издан сборник под характерным названием "Авантюры русского царизма в Болгарии" (*18). Тенденциозный подбор отрывков из русской дипломатической переписки и частной корреспонденции русских представителей на Балканах сопровождался абсолютизацией оценки настроений русских дипломатов в острый момент кризиса, выраженных в личных письмах, и распространением этих оценок на действия русского правительства на протяжении значительного периода. Этот сборник получил критическую оценку в последующих работах (*19). В качестве еще одного примера неудачных положений составителя сборника П.Топалова, выступавшего под псевдонимом П.Павлович, ранее опубликовавшего статью с таким же названием (*20), может служить уточнение историко-ведческого характера. П.Топалов в качестве подкрепления вывода о захватнической политике России по отношению к Болгарии в начале второй половины 80-х годов XIX в. приводил цитату из газеты М.Н.Каткова "Московские ведомости", в которой говорилось о необходимости оккупации Болгарии русской армией в тот кризисный момент. Знакомство с материалами этой газеты и личного фонда болгарского публициста С.Бобчева (*21) позволяет установить принадлежность ряда анонимных выступлений этого болгарского русофила в "Московских ведомостях" этих лет, в которых высказывалась идея необходимости военного вмешательства. Не останавливаясь на анализе явлений болгарского кризиса, когда подвергавшиеся террору болгарские русофилы предпринимали вооруженные выступления, и не освобождая М.Н.Каткова от ответственности за все публикации газеты, можно тем не менее подчеркнуть зыбкость одного из выводов составителя указанного сборника о вынужденном со стороны России признании самостоятельного государственного существования Болгарии.

Толчком для последующих углубленных исследований по проблемам освобождения Болгарии явились политические выступления Г.Димитрова и В.Коларова в годы второй мировой войны. В статье Г.Димитрова "Куда идет Болгария" со всей определенностью было отмечено: "Свое национальное освобождение Болгария получила от русского народа ... В лице братского русского народа, особенно после освобождения Болгарии русскими войсками, болгарский народ видел своего освободителя и великую опору своего национального существования" (*22). Освободительную роль русского народа подчеркивал В.Коларов в выступлении, переданном по болгарской радиостанции "Христо Ботев" (*23).

После победы социалистической революции в Болгарии важное значение имело выступление В.Коларова с докладом "Два фактора, которые создали Болгарию как свободное и прогрессивное государство" (*24) в связи с 70 годовщиной освобождения. В нем впервые было подчеркнуто в сконцентрированном виде положение о болгарской национальной революции, которая вместе с победным русским оружием была "одним из решающих факторов освобождения болгарского народа и создания свободной и независимой Болгарии" (*25). Отталкиваясь от ленинской оценки русско-турецкой войны 1877-1878 гг., В. Коларов выдвинул положение о том, что освободительная война "была также прогрессивной войной с международной точки зрения, с точки зрения развития Европы и общечеловеческого социального прогресса" (*26).

Положения, сформулированные В.Коларовым, нашли непосредственное развитие и конкретизацию в работах НРБ и СССР. В силу ряда причин (неразработанность социальных проблем болгарской национальной революции, переосмысление других аспектов развития болгарского национального возрождения, последующее преимущественное внимание к истории национально-революционного движения, и др.) произошел определенный разрыв в изучении болгарского национального возрождения и конечных его результатов. Показательно, например, что исследование акад. Н.С.Державина заканчивается кануном русско-турецкой войны (*27). В имевшем большое значение для последующей разработки проблем Болгарского национального возрождения с марксистских позиций

труде акад. Д.Косева "Новая история Болгарии" события 1877-1878 гг. показаны прежде всего с точки зрения рассмотрения военных действий, Гражданского управления и оформления результатов войны (*28). Точно так же освещается этот отрезок времени в имеющихся академических изданиях "История Болгарии" (*29).

Вместе с отмеченным обстоятельством происходило накопление фактического материала по проблемам участия болгарского народа в войне 1877-1878 гг. В работах В.Д.Конобеева (*30) в начале 50-х годов были показаны вместе с традиционным освещением истории Болгарского ополчения и другие формы вооруженного участия болгар в войне: значение четнического движения, организации народной милиции и др. Появились также работы об участии болгар в деятельности разведки в годы войны (*31). В.Хаджиниколов рассмотрел вопрос об экономической помощи болгарского народа, оказанной русской армии, поставил общие проблемы участия болгарского народа в войне (*32). В кандидатской диссертации А.А.Улуняна, защищенной в Болгарии, и ее изданном варианте был рассмотрен комплекс проблем, связанных с участием болгар в русско-турецкой войне (*33).

Эта тенденция особенно усилилась после IX съезда БКП в 1966 г., на котором подверглось критике нигилистическое отношение к ряду событий национальной истории и была поставлена задача в целях патриотического воспитания народа собрать из глубин веков все то, чем болгарский народ может с основанием гордиться (*34). В связи с этим решением В.Хаджиниколов определяет новый этап в изучении вклада болгар в дело Освобождения (*34а). В исследованиях последних лет, включая многочисленные публикации в связи со 110-летием освобождения, выявлены новые материалы по этой проблеме, однако отсутствуют еще необходимые обобщения (*35). Вместе с расширением изучения вклада болгарского народа в обеспечение военной победы русской армии имеют место также традиционные решения вопросов освещения освобождения Болгарии в ходе русско-турецкой войны (*36).

Широчайшее участие народных масс в борьбе против османских поработителей, превзошедшее по своим масштабам даже Апрельское восстание 1876 г., не получило еще научно-

исторического освещения в связи со всем ходом предыдущего развития национального движения. За последние три десятилетия наблюдались существенные различия в определении роли национальной буржуазии в освободительном движении. Соотношение революционного течения с другими группировками в национальном движении, политическое лицо национальной буржуазии как класса, а также ключевые вопросы степени развития капиталистических отношений в 60-70-е годы XIX в. и, соответственно, классовой структуры общества того времени - все эти проблемы вызывают оживленные дискуссии в исторической науке.

Одной из последних таких дискуссий, организованных в связи с написанием многотомной "Истории Болгарии", явилась дискуссия о роли болгарской буржуазии в национально-освободительном движении (*37). Материалы дискуссии регулярно публиковались на страницах журнала "Исторически преглед" за 1977 год, их общее количество составляет 15 статей. Подведение итогов произведено Кр.Шаровой в первом номере ж. "Исторически преглед" за 1978 г. Не останавливаясь на всем многообразии поднятых вопросов, можно заметить, что в связи с интересующей нас проблемой освобождения Болгарии было констатировано (при недостаточном внимании к периоду 1877-1878 гг.), что крупная болгарская буржуазия не была ни движущей силой, ни гегемоном национальной революции, включая ее участие в освободительной борьбе во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., хотя в эти годы большинство ее представителей выражали непримиримость к турецкой власти (*38).

Как видно из материалов дискуссии (выступления Й.Митева, Хр.Христова, Цв.Гроздановой, вступительного слова Д.Косева и др.), остро стоит также вопрос о содержании национальной революции, что связано с наличием двух точек зрения. Наиболее полно точку зрения об аграрном вопросе, как основном вопросе революции, выражает акад. Хр.Христов (*39), отмечая необходимость определения изменений, происшедших в ходе освободительной войны, как аграрную революцию, а не аграрный переворот. Иной акцент при определении социально-экономического содержания болгарской национальной революции ставится в коллективной работе об

Апрельском восстании. К.Косев, автор соответствующего раздела книги, отмечает в качестве главной причины восстания 1876 г не ухудшение положения крестьянства, а экономическое укрепление болгарской буржуазии (*40). Как видно, дискуссия по этой проблеме еще не завершена.

Вопросы выяснения роли России в деле освобождения Болгарии достаточно полно освещаются в коллективных сборниках, посвященных юбилейным датам (*41). В недавно вышедшей статье В.Д.Конобеева, Н.В.Зуевой и Е.М.Шатохиной впервые в сконцентрированном виде показана деятельность русской дипломатии по вопросу о воссоздании болгарской государственности в период 1856-1878 гг. (*42).

Новый аспект международно-дипломатической борьбы за воссоздание болгарского государства выделен К.Косевым в книге "Бисмарк, восточный вопрос и освобождение Болгарии" (София, 1978). При формальном совпадении его вывода о объективно позитивной роли германской дипломатии, в отличие от других западноевропейских держав, в деле освобождения Болгарии с выводом М.Данаилова в его статье "Бисмарк и освобождение Болгарии", опубликованной на немецком языке в 1936 г., можно заметить новую постановку при решении всей проблемы международного признания результатов русско-турецкой войны.

*1 *Хаджиниколов В.* Някои проблеми относно участието на българския народ в Освободителната война. В кн.: "Освобождението на България. 1878-1978." София, 1970. См. также более раннюю работу этого же автора: *Хаджиниколов В.* За Българите в Освободителната война и за нейния характер. "Исторически преглед", 1968, кн. I.

*2 *Костова Эм.* Нашата историопис за участието на българите в Освободителната война. "Исторически преглед", 1977, кн. 5-6.

*3 См. "Руско-турската освободителна война 1877-1878г." С., 1977.

*4 *Золотарев В.А.* Некоторые проблемы отечественной историографии русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Л., 1976; *его же.* Освободителната руско-турска война в руска-

та и съветската историография. "Военноисторически сборник", 1978, N I.

*5 См. *Бобчев С.* Руско-турската освободителна война 1877-1878 г. Изд. 3-то. С., 1928. В первом издании (Бухарест, 1878) автор сумел оперативно обобщить официальные публикации документов и материалы корреспондентской деятельности русских авторов о деятельности Болгарского ополчения.

*6 *Иванов С.И.* Болгарское ополчение и его формирование в 1875-1879 гг. "Русская старина", 1889, т.62, с.135-159, 1890, т.66, с.413-437; *Бендерев А.* История на българското опълчение и освобождението на България. С., 1930; *Кисъев И.* Българското опълчение в Освободителната в руско-турска война 1877-1878 г. С., 1902.

*7 *Иоцов Д.* Дипломатически студии по нашето освобождение. С., 1909; *Крачунов К.* Санстефанският мир. С., 1923 и др.

*8 *Хаджиниколов В.* Отношенията между България и Русия в историческата литература у нас до Октомврийската революция." Известия на Българското историческо дружество". С., 1967, кн.25.

*9 Наряду с многочисленными трудами отдельных авторов и еще более обильными публикациями воспоминаний о войне необходимо выделить официальные публикации: "Сборник материалов о русско- турецкой войне 1877-1878 гг." М., 1878, тт.I-IV; "Война 1877-1878 годов в Европейской Турции". Под ред. Зыкова. СПб., 1880, тт.I-II, и в особенности издания военно-исторической комиссии при Главном штабе - "Сборник материалов по русско- турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове". СПб., 1898-1911, вып.I-97 (112 книг), "Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове". СПб., 1901-1913, тт.1-9; "Особое приращение к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове". СПб., 1899-1911, тт.1-6.

*10 "Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии в 1877-78-79 гг." СПб., 1903-1907, 1-6 (под ред. Н.Р.Овсяного); *Овсяный Н.Р.* Болгарское ополчение и земское войско. К истории гражданского управления и оккупации Болгарии в 1877-78-79 гг. СПб., 1904; *его же.* Рус-

ское управление в Болгарии в 1877-78-79 гг. СПб., 1906-1907, тт. I-III; *его же*. Устроители Болгарии: князь Черкасский, кн. Дондуков-Корсаков и Столыпин. "Русская старина", 1909, май, 1910, февраль, март, апрель, май; *Анучин Д.Г.* Князь Владимир Александрович Черкасский как устроитель Болгарии. "Русская старина", 1888, июль; *его же*. Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. "Русская старина", 1895, NN 2,3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12; 1896, NN 1, 2, 3, 5, 7, 8; *Васильев Н.Е.* Русский проект органического устава государственного устройства Болгарского княжества и его дальнейшие изменения. "Юридический вестник", 1887, NN 6-7; см. также *Палаузов Н.Х.* Князь Владимир Александрович Черкасский. "Русская старина", 1888, NN 12; *его же*. Князь В.А. Черкасский и болгарские патриоты в 1877 г. "Русская старина", 1892, N 3; *Иванов С.И.* Из заметок об южной Болгарии за время оккупации ее русскими войсками в 1877-1878 гг. и о последующих событиях в Княжестве Болгарском. "Русская старина", 1892, сентябрь; *Георгиевский Д.И.* Гражданское управление в Болгарии. "Наблюдатель". СПб., 1882, октябрь.

*11 См. *Милюков П.* Болгарская конституция. "Русское богатство", 1904, NN 8, 9, 10; *Матвеев П.* Болгария и восточная Румелия после Берлинского конгресса. "Исторический вестник", 1886, май-август; *Кондратович Ф.* (Волоков Ф.К.). Экономические заметки о Болгарии. "Русская мысль", 1884, NN 2,4,5; *Паренсов П.* Россия и Болгария. "Русская старина", 1907, сентябрь; *Плеве П.* Военно-статистический очерк княжества Болгарского. "Военный сборник", 1882, NN 2,3,4,5,6; *В.* (Водорезов В.В.). Из новейшей истории Болгарии. "Мир божий", 1892, N 12; *Иванович И.Д.* (Добровольский И.И.). Борцы и мученики за свободу Болгарии. "Северный вестник", 1887, NN 1,3,4 и др.

*12 "Прослава на Освободителна война 1877-1878 г. Руско-български сборник". С., 1929.

*13 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. т.26, с.144.

*14 См. *Хаджиниколов В.* Отношения между България и Русия в историческа литература ...; *его же*. За характера и последиците на руско-турската война 1877-1878 г. "Военноисторически сборник", 1978, N 1.

- *15 См. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* М., 1961, т.22.
- *16 *Благоев Д.* Принос к'м историята на социализма в България. С., 1956, с.60.
- *17 См. *Раковский К.Г.* Россия на Исток. Историческо исследование на руската политика на Исток и частно - в България по официални, официозни, руски и други чужди источники. Варна, 1898.
- *18 "Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов." Сост. П.П.Павлович, предисловие В.Коларова. М., 1935.
- *19 См. например, *Бейлис А.С.* К вопросу об историографии русско-болгарских отношений в 80-х годах XIX ст. "Ученые записки Львовского государственного университета". Львов, 1948, т.Х, вып. 3.
- *20 *Павлович П.* Авантюры русского царизма в Болгарии в 80-х и 90-х годах. "Борьба классов", 1933, N 6.
- *21 Болгарский исторический архив при Народной библиотеке "Кирилл и Мефодий", фонд 255 (Стефан Бобчев), II Д4261, II Д10545 (письма из редакции "Московских ведомостей" к С.Бобчеву от 18.IX.1880 г. и 28.X.1886 г.).
- *22 *Димитров Г.* С'чинения. С., 1954, т. II, стр. 113.
- *23 См. "Говори радиостанция "Христо Ботев" (23 юли 1941 - 22 септември 1944)". С., 1951, т. IV, стр. 188- 191.
- *24 *Коларов В.* Избрани произведения. С., 1955, т. 3.
- *25 *Коларов В.* Избрани произведения. С., 1955, т. 3, стр. 396.
- *26 Там же, стр. 381.
- *27 *Державин Н.С.* История Болгарии. М.-Л., 1948, т.IV.
- *28 *Косев Д.* Новая история Болгарии. Курс лекций. М., 1952.
- *29 "История Болгарии". М., 1954, т.I; "История на България". 2 изд., С., 1961, т.I.
- *30 *Конобеев В.Д.* Русско-болгарское боевое содружество в войне 1877-1878 гг. "Вопросы истории", 1951, N 10; *его же.* Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и про-

тив решений Берлинского конгресса. "Освобождение Болгарии от турецкого ига". М., 1953 и др.

*31 *Димитров Ф.* По въпроса за използването на българи в разузнавателната дейност в навечерието на Освободителната руско-турската война от 1877/78 г. "Военно-исторически сборник", 1956, кн.2; *Тодоров Г.Д.* Ролята на българите в руското разузнаване през Освободителната руско-турска война (1877-1878). "Известия на Института за история", 1960, т.9.

*32 *Хаджиниколов В.* Икономическа помощ, оказана от българския народ на руските войски през руско-турската война от 1877-1878 г. "Освобождението на България от турско иго". С., 1958 и др.

*33 *Улунян А.А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1971 и др.

*34 *Живков Т.* Отчет на ЦК на БКП пред Деветия конгрес на партия.

*34а *Хаджиниколов В.* Някои проблеми относно участието..., стр. 62.

*35 См. *Костова Е.* Нашата историопис за участие то на българите ..., с. 236.

*36 См. *Георгиев Г., Топалов Вл.* Кратка история на Освободителната война 1877-1878 г. С., 1858; "Русско-турецкая война 1877-1878 гг." Под ред. И.И.Ростунова. М., 1977 и др.

*37 См. *Шарова Кр.* Дискусия за ролята на българската буржоазия в националноосвободителното движение. "Исторически преглед", 1976, кн. 6.

*38 *Христов Хр.* За ролята на българската буржоазия в националната революция. "Исторически преглед", 1977, кн.3, стр.96-97. В выступлении Цв.Георгиевой ("Исторически преглед", 1977, кн. 2, с.87) отмечалось, что ревизия роли освободительной войны может произойти с принятием тезиса К.Косева о бессмысленности обособления отдельных прослоек буржуазного класса. (см. *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876 г. С., 1976, стр.61).

Россия и принятие Тырновской конституции

Сто лет назад в освобожденной от османского ига в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Болгарии была принята первая конституция. Воссоздание болгарского государства после пятисотлетнего иностранного господства зафиксировало результаты длительного процесса развития болгарского национального движения, расширения и углубления болгаро-русских связей. Объективным содержанием этого события было освобождение буржуазного общества в Болгарии от феодальных оков (*1). В связи с этим решающая роль побед русского оружия в деле освобождения Болгарии позволяет отметить объективно прогрессивное значение поддержки царской России, оказанной болгарскому освободительному движению. Точно также государственно-правовое оформление воссоздания болгарской государственности происходило при направляющих усилиях России, в условиях борьбы болгарской буржуазии за юридическое закрепление своего господства. Все это вместе с учетом влияния международно-правовой регламентации Болгарского княжества представляет научный интерес в плане выяснения взаимодействия основных составляющих факторов, приведших к конституционному оформлению болгарского государства - политики России на Балканах и болгарского буржуазного движения. Обращение к этой проблеме тем более оправдано, если учесть длительное функционирование принятой в 1879 г. в Тырново конституции, ее использование в первые годы народно-демократической власти после победы восстания 9 сентября 1944 г.

Поставленная здесь проблема специально не изучалась в историко-юридической литературе, недостаточно освещена она и в многочисленных работах, посвященных Тырновской конституции. В исследованиях буржуазных авторов, вне зависимости от национальной принадлежности и от разнообразия методологических установок, игнорировалась роль болгарского национального движения в юридическом оформлении освобождения, анализ конституционной политики России в Болга-

рии основывался на идеализированном представлении о роли отдельных русских деятелей (*2).

В послевоенной марксистской литературе достигнуты существенные результаты в исследовании проблем истории разработки Тырновской конституции, общественно-политической борьбы в связи с ее принятием в Учредительном собрании, а также правовой деятельности Русского гражданского управления в Болгарии (*3). На основании документальных публикаций, материалов архивов НРБ, а также имеющихся историко-юридических исследований в настоящей статье рассматриваются в рамках поставленной проблемы вопросы отношения правящих кругов России к государственному устройству Болгарии, развития государственно-правовых воззрений болгарской буржуазии, вопросы взаимосвязи политики России в Болгарии в период 1876-1879 гг. с борьбой различных течений болгарского буржуазного общества за утверждение господства в образуемом государстве и, наконец, их отражение в Тырновской конституции.

На протяжении XIX столетия Россия принимала значительное участие в государственно-правовом оформлении складывающихся балканских государств (*4). Соприкосновение ближневосточной политики России с болгарским национальным движением и его государственными программами накладывало отпечаток на изменявшуюся внешнеполитическую программу России, а также на отношение болгарских политических группировок к вопросам о национально-государственном признании. Взаимовлияние этих двух разнородных явлений на протяжении столь значительного периода может быть изложено в кратком схематическом виде следующим образом.

Первым проявлением болгаро-русских политических контактов в XIX в. была посылка в 1804 г. специальной болгарской делегации в Петербург. Просьба болгар о покровительстве России была встречена положительно, однако конкретные шаги не могли быть приняты в связи с иным географическим районом действий русской армии. В записке главнокомандующего русской армией А.Прозоровского от 2 августа 1808 г. отмечалось, что, поскольку просителями являются дунайские болгары, то при нынешних обстоятельствах и в бу-

душем до известного времени "у нас нет средств оказать им деятельную помощь и покровительство" (*5). Значение установления этих контактов состояло в формировании интереса русской дипломатии к проблемам собственно болгарского национального движения. В русско-турецких войнах 1806-1812 и 1828-1829 гг. в отличие от предыдущего периода в составе русских войск участвовали специальные болгарские подразделения. Это было важным шагом в деле подготовки будущего признания болгарской национальности.

В 40-е годы XIX в. в болгарском освободительном движении выдвигаются идеи создания представительства при турецком правительстве и получения в перспективе автономии с помощью европейских держав. В большинстве случаев программные требования подобного рода занимали подчиненное место в общих проектах достижения национально-церковной автономии. Последняя цель рассматривалась не только как церковное, культурное, экономическое обособление среди православных подданных султана, но и как важный предварительный политический шаг для приобретения мирным путем политико-административной автономии, подобно другим балканским странам. В обстановке противоречий между позициями и политикой европейских держав на Балканах внешнеполитическая линия России постепенно начинала включать и учет непосредственных задач болгарского национального движения.

В период Крымской войны (1853-1856 гг.), особенно в ее начале, на повестку дня в политике России встал вопрос об освобождении Болгарии. Как писал император Николай I министру иностранных дел К.Нессельроде, "все части Турецкой империи с христианским населением обязательно должны получить независимость, вновь стать тем, чем они были, княжествами, христианскими государствами ..." (*6). В политической публицистике классиков марксизма, относящейся к тому времени, отмечались претензии русского царя на организацию "всех проживающих в Турции славян в отдельные княжества, какими являются ныне Молдавия, Валахия и Сербия" (*7). Это замечание Ф.Энгельса, сделанное в 1853 г., отражало существо внешнеполитической концепции России и в последующий период, когда в стратегических замыслах царизма учиты-

валось создание опоры на Балканах в виде самостоятельных государств, созданных при поддержке России.

В 1853-1854 гг. в болгарском национальном движении наблюдается оживление, выдвигаются политические программы, содержавшие в той или иной мере элементы государственного устройства будущей Болгарии. Характерно, что все эти программы, несмотря на различия в обосновании методов освобождения, связывали последнее с Россией. Так, например, в записках болгарского просветителя И.Добровски на имя императора выдвигалась идея создания автономного княжества Болгарии. Предусматривалось создание на освобожденной в ходе военных действий территории временного правительства во главе с "диктатором", подобранным с учетом пожеланий России. Органы временного правительства по мнению И.Добровски должны быть составлены из русских чиновников, назначенных Россией. Постепенно русские чиновники должны были подготовить себе замену из лиц болгарского происхождения. Идеалом автора записок являлась политическая система монархического типа" (*8).

Болгарская эмиграция в Дунайских княжествах во главе с торговой буржуазией стремилась использовать начало военных действий для создания органа, который смог бы обеспечить им главенство в будущем автономном государстве. С этой целью Болгарское попечительство предпринимало шаги для учреждения собственного представительства "из сведущих и опытных людей, которые находясь при Главной квартире действующей армии, вроде депутатов, представляли бы таким образом нашу народность" (*9).

Болгарская буржуазия в Одессе, также представленная торговой буржуазией, стремилась подобно бухарестской эмиграции к национальной автономии. Один из лидеров одесских болгар Н.Х.Палаузов писал в 1853 г., что болгарский народ "жаждет того политического значения, какое имеют другие единоплеменные и единоверные ему народы: сербы, волохи, молдаване", "болгары неизменно преданы России, к ней обращены взоры их, под крыльями мощного Орла русского уповают они излечить вековые язвы свои" (*10).

В серии записок Н.Х.Палаузова, в том числе таких, как "Поверхностный очерк существующего в Турции управления",

"О внутреннем управлении в городах, занимаемых нашими войсками", "О необходимости учредить при Главной квартире болгарскую канцелярию", адресованных к русским властям в 1853-1855 гг., выдвигались и конкретные соображения по организации управления в освобожденной Болгарии. Главным содержанием политических программ болгарской эмиграции на юге России, в Валахии и Молдавии было планирование достижения национальной автономии с помощью России, обеспечения власти торговой буржуазии в будущем государстве.

В намерениях так называемого "Тайного общества", созданного в Константинополе болгарской буржуазией и пытавшегося объединить патриотические силы внутри Болгарии, звучали подобные рассмотренным выше мотивы достижения автономии Болгарии. Радикализм деятелей этой организации состоял в непосредственной подготовке вооруженных выступлений, в связи с наступлением русской армии.

События Крымской войны перечеркнули надежды болгар на скорое достижение своих проектов. Тем не менее многие идеи болгарских программ, отложившихся в недрах министерства иностранных дел и военного ведомства, послужили важным источником составления будущих конкретных мероприятий России в 60-70-е годы. В изменившихся после военного поражения и внутреннего революционного кризиса условиях ведения балканской политики русское правительство рассчитывало на восстановление симпатий и политического влияния среди угнетенных народов европейской Турции путем поддержки национальных достижений.

Одновременно с конца 50-х годов болгарское освободительное движение вступает в новую фазу - этап организационной борьбы. В это время на первый план выдвинулась программа выдающегося болгарского революционера Г.Раковского. В "Плане освобождения Болгарии" (1861 г.), в организации "Временного болгарского начальства" (1862 г.) под его руководством, во "Временном законе о народных лесных четах на 1867 г." болгарский революционер в отличие от своих прежних планов выразил в сконцентрированном виде идеи создания болгарского национального руководства освободительным движением, достижения таким образом свободы и обеспечения правового порядка.

Вместе с кристаллизацией организационных принципов формирования руководящих органов в болгарском национальном движении 1860-х годов происходит поляризация программных установок различных течений по вопросам государственного устройства. Одновременно с выдвижением республиканских проектов, а также федеративно-республиканских планов В.Левского и Л.Каравелова в конце 60 - начале 70-х годов XIX в. происходила борьба в связи с популяризацией либерально-буржуазных проектов создания "Болгаро-Сербского царства", дуалистической "Болгаро-Турции" (набодобие созданной в 1867 г. Австро-Венгрии). Широкий международный резонанс постановки государственно-правовых вопросов в болгарском движении был связан с общебалканской ситуацией, обострившейся в конце 60-х годов. В политике России, направленной на поддержку союза балканских народов в то время, важное место занимало предложение национально-административной автономии, нашедшее отражение в подготовленном МИД "Меморандуме о реформах, какие надлежало бы произвести в Турции для улучшения быта тамошних христианских народонаселений" (*11).

Дипломатическая борьба России по вопросам критики широко прокламировавшейся в Западной Европе реформистской деятельности турецкого правительства совпадала с подобной же критикой "бумажных реформ" со стороны деятелей как революционного, так и либерального крыла болгарского движения. В условиях подготовки консолидации национальных сил на собрании в Бухаресте весной 1872 г. и на собрании в Обориште в апреле 1876 г. отвергались возможности существования болгарского народа в "реформирующейся" Турции и выдвигались революционные пути освобождения.

После поражения Апрельского восстания 1876 г. болгарский вопрос продолжал оставаться в центре внимания заинтересованных участников кризиса. Усилия России прежде всего были направлены на дипломатическое и политическое решение вопроса о предоставлении Болгарии автономии. В своих действиях русская дипломатия широко опиралась на государственные проекты болгарской буржуазии. Выдвинутая на "Болгарском народном собрании" 19 ноября 1876 г. "Политическая программа" предусматривала воссоздание са-

мостоятельного болгарского государства. Болгарский комитет в Рушук (Русе) высказывался за автономию Болгарии в форме конституционной монархии. В других программах национального движения в 1876 г., в частности в "Желаниях болгар", "Желаниях болгарской нации" (*12) выдвигалась сходная идея образования автономной болгарской провинции в Турции. Все эти проекты были известны русской дипломатии. Так программа константинопольских болгар во главе с Т.Бурмовым "Желания болгар" легла в основу русского плана-максимум на международной конференции в Константинополе в конце 1876 г. (*13). Упомянутые другие проекты болгарского происхождения учитывались и в записке "Возможные условия мира" начала 1877 г., предусматривавшей три варианта решения болгарского национального вопроса: независимость Болгарии, вассальное княжество, национально-административная автономия (*14).

Острая дипломатическая борьба, которую вела Россия с западными державами, подталкивавшими турецкое правительство на проведение административных реформ, совпала с конституционным движением Турции. Однако, острота национальных противоречий в европейских владениях султана не могла быть сглажена путем проведения половинчатых мер по введению административных порядков французского образца и запоздалого провозглашения турецкой конституции 1876 г., подготовленной националистическими конституционалистскими кругами и принятой под давлением английской дипломатии. Воссоздание болгарской государственности стало возможным лишь в результате русско-турецкой войны.

Вопрос о политике правящих кругов России по вопросу о правовом оформлении болгарской государственности тесно связан с внутрироссийским движением за осуществление буржуазных реформ 60-70-х годов XIX в. Даже в среде господствующих классов и высшей администрации оживилось движение в защиту "политических компенсаций" русскому дворянству. Так во всеподданнейшей записке министра внутренних дел П.А.Валуева от 22.IX.1861 г. содержалась идея реформы государственного управления на представительных началах (*15). Деятельность Валуева по подготовке проекта реформы органов управления (*16) совпадала с другими проектами. Великий

князь Константин Николаевич, в середине 60-х годов готовил свой проект с привлечением государственного секретаря князя С.Н.Урусова, назначенного впоследствии, в 1879 г., председателем специальной комиссии по рассмотрению проекта болгарской конституции. В 1876 г. накануне второй революционной ситуации и войны с Турцией в правящих кругах признавалась необходимость конституционных шагов. Товарищ министра иностранных дел Н.К.Гирс, известный своей деятельностью в восточной (балканской) политике России, считал по воспоминаниям современника, что "необходима конституция, которая оживит нас, а то мы гнием" (*17). В дневнике П.А.Валуева в связи с усилением общественного движения в защиту балканских славян в русском обществе отмечалось: "Знамение времени. Тимашев мне говорил, что ввиду хода дел не мешало бы иметь наготове проект в конституционном духе" (*18). Если учесть объективно буржуазную программу военного министра Д.А.Милютина по разделению законодательной и исполнительной власти (*19), то станет ясна обстановка в высших сферах наиболее влиятельных лиц, участвовавших в решении болгарского государственно-правового вопроса.

Таким образом развитие государственно-правовых программ болгарской буржуазии совпадало с направлением развития "конституционных" проектов в среде руководителей важнейших ведомств России. Приверженность последних к принципу монархизма также была созвучна осторожным политическим меморандумам либеральной болгарской буржуазии, игравшей активную роль в болгарском национальном движении после разгрома и ослабления революционно-республиканского крыла в результате подавления Апрельского восстания. Результаты военно-политических побед России в войне с Турцией, их оформление в области государственно-правовой были одобрительно встречены болгарской общественностью. По VI статье Сан-Стефанского прелиминарного договора предполагалось создать в Болгарии "самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством и земским войском" (*20). В следующей статье договора указывалось, что "князь Болгарии будет свободно избираем населением и утверждаем Блистательной Портой с согласия держав". В этой же VII статье предусматривалось, что

"собрание именитых людей Болгарии, созванное в Филиппополе (Пловдиве) или в Тырнове, выработает до избрания князя, под наблюдением российского комиссара и в присутствии комиссара оттоманского, устав будущего управления" (*21).

Как видно из этих статей договора, заключенного между Россией и Турцией, юридическое признание основных целей было достигнуто. Вместе с этим, в связи с традициями развития восточного вопроса и довоенными дипломатическими шагами России, в Сан-Стефанском договоре была отдана дань пресловутому "европейскому концерту" держав, не участвовавших в войне, но допущенных к решению важнейших вопросов в образующемся болгарском государстве. Еще более жесткими были условия политического трактата, принятого на Берлинском конгрессе в июне 1878 г. В силу враждебной позиции западноевропейских держав, прежде всего Англии и Австро-Венгрии, на конгрессе в Берлине России были навязаны решения, направленные на резкое ограничение достигнутых и зафиксированных в прелиминарии результатов. Прежде всего резко сокращалась территория Болгарского княжества, которое ставилось под главенство султана, отсутствовало положение Сан-Стефанского договора о наблюдении со стороны российского комиссара за разработкой конституции (*22). Последнее обстоятельство вместе с сокращением срока оккупации Болгарии с двух лет до девяти месяцев и превращением южной Болгарии в автономную провинцию Турции было не только ущемлением позиций России на Балканах, но и проявлением грабительской политики империалистических держав по отношению к создающемуся государству.

На основе инструкции МИД России от 10 апреля 1878 г. русский комиссар в Болгарии князь Дондуков-Корсаков должен был приступить вместе со своим аппаратом к составлению Органического устава княжества, или конституции. Принципы, заложенные в инструкции, отвечали интересам болгарской буржуазии. Более того, правительство России предусматривало ограничение власти князя. В предписаниях из Петербурга говорилось: "Князь, избираемый народом, не будет пользоваться неограниченной властью. Предел этой власти определится уставом. За Собранием болгарских нотаблей устанавливается право законодательное и право рассмотрения и утверж-

дения ежегодных бюджетов княжества. Министры, назначаемые князем, ответственны перед Собранием за свои действия" (*23).

Временное русское управление, много сделавшее по утверждению гражданской власти на освобожденных территориях еще во время войны (*24), осуществило крайне важную в условиях международной напряженности того времени работу по подготовке проекта конституции. После постановлений Берлинского конгресса в связи с ограничением срока пребывания русских властей в Болгарии разработка конституции велась ускоренными темпами. В новой инструкции МИД от 24 июня отмечалось, что для России "весьма важно в политическом отношении, во-первых не оставлять страну без оконченной организации и, во-вторых, соблюсти, чтобы избрание болгарского князя, могущее последовать лишь после изготовления Органического устава, состоялось еще при Вас (т.е. при русском комиссаре - *Е.К.*) и в присутствии наших войск" (*25).

Разработка Органического устава Болгарского княжества была проведена в виде проекта в судебном отделе гражданского управления во главе с советником министерства юстиции С.И. Лукьяновым при участии Дондукова-Корсакова. В основу проекта легли законодательные нормы России, но стержнем проекта являлось оформление монархии по примеру Румынской конституции 1866 г. и Сербского устава (конституции) 1869 г. Таким образом помощь России в разработке проекта, осуществленная в сжатые сроки, была проведена с учетом конституционной практики соседних балканских государств, ранее, до русско-турецкой войны, находившихся в вассальной зависимости от Турции.

В ноябре 1878 г. проект, подготовленный в отделе С. Лукьянова, вместе с отзывами ряда "просвещенных болгар" был выслан в Петербург для утверждения. В большинстве упомянутых отзывов болгарских буржуазных деятелей (Т. Бурмов, М. Дринов, Т. Икономов и др.) преобладали консервативные тенденции создания сената, введения имущественного ценза для избирателей и т.п. После рассмотрения проекта в МИД вместе с замечаниями русского посла в Константинополе А.Б. Лобанова-Ростовского была создана комиссия "Особое совещание для рассмотрения проекта болгарской конституции"

во главе с управляющим вторым отделением императорской канцелярии С.Н.Урусовым. В распоряжении комиссии находились все материалы, относящиеся к проекту, включая замечания военного министра Д.А.Милютинина об усилении конституционных гарантий (*26).

В работе комиссии, в состав которой входили в качестве членов советники 2 отделения императорской канцелярии Н.Д.Мягков, Ф.А.Брун, директор Азиатского департамента МИД А.А.Мельников, а также профессор государственного права Петербургского университета А.Д.Градовский (в качестве консультанта), были обсуждены постатейно все основные положения проекта (*27). При активном участии А.Д.Градовского были произведены корректировки, отличавшиеся более либеральными в буржуазно-демократическом духе формулировками. Эти замечания Особого совещания были утверждены императором. Смысл произведенных в Петербурге изменений сводился к подчеркиванию характера нового государства, расширению представительных начал законодательного органа, приданию сугубо болгарского национального характера выборам первого князя, расширению прав Народного собрания и т.д. (*28)

Таким образом predetermined международными соглашениями форма конституционной монархии для образующегося Болгарского государства была наполнена либеральным содержанием проекто-предложений России. Многое зависело от политической активности болгарского общественного движения. Достигнутая в 1877-1878 гг. консолидация течений в национальном движении лишь временно сглаживала углы противоречий, существовавших в болгарском обществе. Опубликование проекта конституции и развернувшаяся в Тырновском Учредительном собрании борьба по вопросам содержания обсуждавшегося проекта были важнейшим вопросом в политической жизни Болгарии.

Движение протеста, охватившее все слои болгарского общества и направленное против решений Берлинского конгресса о разделении Болгарии, еще более осложнило борьбу по вопросам государственного устройства в Учредительном собрании. На протяжении периода с 10 февраля по 18 апреля работало Тырновское собрание, главным результатом которо-

го стало принятие конституции, опубликованной на болгарском и русском языках (*29).

Победу в борьбе между консерваторами и либералами одержали последние. Это политическое течение, объединявшее последователей демократических, радикальных и либеральных руководителей национального движения, не было однородным. Тем не менее оно наиболее полно отражало интересы мелкобуржуазных слоев города и деревни, т.е. подавляющей части болгарского населения. Обсуждение проекта и принятие конституции происходили без участия русских представителей и отражали соотношение сил в Болгарии.

Либералы одержали победу, отвергнув предложения консерваторов о введении сената, а также предполагавшееся учреждение государственного совета. Были внесены изменения, предусматривавшие провозглашение равенства всех болгарских граждан перед законом, запрещение деления на сословия и непредусмотренных законом наказаний, свободу печати, обязательное бесплатное начальное образование (*30). Болгарское княжество провозглашалось конституционной монархией. князю принадлежала исполнительная власть, он являлся верховным начальником вооруженных сил, обладал правом распускать Народное собрание и назначать сроки новых выборов, утверждать принятые Народным собранием законы. Вместе с этим в конституции обеспечивались принципы буржуазного представительства. В прерогативы Обыкновенного Народного собрания входила выработка законов, принятие бюджета, контроль действий правительства. Для выборов князя, изменения конституции, рассмотрения территориальных вопросов предусматривался созыв Великого Народного собрания. Все болгарские граждане, достигшие 21 года, обладали избирательными правами. Для Обыкновенного Народного собрания устанавливалась следующая квота: один народный представитель от 10 тысяч человек, для Великого - два народных представителя от этого же количества.

Утверждение буржуазно-демократических свобод в политической области являлось одновременно фиксацией социально-экономических изменений, происшедших в болгарских землях, и провозглашением новых капиталистических путей развития Болгарии. Тырновская конституция, ставшая одной

из наиболее демократических для того времени, послужила в эпоху становления буржуазных общественных отношений политическим знаменем мелкой буржуазии в ее борьбе с консервативными тенденциями крупной болгарской буржуазии.

На долгие годы, однако, в политической жизни Болгарии отразилось введение монархического института. Его функционирование, связанное с приглашением знатных особ из правящих европейских фамилий, было беспрерывно связано с борьбой за ограничение конституционных прав болгарского народа. Это признавали даже сторонники конституционно-монархического принципа. Один из видных деятелей умеренных либералов Др.Цанков писал впоследствии, в связи с 25-летием принятия Тырновской конституции: "... история учит нас, что редко встречаются главы государств, которые выполняют свою клятву и не топчут Конституцию" (*31).

Через два года после принятия конституции первый болгарский князь Александр Баттенберг осуществил государственный переворот. Созванное в июле 1881 г. послушное Народное собрание предоставило князю чрезвычайные полномочия сроком на 7 лет, действие конституции приостанавливалось, был создан Государственный совет из 12 человек, 4 из которых назначались князем. Стремление князя к укреплению личной власти вызвало обострение внутриполитической борьбы и болгаро-русских отношений. В итоге 7 сентября 1883 г. был издан княжеский манифест о восстановлении Тырновской конституции (*32).

В годы правления следующего болгарского монарха Фердинанда (1879-1918 гг.) постоянно проводилась политика обхода и нарушений Тырновской конституции, укрепления личной власти монарха. Приостановление действия конституции, многочисленные поправки, урезывавшие демократические права, характерны были для всего периода господства буржуазии в Болгарии. Одновременно необходимо отметить позитивную роль Тырновской конституции, как объективной легальной основы борьбы прогрессивных демократических сил страны во главе с коммунистами во времена правления монархо-фашистских режимов в Болгарии. После установления демократической власти Тырновская конституция использовалась до принятия 4 декабря 1947 г. Конституции НРБ.

Значительный исторический срок действия Тырновской конституции, ее роль в общественно-политической жизни Болгарии позволяют говорить о ней, как о важном памятнике государственно-правовой буржуазной мысли. Историческое значение Тырновской конституции состоит прежде всего в закреплении юридического освобождения Болгарии от османского ига, в создании основ государственного существования болгарской нации. Содействие России в подготовке проекта конституции способствовало ускорению государственно-правового становления освобожденной Болгарии в буржуазно-демократическом духе. Прогрессивный смысл исторического акта принятия конституции заключается в оформлении перехода от феодально-бюрократической государственной системы к буржуазному национальному государству (*33).

В истории государства и права Тырновская конституция занимает видное место в ряду конституционных европейских документов. Вслед за бельгийской конституцией 1831 г. первая болгарская конституция явилась примером буржуазно-демократического решения конституционно-правовых вопросов, их детализации. В региональном масштабе, в рамках Центральной и Юго-Восточной Европы, интересно отметить, что в новых исторических условиях после второй мировой войны, когда решались задачи слома буржуазной государственной машины и создания социалистической государственности, на короткий период были восстановлены и сохранены буржуазно-демократические конституционные законы. По сравнению с польской конституцией 1921 г., чехословацкой конституцией 1920 г., видогданской конституцией 1921 г. в Югославии Тырновская конституция 1879 г. была самой старой.

Рассмотренные в статье общие вопросы сотрудничества правящих кругов России и болгарских буржуазных политических течений позволяют также выделить малоизученные международные аспекты истории буржуазной правовой мысли. В связи с этим в дальнейшей разработке нуждаются вопросы использования судебной практики России в новом болгарском государстве, вопросы влияния конституционалистской практики России на Балканах на развитие буржуазного права в русском государстве. Все эти вопросы вместе с задачами сравнительно-типологического изучения конституционного законо-

дательства (с учетом национальной специфики) в истории буржуазного государства и права европейских социалистических стран становятся актуальными на современном этапе, когда сотрудничество стран социализма в правовой области приобретают непосредственно практический характер.

*1 Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 26, с.144.

*2 См.: Ковалевский М.М. Заметки по поводу болгарской конституции. "Слово", 1879, март; Соловьев М. О юридическом быте Болгарии. "Юридический вестник", 1878, N 2; Владов (И.А.Пашков). Болгария. "Русская мысль", 1881, кн.1; Палаузов В. Очерк деятельности русского гражданского управления по устройству юстиции в Болгарии. "Журнал гражданского и уголовного права", 1880, кн. 4; Георгиевский Д. Гражданское управление в Болгарии. "Наблюдатель", 1882, NN 9, 10; Васильев Н.Е. Русский проект Органического устава государственного устройства Болгарского княжества и его дальнейшие изменения. "Юридический вестник"; 1887, N 6-7; Матвеев П.А. Болгария после Берлинского конгресса. Исторический очерк. СПб., 1887; его же. Записка князя В.А.Черкасского о Болгарии. "Русский вестник", 1890, N 12; Анучин Д.Г. Князь В.А.Черкасский как устроитель Болгарии. "Русская старина", 1888, июль; его же. Князь В.А.Черкасский и гражданское управление в Болгарии. "Русская старина", 1895, NN 2,3,4,5,8,9,10,11,12, 1896, NN 1,2,3,5,7,8; Овсяный Н.Р. Русское управление в Болгарии в 1877-78-79 гг. СПб., 1906-1907, т.т. 1-3; его же. Устроители Болгарии: князь Черкасский, кн. Дондуков-Корсаков и Столыпин. "Русская старина", 1909 февраль - май; Гримм Э.Д. История и идейные основы проекта Органического устава, внесенного в Тырновское учредительное собрание 1879 г. "Годимник на Софийский университет. Юридический факультет", 1920-1921, т. XVII; его же. К истории русско-болгарских отношений. "Новый восток", 1924, N 5; Милюков П.Н. Болгарская конституция. "Русское богатство", 1904, NN 8, 9, 10; Баламезов С. Нашата Конституция и нашия парламентаризъм. София, 1919, ч.1; Радев С. Строителите на съвременна България. С., 1911, т.1; Владикин С. Исто-

рия на Търновската конституция. С., 1936; *Киров С.* Критичен поглед върху текста на българската конституция. С., 1905 и др.

*3 *Козьменко И.В.* Петербургский проект Тырновской конституции. "Исторический архив", 1949, т.IV; *ее же.* Первоначальные проекты Тырновской конституции. В кн.: "Освобождение Болгарии от турецкого ига". М., 1953; *Абакумов А. И.* Разработка конституции Болгарского государства и принятие ее Учредительным собранием. "Труды Среднеазиатского гос. университета им. В.И.Ленина. Всеобщая история". Ташкент, 1968, вып. 141, кн. 29; *Никитин С. А.* Русское гражданское управление в Болгарии (1877-1879). В кн.: "Освобождение на България". С., 1970; *Винников В.А.* К вопросу о деятельности временной русской администрации в Болгарии в 1877-1879 гг. В кн.: "Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института". Свердловск, 1964, вып. 4; *его же.* Из истории возникновения национального государства в Болгарии (1877-1879). В кн.: "Сборник ученых трудов Свердловского юридического института", 1966, вып.6; *его же.* Из истории русско-болгарских политических отношений в 1877-1879 гг. В кн.: "Свердловский юридический институт. Теоретическая конференция". Свердловск, 1966; *Коротких М.Г.* Первоначальный проект Тырновской конституции Болгарии 1879 г. и его характерные черты. Воронеж, 1977 (депонент ИНИОН АН СССР, N 1827); *его же.* Тырновская конституция. Воронеж, 1978; *Тодоров Г.* Временното руско управление в България през 1877-1879. София, 1958; *Гандев Х.* Руската помощ за изграждането на българската държава през 1878-1879 г. В кн.: "Освобождението на България от турско иго." С., 1958; *Манолова М.* Временното руско управление в България през 1877-1879 г. и пощенско дело. "Исторически преглед", 1968, кн. 6; *ее же.* Първоначалният проект на Търновската конституция и характерът на направените в Петербург изменения в някои от неговите разпоредби. "Правна мисъл", 1975, кн.I; *Милкова Ф.* Основни въпроси на общинско самоуправление в българската буржуазна държава от създаването на Търновската конституция до Балканската война. "Годишник на Софийския университет. Юридически факултет", 1959; *ее же.* Централни и местни органи на управление в българската буржоазна държава през периода 1878-1912 г.

"Годишник на Софийския университет. Юридически факултет", 1976, т.66; *ее же*. Тырновската конституция и държавното устройство на България след Освобождението. "Правна мисъл", 1978, N 3; *Андреев М.* История на българската буржоазна държава и право. С., 1965, ч. I; *его же*. Приносят на руския народ за изграждане основитена българското държавно устройство след Освобождението на България от османско иго. "Годишник на Софийския университет. Юридически факултет", 1968, т. 59; *Жечев Н.* За отношението на Временното руско управление, на българските власти и общественост към мусулманското население в България през 1877-1879 г. "Известия на Института за история", 1967, кн. 19 и др.

*4 *См. Гросул В.Я.* О конституционалистской политике России на Балканах (Влияние молдаво-валахских реформ на реформы в Болгарии). "Вопросы истории", 1969, N 8; *Станиславская А.М.* Конституция Семи Соединенных остовов 1803 г. "Балканские исследования". М., 1974; *Достян И.С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. "Балканский исторический сборник", Кишинев, 1974, вып. IV.

*5 *См.: "Внешняя политика России XIX и XX века. Документы российского министерства иностранных дел". М., 1965, т.IV, с. 310.*

*6 *Цит. по: Конобеев В.Д., Зуева Н.В., Шатохина Е.М.* Дипломатия России в борьбе за независимость Болгарии и образование болгарского национального государства (1856 - 1878 гг.). "Новая и новейшая история", 1978, N I, с. 39.

*7 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения., т. 9, с. 354.

*8 *См. Конобеев В.Д.* Българското национално-освободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972, с.339-344.

*9 *Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина, фонд 231/111, папка 34, ед.хр. 57. (письмо болгарского общества в Бухаресте к московским болгарам от 12.I.1854 г.)*

*10 *Цит. по: Барсов Н.* Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (с 1854-1884 гг.) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895, с.36-37.

- *11 См.: "С.-Петербургские ведомости", 10.XII.1867 г.
- *12 См. *Никитин С.А.* Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии. В кн.: "Славянский архив". М., 1959; *Христов* . Два проекта за държавно устройство на България от 1876 г. "Известия на Института за история". София, 1966, кн.16-17.
- *13 "Освобождение Болгарии от турецкого ига". М.,1961, т.І, документ N 344, с. 488-491.
- *14 *Конобеев В.Д., Зуев Н.В., Шатохина Е.М.* Указ.соч., с.48.
- *15 См. *Чернуха В.Г.* Программная записка министра внутренних дел П.А.Валуева от 22 сентября 1861 г. В кн.: "Вспомогательные исторические дисциплины". Л., 1976, т.VII.
- *16 См. *Валуев П.А.* Дневник. М., 1961, тт. 1-2.
- *17 *де Воллан Г.А.* Очерки прошедшего. "Голос минувшего", 1914, февраль, с. 186.
- *18 *Валуев П.А.* Дневник. М., 1961, т.2, с.392.
- *19 См. *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964, с.131-132.
- *20 См.: "Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 гг." М., 1952, документ N 25.
- *21 Там же.
- *22 "Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917", документ N 27.
- *23 "Сборник материалов по гражданскому управлению в Болгарии", вып. 3, с. 284.
- *24 См. *Тодоров Г.* Временното руско управление в България през 1877-1879 г. София, 1958.
- *25 "Сборник материалов ...", вып. 3, с. 293.
- *26 См. *Козьменко И. В.* Первоначальные проекты Тырновской конституции, с. 241- 250.
- *27 Там же, с. 243.
- *28 См. "Исторический архив", М., 1949, т.IV, с.184-324 (публикация И. В. Козьменко).
- *29 Тырновская конституция. Тырново, 1879.
- *30 См. "Протоколите на Учредителното българско народно събрание в Търново". Пловдив-София-Русчук, 1879.

*31 "Гражданин", София, 1.VI.1901.

*32 См. подробнее: *Димитров И.* Князът, конституцията и народът. София, 1972.

*33 В южной Болгарии, остававшейся по решению Берлинского конгресса в составе Турецкой империи на правах автономной провинции под названием Восточная Румелия, был введен Органический устав, составленный международной комиссией. Активную роль в оформлении буржуазно-либеральной надстройки этого государственного образования, обеспечении автономных прав сыграли русские представители. (см. *Манолова М.* Русия и конституционното устройство на Източна Румелия. София, 1976). После воссоединения в 1885 г. действие Тырновской конституции распространилось и на эти болгарские территории.

Первые болгарские воспитанники Московского университета*

Отгремели залпы русско-турецкой войны, завершившейся освобождением Болгарии, и в молодом болгарском государстве началась новая жизнь.

Болгарское княжество испытывало большую потребность в квалифицированных специалистах. Около пятисот болгар получили образование в России в последние десятилетия перед освобождением и стали активными деятелями национального движения (*1). Значительную роль в подготовке болгарских кадров сыграл и старейший русский университет, в котором обучались такие видные впоследствии деятели, как знаменитый писатель и революционер Любен Каравелов, его брат Петко - будущий глава болгарского правительства, крупнейшие историки эпохи национального Возрождения М.Дринов и С.Палаузов, писатель и художник В.Попович, "болгарский Белинский" - литературный критик Н.Бончев, поэт и публицист Р.Жинзифов, журналист Б.Запрянов, активные участники вооруженной борьбы за национальную свободу

И.Христов, К.Везенков, К.Бонев, М.Желязков, К.Кесяков и многие другие.

В настоящей статье рассматривается вопрос о самых первых болгарских воспитанниках Московского университета в период 40-50-х годов XIX века. Конкретизация этого сюжета истории болгаро-русских культурных связей позволит также дополнить картину освободительной борьбы болгарского народа в тот период, когда важными формами ее проявления были движения за национальное просвещение и независимую национально-церковную организацию.

В исторической литературе интересующий нас вопрос затрагивался лишь попутно. В исследованиях К.А.Поглубко об обучении болгар в России, основанных на широкой архивно-документальной базе, деятельность болгарских студентов Московского университета освещается в рамках более позднего периода с конца 50-х годов XIX века (*2).

Развитие болгарского национального движения, сопровождавшееся ростом национального самосознания, приобретало в 30-40-е годы XIX века новые черты. Расширение сети школ в болгарских землях в это время, массовый характер светского образования создавали благоприятные условия для активизации общественных проявлений в освободительном движении. Одновременно с этим происходило обострение противоречий, связанных с националистическими проявлениями в политике греческого духовенства в Болгарии, монополизировавшего различные сферы культурной жизни в Османской империи. Богатые традиции болгаро-греческих культурных связей и тесные взаимоотношения болгарской и греческой торговой буржуазии способствовали широкому распространению в болгарских городах не только эллинофильства, но грекомании. Единоличное представительство греко-фанариотским духовенством интересов всего православного населения Османской империи перед султанским правительством, усиление финансового гнета в силу роста товарно-денежных отношений и грабительской политики высшего духовенства - все это усиливало позиции греческой и грекоманской религиозной и торгово-буржуазной верхушки в болгарских землях. Набиравшее силу болгарское национально-просветительское движение выдвигало в этих условиях задачи распространения национального

образования, создание литературного языка и расширение сферы его применения в обучении (вместо греческого). Политический характер национального движения стал еще более явно проявляться в разворачивании борьбы за национальную церковную организацию, которая могла сыграть роль в борьбе за национально-административную автономию.

Под покровом православной оболочки, в борьбе за устранение греческого языка в церковной службе и за замену греческих священнослужителей болгарскими происходило утверждение идеи общеславянской сопринадлежности, в особенности культурного сближения с Россией.

Настроение болгар, их стремление к учебе в России отразила публикация М.П.Погодина, известного историка, профессора Московского университета, в редактировавшемся им журнале "Москвитянин". Под названием "Письма болгарские" были напечатаны материалы Г.Бусилина, болгарина, окончившего афинскую гимназию и приехавшего учиться в Москву (*3). Получив покровительство М.Погодина, молодой болгарин Георгий Илиев Бусилин стал студентом Московского университета. В "Отчетах о состоянии и действиях" Московского университета за 1841-1843, 1843-1844, 1844-1845 гг., в приложениях под литирой "В" имя Г.Бусилина упоминается в списке студентов первого курса философского факультета по первому (т.е. историко-филологическому) отделению. Г.Бусилин являлся "казеннокоштным студентом", указывалось, что на 1.1.1843 г. ему исполнилось девятнадцать лет, что он православного вероисповедания, отмечалось его "хорошее" поведение. В графе "Из какого состояния" фигурирует необычное для списков студентов - "из болгар" (*4). Все эти сведения повторялись трижды в "Отчетах ..." с увеличением возраста и времени пребывания в университете. Трехлетнее пребывание на первом курсе было связано, вероятно, с тем, что Г.Бусилин не сдавал все экзамены, а также с его болезнью. Не закончив университета, он умер в 1845 году.

За короткую жизнь этот болгарский патриот оставил существенный след в болгарском национальном просвещении. Еще во время учебы в Греции Г.Бусилин был членом "Славяно-болгарского ученолюбивого общества" - одной из первых болгарских просветительских организаций. В 1844 году на

средства купца-болгарина из Русе А.Н.Хаджоглу, проживавшего в Москве, он издал "Болгарский букварь", хранящийся ныне в Музее книги Всесоюзной государственной библиотеки им. В.И.Ленина. "Болгарский букварь" Г.Бусилина, напечатанный в типографии Московского университета, призван был, по замыслу автора, напоминать каждому болгарину, "что он есть орудие умственное для развития нашего отечества". Патриотические педагогические идеи Г.Бусилина содержатся и в его письме к настоятелям одного из лучших в Болгарии того времени Карловского училища. В этом письме содержится призыв к изучению национальной истории. Для этой цели Г.Бусилин выслал из Москвы перевод Манасиной летописи "с кратким содержанием истории болгар" (*5).

Эти сведения позволяют отметить интерес болгарского студента к русской науке. Появление работы А.Д.Черткова "О переводе Манасиной летописи на славянский язык по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар" (*6) не осталось незамеченным Г.Бусилиным, написавшим уже 10 мая 1843 г. упомянутое письмо в Болгарию. Контакты молодого студента с известными русскими учеными М.П.Погодиным и П.А.Бессоновым, в связи с разбором бумаг покойного Ю.И.Венелина, беседа с В.И.Григоровичем перед началом его научного путешествия на Балканы (*7), посещение лекций слависта О.М.Бодянского в университете - все это способствовало расширению кругозора Г.Бусилина. Может быть, под влиянием лекций О.М.Бодянского студент в работе над "Болгарским букварем" выступил одним из инициаторов введения фонетического правописания (*8). В русском славяноведении имя Г.Бусилина также было широко известно, харьковский славист И.И.Срезневский писал о его работе в статье "Очерк книгопечатания в Болгарии" (*9). Вероятно, при посредстве московских славистов Г.Бусилин выслал "Болгарский букварь" П.Шафарику с посвящением. Славистические интересы и занятия Г.Бусилина в России способствовали повышению интереса к болгаристике среди научной общественности. Русский славист П.П.Дубровский перепечатал "Письма болгарские" в варшавском журнале "Денница" (*10).

В "Письмах болгарских" Г.Бусилина нашли свое выражение настроения болгарской молодежи того времени: "О, если

бы несколько студентов могло учиться в Московском университете на государственную стипендию! Нам так необходимы образованные люди, которые отстаивали бы сейчас права своего народа, когда само положение Турции способствует улучшению судьбы Болгарии ... Где найти просвещение, сродное славянскому сердцу, если не у своих братьев по крови и вере?" (*11). Г.Бусилин учился в университете на казенном содержании, но это была единовременная стипендия.

16 мая 1844 года московский купец второй гильдии болгарин Иван Николаевич Денкоглу (1781-1861), известный своей активной поддержкой болгарского просвещения и русской болгаристики (*12), обратился с письмом к попечителю Московского университета С.Г.Строганову. В письме сообщалось, что И.Н.Денкоглу жертвует 4235 руб.11 коп. серебром для обучения на проценты с этой суммы одного из болгар. Благотворитель подчеркивал, что делает это "с той целью, чтобы по окончании курса" молодые болгары "могли быть полезны своему отечеству, которое только что пытается пробуждаться от долговременного невежества и старается улучшить свое жалкое положение" (*13). По предложению дарителя первым его стипендиатом стал Никола Михайловский, уроженец Елены, окончивший афинскую гимназию.

Н.С.Михайловский (брат известного деятеля национально-церковного движения Иллариона Макариопольского) окончил университет по историко-филологическому отделению философского факультета в 1848 году. В "Отчетах ..." университета он фигурирует под фамилией Шишко-Михайловский как "своекоштный студент", находящейся "на благотворительном содержании". Хотя Н.Михайловский уже в октябре 1844 года получил стипендию из пожертвованных И.Денкоглу средств, предполагалось, чтобы "каждый стипендиат был избираем ... в самой Болгарии или из временно находящихся в России болгар, но во всяком случае, турецких подданных, чтобы каждый из них по окончании курса наук в Московском университете возвращался в свое отечество для занятия должности наставника" (*14).

Опасаясь международных осложнений, руководители разных рангов стремились согласовать этот вопрос со своим начальством. В итоге было признано, что "в политическом

отношении" нет препятствий "к исполнению ... но желательно, чтобы при распоряжениях по оному избегаема была лишняя огласка, дабы не возбудить неуместных толков и неосновательных подозрений турецкого правительства"(*15)

На 2-м и 3-м курсах обучения Н.Михайловский добивался "хороших", а на 4-м курсе - "очень хороших" успехов. В "Отчете" за 1847-1848 академический год в числе "лучших упражнений" было поданное им "Исследование о новобулгарском языке"(*16). После окончания университета Н.Михайловский работал учителем в Болгарии (Елена, Тырново, Сливен), редактировал константинопольскую газету "Съвегник". Затем стал цензором болгарских книг в турецком министерстве просвещения и в этом качестве все более проявлял себя (особенно со второй половины 1860-х годов) как консерватор, за что подвергался резкой критике в болгарской эмигрантской печати(*17).

В период обучения Н.Михайловского еще два болгарина некоторое время слушали лекции в университете. В "Отчете ..." за 1847-1848 гг. в списке "своекоштных студентов" второго курса историко-филологического отделения отмечен 24-летний болгарин Иван Шопов, третий год находящийся в университете(*18). Уроженец Калофера, воспитанник видного просветителя Р.Поповича(*19), И.Шопов так же, как Г.Бусилин и Н.Михайловский, учился в Афинской гимназии, но в 1844 году отправился в Россию и поступил в одесскую гимназию. Одесский историк Н.Н.Мурзакевич неоднократно обращался к московскому профессору О.М.Бодянскому, рекомендуя И.Шопова на место умершего Г.Бусилина(*20). После прибытия в Москву осенью 1845 года И.Шопов оказался в трудном положении, поскольку казенная стипендия возобновлена не была. Благодаря содействию О.М.Бодянского и декана историко-филологического отделения С.П.Шевырева молодой болгарин был обеспечен частными уроками греческого языка и начал посещать занятия по чешскому языку, сравнительной грамматике славянских наречий, истории религиозных движений в Чехии XV-XVII вв. Одна из студенческих работ И.Шопова, связанная с переводом на русский язык чешской повести, хранится в коллекции Е.В.Барсова, собравшего значительное количество студенческих работ по славистике(*21).

Связи И.Шопова с И.О.Бодянским, а также по его рекомендации с П.Шафариком, в особенности после поступления молодого болгарина в Пражский университет, способствовали развитию научных интересов, его работе по созданию основ болгарской библиографии (*22).

Если И.Шопову не удалось закончить Московский университет, то другому болгарину, С.Н.Палаузову, довелось стать первым (ранее Н.С.Михайловского) болгаринном, получившим документ о его окончании. Дело в том, что после окончания Ришельевского лицея в Одессе и университета в Мюнхене в 1843 году Спиридон Палаузов для нострафикации своего докторского диплома должен был по новому положению подвергнуться "испытанию сначала на степень кандидата" и, по воспоминанию О.М.Бодянского, "в 1845 г. слушал целый год лекции словесного отделения, при завершении курса держал испытание на степень кандидата, которое звание и получил не без труда" (*23). В том же 1845 году университетские работы С.Н.Палаузова были опубликованы в Москве (*24). В 50-60-е годы он уже по праву считался одним из крупнейших болгарских и русских ученых.

Безусловно, С.Н.Палаузов, проводивший большую часть своей жизни в России, стал в области науки одним из наиболее знаменитых болгарских воспитанников Московского университета. Но еще больший резонанс и многочисленные общественно-политические и литературные отзвуки вызывала и вызывает личность болгарского студента Московского университета Николая Катранова, послужившего прототипом Инсарова в знаменитом романе И.С.Тургенева "Накануне". В рецензии Н.А.Добролюбова "Когда же придет настоящий день?" (*25), названной В.И.Лениным "революционной прокламацией" (*26), специально ставился вопрос о том, почему главным героем русского романа был избран болгарин. Необходимость "сознательно-героических натур" для "продвижения дела вперед" (по выражениям И.С.Тургенева) осознавалась в то время в русском и болгарском освободительном движении, Инсаров стал символом революционной романтики.

Как и в произведении И.С.Тургенева, так и в действительности, жизненный путь болгарского патриота оказался коротким. Н.Катранов родился в мае 1829 г. в Свиштове, учил-

ся у известного педагога Х.Павловича-Дупничанина, увлекался историческими работами Ю.Венелина и Н.Карамзина. В Москву Н.Катранов приехал в 1848 г. В "Отчете ..." университета за 1848-1849 гг. его имя указано в списке "казенно-коштных студентов" как стипендиата И.Н.Денкоглу в составе первокурсников историко-филологического отделения, отмечен также возраст - 17 лет и "очень хорошее" поведение. При первом упоминании Н.Катранова в отчетах, естественно, отсутствуют сведения об успехах, поскольку данные о студентах-первокурсниках даны по состоянию на 1 января 1850 г. (*27).

В "Отчетах ..." за следующие три года в графе об успехах Н.Катранова в учебе неизменно отмечалось "отлично". На 2-ом курсе Н.Катранов отличился "замечательным переводом" работы Я.Коллара "Путешествие по верхней Италии" (*28), был отмечен в числе лучших студентов курса (*29), а также в качестве переводчика Геродота в семинаре по новой дисциплине "педагогия" у С.Шевырева (*30). На 3-м курсе Н.Катранов отмечен в числе лучших студентов в занятиях по кафедре О.М.Бодянского (перевод с польского "Падение Цариграда и влияние этого события на образование славян") и по кафедре русской словесности С.Шевырева (работа «"Эдип" Софокла») (*31).

На 2-м и 3-м курсах Н.Катранов успешно изучал чешский и польский языки, фонетику и словообразование славянских наречий, славянскую археологию V-IX вв., а также курс "Исторический обзор письменного и общественного быта славян болгарских и сербских до падения царства обоих". В период обучения в университете Н.Катранов участвовал также в подготовке к публикации переводной работы С.Палаузова "Славянский элемент в Греции" (*32), помогал своему однокурснику, будущему слависту П.А.Бессонову в подготовке к изданию болгарских песен (*33), переводил Байрона и Гете, его оригинальные стихотворения были поставлены в один ряд с произведениями П.Славейкова еще в 1854 году (*34). Все эти факты, свидетельствующие о незаурядности личности болгарского патриота, перекликаются с произведением И.С.Тургенева. Болезнь Н.Катранова вызвала его отъезд в октябре 1852 года из Москвы на лечение в Вену и Венецию, где он умер 5 мая 1853 года, накануне войны 1853-1856 гг. Будущие исследования

могут прояснить вопрос о связи Н.Катранова с подготовкой восстания в Болгарии, о чем было высказано недавно убедительное предположение В.Велчева (*35).

В период до Крымской войны все болгарские студенты Московского университета обучались на историко-филологическом факультете (до 1849 г., именовавшемся I отделением философского факультета). Так же, как и поступивший в 1853 г. при содействии декана этого факультета С.Шевырева на стипендию И.Денкоглу уроженец Жеравны С.Филаретов (*36), большинство болгарских юношей стремились получить историко-филологическое образование и в последующие годы. Это не было случайным. Гуманитарная подготовка, полученная молодыми болгарами до поступления в университет, романтика исторического прошлого и ее политическое звучание в период борьбы за национальное просвещение, сильный общественно-политический резонанс научных достижений московских славистов в области болгаристики - все это определяло устремления болгарской молодежи. Историко-филологическое образование, полученное в Московском университете Г.Бусиным, Н.Михайловским, С.Палаузовым, И.Шоповым, Н.Катрановым не только стало фактом качественно нового этапа развития болгарского просвещения. Патриотическая деятельность воспитанников Московского университета способствовала развертыванию национального движения, готовила расширение болгаро-русских общественных взаимосвязей в последующий период открытой политической борьбы за освобождение Болгарии.

*1 См.: *Поглубко К.А.* Из истории болгаро-русских культурных связей 40-70-х годов XIX в. (Болгары в учебных заведениях Одессы, Киева, Кишинева). Кишинев, 1976. По подсчетам американского историка Т.Майнингера, использованным в исследовании Н.Генчева, среди болгарской интеллигенции с высшим образованием 41% составляли русские воспитанники. См.: *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979, с.271.

*2 *Поглубко К.А.* За да бъдат полезни на народа си. София, 1976, с.107-125; *Он же.* Очерки истории болгаро-рос-

сийских революционных связей (60-70-е годы XIX века). Кишинев, 1972. Этот же период рассматривается в статьях других авторов: *Ерихонов Л.С.* Литературната дейност на българската дружина. - Език и литература, 1963, N 6; *Билунов Б.Н.* К истории "Болгарской дружины" - организации болгарских студентов в Московском университете. - В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

*3 Москвитянин, 1842, N 4. Сравнительно недавно письма были опубликованы в НРБ. См.: *Ковачева-Вълева Н.* Български автор върху страници на списание "Москвитянин". - Исторически преглед, 1973, N 2.

*4 Отчет о состоянии и действиях Московского университета на 1842-1843 г. М., 1843, прилож. В.

*5 См.: Изв. на Архивния ин-т на БАН, 1959, т.2, с.195.

*6 Русский исторический сборник. М., 1843, т.6, кн.1/2, с.1-183. Место этой работы А.Д.Черткова в русской болгаристике показано в работе: *Дроснева Е.* Александър Дмитриевич Чертков. - Векове, 1980, кн.1, с.71-76.

*7 *Шиманов И.В.* Григорович, неговото пътешествие в Европейска Турция (1844-1845) и неговите отношения към българите. - В кн.: Сборник на БАН. София, 1916, кн.VI, с.98.

*8 *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянский и Българското възраждане. София, 1978, с.108. Обзѣтом периоде борьбы за создание литературного языка см.: *Венедиктов Г.К.* Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху возрождения. В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с.207-268, а также: *Бояджиев П.* Брусилин и неговият "Български буквар". - Език и литература, 1978, N 6, с.100-104.

*9 ЖМНП, 1846, N 9.

*10 Денница, Варшава, 1842, N 14, с.178-180.

*11 Москвитянин, 1842, N 4, с.90.

*12 И.Н.Денкоглу оказал материальную поддержку при издании ряда работ Ю.И.Венелина, О.М.Бодянского, помогал В.И.Григоровичу в подготовке его научного путешествия и т.д. См.: *Минкова Л.* Иван Денкоглу - радетел за

просвещению на българите.- Списание на БАН, 1973, N 4/5, с.39-63.

*13 ЦГИАМ, ф.459, т.1, 1846г., д.920(276), л.1.

*14 Там же, л.7.

*15 Там же, л.9.

*16 Там же, л.11. По распоряжению министра стипендиатам предоставлялись льготы, разрешалось "не стеснять этих молодых людей обязанностью слушать в университете непременно все те предметы, которые по уставу входят в состав того или другого отделения философского факультета, по желанию их или по усмотрению попечителя увольнять от слушания предметов, которые не имеют прямого приложения к цели их будущего назначения в Болгарии" (л.12).

*17 Отчет Московского университета о состоянии и действиях за 1847-1848 академический и 1848 гражданский год. М.,1849, с.37. Позднее Михайловский опубликовал в болгарской газете "Цариградски вестник" (1857, N 320,331) статью "О новоболгарском языке".

*18 Независимост, 1874, N 19; Знаме, 1875, N 12.

*19 Отчет ... Московского университета за 1847-1848 ... год, прилож. "В". В графе об успехах в учебе И.Шопова сведения отсутствуют, вероятно, он посещал лишь начинавшиеся со 2-го курса лекции слависта О.М.Бодянского.

*20 Недельчева Ц. Калоферци - ученици на Райно Попович. - Карловска трибуна, 1973, N 50.

*21 Письма Николая Никифоровича Мурзакевича к Осипу Максимовичу Бодянскому. - ЧОИДР, 1887, кн.1.

*22 ОПИ ГИМ, ф.450, д.730, л.55-63; Минкова Л. Осип Максимович Бодянский ..., с.123. Здесь же приведен интересный для характеристики И.Шопова отрывок из его письма к Бодянскому из Праги, в котором сообщается об аресте М.А.Бакунина в Австрии: "Как рассказывают здесь, г-н Бакунин чудотворен, просто русское имя есть страх другим. Он был прежде в здешней крепости, потом отведен до Комарно и оттуда недавно в Мукач, где и теперь он под самым строгим надзором. Бедный!" (с.127).

*23 Работа И.Шопова "Список болгарских книг нововозрождаемой болгарской письменности в XIX в." была

опубликована в константинопольской газете "Цариградски вестник" (1852, N 99).

*24 Руская стаина, 1888, N 10, с.401.

*25 Палаузов С. Иоанн Гус и его последователи. - Москвитянин, 1845, ч.IV, N 7/8, отд.1, с.58-80. В этом же журнале были помещены и две другие его небольшие работы - "Преподобный Савва, первый архиепископ Сербский" и "Исторический очерк Сербского государства до конца XV столетия" (отд. изд. М.,1845). Кандидатское сочинение о Я.Гусе положительно оценено рецензентом "Отечественных записок" (1845, т.42, N 9/10, с.43-44).

*26 Добролюбов Н.А. Собр.соч. М., 1952. Т.3.

*27 См. воспоминания Н.Валентинова (Н.В.Вольского), приведенные в кн.: В.И.Ленин о литературе и искусстве. М.,1960, с.652.

*28 Отчет ... Московского университета за 1848-1849 академический и 1849 гражданский год. М.,1850. прилож. В.

*29 Отчет ... за 1850-1851 ... год, с.51.

*30 Там же, с.48.

*31 Там же, с.11.

*32 Отчет ...Московского университета за 1851-1852 академический и 1852 гражданский год. М.,1853, с.43,44. В этих последних упоминаниях Н.Катранова в отчетах он назван "своекоштным студентом".

*33 Никулина М.В., Великов С. Письма на Николай Х. Палаузов и Спиридон Н.Палаузов до Михаил П.Погодин и Виктор И.Григорович. - Известия на Държавни архиви, 1974, т.27, с.125. Предисловие С.Н.Палаузова опубликовано в журнале "Москвитянин" (1850, N 20, ноябр, кн.2, с.129-138), а сам перевод - в N 22, кн.2, с.13-54.

*34 ВОИДР, 1855, кн.21. В предисловии было сказано о Н.Катранове: "Это был природный болгарин, весьма даровитый и горячо преданный задачам своего родного слова и потому много обещающий в будущем" (с.XV).

*35 Ошмянцев Я. Славянские газеты в Турции. - С.-Петербургские ведомости, 1854, N 9. В этой корреспонденции, помеченной "Москва, 23 сентября 1853 г.", говорилось, что среди болгарских стихотворений, "есть и замечательные, а именно подписанные П.Р.Славейковым и Н.Катрановым. Этот

последний молодой человек, весьма много обещающий, которого болгарин И.Н.Денкоглу взял за границу нарочно для излечения, к сожалению, недавно умер в Венеции"; *Велчев Б.* Българо-руски литературни взаимоотношения през XIX-XX вв.: От Фонвизин до Горки. София, 1974, с.236-237.

*36 Отчет ...Московского университета за 1852-1853 академический и 1853 гражданский год. М., 1854, прилож. В. См. также публикацию *П.Бартенева* "Болгарин С.В.Филаретов. Его письма к С.П.Шевыреву". - Русский архив, 1907, вып.12, с.539-546; *Балакин А.* Вклад ученых Московского университета в исследование фольклора и литературы болгар. - Изв. на Ин-та за българската литература, 1958, т.6, с.144-186.

К истории "Болгарской дружины" – организации болгарских студентов в Московском университете

В общественно-политической жизни болгарского народа до освобождения от турецкого ига видное место занимали воспитанники русских учебных заведений.

В конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века в Московском университете обучались такие видные впоследствии деятели, как знаменитый писатель и революционер Любен Каравелов, его брат Петко Каравелов – глава болгарского правительства в 80-е годы, известный историк Марин Дринов, литературный критик Нешо Бончев, министр юстиции, а затем и просвещения Георгий Теохаров, поэт и публицист Райко Жинзифов, писатель и художник Васил Попович и другие.

Факт существования организации болгарских студентов в Москве упоминается в работах об отдельных ее участниках [1], однако до недавнего времени не было специальных работ о деятельности самой дружины. Первой и единственной такой работой явилось сообщение Л.Ерихонова о литературной деятельности дружины. В плане раскрытия российско-болгарских

революционных связей о дружине говорится в недавно вышедшей монографии К.А.Поглубко [3].

Важное место в сообщении Л.Ерихонова занимает публикация ранее неизвестного программного документа "Болгарской дружины", хранящегося в фонде профессора Московского университета М.П.Погодина [4]. Этот интересный документ не был, однако, прокомментирован.

Текст программы дружины, находящийся в фонде М.Погодина, представляет собой копию, а не оригинал. Об этом свидетельствует отсутствие подписей в конце текста, заканчивающегося словами: "В удостоверение сего все члены дружины собственноручно подписываются " [5]. Кроме того, копия не имеет даты. Тем не менее приложенная к программе справка о финансовом положении членов дружины существенным образом дополняет сведения о "Болгарской дружине". Справка датирована 30 декабря 1857 г., в ней названы наименее обеспеченные члены дружины – Х.Даскалов, К.Миладинов, Т.Ковачев, И.Христович, Л.Каравелов. Дата этой справки вместе с указанной в ней необходимостью получения пособия для "окончательного устройства" дружины "в настоящее время" [6] позволяет считать конец 1857 г. временем создания организации.

В программе упоминается общее число основателей дружины – 11. Кроме вышеназванных к ним принадлежали, по-видимому, находившиеся в то время в Москве К.Геров, К.Бонев, Б.Запryanов, П.Тодоров, В.Чолаков [7]. Таким образом, программа и справка позволяют воссоздать некоторые моменты истории создания этой организации. Остается добавить, что оба документа написаны на русском языке одним почерком.

Организационное становление дружины совпадало по времени с таким же периодом в истории "Славянского комитета" в Москве [8]. Из-за финансовых затруднений болгарских студентов их инициатива с самого начала должна была соотноситься с задачами создававшегося благотворительного общества, обещавшего стать важным фактором поддержки болгарской молодежи в Москве. Действительно, уже в следующем, 1858 г. комитет оказывал материальную помощь девяти из шестнадцати болгарских воспитанников [9].

"Стремление задунайских болгар к образованию, – говорится в программе, – столь отрадное для каждого славянина ... не может не быть отрадным для каждого любителя просвещения, тем более для русских, наших собратий по вере и племени". Далее отмечается, что "толчок к этому стремлению дан был из России литературными произведениями многих русских писателей, разными пособиями как со стороны правительства, так и частных людей" [10].

В программе выделены четыре направления деятельности дружины: "Знакомить русских с болгарами письменно", "содействовать развитию болгарской литературы", обеспечить условия для увеличения числа болгарских студентов в Москве, создать библиотеку. Литературно-просветительский характер организации объясняется не только личными устремлениями ее основателей, большинство которых учились на историко-филологическом факультете университета, а и тем, что в тех условиях проблемы просвещения и создания национальной литературы занимали важное место. Значение создания "Болгарской дружины" в Москве станет яснее, если учесть, что это была одна из первых болгарских организаций такого рода. Вместе с "Обществом болгарской письменности", возникшим в 1857 г. в Константинополе и издававшим там журнал "Български книжици", "Болгарская дружина" в Москве сыграла заметную роль в становлении национальной литературы.

Своеобразие программы дружины, отличающей ее от студенческих землячеств, состояло в превалирующем интересе к судьбам просвещения и литературы на родине. Отмечая достигнутые результаты "в учреждении многих учебных заведений, в издании разных, необходимых для училищ книг... на родном языке", дружина намеревалась войти "в сношение с учителями и сведущими людьми в Болгарии" и побудить их "к литературной деятельности", а также и сама намеревалась подбирать "первоначальные учебные книги" и "печатать их на свой счет или на счет своих покровителей" [11]. Предусматривалось также пожертвование части библиотеки в пользу болгарских читален.

Программа "Болгарской дружины", как видно из изложенного, включала более широкий круг задач, нежели программа константинопольского "Общества болгарской

письменности", в задачу которого входило: "1-е, чтобы церкви и училища могли приобрести нужные им книги по низкой цене. 2-е, собрать памятники народного языка и мнения ученых об устройстве болгарского языка", а также "начать действия изданием Календаря, а затем предпринять и периодическое издание" [12].

"Особый устав дружины об ее действии и обязанностях (членов.- Б. Б.) не был приложен к копии программы, и поэтому эта важная сторона организации не может быть рассмотрена. В разделе 5 программы содержатся, однако, некоторые сведения уставного характера. Здесь, в частности, упоминается размер ежегодного членского взноса, равнявшийся 10 руб., говорится об обязанности членов дружины "жить в братском согласии и любви, трудиться по мере сил" для достижения цели.

Председателем дружины был избран студент 11 курса медицинского факультета университета Христо Даскалов [13].

Еще раньше он учился в Ришельевском лицее в Одессе, однако за участие "в революционном заговоре" в 1848 - 1849 гг. был арестован и выслан из России; затем сотрудничал в издававшейся А.Экзархом в Константинополе газете "Цариградски вестник", принимал участие в Крымской войне в качестве добровольца русской армии и в 1856 г. поступил на медицинский факультет Московского университета [14].

Деятельность дружины в соответствии с записанными в программе направлениями дает основание говорить об успехах и последовательности в осуществлении программных задач. Первое направление, намеченное в программе,- ознакомление "русских с болгарскими письменно" -- включало в себя прежде всего информацию о болгарских делах в русской печати. Нашумевшая в свое время статья "Возрождение болгар или реакция в европейской Турции" [15] была написана председателем дружины Х.Даскаловым. Правдивые сведения о малоизвестном для русского общества положении дел в Болгарии, главным образом о болгаро-греческой церковной борьбе, вызвали крайнее беспокойство и недовольство в правительственных сферах. Из цензурного комитета последовали запросы, основанием для которых было отношение обер-прокурора

синода гр. Д.Толстого, увидевшего в статье "плод внушений заграничной пропаганды" [16].

Начало информации о болгаро-греческой церковной борьбе, положенное Х.Даскаловым, было впоследствии поддержано и продолжено другими членами дружины – Л.Каравеловым и Р.Жинзифовым. Пропаганда болгарских требований по церковному вопросу в России была затруднена из-за стремления правительства к сохранению единства православной церкви на Востоке. Против статей Х.Даскалова [17] был направлен изданный в 1859 г. "Ответ "Русскому вестнику" по болгарским делам", по-видимому инспирированный синодом.

Важно отметить, что критически отзывался о выступлении члена "Болгарской дружины" также председатель "Славянского благотворительного общества" А.Бахметьев в письме министру народного просвещения Е.Ковалевскому [18]. Если учесть, что и упомянутый выше обер-прокурор синода гр. Д.Толстой занимался благотворительной деятельностью в пользу болгар – в 1858 г. и позднее он содержал одного из болгарских воспитанников [19], то можно заметить определенную независимость дружины в отношении оценки положения дел в Болгарии.

Христо Даскалов наряду с К.Геровым и К.Миладиновым был одним из авторитетных учредителей дружины. Это объяснялось как его положением старшекурсника ("старожила"), так и всесторонними познаниями. После окончания университета Х.Даскалов служил помощником секретаря в МИД России, затем был назначен секретарем русского посольства в Белграде, а в 1862 г. был временно прикомандирован к учреждавшемуся в то время русскому консульству в Тырнове, его родном городе. Еще находясь в Белграде, Х.Даскалов являлся связующим звеном между признанным руководителем болгарской революционной эмиграции Г.Раковским и ответственным лицом по подготовке и проведению восстания в Болгарии И.Пановым. "Об участии Даскалова в подготовке восстания в Болгарии в литературе сведений нет, оно явилось полной неожиданностью и для МИД России", - пишет Е.М.Шатохина и далее цитирует письмо русского посланника в Константинополе А.Б.Лобанова-Ростовского директору Азиатского департамента МИД Н.П.Игнатьеву от 11 сентября 1862 г.:

"Состоя в близких отношениях с издателем журнала "Дунайский лебедь" Раковским и неосторожно высказывая сочувствие к его крайним мнениям, Даскалов ... передавал письменные наставления г. Панову (Карапанчеву), недавно схваченному турецкими властями" [20]. Эти новые данные опровергают распространенное мнение, будто все участники "Болгарской дружины", за исключением Л.Каравелова, не принимали участия в революционных выступлениях.

Состав дружины не был, естественно, постоянным. Незадолго до ее образования в Москву в сентябре 1857 г. прибыли Любен Каравелов и Константин Кесяков, в 1858 г. в университет поступил Павел Тодорович, в июле 1858 г. в Москву приехал Хараламби Камбуров, а в октябре — Райко Жинзифов, Константин Станишев, Васил Караконовский, в конце 1858 г. — Георгий Теохаров. Как правило, первоначально вновь прибывшие сдавали экзамен за курс гимназии и лишь затем допускались к вступительным экзаменам в университет. Многие из прибывших юношей в зависимости от способностей и полученного образования включались в литературно-публицистическую деятельность дружины. В 1859 — 1861 гг. в Москву прибыли Петко Каравелов, Константин Вязанков, Кирко Киркович, Дойчо Перфанов, Андрей Стоянов, Дмитрий Фингов, Младен Желязков, Нешо Бончев, Марин Дринов, Андрей Манолов, Петко Радомиров и, возможно, другие.

Усиление болгаро-греческой церковной борьбы в начале 1860-х годов не осталось незамеченным московскими болгарами. После отъезда Х.Даскалова из Москвы по этому вопросу в русской печати начал выступать Л.Каравелов. В 1861 г. в газете "Наше время" были помещены семь его статей и заметок [21]. В них Л.Каравелов отмечал общность целей новогреческой буржуазии и духовенства, критиковал окружение самого патриарха, сообщал об усилении католической и протестантской пропаганды в Болгарии. Следует особо отметить, что в этот период Л.Каравелов не видел радикальных средств для разрешения безысходного, по его мнению, положения. Это нашло отражение в его колебаниях относительно оценки униатского движения. Оправдание принятия унии, достаточно смелое для русской печати, болгарский автор справедливо не связывал с окончанием церковной борьбы. Однако

он недооценивал опасности расчленения общенационального движения болгар. В этом состоит существенное различие линии Каравелова в церковной борьбе с позицией болгарского патриота Г.Раковского, который решительно выступал против униатского движения на страницах своей газеты "Дунайский лебедь".

Церковная борьба, являвшаяся проявлением политической борьбы, близко воспринималась членами дружины. Однако в последующие годы вместе с ростом революционных выступлений болгарского народа за свою независимость интерес к этим вопросам среди наиболее передовых участников дружины снижается. Наиболее полное отражение перипетий церковного вопроса вплоть до его разрешения содержится в публицистических работах Райко (Ксенофонта) Жинзифова.

Начиная с 1861 г., статьи Р.Жинзифова появляются в славянофильской газете "День". Впоследствии он активно сотрудничает в газетах "Москва", "Москвич", "Московские ведомости", "Современная летопись", в журналах "Русский архив", "Православное обозрение" и в других печатных органах того времени. Преобладающее место в его работах занимали церковные проблемы [22], широко освещались внешнеполитический аспект положения балканских народов, польский вопрос в связи с восстанием 1863 г., а также вопросы развития литературы славянских народов. Следует отметить при этом, что публицистические выступления Р.Жинзифова, проникнутые пафосом патриотизма, соответствовали по внешнеполитическим вопросам идейным позициям московских славянофилов.

В печатных выступлениях участников "Болгарской дружины" в полном соответствии с программой освещалось развитие "возрождающейся болгарской литературы". С развернутой рецензией на журнал "Български книжици" выступил в 1859 г. студент историко-филологического факультета Васил Попович [23]. Интересные обзоры болгарской литературы публиковал Л.Каравелов [24], вольнослушатель университета. В них давался объективный разбор переводной литературы, учебников на болгарском языке, зарождавшейся национальной периодической печати. При этом автор не скрывал своих сим-

патий к известному болгарскому патриоту Георгию Раковскому.

Говоря о другом направлении деятельности дружины – содействии развитию болгарской литературы. – нельзя не сказать о литературно-художественном творчестве болгарских студентов. Смелый тезис программы о том, что дружина будет способствовать развитию болгарской литературы "своими оригинальными произведениями" [25], нашел воплощение в литературной деятельности В.Поповича, Л.Каравелова, Р.Жинзифова, Н.Бончева, а также в издании литературного журнала "Братски труд" на болгарском языке. Если учесть, что никто из основателей дружины ранее не выступал на литературном поприще, а болгарская национальная литература только зарождалась, то значение этой деятельности дружины трудно переоценить.

Опубликованное в 1859 г. произведение Василя Поповича "Отрывок из рассказов моей матери: поездка в виноградник. (Болгарская повесть)" [26] является первым проявлением болгарской оригинальной беллетристики. В современном болгарском литературоведении началом оригинальной беллетристики признается повесть В.Друмева "Несчастливая семья", напечатанная в 1860 г. в журнале "Български книжици". Рассматривая эти повести В.Поповича и В.Друмева, а также произведение Л.Каравелова "Атаман болгарских разбойников", опубликованное в 1860 г. в русской газете "Наше время" [27], болгарский историк литературы Д.Леков пишет: "Действительно, повесть В.Поповича напечатана годом раньше "Несчастной семьи". Но опубликованная в русском периодическом издании, она стала известной ограниченному кругу читателей и не могла оказать того общественного воздействия, которое оказало творение Друмева. Сходна судьба и произведения Каравелова "Воевода". Оно "уязвимо" в данном случае и хронологически, так как появилось через несколько месяцев после повести Друмева" [28]. Здесь хочется добавить, что среди "ограниченного" круга читателей повести В.Поповича были и члены "Болгарской дружины", в том числе такие известные впоследствии деятели болгарской литературы, как писатель Л.Каравелов, поэт Р.Жинзифов, критик Н.Бончев. Поэтому значение повести В.Поповича, написанной

с реалистических позиций, должно рассматриваться шире, в смысле развития традиций национальной литературы в творчестве болгарских авторов, живших за пределами своей родины, но много сделавших для развития национальной культуры.

Наиболее значительным был вклад в развитие болгарской литературы одного из учредителей дружины Л.Каравелова. Кроме упоминавшейся публикации в еженедельнике "Наше время", он поместил в русских газетах и журналах следующие повести и рассказы: "Неда. (Рассказ моей бабушки)" [29], "Бедное семейство. (Рассказ филиппопольки)" [30], "Дончо. (Рассказ болгарского атамана)" [31], "Слава. Очерк из болгарской жизни" [32] "На чужой могиле без слез плачут. (Болгарская повесть)" [33], "Турецкий паша. (Записки болгарской монахини)" [34], "Бошко" [35], "Болгары старого времени" [36]. Вместе с другими произведениями болгарского автора, также опубликованными в русской печати, – этнографическим очерком "Святки у болгар" [37], автобиографическим произведением "Из записок болгара" [38] и очерком "Вук Стефанович Караджич" [39] – они были объединены в отдельную книгу – "Страницы из книги страданий болгарского племени", вышедшую в свет в 1867 г. в Москве.

При всем значении творчества отдельных представителей дружины особое место занимают материалы ее коллективного органа – журнала "Братски труд". Это был один из первых болгарских журналов вообще. За недолгий срок существования (1859 – 1861 гг.) вышло четыре номера журнала. В нем печатались произведения К.Миладинова, В.Поповича, Р.Жинзифова, Л.Каравелова, статьи Г.Теохарова, К.Миладинова, переводы с русского П.Тодоровича, Л.Каравелова, наконец, материалы для изучения болгарского фольклора, подготовленные к печати Н.Бончевым (учившимся в то время в Киеве и присылавшим через П.Тодорова свои работы для этого издания), К.Миладиновым, П.Тодоровым.

Примечательна статья студента юридического факультета Георгия Теохарова "Несколько слов о болгарской литературе" [40]. Автор критически оценивает состояние новой болгарской, а также переводной литературы, отмечая отсутствие произведений, отображающих жизнь народа. В то же время

Г.Теохаров подчеркивает большие творческие возможности болгарской литературы. По мнению автора, литература должна отображать национальный характер и жизнь народа, должна быть интересной для простого болгарина. Положительно оцениваются в статье произведения П.Славейкова, Г.Раковского, С.Доброплодного, а также Зафирова, "Показательно, что эта... статья,- пишет болгарский литературовед Г.Димов, - вышла из-под пера болгарина - русского воспитанника -- на страницах журнала, редактировавшегося в России. В правдивых суждениях Теохарова впервые улавливаются более отчетливо влияния русской реалистической эстетики" [41].

Издание "Болгарской дружины" " Братски труд" было благожелательно встречено русским журналом "Современник". В статье "Новые славянские исследования"[42] А.Н.Пыпин вместе с работами В.Ламанского "О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании" и В.Григоровича "О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях" рассматривает первый выпуск журнала "Братски труд". Рецензент "Современника", видит в появлении журнала "...отголосок борьбы, которую поднимает... пробуждающаяся народность болгар" [43]. По его мнению, "Братски труд" являет собой пример "новой, начинающейся славянской литературы, еще бедной людьми, средствами и читателями, но не теряющей надежды на успех в будущем"[44]. Отмечая опубликованные в журнале стихотворения "патриотического и народного содержания", А.Пыпин разделяет мнение Г.Теохарова в рассмотренной выше его статье о праве болгарского народа на самостоятельность. Залогом успешного развития болгарской литературы А.Пыпин считает успехи в развитии школьного образования в Болгарии, инициативу молодого поколения, т. е. московской дружины, выразившуюся в издании журнала "Братски труд", а также "рассказы г. Даскалова и г. Поповича об их родине", показывающие "печальное состояние народа, задавленного двойным игом турок и греков" [45]. "Современник" и ранее отмечал работы членов "Болгарской дружины". "В поразительных рассказах Даскалова о современной Болгарии" орган русской револю-

ционной демократии справедливо видел "обращение к русскому обществу" [46].

Болгарские студенты продолжали традиции своих предшественников 40-х – начала 50-х годов XIX в. по собиранию фольклорных материалов. При этом К.Миладинову и Л.Каравелову, готовившим к публикации сборники, предоставляли свои материалы другие члены дружины – К.Геров, Н.Бончев, К.Киркович, И.Христович, П.Каравелов, М.Желязков и др. Сборник песен К.Миладинову не удалось опубликовать в России, а сборник Л.Каравелова, задуманный им как первый том большого издания, вышел в 1861 г. в Москве [47]. "В вышедшем томе содержатся до 3000 пословиц с примечаниями к ним, народный дневник, народные болгарские имена и легенды. Текст на русском языке. В конце книги приложен болгаро-русский словарь. 2-я книга "Памятников" должна быть посвящена преимущественно болгарской женщине. Начиная со второй книги издатель намеревается прилагать изображения народных костюмов. В предисловии к 1-й книге есть несколько указаний на болгарское правописание и грамматические правила", - сообщал в аннотации русский журнал "Библиографические записки", редактировавшийся в то время знаменитым русским фольклористом А.Афанасьевым [48].

О размерах библиотеки московских болгар трудно судить ввиду отсутствия источников. Но их стремление к созданию фонда для пожертвований книг болгарским читальням, по-видимому, осуществлялось. Сохранилось, например, письмо Л.Каравелова к известному русскому слависту В.И.Григоровичу от 5 мая 1860 г., в котором излагалась просьба выслать "Очерки путешествия по Европейской Турции" в двух экземплярах: один для Копривштицы, а другой для самого Л.Каравелова [49].

"Болгарская дружина" включала в себя представителей многих городов и сел страны – Тырнова, Пловдива, Копривштицы, Хаскова, Ловеча, Водена, Габрово, Кирккилисы, Браилы, Охрида, Велеса, Крушево, Кало фера, Ляковца, Софии, Сопота, Куручешме, Чирпана, Панагюриште. Пестрым были и социальный состав ее участников. Наиболее активные члены дружины по происхождению были детьми торговцев,

учителей, однако, за редким исключением, почти никто из болгарских студентов не мог содержать себя во время учебы в Москве. Стипендии "Славянского комитета", поддержка студентов болгарскими общинами, платные уроки, наконец, сотрудничество в русских журналах и газетах — вот основные источники существования большинства членов дружины.

Дружина, возникшая как литературно-просветительская организация в конце 1857 г., в процессе своей деятельности прошла сложный путь. Значительный вклад внесли в развитие болгарской литературы участники дружины Л.Каравелов, В.Попович, Н.Бончев, Р.Жинзифов, Г.Теохаров. Болгарские студенты положили начало пропаганде болгарского национально-освободительного движения среди русской общечественности.

1. См.: *М.Арnaudов*. Любен Каравелов. Живот, дело, эпоха. 1834 – 1879. София, 1972, стр. 145; *Кр.Шарова*. Любен Каравелов и българското освободително движение, 1860 – 1867. София, 1970, стр. 126; *Н.А.Попов*. Из истории славянского благотворительного комитета в Москве. Первое пятилетие (1858 – 1862). М., 1871, стр. 72 – 73.
2. *Л.Ерихонов*. Литературната дейност на – 57.
3. *К.А.Поглубко*. Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60-70-е годы XIX века). Кишинев, 1972, стр. 56-58.
4. См.: ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, лл. 77/1 – 77/2.
5. ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, л. 77/2. Здесь и далее ссылки даются на первоисточник, так как в публикации Л.Ерихонова не соблюдены археографические правила.
6. ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, лл. 77/3.
7. Нет оснований относить С.Филаретова к учредителям дружины (см.: *К.А.Поглубко*. Указ. соч., стр. 57), так как в это время он был в Софии (см. "Документи за българската история", т. 1. Архивна Найдено Герова. 1857 – 1876. София, 1931, стр. 55).
8. См.: *С.А.Никитин*. Славянские комитеты в России в 1857 – 1876 гг. М., 1960.

9. *Н.А.Попов*. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян, СПб., 1871, стр. 129.
10. ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, л. 77/1.
11. Там же, л. 77/2,
12. Цит. по; *А.Р. (А.В.Рачинский)*. Несколько слов о просвещении болгарского народа. "Русская беседа", 1857, ч. IV, кн. 8, стр. 167.
13. См.: "Из архива на Найден Геров. Писма, доклади и материали за възраждането на българския народ", кн. 2. София, 1914, стр. 498.
14. См.: *Т.Н.Шишков*. Д-р Христо Даскалов. "Сборник за народни умотворения, наука и книжнина", кн. 8. София, 1892, стр. 350.
15. "Русская беседа", 1858, т. 2, кн. 10, стр. 1 — 58.
16. *С.А.Никитин*. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 186.
17. Вероятно, Х.Даскалову принадлежит и статья "Турецкие дела" (см.: "Русский вестник", 1858, т. 13, кн. 2; т. 14, кн. 1; т. 15, кн. 1).
18. См.: *Л.Ерихонов*. Указ. соч., стр. 51.
19. *Н.Попов*. Очерки религиозной и национальной благотворительности..., стр. 129.
20. *М.Шатохина*. К вопросу о социально-экономическом положении и национально-освободительной борьбе болгарского народа в 60-е годы XIX в. "Славяне и Россия", М., 1972, стр. 141–142.
21. "Наше время", 9, 22, 30.I; 6, 13, 27.II, 20.III, 14.VI 1861.
22. Преувеличением, однако, является утверждение болгарского историка церкви Калиника, что статьи Р.Жинзифова "на 90 процентов являются информацией по церковному вопросу" (см.: *Архимандрит Калиник*. Райко Жинзифов и българският църковен въпрос. "100 години от учредяването на българската екзархия". София, 1971, стр. 320.
23. *В.Попович*. О "Болгарских книжницах". "Русская беседа", 1859, ч. 11, кн. 14, стр. 115–139.

24. См.: *Л. Каравелов*. Библиография современной болгарской литературы. "Библиографические записки", 1861, т. III, № 9, стр. 277–280; № 15, стр. 467 – 471; *он же*. Болгарская журналистика. "Московские ведомости", 1862, № 153, 154.
25. ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2. д. 89, л. 77/2.
26. "Русская беседа", 1859, ч. VI, кн. 18, стр. 77 — 102.
27. *Л. Каравелов*. Атаман (из болгарских нравов). "Наше время", 27.XII 1860. Впоследствии это произведение неоднократно переиздавалось на болгарском языке под названием "Воевода", "Атаман болгарских разбойников".
28. *Д. Леков*. Проблеми на българската белетристика през Възражда нето. София, 1970, стр. 71.
29. "Русский вестник", 1861, т. XXXIII, № 6.
30. "Московские ведомости", 20.III 1862.
31. "С.-Петербургские ведомости", 28, 31.V 1864.
32. "Московская газета", 23, 30.I 1866.
33. "С.-Петербургские ведомости", 10, 11.III 1866.
34. "С.-Петербургские ведомости", 5, 25.VII 1866.
35. "Русский вестник", 1866, т. 64, №8.
36. "Отечественные записки", 1867, т.173-174, №8, кн. 2; №9, кн. I.
37. "Московская газета", 9.I, 10.IV 1866.
38. "Русский вестник", 1867, т. 3, № 4.
39. "Филологические записки", вып. 1. Воронеж, 1867.
40. "Братски трудз", 1859, кн. 1; 1860, кн.2. И.Клинчаров ошибочно указывает, что автором этой статьи был Л. Каравелов (см.: *Ив. Клинчаров*. Любен Каравелов. Биография. София, 1925, стр. 50).
41. *Г. Димов*. Българската литературна критика през Възраждането. София, 1965, стр. 35.
42. "Современник", 1860, т. 80, апрель, стр. 309 — 329.
43. Там же, стр. 327.
44. Там же.
45. Там же, стр. 328.
46. Там же, стр. 120.
47. "Памятники народного быта болгар, издаваемые Любеном Каравеловым", кн. I. М., 1861.

48. "Библиографические записки", 1861, т. III, М 20, стр. 697.
49. ГБЛ ОР, ф. 86 (В.И.Григорович), д. 4, л. 58а.

Болгаро-русские общественные связи в 1856-1869 годах

В развитии болгаро-русских взаимоотношений в эпоху формирования буржуазных наций, борьбы за восстановление болгарской государственности значительное место занимали связи общественности двух стран. Политическая, дипломатическая и военная деятельность российского правительства на Балканах в XVIII-XIX вв. оказывала сильное воздействие на развертывание болгарского национального движения. Вместе с расширением контактов представителей болгарской общественности и официальной России в первой половине XIX в., опиравшихся на общность и параллелизм интересов и целей, повышалась и роль русского общества в двусторонних взаимоотношениях. Это находило свое выражение в возрастании его интереса к проблемам современного положения Болгарии, в участвовавших апелляциях болгар именно к общественности России.

Рубежным моментом в развитии болгаро-русских взаимоотношений, в том числе общественных, явились события Крымской войны 1853-1856 гг. Военно-политическая неудача царской России не только привела к обострению внутриполитической ситуации в стране, но и поставила ряд новых проблем перед общественностью двух стран, включая все основные общественно-политические течения. Важное место в эволюции болгаро-русских взаимоотношений занимает в связи с этим период, продолжавшийся с конца 50-х до рубежа 60-70-х гг. XIX в., когда болгарское национальное движение вступило в новую фазу своего развития, когда на позиции русского общества по международным проблемам сильное

воздействие оказали балканские события 1866-1869 гг. и общеевропейские изменения 1870-1871 гг.

В рамках этого периода произошло, с одной стороны, идеологическое оформление национально-революционного течения в болгарском освободительном движении и в связи с этим поляризация позиций отдельных группировок в нем, обусловленная кроме всего прочего и различиями во внешнеполитической ориентации. С другой стороны, в общественном движении в России в ходе революционной ситуации и последовавших буржуазных реформ произошло окончательное отделение либерализма от демократии, активная идейно-политическая деятельность революционеров-разночинцев заставила как либералов, так и консерваторов пересмотреть свои общественные позиции. В плане развития русско-болгарских взаимоотношений события выделенного периода, их анализ имеют непосредственное отношение к выяснению сложных процессов воссоздания и становления болгарской государственности.

В буржуазной и современной марксистской историографии не предпринимались попытки исследования болгаро-русских общественных взаимоотношений 1856-1869 гг. во всей совокупности прямых и переплетенных связей между болгарскими и русскими общественно-политическими течениями и группировками. Наиболее разработанными в историографии являются проблемы истории русско-болгарских революционных связей. [1] Наиболее значимые события общественных взаимоотношений рассматриваемого периода исследовались С.А.Никитиным в широком плане изучения позиций русского общества, прежде всего славянофильства, к балканским проблемам [2]. Для полного учета многообразных взаимоотношений ценны также исследования по специальным вопросам русско-болгарских культурных связей [3] и истории отдельных болгарских организаций и общественных группировок, а также крупнейших их представителей [4]. Отталкиваясь от достигнутого в разработке специальных вопросов истории русско-болгарских связей и общих проблем болгарского национального движения (работы Ж.Натана, Д.Косева, Хр.Христова, Н.Генчева, В.Д.Конобеева и др.) в 50-60-е годы XIX в., в настоящей работе главное внимание уделяется связям

и контактам основных общественно-политических течений в Болгарии и России.

Изменившиеся после Крымской войны условия развития болгарского национального движения поставили в повестку дня вопрос о идеологической и организационной подготовке выступлений за национальные права. Это привело к активизации журналистской деятельности, созданию новых или укреплению старых обществ и организаций. После опубликования султанского рескрипта 1856 г., в котором были обещаны гарантии прав личности, чести и имущества граждан империи, "дарована" свобода вероисповеданий и т.п., оживилась деятельность многочисленной болгарской колонии в столице империи. В 1856 г. в Константинополе было создано "Общество болгарской письменности", ставившее научно-просветительские задачи [5]. Это умеренно-либеральное объединение начало издавать с 1858 г. журнал "Български книжици", близкий по направлению к традиционно про-русской болгарской газете "Цариградски вестник". Однако часть деятелей Общества болгарской письменности во главе с Др.Цанковым обособилась и начала издавать газету "България", ориентировавшуюся на западные державы.

Среди организаций и общественных группировок, действовавших за пределами Османской империи, необходимо отметить Одесское болгарское настоятельство и Московскую болгарскую дружину. ОБН, конкурировавшее в годы Крымской войны с Бухарестским болгарским комитетом в деле монополизации представительства болгарских интересов перед высшим военным и дипломатическим руководством России, и после войны стремилось действовать в согласии с высшей российской администрацией. Конституированное в качестве благотворительной организации ОБН, в отличие от близкого по социальному составу и внешнеполитической ориентации Бухарестского комитета "старых", практически бездействовавшего до второй половины 60-х годов XIX в., сумело развернуть активную деятельность по расширению болгаро-русских связей.

В 1857 г. возникла Московская болгарская дружина, включавшая студентов университета и других учебных заведений. Эта организация ориентировалась на общественные

круги России, записав первым пунктом своей программы задачу "письменного" ознакомления русского общества с Болгарией (6). Кроме этого необходимо подчеркнуть, что председатель дружины Хр.Даскалов, ее члены Л.Каравелов, Ив.Христович (Райчев) и др. выступили как приверженцы национально-революционного течения, оформившегося в конце 50-х годов во главе с Г.Раковским.

В идеологической деятельности Г.Раковского, в особенности в период издания газеты "Дунавски лебед" (1860-1861), заметно подчеркнутое стремление выделить в информации о России сведения о революционном движении, включая первое в зарубежной прессе изложение нелегального издания "Великорусс" [7]. Издания русских демократов, в частности "Колокол" и "Современник", в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. получили широкое распространение среди болгар. Еще 28 апреля 1858 г. К.Турчиновский, сторонник развития польско-болгаро-русских революционных связей, писал Г.Раковскому: если бы вы могли сойтись с г. Искандером, имеющим также свою типографию в Лондоне, это было бы полезно для Болгарии" [8]. В марте 1859 г. Л.Каравелов был поставлен "под строго секретный" надзор московской полиции за чтение нелегальной литературы[9]. Скорее всего это были переписывавшиеся статьи из "Колокола". Народное читалище в Железнике (Стара Загора) на собрании 15 марта 1860 г. решило подписаться на "Колокол" и "Полярную звезду"[10], в феврале 1862 г. в этот город пересылал "Колокол" из Парижа болгарин Т.Шишков [11]. В газете Раковского часто сообщалось о деятельности Александра Герцена [12].

Эти факты не оставляют сомнений, что болгарам было известно обращение А.И.Герцена южнославянским народам, где в противовес славянофильскому посланию "К сербам" подчеркивалось, что "нельзя безнаказанно смешивать Россию с ее правительством... Зимний дворец – не вся Россия, даже не весь Петербург... Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку" [13]. Эта концепция Герцена в сочетании с пропагандировавшейся Н.Г.Чернышевским идеей самостоятельного развития национальных движений на Балканах составили существо позиций Раковского и Каравелова по вопросам русско-болгарских взаимоотношений.

Во второй половине 60-х годов XIX в. в публицистике Л.Каравелова и Хр.Ботева проявились социальные идеи русской революционной демократии, преломленные сообразно болгарской действительности. Взаимодействие болгарских и русских революционеров в конце 60-х годов XIX в. приобрело черты организационных связей [14].

Эти достижения в развитии русско-болгарских взаимоотношений на уровне революционно-демократических связей не должны затенять и другие результаты идеологического воздействия русских революционеров на болгарское национальное движение. Если для умеренно-либеральной части болгарских журналистов "Колокол" – это журнал, который "враждебен правительству и поддерживает принципы анархии и беспорядка" [15], то для значительных масс болгарской молодежи идеи русских "шестидесятников", даже вне зависимости от восприятия "русского социализма", стали символом демократической России, выступившей в поддержку болгарского национально-революционного движения. Этим объясняется тот интерес, с которым болгарская молодежь, критически относившаяся к российской действительности, читала произведения Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Можно говорить также об усилении пропаганды болгарского национального движения в России болгарами, имевшими связи с русскими демократами. Это заметно в деятельности С.Палаузова в 60-е годы [16].

Обострение общественно-политической борьбы в России после Крымской войны сопровождалось и изменениями в позициях либералов и консерваторов по славянскому вопросу. В рассматриваемый период началась активная деятельность московских славянофилов по разрыванию русско-болгарских связей. Если в предшествующий период у славянофилов почти отсутствовал специальный интерес к зарубежному славянству, в том числе к болгарам, то в 60-е годы немногочисленные последователи сходящего с исторической сцены раннего славянофильства (сомкнувшиеся по внутрисполитическим вопросам с другими течениями), сумели сохранить характер обособленной группировки во многом благодаря своим выступлениям по славянскому вопросу. "Славянская" претенциозность славянофилов, над которой иронизировали

Н.Г.Чернышевский и либералы западнического толка в конце 50-х – начале 60-х годов, способствовала к концу рассматриваемого периода постепенному утверждению нового понимания термина славянофильство. Его буквальное восприятие, имевшее место у зарубежных славян, в том числе у болгар, еще с 40-х годов XIX в., стало и в России на протяжении последующих десятилетий сосуществовать вместе с первоначальной трактовкой т.наз. "классического" славянофильства как специфически русского нравственно-философского и общественно-политического явления.

Вместе с расширением нового толкования славянофильства, совпадавшим по времени с новой социальной ориентацией славянофилов на торгово-промышленные слои центральной России, увеличивались и возможности распространения славянской программы славянофилов. Нахождение славянофилов на правом фланге русского либерализма способствовало смыканию не только с иными либеральными группировками, но и с консерваторами. Это происходило именно в связи с выступлениями славянофилов по южнославянским проблемам, но начало проявляться лишь в конце 60-х годов. В эволюции славянской программы славянофилов значительно место занимало воздействие болгарского национальное движение.

В журнале "Русская беседа", газетах "Молва", "Парус" славянофилы стремились поставить славянский вопрос перед русской общественностью еще в начале революционной ситуации. Эта попытка в целом не увенчалась успехом, но уже в конце 50-х годов славянофилы начали привлекать болгарских авторов для своих изданий. В "Парусе" должна была появиться статья болгарина Х.Камбурова, но вышло лишь два номера газеты до ее запрета правительством. Острой постановке славянофилами вопросов о современном положении зарубежного славянства соответствовала статья болгарина Х.Даскалова, председателя "Московской болгарской дружины", о национально-церковном движении в Болгарии [17].

В конце 50-х годов славянофилы отставали от других либеральных группировок в деле освещения современного положения Болгарии. Оформление в 1858 г. Славянского комитета в Москве, ориентировавшегося первоначально на благо-

творительную деятельность по отношению к болгарам, получило поддержку правительства. Участие в Славянском комитете представителей различных общественных течений способствовало привлечению внимания к славянским проблемам либерально-консервативных кругов. Умеренно-либеральный западник М.Н.Катков организовал в журнале "Русский вестник" публикацию серии статей о болгарском национально-церковном движении под общим названием "Турецкие дела" [18]. Университетская газета "Московские ведомости" в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. систематически освещала положение в Болгарии, используя официальные данные [19]. Подобная деятельность велась и столичной газетой "С.-Петербургские ведомости", в которой сотрудничали в эти годы болгары Х.Даскалов и С.Филаретов [20].

На протяжении 60-х годов, однако, славянофилы во главе с Ив.Аксаковым сумели в отличие от других группировок наладить систематическое освещение отдельных проблем болгарского движения. При этом позиция славянофилов претерпела существенные изменения. Под влиянием развития болгарского национального движения славянофилы отказались от примирительной тактики в вопросе о болгаро-греческих церковных отношениях, которой они придерживались в начале 60-х годов. На страницах газеты "День" в 1863-1865 г. и в конце 60-х годов в "Москве" и "Москвиче" защищались болгарские позиции, общественность России призывалась к защите болгарских национальных интересов.

Эта эволюция московских славянофилов протекала в соответствии с их новой теорией "общества" [21], призванного нравственно ограничить "самодержавную инициативу". Поэтому в практической деятельности славянофилов в области русско-болгарских взаимоотношений на протяжении 60-70-х годов заметно стремление "опередить" те или иные шаги правительственной бюрократии. Иной была позиция либеральных кругов, генетически связанных с прежним западничеством.

Расслоение либерально-демократических кругов не позволяет говорить и о цельности их позиции по вопросам русско-болгарских отношений. В начале эпохи буржуазных реформ либералы-западники укоряли Н.Г.Чернышевского за якобы

недостаточное внимание к славянскому вопросу, но смысл их собственной позиции заключался прежде всего в противопоставлении славянофилам. Сближению болгар и русских, по мнению петербургской газеты "Русский инвалид", мешает славянофильское препятствие развитию образования русского народа, в связи с этим газета напоминала о необходимости "заботиться ... о собственном развитии" [22].

Эта часть либеральных кругов России поддерживала просветительство в Болгарии, в том числе и революционное, стремилась к налаживанию широкой взаимной информации о внутреннем развитии. Представители этого течения порой пессимистически отзывались о состояниях болгарского национального движения, но постепенно обозначилось их стремление к пропаганде всех форм борьбы за освобождение Болгарии. Информация такого рода находила место на страницах различных по политическому направлению органов печати. Это происходило в силу постоянно возрастающей заинтересованности редакторов газет и журналов к проблемам современного положения Болгарии и наличия ограниченного количества авторов, обращавшихся специально к этой проблематике.

С другой стороны, в умеренно-либеральных изданиях "С.-Петербургские ведомости", "Русские ведомости" и, особенно в "Голосе", приобретавшем к концу 60-х годов XIX в. значительную популярность, наблюдалась пестрота воззрений в работах авторов, писавших по болгарской тематике. Среди них были не только бывшие западники, но и представители революционных течений в национальных движениях балканских народов, а также русские дипломаты и славянофильствующие авторы. Такое положение с публикацией противоречивых информативных материалов о Болгарии затрудняло выработку цельных и последовательных концепций общественных взаимоотношений.

Общий подъем болгарского национального движения и повышение интереса к нему в России не остался в стороне от представителей реакционно-охранительного направления. Эволюция российских консерваторов в годы буржуазных реформ способствовала и смыканию с ними части умеренно-либеральных слоев русского общества. Наибольшую активность в

развитии русско-болгарских связей проявлял в среде консерваторов М.П.Погодин. Его долготелная деятельность по оказанию помощи болгарским учащимся в России продолжалась и в рассматриваемый период. Много лет спустя болгарский буржуазный историк Ив.Шишманов, симпатизировавший в начале XX в. русским кадетам, писал о "трагизме конфликта" болгарских воспитанников и М.П.Погодина в силу приверженности болгарской молодежи к прогрессивной России и, одновременно, естественной признательности к профессору Московского университета [23]. В 60-е годы М.П.Погодин стремился к ограждению болгарских студентов в России от революционного движения и направлял свои усилия на поддержание умеренно-либерального течения в болгарском освободительном движении. В газете М.П.Погодина "Русский" печатались статьи болгарина Т.Бурмова, ориентировавшегося на русскую дипломатию в деле создания болгарской церковной организации [24].

К середине 60-х годов усилилось воздействие "Московских ведомостей", издававшихся с 1863 г. М.Н. Катковым и П.М.Леонтьевым, на консервативную часть русского общества. Если в 1858 г., столкнувшись с затруднениями в публикациях по болгарскому церковному вопросу, М.Н.Катков фрондировал в ответе правительственным органам [25], то его поворот в начале 60-х годов "к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству" [26] привел к изменению взаимоотношений с самодержавием. Недолгий период реакционного "реформизма" сменился в деятельности М.Н.Каткова в 60-е годы поддержкой активной политики самодержавия, его подталкиванию "справа". В среде русского чиновничества газета М.Н.Каткова стала "своеобразной служебной инструкцией", велико было ее воздействие и в высших сферах администрации и среди членов царской семьи.

В сфере внешнеполитических вопросов в "Московских ведомостях", а также в "Современной летописи" и "Русском вестнике", издававшихся М.Н.Катковым, уделялось место и болгарской тематике. В 60-е годы XIX в., в отличие от 70-х и 80-х годов, эта тематика находила слабое отражение в передовых статьях газеты, писавшихся редактором, но в статьях, заметках и корреспонденциях содержалась разнообраз-

разная информация по болгарским делам. Во внешнеполитическом плане М.Н.Катков допускал еще критику "фальшивых политических тел" Австрии и Турции, но в отличие от либеральных изданий, чаще всего не имевших единства содержания "славянских" и иных материалов, верный "сторожевой пес самодержавия" стремился корректировать болгарскую информацию. Когда в корреспонденции болгарского демократа Л.Каравелова была высказана мысль о необходимости вооруженного выступления болгарского народа, редактор счел необходимым отмежеваться от корреспондента: "Печатаем славянские голоса из турецких земель, чтоб ознакомить с настроениями умов..., а не потому, чтобы считали волнения полезными..." [28]. Постепенно в "Московских ведомостях" определилась группа болгарских корреспондентов умеренно-либерального направления – Р.Жинзифов, Т.Бурмов, К.Станишев. Информативный характер болгарских материалов, помещавшихся в органах различных общественных течений, способствовал по мере усиления освободительной борьбы болгарского народа широкому распространению идеи о защите национальных прав болгар. Активизация корреспондентской деятельности болгар, выступавших, как правило, анонимно, усиливала проболгарскую направленность освещения балканских проблем в России. Обострение восточного вопроса в 1866 - 1869 гг. в связи с усилением национальных движений, включая этнические акции болгар в 1867-1868 гг., вызвало резкое увеличение в русской прессе материалов по болгарской тематике.

Если в начале рассматриваемого периода "болгарский вопрос", не ставший еще международной проблемой, понимался в России преимущественно как вопрос о болгаро-греческой церковной борьбе, то в конце 60-х годов XIX в. при сохранении этой темы звучали открыто политические постановки проблемы изменения положения болгар в Турции. Активность позиций всех течений русской общественности, размах болгарского национального движения, общие изменения в Европе и на Балканах вызвали к жизни проект предоставления административной автономии европейским провинциям Турции с христианским населением, с которым выступило МИД России ("Меморандум о реформах какие

надлежало бы произвести в Турции для улучшения быта тамошних христианских народонаселений") [29]. Сообщения о выступлениях болгарских чет в 1867 г. воспринимались в русских газетах разных направлений как начало болгарского восстания. Даже журнал "Литературная библиотека", придерживавшийся реакционной внутривосточной линии, призывал русскую общественность оказать действенную помощь болгарским повстанцам, включая посылку на Балканы "сподвижников", оружия, материальной помощи. Кампания сбора пожертвований, развернутая либеральными газетами, способствовала привлечению внимания к болгарскому вопросу в России.

Безусловно события 1867-1868 гг. уступали по своим масштабам всенародному движению в России по оказанию помощи балканским славянам в 1875-1876 гг., но главным итогом в развитии русско-болгарских общественных связей в 60-е годы стала политическая постановка вопроса о изменении положения Болгарии. Обсуждение весьма умеренных шагов по предоставлению церковной автономии как начальной меры для осуществления в далекой перспективе административной или национальной автономии уступило место информации о борьбе болгарского народа за национальные права, поддержке всех проявлений освободительного движения.

В болгаро-русских общественных взаимосвязях укреплялось сознание повышения роли общественности в отношениях между двумя странами. Если значительная часть болгарского чорбаджийства заняла после Крымской войны антирусские позиции [31], а группировка Болгарского тайного центрального комитета пыталась опереться в борьбе за автономию на западно-европейские страны легальным путем, то для национально-революционных сил в болгарском движении воздействие на Россию через ее общественные круги стало важным условием развертывания национальной революции.

Рассмотренный период, относительно небольшой по своим хронологическим рамкам, явился временем складывания новых буржуазных общественных взаимоотношений, по своим масштабам превосходящих все подобные явления в европейской истории. Одновременно были заложены прочные основы идеологических и организационных контактов

наиболее прогрессивных для той эпохи революционно-демократических сил Болгарии и России. Укрепление революционно-демократического течения в Болгарии, организационные успехи В.Левского в деле подготовки всенародного восстания явились главным рычагом нового подъема болгарского освободительного движения в 70-е годы XIX в. Его сочетание с помощью России, чему активно содействовала общественность, стало залогом освобождения Болгарии от османского ига, восстановления болгарской государственности. Другие результаты взаимодействия общественности двух стран могут быть рассмотрены при изучении болгаро-русских отношений 1879-1886 гг., но главным итогом явилась именно прогрессивная направленность равнодействующей всех усилий в рамках расширившихся и углубившихся общественных связей. Ее соответствие историческому прогрессу и определяет непреходящее значение борьбы за освобождение и восстановление болгарской государственности.

1. *Поглубко К.* Очерки истории болгаро-русских революционных связей (60-70-е годы XIX в.). Кишинев, 1972; *Карасев В., В.Конобеев.* О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60-70-х годах XIX в. М., 1966;
2. *Никитин С.* Славянские комитеты в России. И., 1960; его же. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970 и др.
3. *Поглубко К.* Из истории болгаро-русских культурных связей 40-70-х годов XIX в. (Болгары в учебных заведениях Одессы, Киева, Кишинева). Кишинев, 1976; *Минкова Л. О.М.Бодянски и Българското възраждане.* С., 1978 и др.
4. *Сидельников С.* Болгарский революционный центральный комитет. 1869-1872. Харьков, 1970; *Воробьев Л.В.* Любен Каравелов. И., 1980; *Забунов И.* Болгарский комитет в Одессе в 1867-1868 гг.-В: 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878-1978 . М., 1978; *Маждракова О. Г.С.Раковский и общественно-полити-*

- ческая борьба в России в 1860-1861 гг. Там же; *Трайков В. Георги Стойков Раковоки. Биография. С.*, 1974; *Шарова Кр.* Любен Каравелов и българското освободително движение. 1860-1867. С., 1970; *Великов Ст.* Към въпроса за найранните руско-български революционни връзки.-В: Сборник в чест на проф.А.Бурмов. С., 1973 и др.
5. *А.Р. (Рачинский А.В.).* Несколько слов о просвещении болгарского народа.- Русская беседа, ч.17, 1857, кн. 8.
 6. Гос. библиотека им. В.И.Ленина, Отдел рукописей, ф.231, Пог. IV, п.2, ед.хр. 89, л. 77/1-77/3.
 7. Дунавски лебед, 3.X.1861; *Мажоракова-Чавдарова О.* Отзвукът сред българите от първата общоруска революционна обстановка (1859-1861).- Векове. 1980, кн.2, с.28-29.
 8. Архив на Г.С.Раковски . С., 1966, т.3, с.782.
 9. Централный государственный исторический архив г. Москвы, ф.5с, д.1, л.135-137.
 10. См., Цариградски вестник, 15.17.1861, бр.16.
 11. См. *Маждракова-Чавдарова О.* Ук. соч., с. 30. Здесь приведены также сведения о выпуске "Колокола" в 1861-1862 гг. болгарином Д.Мутьевым.
 12. Дунавски лебед , 4.7.11.1861, бр.40.
 13. Колокол , 1.XI.1860.
 14. *Поглубко К.* Очерки истории..., с.116-164.
 15. "Български книжици", 1861, 8, с.160.
 16. *Велева М.* Спиридон Палаузов — живот и дейност.- Известия на ВИД, 1974, кн.29, с.83. Обращение Палаузова к событиям "весны народов" связано с осмыслением буржуазно-конституционных идеалов, а для Чернышевского это была еще одна возможность пропаганды социальной революции.
 17. *Даскалов Хр.* Возрождение болгар, или реакция в европейской Турции.- Русская беседа , 1858, кн.10.
 18. "Русский вестник", т.13, кн.2; т.14, кн.1; т.15, кн.1.
 19. См.: *Билунов Б.* Из истории болгаро-русских журналистских связей.-В: Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981, с.98-116.
 20. Там же.

21. См.: Цимбаев И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. И., 1978, с.167-215.
22. Русский инвалид, 19.XI.1861, 257.
23. Шишманов Ив. После побед. (статья вторая).- Русские ведомости, 18.XI.1912, 6267.
24. ОР ГБЛ, ф.231, Пог./II, д.31, е.х.56; . Русский 22.1; 5.11; 22.17.1868; ИВ7-8, 11,20,21.
25. Билунов Б. Из истории болгаро-русских журналистских связей...
26. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.22, с.43.
27. Твардовская В. Идеология пореформенного самодержавия. (М.Н.Катков и его издания). М., 1978, с.64.
28. "Московские ведомости", 10.XII.1864, 6271.
29. "С.-Петербургские ведомости", 12.XII.1867 г.
30. Литературная библиотека, 1867, кн.1-2 /15-16/, с.143-150.
31. Плетньов Г. Русофобските позиции на българските чорбаджии след Кримската война.- В: Славистични проучвания. С., 1973.

Влияние Н.Г.Чернышевского на болгарскую общественную мысль*

Болгария в третьей четверти XIX в., находившаяся уже 450 лет под османским игом, была охвачена революционным движением за национальное и социальное освобождение. Идеология и программа руководителей Болгарского Центрального революционного комитета формировалась под воздействием идей и социально-философских концепций русской революционно-демократической мысли, и в частности – Чернышевского [1].

Это объясняется определенным сходством в условиях социально-экономического и политического развития России и Болгарии в 60-х и 70-х годах XIX в. Назревавшая болгарская

буржуазно-демократическая революция носила объективно крестьянский характер, и в этом отношении она была сходна с буржуазно-демократической революцией, к которой шла Россия, – симптомы этого особенно ярко сказывались в периоды революционных ситуаций.

Прогрессивная интеллигенция Болгарии чутко прислушивалась к тому новому, что возникало тогда в идейно-политической и духовной жизни России. В Болгарии знали русские прогрессивные периодические издания, в том числе "Современник" Чернышевского. Поэт Петко Рачев Славейков имел в своей библиотеке отдельные номера "Современника", сочинения Чернышевского. Его литературно-критические взгляды формировались под воздействием Белинского и Чернышевского. Он был хорошо знаком с диссертацией идейного руководителя "Современника" 60-х годов – "Эстетические отношения искусства к действительности".

Информация о Чернышевском проникала в Болгарию различными путями. Когда Чернышевский был отправлен в Сибирь, болгарская общественность узнала об этом не только из официальных изданий. Обличающий рассказ об этом позорном акте был помещен в герценовском "Колоколе", который продавался в книжных магазинах Константинополя и выписывался некоторыми болгарскими библиотеками-читальнями.

Наиболее глубоко и всесторонне отношение передовой мыслящей Болгарии к делу Чернышевского в 70-х годах XIX в. выразили два ее великих революционных деятеля – Любен Каравелов и Христо Ботев.

Будущий председатель Болгарского Центрального революционного Комитета Л.Каравелов в повести "Виновата ли судьба?" (1868 г.) устами главного героя Любомира Калмича высказал свое восхищение идеями Чернышевского. "Я думаю... что Шекспир, Ньютон, Бернс, Бокль, Вольтер, Дидро, Чернышевский, Белинский, Гавличек, короче говоря, для меня все люди науки, знания и труда значительно более святые и намного ценнее, чем всякие Плантагенеты, Бурбоны, Гоанеты, Карловинги и Романовы; они для меня ценнее всех великих полководцев и генералов; и во всяком случае я уверен, что

никто не в состоянии меня разубедить, даже если весь мир будет мыслить иначе" [2].

В образе Любомира Каравелов стремился воплотить черты характера Рахметова.

Научный авторитет Чернышевского был непререкаем для Каравелова. В своих записках "Из мертвого дома" он прямо ссылается на Чернышевского, цитирует его.

Преклонение перед Чернышевским, вера в правоту его идей и популяризация его взглядов являются движущим мотивом деятельности Л. Каравелова [3]. Узнав о смерти Чернышевского, он писал: "...умер известный русский писатель и социалист Чернышевский. Среди его творений наиболее знаменит роман "Что делать?". Чернышевский был заклятым врагом современного русского правительства и правящего класса и из-за этого был упрятан в Сибирь. О Чернышевском можно сказать, что он мучился и долго страдал за свои идеи. Но наибольшее его достоинство и святость заключались в том, что он не только писал и высказывался либерально, но так же "работал и жил как и писал" ... Это был человек! Такие люди нужны не только русским, но и всем другим славянам, чтоб и они вышли когда-нибудь на первое место в истории, а не были вечно ее болотом" [4].

Последователем Чернышевского был и великий поэт болгарской национальной революции Христо Ботев. Образ Рахметова служит для него примером, которому он следует в собственной жизни. В 1867 г., когда Ботев вернулся в родной Калофер, чтобы стать по примеру отца учителем, он рекомендовал школьной администрации приобрести сочинения Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, которые характеризовались им как наиболее новые и хорошие руководства для успешного школьного преподавания.

Соратник Ботева Дмитрий Ночев в своих воспоминаниях рассказывает, как Ботев зачитывался романом "Что делать?", пересказывал его и рекомендовал обязательно достать и прочесть. По свидетельству Ночева, Чернышевский был для Ботева одним из любимых писателей.

Такое отношение Каравелова и Ботева к Чернышевскому объясняется не только их личными симпатиями к нему как борцу за социальную справедливость, но и глубокими объек-

тивными причинами социально-экономического и идеологического порядка. Когда болгарское освободительное движение выходило на новый уровень, Каравелов и Ботев, кровно связанные с болгарским народом, как бы советовались с вождем русской революционной демократии – Чернышевским. Они находили у Чернышевского теоретическое обоснование своих революционно-демократических, социалистических и просветительских устремлений, выраставших на почве болгарской действительности. Этим, в первую очередь, и объясняется то обстоятельство, что антропологический материализм Чернышевского, его идеи о социальном и национальном равноправии, об освобождении и свободном развитии славянских народов, о просветительной роли литературы естественно, органично входили в мировоззрение Каравелова и Ботева, творчески преломляясь в их просветительской и революционной деятельности.

Столь тесная близость Чернышевского и болгарской революционной демократии обусловлена и тем, что в его взглядах на пути и способы освобождения балканских народов от османского ига ясно был виден бескорыстный защитник угнетенного славянства. Вопрос о национальном освобождении в ситуации кризиса феодальной системы был тесно связан с вопросом о буржуазно-демократической революции в Болгарии. Это хорошо понимал Чернышевский, И здесь он не был одинок: в России 60-х годов существовали идейные группировки, ревниво следившие за событиями на Балканах и пытавшиеся так или иначе влиять на процесс освобождения славянских народов. Речь идет о славянофильстве и о панславистском шовинизме, встречавшем подчас сочувственное понимание в правительственных кругах. Свою точку зрения по этому вопросу имели и русские либералы, группировавшиеся вокруг "Отечественных записок". Но наибольшую опасность представляли, с точки зрения Чернышевского, первые два направления. И именно с ними Чернышевский повел непримиримую борьбу.

Болгарской революционной демократии в этой ситуации предстояло сделать отнюдь не легкий выбор союзника в борьбе за национальное освобождение. Славянофилы развивали свою концепцию о всеславянском "мире", объединенном

вокруг "православного и патриархального" русского народа. Они звали славянскую интеллигенцию к единоверию и "братству". На этих идеях, как убедительно показал Чернышевский в статье "Народная бестолковость", паразитировал самый беззастенчивый великодержавный шовинизм, приправленный концепцией панславизма. Но распознать это сразу было не так-то просто: панславистствующие публицисты как раз в это время начали активную антитурецкую кампанию, призывали к "священной" войне за освобождение братьев-славян, демагогически льстили национальному самолюбию славянских народов. И от того, насколько успешно удастся разоблачить ложь этих "друзей" и "защитников" славянства, зависело, за кем пойдет молодая болгарская революционная демократия.

Чернышевский блестяще справился с этой задачей. Он сумел дать отпор как славянофильским теоретическим спекуляциям, так и самодержавно-шовинистическим претензиям. Русский мыслитель последовательно, слово за словом разбирает славянофильскую программу по славянскому вопросу и неопровержимо доказывает, что она утопична, не учитывает социально-политических реальностей Европы и только мешает процессу освобождения балканских славян. "Если вы хотите, – обращается он к славянофилам, – чтобы Россия употребляла для освобождения славянских племен только дипломатическое влияние и газетные статьи, вроде разбираемой нами (имеется в виду статья в №1 газеты "День", издававшейся И.Аксаковым. – Авт.), такое пособие мы, действительно, можем оказывать славянским племенам без большого убытка для себя; только пособие такого рода равно никакой существенной пользы славянским племенам не принесет. Что вы в самом деле думаете усювестить турок...?"[5] Далее Чернышевский рассматривает перспективу военного вмешательства России в балканские дела и приходит к выводу что оно вряд ли принесет пользу (как Болгарии, так и России), поскольку подобная акция "вооружила бы против освобождения славян все западные державы" [6].

Отвергая все варианты такого рода помощи славянским народам, Чернышевский основывается на вере в силы самих народных масс, способных в борьбе отстоять свою свободу. "Спросите кого хотите, болгарина или турецкого серба, –

пишет он, – нужна ли его соотечественникам чужая помощь для освобождения от турок, – он оскорбляется таким вопросом. Им нужна только уверенность, что другие державы не станут мешать их освобождению, – остальное все сделают они для себя сами" [7]. Этот вывод, следовавший из революционно-демократического мировоззрения Чернышевского, давал болгарской революционной демократии единственно верный ориентир в национально-освободительной борьбе, которым и не замедлили воспользоваться лучшие сыны Болгарии. Не случайно Л.Каравелов утверждал: "Свобода не дается, а берется!" Не случайно и Христо Ботев называл "самыми несчастными" те народы, которые "надеются на постороннюю помощь и которые хотят получить спасение из чужих рук".

Показывая иллюзорность славянофильских планов освобождения балканских народов, Чернышевский давал понять, что эти планы находят поддержку в кругах сторонников великодержавно-завоевательной политики царизма. Он отмечал, что панславистская демагогия – всего лишь благопристойный фасад великодержавно-шовинистской природы русского царизма, стремящегося под удобным предлогом защиты славянства расширить и укрепить свое влияние в Европе. Освобождение славянских народов не было и не могло быть целью политической стратегии царизма. Славянский вопрос – лишь повод для возобновления борьбы за господство над Черным морем, Балканами, за пересмотр печальных итогов Крымской войны. И соответственно славянские народы могли быть лишь средством в этой политической игре, участниками которой являлись ведущие европейские страны.

Но идеологи и защитники царской политики понимали, что изложение истинных планов царизма с подобной прямоотой было бы слишком оскорбительно для угнетенных славянских народов, которые вовсе не жаждали из провинции Османской империи превратиться в провинцию империи Российской. "Поэтому придумали они, – объясняет Чернышевский, – другую тактику. Они стремятся пробудить в славянских племенах желание добровольно искать нашего покровительства, возбуждая в них племенную ненависть ко всем другим цивилизованным народам, развивая в этих племенах мысль,

что сами по себе они слишком слабы, что они без нашей помощи ничего не могут сделать для себя и что только под нашим покровительством могут они сохранить свою народность. С этой целью толкуют они о любви нашей к славянским племенам. Но дело тут вовсе не в любви к ним, а в эгоистическом расчете подчинить нам их, – тут не желание добра им, а желание увеличить собственное могущество" [8].

Разоблачая утопичность славянофильской программы и вскрывая великодержавно-шовинистический характер панславистской демагогии, прикрывавшей подлинные цели царской политики на Балканах, Чернышевский показал болгарской революционной демократии, что только революционно-демократический лагерь в России является подлинным защитником национальных прав и свободы болгарского народа. Его имя становится известным в Болгарии 60-х – 70-х годов. Русского мыслителя высоко ценит как передового ученого, революционного мыслителя, критика и писателя прогрессивная болгарская интеллигенция. Еще в 1875 г., т. е. до освобождения Болгарии, в ряде газет появилось сообщение о том, что переведен на болгарский язык и подготовлен к печати роман "Что делать?". В те же годы в Болгарии делались попытки перевести на болгарский язык и издать сочинения Чернышевского по политической экономии.

Воздействие публицистики Чернышевского на болгарское революционно-демократическое движение, на идеологию вождей национальной революции обобщил Васил Коларов, один из руководителей III Коммунистического Интернационала и болгарской компартии: "... Г.Раковский, Л.Каравелов, Христо Ботев, Василь Левский приобщились к великим национальным, социальным и политическим движениям, которые потрясли Европу в середине прошлого века, а через русских писателей – революционеров-демократов – Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Некрасова – они поднялись до понимания новых, более справедливых общественных отношений.

Так, русская демократическая и революционная мысль проникала в более широкие слои болгарского народа, пробуждала его от векового сна и политической инертности и толкала его на борьбу за национальное, политическое и

социальное освобождение. Это было одним из глубоких корней, которые поддерживали духовные и моральные связи болгарского народа с Россией и с русским народом" [9].

Воздействие идей Чернышевского продолжается и после освобождения Болгарии от турецкого ига (1878). Основатель и руководитель революционной марксистской партии болгарского рабочего класса Димитр Благоев в 1885 г. опубликовал в издаваемом им журнале "Современный показатель" статью Чернышевского "Характер человеческого знания". Благоев высоко оценил его заслуги перед русским революционным движением и прогрессивным человечеством.

"Мы спешим поместить этот новый этюд Н.Г.Чернышевского, - писал он. — Двадцать один год Чернышевский был заживо погребен в Сибири и двадцать один год он был мертвым для русского народа и науки вообще... Два года тому назад русское правительство, после того как убедилось, кажется, что вера Чернышевского в его идеи является незыблемой и основывается на таких прочных убеждениях, которые ни каторга, ни одиночная камера не могут поколебать, когда два года тому назад русское правительство решило вернуть его из Сибири в Астрахань – далеко от центра русского государства, первый вопрос его товарищей и приятелей, почитателей его ума и таланта, был: "Что сделало русское правительство с этим замечательным живым умом; остался ли тот самый Чернышевский, которого они знали 20 – 23 года тому назад? Обладает ли он тем самым энергическим, благородным и живым пером?" Все с нетерпением ждали встречи с ним. Этюд, который мы помещаем в нашем журнале, ценен тем, что успокоил всех, которым дороги интересы науки вообще и русской в частности. Н.Г.Чернышевский жив, жив не только физически, но и духовно!

Это его произведение доказывает, что энергия его ума, его стиль, его философские взгляды остались те же. Обычно Чернышевский выступает по наиболее злободневным научным вопросам и вместе с тем так просто, что читать его произведения не только интересно, но и приятно..." [10].

Трудно переоценить и выдающуюся роль, которую сыграло знакомство с идейно-теоретическим наследием Чернышевского в процессе формирования и дальнейшего духовного

развития выдающегося болгарского революционера и деятеля мирового рабочего и коммунистического движения Георгия Димитрова.

Г.Димитров не только высоко ценил идеи и дела Чернышевского. Он сам находился под сильным идейным влиянием его мировоззрения. Сильное воздействие на него оказал образ Рахметова. Роман "Что делать?" был одним из важнейших источников формирования революционных взглядов будущего руководителя мирового рабочего и коммунистического движения.

"Лично на меня роман "Что делать?" оказал необыкновенно глубокое, неотразимое влияние еще 35 лет тому назад, - вспоминал Г.Димитров. - Когда я, молодой рабочий, делал свои первые шаги в революционном движении в Болгарии. И нужно сказать - ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения, которое бы так сильно повлияло на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского. На протяжении месяцев я буквально жил героями Чернышевского. Моим любимым героем был Рахметов. Я задался целью быть твердым, выносливым, бесстрашным, самоотверженным, закалять в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер, подчинять свою личную жизнь интересам великого дела рабочего класса - с единственной мыслью быть таким, каким мне представлялся этот безупречный герой Чернышевского. И для меня нет никакого сомнения, что именно это благотворное влияние в молодости очень помогло в моем воспитании как пролетарского революционера и нашло свое отражение в моей революционной борьбе в Болгарии и на Лейпцигском процессе" [11].

Димитров раскрывает актуальность идей и нравственного примера героев Чернышевского для молодого поколения строителей социализма.

"И ныне, перечитывая "Что делать?", я испытываю волнение и наслаждение. Чем объяснить эту силу, такое влияние романа Чернышевского? Мне думается, объяснение следует искать в том, что великий революционер и публицист, не зирая на ограниченность политических взглядов, присущую просветителю-революционеру, сумел дать прекрасные, живые образы новых для своего времени людей. Эти люди

бесстрашные, решительные, неустрашимые перед врагом, они не боятся трудностей, подчиняют свою личную жизнь великому идеалу, умеют браться за дело и, как говорил сам Чернышевский, "если уж берутся за некоторое дело, то так сильно берутся за него, что оно не выскользнет из их рук". Да, храбрость, самоотверженность, беспримерный героизм и беспредельная преданность революции – вот что делает героев Чернышевского любимыми образцами для молодых революционных поколений... Роман "Что делать?" не утратил и сегодня своего воспитательного значения. Если читать его критически, учитывая некоторые его положения как утопического социалиста, преувеличение им роли кооперации, наша молодежь, несомненно, получит не только большое наслаждение, но и истинную пользу в своем революционном воспитании.

Не напрасно Ленин так сильно любил и так высоко ценил революционера и мыслителя Чернышевского" [12].

Чернышевский является и нашим современником, поскольку социалистические идеи, во имя которых он отдал жизнь, стали сегодня реальностью. Образ Рахметова будет вдохновлять многие поколения на борьбу за свободу и счастье трудящихся как образец единства революционной мысли и дела. Вот почему в социалистической Болгарии Чернышевский принадлежит к числу постоянно читаемых и глубоко почитаемых представителей великой русской литературы.

После социалистической революции 9 сентября 1944 г. в Болгарии большими тиражами издаются произведения Чернышевского [13].

Философско-эстетическое наследие великого русского революционера-демократа всесторонне изучается болгарскими исследователями [14]. Академик Тодор Павлов в статье об эстетических взглядах Чернышевского [15] рассмотрел и высоко оценил место и роль мировоззрения и революционной деятельности русского мыслителя в истории русской и мировой философской мысли. Его анализ и оценки стали исходным моментом для дальнейших исследований мировоззрения, философии и эстетики Чернышевского в Болгарии.

В развитии русско-болгарских общественных связей события прошлого столетия отличались невиданными до того интенсивностью и размахом. Нарастание интереса русского общества к судьбам балканских славян сопровождалось дифференциацией общественно-политических течений, включением славянского вопроса в сферу идеологической борьбы по внутривосточным проблемам России. Одновременно размах общественного движения в защиту южнославянских народов сказался в освободительных устремлениях в ходе русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.

Освобождение Болгарии от османского ига в результате этой войны оправдало вековые чаяния болгарского народа, верившего в освободительную миссию России. В болгарском национальном движении эпохи возрождения, охватывающей вторую половину XVIII в. и значительную часть следующего столетия вплоть до освобождения и воссоздания государственности, наблюдался неизменно большой интерес к политике России. Это было связано с важностью внешнего фактора в деле решения судеб формировавшейся болгарской нации. Вместе с тем углубление интереса к России выражалось и во внимании к общественно-политической борьбе в русском обществе, которая привлекала деятелей болгарского национально-освободительного движения не только с точки зрения балканской политики России, но и в плане решения проблем социального и политического развития Болгарии.

В комплексе вопросов исследования русско-болгарских общественных связей эпохи становления буржуазных отношений важное место принадлежит проблеме исследования воздействия идей признанного вождя русской революционной демократии Чернышевского на болгарское национальное движение. Накопленный в исторической, литературоведческой и историко-философской литературе опыт позволяет говорить о выдающейся роли Чернышевского в различных сферах общественно-политической жизни, о широком международном звучании его идей. Поставленная здесь проблема еще не получила достаточного освещения ни в литературе, посвященной Чернышевскому, ни в исследованиях по истории болгаро-русских общественных связей той эпохи. Правда, некоторые отдельные

аспекты этой проблемы затрагивались при изучении воздействия Чернышевского на взгляды отдельных представителей болгарского освободительного движения, при рассмотрении вопросов сравнительного литературоведения в плане воздействия русского революционера-демократа на литературную мысль в Болгарии [16].

Нам хотелось бы проследить влияние Чернышевского на различные течения в болгарском национально-освободительном движении, рассмотреть роль и место его выступлений по славянскому вопросу в развитии русско-болгарских общественных связей, наконец, влияния его социологической концепции на политическую мысль в Болгарии.

Рассматриваемый период в истории болгарского национального движения охватывает время после окончания Крымской войны 1853 – 1856 гг. и до освобождения Болгарии в 1878 г. Этот период характеризуется открытой постановкой политических проблем национального освобождения, началом организованного революционного движения, переходом его от стадии "четнической" борьбы к созданию широкой сети внутренней революционной организации, к подготовке и проведению мощного национально-революционного выступления, каким явилось Апрельское восстание 1876 г. Все это позволяет говорить о качественно новой ступени болгарского национального движения в этот период по сравнению с предшествующими, когда наряду со стихийными локальными вооруженными выступлениями основное содержание освободительного движения составляла борьба за национальное просвещение и национально-церковное обособление в рамках Турецкого мусульманского государства.

Последние два компонента сохраняли свое значение и в период 1856 – 1878 гг. Однако их удельный вес и внутреннее содержание определялись прежде всего задачами открытой политической и вооруженной борьбы за национальное освобождение. В условиях дифференциации течений внутри болгарского национального движения вопросы борьбы за национальное просвещение различным образом трактовались сторонниками революционного пути освобождения и либералами. Для последних просветительство являлось основой их политических взглядов, направленных на эволюционно-реформист-

ское улучшение положения страны. Сторонники национальной революции выступали за революционное просветительство народных масс как один из компонентов непосредственной подготовки вооруженного выступления.

После Крымской войны в связи с поражением России и упадком ее влияния на Балканах намечается выделение в болгарском национальном движении отдельных группировок, внешне-политическая ориентация которых была связана с западноевропейскими странами. Таковыми были группировки, связанные с газетой "Болгария", редактировавшейся Др. Цанковым и издававшейся в Константинополе в 1859 - 1863 гг., а также с Болгарским центральным тайным комитетом (БЦТК), действовавшим в Бухаресте в конце 60-х годов [17].

Вместе с тем необходимо заметить, что одновременно с выделением демократического направления в болгарском национальном движении проявляется дифференцированное отношение к русскому правительству и народным массам [18-19]. Наиболее ярко это проявилось в идеологии родоначальника организованного революционного движения Георгия Раковского (1821 - 1867). После Крымской войны он некоторое время находился в Одессе и мог непосредственно знакомиться с российской действительностью. Приехав в марте 1858 г. в Одессу, где жили болгары и даже существовала организация местной болгарской буржуазии - Одесское болгарское настоятельство, Г.Раковский столкнулся с бюрократической медлительностью властей, долго рассматривавших его прошение об издании болгарской газеты.

События общественно-политической борьбы в России периода революционной ситуации 1859 - 1861 гг. Раковский оценивает с явной симпатией к революционному подполью России. Знакомство с российской действительностью во время краткого пребывания в Одессе (1858 - 1859), многочисленные корреспонденции из России в 1859 - 1861 гг., внимательное изучение текущей прессы - все это позволило Раковскому во время остановки в Белграде наладить оперативное освещение событий в России на страницах своей газеты. Материалы газеты "Дунавски лебед" дают возможность для рассмотрения проблемы его контактов с русской революционной демокра-

тией. В газете сообщалось об отмене крепостного права в России без какой-либо апологетики в адрес Александра II. 3 октября 1861 г. болгарский революционер опубликовал краткое изложение первого номера "Великорусса". Значение выступления Раковского с изложением прокламации-газеты "Великорусс" представляется особенно значительным, если учесть широкое распространение газеты "Дунавски лебед" на Балканах (в Болгарии, Сербии, Румынии и т. д.).

Поддержка демократического движения в России в газете Раковского была связана с тем вниманием, которое уделяли болгарские революционеры славянской стране с точки зрения ее участия в восточном вопросе. Практическая и идеологическая деятельность Чернышевского и его сторонников в годы революционной ситуации не находила еще развернутых откликов в болгарском национальном движении, но учет этой деятельности, восприятие положительных результатов оппозиционных и революционных выступлений против царизма способствовали утверждению в 60-х годах идеи сотрудничества народов в борьбе против монархий. В идеологических обоснованиях революционных программ 60 – 70-х годов XIX в. деятели болгарского освободительного движения, прежде всего сторонники Г.Раковского, много внимания уделяли именно совместному выступлению балканских народов против турецкого правительства [20].

Вопрос о роли России в борьбе болгарского народа за свое освобождение в 60-х годах XIX в. приобретал острое значение в связи с различиями в выступлениях по славянскому вопросу представителей русской общественности. Особенно внимательно следили за этой борьбой представители болгарского национального движения, проживавшие в России.

Позиция Чернышевского, его выступления по славянскому вопросу характеризовались прежде всего пропагандой тезиса об общем характере закономерностей в развитии народов. Этот аспект имел большое значение в его борьбе против славянофилов. Вместе с тем в работах русского революционера содержались очень важные для болгарского национального движения конкретно-политические выводы. В работе "Рассказ о Крымской войне по Кинглеку" он писал о праве балканских народов на самостоятельное развитие, подчеркивал неизбеж-

ность падения турецкой власти в европейских владениях Порты.

Одновременно Чернышевский отмечал, что судьба южно-славянских народов, находившихся под властью Турции, не безразлична для прогрессивных слоев русского общества. Он подчеркивал, что "сербы, вместе с болгарами, ближайшие к нам по родству из всех славянских единоплеменников наших, должны возбуждать в нас самое живое сочувствие".

Все выступления Чернышевского и его соратников по журналу "Современник" [22] становились известными болгарам, проживавшим в России. Кроме многочисленной одесской колонии много болгар училось в то время в учебных заведениях Киева, Николаева, Кишинева, Москвы, Петербурга и других городов. Среди болгар, учившихся тогда в России, были известные впоследствии деятели национального движения – братья Любен и Петко Каравеловы, Христо Ботев, Нешо Бончев, Марин Дринов, Иван Христов, Тодор Запрянов, Райков Жинзифов, Васил Друмев, Панайот Волов и многие другие.

В непосредственном контакте с руководителями журнала "Современник" находился известный болгарский историк С.Н.Палаузов (1818 – 1872), принадлежавший к умеренному крылу болгарского национального движения, находившийся долгое время на русской службе. В доме историка-слависта И.И.Срезневского произошло знакомство С.Палаузова и Н.Добролюбова. Осенью 1859 г. С.Палаузов становится цензором "Современника", но менее чем через два месяца его отстранили от этой должности за пропуск статьи "Петербургская жизнь". Причина этого крылась в его искреннем сочувствии той роли, которую играл "Современник" в общественной жизни России [23].

Идейное влияние Чернышевского, а также Писарева и Добролюбова отразилось на научном творчестве С.Палаузова. Оно проявилось прежде всего в смене проблематики работ историка. Если ранее С.Палаузов был известен исследованиями традиционных для русского славяноведения тем [24], то в конце 50-х – начале 60-х годов он обращается к проблемам новой истории [25]. Подобно историко-публицистическим выступлениям Чернышевского по вопросам революции 1830 г.

во Франции и революции 1848–1849 гг. в западноевропейских странах, С.Палаузов сосредоточивает свое внимание на влиянии "весны народов" в юго-восточном регионе Европы. Его работы, многие из которых публиковались в демократическом журнале "Русское слово", были высоко оценены Н.А.Добролюбовым.

Сообразно с собственным пониманием задач болгарского национального движения С. Палаузов активизирует свою деятельность по пропаганде освободительной борьбы болгарского народа, используя свои знания ученого-историка. В статьях "Возвышение голоса болгар против двойного ига, их гнетущего", "Болгарское духовенство", "Исторические припоминания по поводу временных требований болгар" [26] он выступил с защитой требований болгарского народа о создании независимой национально-церковной организации в рамках Турецкой империи.

Вольномыслие Палаузова, незадолго перед тем потерявшего цензорское место и находившегося не у дел, привело к прекращению по настоянию Синода публикаций его работ по этой тематике. Обращение Палаузова к актуальным вопросам болгарского национального движения, которые в тот момент враждебно воспринимались правящими кругами России, свидетельствовало об усилении его общественной активности, происходившем под воздействием размаха борьбы в Болгарии, а также его контактов с русской революционной демократией.

Влияние общественно-публицистических выступлений Чернышевского на таких представителей болгарского национального движения, как Палаузов, не было всеобъемлющим. Революционные идеи Чернышевского не нашли воплощения в деятельности Палаузова даже в национально-революционном их варианте. В переписке Палаузова с Раковским обсуждались вопросы средневековой болгарской истории. Это происходило в тот период, когда Раковский строил планы революционного освобождения Болгарии .

Существо политической концепции Чернышевского по вопросам национальных движений на Балканах, в том числе и болгарского, состояло в признании необходимости прежде всего самостоятельного развития революций, без подчинения их целям борьбы монархических государств, в том числе и

России. Позиция Чернышевского резко отличалась от идеологических установок представителей русского славянофильства, что вызвало в начале 60-х годов острую полемику в русской прессе.

Многие вопросы идеологической борьбы Чернышевского со славянофилами изучены в исторической и историко-философской литературе [27], однако значение этой борьбы в развитии русско-болгарских общественных связей, ее влияние на процесс дифференциации политической мысли в Болгарии не получили должного освещения.

Обострение идеологической борьбы во многом было связано с попытками славянофилов расширить сферу своих выступлений. Если до Крымской войны идеологи славянофильства мало внимания уделяли современному положению зарубежных славянских народов, то в конце 50-х – начале 60-х годов заметным становится их стремление к пропаганде своей теории среди "всего славянства", к установлению связей с представителями славянских национальных движений.

В связи с выходом газеты "День", органа И.С.Аксакова и его сторонников, Чернышевский выступил с разоблачением эгоистических расчетов славянофилов. Он отметил их "желание господствовать", подверг критике их рассуждения "о том, что у нас одних сохранились истинные принципы славянской народности" [28].

В центре критических замечаний Л. Каравелова была примиренческая позиция славянофилов в отношении болгаро-греческой церковной борьбы. Вместе с тем в соответствии с идеями Чернышевского болгарский критик славянофильства выдвинул тезис о единении сербов, черногорцев и болгар в борьбе с Турцией. В этой же статье автор ясно встал на сторону Г. Раковского и его газеты "Дунавски лебед", защищая болгарского революционера от нападок "Дня" и попутно критикуя политику царского правительства по вопросу о переселении болгар в Россию.

Самой существенной чертой в процессе восприятия идей Чернышевского в болгарском освободительном движении 60 – 70-х годов было распространение в нем идеологии, обосновывавшей необходимость социальных преобразований революционным путем. Революционно-демократическая идеология

в Болгарии складывалась на базе развития идеологии национально-революционной.[29] Вместе с углублением процесса социальной дифференциации и обострением внутренней борьбы в болгарском национальном движении происходило идеологическое и организационное оформление революционно-демократического крыла.

Значимость воздействия идеологии Чернышевского на представителей складывавшегося революционно-демократического течения в Болгарии может быть оценена со всей отчетливостью при сравнении общественно-политических условий в двух странах, расстановки классовых сил в освободительном движении в Болгарии и России. При всем различии социальных структур двух стран, связанном в основном с различным уровнем развития капиталистических отношений и их структурой, крестьянские массы в обеих странах были заинтересованы в социальном перевороте. В идеологических обоснованиях руководителями освободительного движения чаще всего защищались интересы угнетенного крестьянства. Болгарские революционеры-демократы широко опирались также на мелкобуржуазные слои города.

Главным различием в расстановке классовых сил была позиция национальной буржуазии в России и Болгарии. Революционные демократы в России действовали в условиях, когда национальная буржуазия еще не выступала как самостоятельная политическая сила. В Болгарии буржуазия и ее идеологи выступали с идеями национального освобождения. При этом следует иметь в виду торгово-ростовщический характер болгарской буржуазии, а также своеобразие социальных отношений в разлагавшемся феодальном обществе в болгарских землях. Это своеобразие состояло в государственном характере верховной власти на землю и отсутствии сословной иерархии в болгарском обществе. В этой обстановке мелкобуржуазные массы города и деревни в Болгарии, наиболее остро подвергавшиеся национальному гнету, шли за буржуазией в деле решения общенациональной задачи освобождения от османского ига.

Крупное политическое выступление болгарской буржуазии – именно таково было национально-церковное движение [30] – приобрело демократический характер в силу широко-

го участия народных масс. Это способствовало их политической активизации. Церковная борьба, не затрагивавшая основ султанской феодально-бюрократической системы, стала затяжной и в силу этого вела к появлению различных точек зрения на ее значение в освободительном движении.

Таким образом, если острое идеологической борьбы русских революционеров-демократов было направлено против самодержавно-помещичьей власти и их деятельность решительно противопоставлялась буржуазно-дворянским либеральным кругам, то в Болгарии складывавшееся революционно-демократическое направление действовало в союзе с революционной частью национальной буржуазии.

Широкий резонанс деятельности Чернышевского и его сторонников в России способствовал также идейному сплочению последовательно революционных сил в Болгарии, формированию идеологических революционных связей болгарского и русского освободительных движений. Это привело уже в 60-х годах к организационным контактам болгарских и русских революционеров [31].

Непримиримая борьба Чернышевского с представителями русского либерализма обогащала своим опытом революционное крыло в болгарском национальном движении. Основоположник революционной политической мысли в Болгарии Г.Раковский в своей деятельности был связан с революционно настроенными кругами буржуазии, его воззвания одновременно являлись отражением "компромисса с представителями буржуазно-либерального течения" [32]. По мере более четкого определения политического лица либеральной буржуазии и ее организационного обособления в 60-х годах возрастала необходимость политического размежевания в национальном движении.

Большая роль в организации идеологического отпора либеральной буржуазии, возлагавшей надежды преимущественно на внешнюю помощь, принадлежала руководителю БРЦК Л.Каравелову, выступавшему на страницах газет "Свобода" и "Независимость" с пропагандой и защитой деятельности Чернышевского. Именно революционно-демократическим силам, в особенности благодаря организационной деятельности В.Левского, принадлежит заслуга подготовки

крупнейшего национально-революционного выступления в Болгарии – Апрельского восстания 1876 г. Целью самобытного революционера-демократа В.Левского, действовавшего в непосредственном контакте с Л.Каравеловым, было путем "общей революции произвести коренное преобразование нынешней государственной деспотическо-тиранической системы и заменить ее демократической республикой (народное управление)".

Воздействие Чернышевского на идеологическое развитие болгарского национального движения не исчерпывалось областью политики. Существенное влияние оказала на болгарских революционных демократов социологическая теория Чернышевского [34]. В этой связи интересна проблема утопического социализма в идеологии Х.Ботева и Н.Г.Чернышевского. Попытка разграничить на основе данного признака классовый характер идеологии этих мыслителей (как идеологов предпролетариата) от других революционных демократов (Каравелова, Герцена, Белинского) представляется нам недостаточно обоснованной [35]. Стержнем цельной системы социально-политических взглядов Х.Ботева являлся призыв к социальной революции в интересах всех трудящихся масс, к национальной революции в Болгарии. Используя термин "пролетариат", Ботев подразумевал под ним в Болгарии "тот класс нашего народа, на котором лежит груз налогов и злоупотреблений" [36].

В болгарском национально-освободительном движении, приобретавшем в 60 – 70-х годах широкое международное звучание, неуклонно углублялся интерес к революционной борьбе в России, к деятельности русской революционной демократии во главе с Чернышевским. Распространение его идей в Болгарии, способствуя идеологическому оформлению болгарского революционного демократизма, придавало интернациональный характер теоретическому обобщению опыта русского освободительного движения. Идеиные связи революционных демократов двух стран, непосредственных предшественников социал-демократии, создавали прочную основу прогрессивных традиций для последующего пролетарского этапа освободительного движения.

1. См.: Краткая история Болгарской философской мысли. М., 1977.
2. Каравелов Л. Събр. съч. София, 1965, т. 2, с. 60—61.
3. См. статьи Л. Каравелова: "Русский вестник" (Събр. съч., т. 8, с. 398), "Вспомним слова Чернышевского" (Събр. съч., т. 9, с. 32), "Мы обсуждаем бездарность в литературе и недостатки в училищах" (Събр. съч., т. 7, с. 553).
4. Каравелов Л. Събр. съч., т. 6, с. 485.
5. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 837.
6. Там же. Чернышевский проявил и в данном случае незаурядный талант политического мыслителя. В своих размышлениях он опирается как на опыт Крымской войны, столкнувшей Россию с Англией и Францией, так и на особенности общеевропейской политической ситуации. Англия и Франция боялись усиления России на Балканах и всячески препятствовали бы освобождению болгар путем прямой военной помощи, что и подтвердилось во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.
7. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 838.
8. Там же, с. 842.
9. Коларов В. Освободителната роля на руския народ.— В кн.: Говори радистанция Христо Ботев. София, 1958, т. 4, с. 189—190.
10. Съвремений показател, 1886, № 2.
11. Димитров Г. Къъм младия читател: Предговор към романа "Какво да се прави?".— Съч. София, 1954, т. 10, с. 209—210.
12. Димитров Г. Съч., т. 10, с. 210—211.
13. См.: Чернышевски Н. Г. Естетическите отношения на изкуство о към действителността. София, 1964, с. 117; Избрани произведения. София, 1955, т. 1, с. 886; 1956, с. 524; Избрани филос. произведения, 1973, с. 627; Какво да се прави? София, 1976, с. 472; София, 1962; Попиванов Д. Към въпроса за положителния герой в романа на Н. Г. Чернышевски "Какво да се прави?" По случай 125 г. от рождението му, 1953, №8, септ.; Стефанов Е. Литературно-естетическите възгледи на Чернышевски.— Език и литература, 1953, №4.
14. См.: Атанасов Ж. Педагогическите възгледи на Н. Г. Чернышевски: — НП, София, 1951—1952, № 9; Величков Н.

Николай Гаврилович Чернишевски. София, 1950; Бънков А. Руската класическа философия през XIX век. София, 1948; Бъчваров М. Велик предшественик на марксизма: 140 години от рождението на Н. Г. Чернишевски. – Работническо дело, 1968, № 206, 24 юли; Велчев В. Идейното влияние на Н. Г. Чернишевски в България. – Език и литература, 1953, №4; Ескенази Ж. Романът на Чернишевски "Какво да се прави?" в България през 90-те години на XIX век. – Език и литература, 1972, №4; Натан Ж. Чернишевски и Добролюбов – велики руски революционери-демократи и социалисти-утописти. – Ведрина, 1947, №37; Павлов Т. Няколко думи за естетическите възгледи на Н. Г. Чернишевски. – Избр. произведения, т. 4.

15. См.: Павлов Т. Няколко думи за естетическите възгледи на Н.Г.Чернишевски. – Избр. произвед. София, 1961, т. IV.

16. См.: Бакалов Г. Чернышевский на Балканах. – Каторга и ссылка, 1934, № 4; Ерихонов Л. Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60 – 70-х годах XIX века. М., 1950; Стефанов Е. Николай Чернишевски в историята на българската литература. – Литературен фронт, 1947, №7; Костов А. Чернишевски в българската общественост и литература: (По случай 57 години от смъртта му). – Работническо дело, 1946, 29.X, № 251; Каракостов С. Н.Г. Чернишевски – любимец на Ботйов и Димитров. – Българо-съветска дружба, 1948, кн. 7/8; Велчев В. Идейното влияние на Н.Г. Чернишевски в България. – Език и литература, 1953, кн. 4; Конев И. Към въпроса за влиянието на руската обществена мисъл от 60-те години на XIX век върху Любен Каравелов. – Известия на Иститута за българската литература, 1958, кн. 6; и др.

17. См.: Косев Д. Начало на антируската политика на Българската едра буржоазия и П.Р. Славейков. – Исторически преглед, 1948/ 1949, кн. 2.

18-19. См.: Хаджиниколов В. Отношенията между България и Русия в историческата литература у нас до Октомврийската революция. – Известия на Българското историческо дружество, 1967, кн. 25, с. 347.

20. См.: Трайков В. Раковски и балканските народи. София, 1971. *Он же*. Г.С. Раковски: Биография. София, 1974; и др.

21. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 627 – 628.

22. В "Современнике" были помещены различные отклики на проявления болгарского национального движения. Так, близкий родственник Чернышевского, молодой славист А.Н.Пыпин писал о выступлениях болгар Х. Даскалова и В. Поповича, сообщавших о тяжелом состоянии болгарского народа, "задавленного двойным игом турок и греков" (Современник, 1860, апрель, с. 328). Пыпин видел в рассказах Даскалова и Поповича призыв к русскому обществу. Перу Пыпина принадлежала также благожелательная рецензия на коллективное издание болгарских студентов "Братски труд" в апрельском номере "Современника" за 1860 г.

23. С.Н.Палаузов писал в то время, что цензорские занятия "убивают мыслящего человека". См. письмо С.Н.Палаузова к историку-слависту В. И. Григоровичу от 16 мая 1859 г. (Государственная библиотека В.И.Ленина. Отд. рукописей, ф. 86, п. 4, ед. хр. 104).

24. См.: Палаузов С. Иоанн Гус и его последователи. – Москвитянин, 1845, ч. IV, № 7 – 8; *Он же*. Исторический очерк Сербского государства до конца XV столетия. М., 1845; *Он же*. Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852; и мн. др.

25. См.: Палаузов С. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. – Отечественные записки, 1858, № 9–12; *Он же*. Реформа и католическая реакция в Венгрии. – Русское слово, 1860, № 9/10; *Он же*. Александр (Шандор) Петефи, венгерский поэт. – Русское слово, 1861, №3; и др.

26. См.: Северная пчела, 1860, №№ 120, 122, 132.

27. См.: Никитин С.А. Очерки по истории..., с. 202 – 207; Гольберг М.Я. К истории полемики вокруг славянофильского послания "К сербам". – В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972; и др.

28. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 829.

29. Подробнее об этом см.: Билунов Б.Н. К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в

Болгарии: (На примере формирования взглядов Любена Каравелова). – В кн.: Проблемы всеобщей истории. М., 1973, с. 213 – 229.

30. См.: *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976.

31. *Поглубко К.А.* Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60–70-е годы XIX в.), Кишинев. 1972.

32. *Конобеев В.Д.* Българското национално-революционно движение: Идеология, программа, развитие. София, 1972, с. 414.

33. Цит. по кн.: *Уножиев И., Коноарев Н.* Свята и чиста република: Страници от писмата на Васил Левски. София, 1968, с. 32.

34. См.: История на философската мисъл в България. София, 1970, т. I; *Бъчваров М., Павлов Д.* Философские основы революционно-демократической идеологии и южнославянских странах. София, 1966; *Воробьев Л.Л.* Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М., 1962; и др.

35. См.: *Носов А.* Ленинский принцип классового анализа в изучении социальной природы утопического коммунизма и революционного демократизма. – В кн.: Сборник научных работ кафедры политэкономии и философии Коммунарского горно-металлургического института. Луганск, 1969, с. 3 – 242.

36. История на философската мисъл в България, т. I, с. 442.

Из истории болгаро-русских журналистских связей

Освобождение Болгарии от османского ига, явившееся результатом взаимодействия внутреннего и внешнего факторов, нельзя понять и правильно оценить без всестороннего изучения развития болгаро-русских общественных связей в предшествующий период. Важное место в их развитии принадлежало журналистике. Политические, общественные, культурные и научные аспекты двусторонних контактов находили свое отражение на страницах периодической печати двух стран. Обращение к этим материалам позволяет полнее представить взаимосвязи народов Болгарии и России в процессе роста национально-освободительного движения в болгарских землях.

Научное изучение болгаро-русских журналистских связей было начато С.А.Никитиным, рассматривавшем их через влияние русской общественности на правительственные позиции по восточному вопросу в 50-70-е годы XIX в. (*1). Обращение русской прессы к проблемам развития болгарской журналистики в эпоху национально-освободительной борьбы было предметом исследования Б.И.Есина (*2). Разнообразные вопросы изучения откликов русской прессы на события в Болгарии, деятельности ряда болгарских публицистов в России нашли отражение в многочисленных работах историков СССР и НРБ (С.И.Сидельникова, А.А.Улуяна, И.В.Козьменко, К.А.Поглубко, К.А.Копержинского, А.А.Поповой, Л.В.Воробьевой, Л.С.Ерихонова, Н.И.Буссе, М.Димитрова, М.Арнаудова, И.Конева, Ц.Уиджиевой, Н.Ковачевой, Г.Г.Димитрова и других).

В данной статье рассматривается вопрос о влиянии на общественность России выступлений болгарских авторов в русской печати. Главное внимание уделяется основным этапам болгарской публицистики в России.

Формирование интересов русского общества к Болгарии было связано с возникновением русского славяноведения. Разрастание этого интереса, его расширение и углубление в политическом и общественном плане были вызваны усили-

вавшимся общественным резонансом внешнеполитической деятельности России, развертыванием болгарского национального движения. Немалую роль при этом играли те особенности формирования и укрепления русского национального самосознания, которые были связаны с идеей общности славянских народов, с традициями межславянских, в том числе русско-болгарских связей в эпоху средневековья.

В конце XVIII - начале XIX в. интерес русской общественности к Болгарии находил свое выражение прежде всего в научной публицистике. Хотя международная информация занимала относительно небольшое место в русской периодике на начальном этапе развития отечественного славяноведения, появились и специальные работы, посвященные Болгарии (*3). Во второй половине 30-х годов XIX в. в период становления славяноведения увеличилось количество научно-публицистических публикаций о Болгарии. В этих условиях в апреле 1841 г. на страницах "Одесского вестника" появилась первая работа болгарского автора в русской печати "Болгарские книжники, или какому славянскому племени принадлежит Кирилловская азбука?", написанная В.Априловым. Эта публикация вызвала многочисленные отклики в русской печати. Петербургские журналы "Сын отечества" (1842, кн. II, с. 1-8) и "Маяк" (1842, ч. 19-21, гл. IV, с. 190-198) перепечатали статью болгарского автора, солидаризировавшись с его критикой сербского литератора Д.Тироля по вопросу о народности солунских славян. За исключением А.С.Стурдзы, выступившего на страницах "Одесского вестника" (1841, N 44) против мнений и Д.Тироля, и В.Априлова, все остальные рецензенты русских журналов и газет поддержали выводы В.Априлова (*4).

Выступление В.Априлова, явившееся его литературным дебютом, и последовавшие затем новые работы в значительной мере были подготовлены идеями русских славяноведов Ю.И.Венелина, Н.Н.Мурзакевича, М.А.Соловьева. Поддерживая замыслы Ю.И.Венелина и его последователя Н.В.Савельева-Ростиславича об историко-славистических исследованиях прошлого болгарского народа, В.Априлов стремился также обратить внимание русского общества на современное положение Болгарии.

Вслед за небольшой статьей профессора Ришельевского лицея Н.Н.Мурзакевича "Нынешнее состояние просвещения у болгар" (*5) В.Априлов выступил с работой "Денница ново-болгарского образования" (Одесса, 1841), в которой изложение развития просвещения в Болгарии сопровождалось пафосом болгаро-русского культурного сближения. Работа Априлова вызвала необычайно широкий резонанс в русском обществе (*6).

В связи с обострением идейной борьбы между западничеством и славянофильством рецензенты Априлова стремились вместе с благожелательной встречей "Денницы" выразить свое отношение к славяноведению и славянофильству. Своеобразное сочетание этих двух различных явлений и их восприятие в болгарском национальном движении (*7) нашли отражение и в "Деннице" Априлова. Именно поэтому В.Г.Белинский, с похвалой отозвавшийся о намерении автора, предостерегал болгар от увлечения славянофильством. "Просвещение болгар пока еще не отличается слишком большим светом, - писал Белинский, - но друг человечества не может не порадоваться и одному началу благого дела. В этом случае вопрос не о болгарях и не о славянах, а о людях. Все люди должны быть братьями людям" (*8). Призывая далее болгар внушать "всем славянофилам побольше человечности и вежливости", Белинский вполне в духе журнальной полемики той поры характеризовал славянофилов как инквизиторов и обскурантистов.

Особое внимание привлекла рецензия М.А.Соловьева, подготовленная при участии одесских болгар, не разделявших взгляды Априлова по вопросам национального движения. Отвечая на эту обширную рецензию Соловьева, имеющую самостоятельное значение для изучения болгарского просвещения, В.Априлов опубликовал в петербургском журнале статью "Новейшие сведения о болгарях" (*9). Вместе с "Денницей" это дополнение явилось первым крупным исследованием в русской периодике по вопросам современного положения болгар.

Упомянутые работы В.Априлов, как две последующие: "Болгарские грамоты" (Одесса, 1845) и "Мысли о нынешнем болгарском учении" (Одесса, 1847, на болг.яз.), стали заметным событием в научной жизни России (*10). Внимание Априлова к

национально-просветительским проблемам было связано с ширившимся движением за новоболгарское образование.

Решение задач, стоявших перед болгарским просвещением, сопровождалось культурной переориентацией с Греции на Россию. Первый болгарский студент Московского университета Георгий Бусилин, подобно Априлову выступавший за развитие болгаро-русских культурных связей, прибыл в Россию из Греции. В его публикации "Письма болгарские" в журнале "Москвитянин" показаны настроения современных болгар, их стремление к образованию (*11). Опекун Г.Бусилина профессор университета М.П.Погодин поместил эти письма в редактировавшемся им журнале в качестве образца современного болгарского языка. Именно этот момент привлек внимание другого русского слависта П.П.Дубровского, издававшего в Варшаве журнал-газету "Денница". В этом органе были напечатаны "Письма болгарские" в польском переводе, а также на болгарском языке в польской транскрипции(*12).

Внимание болгарских просветителей, действовавших в России, привлекали различные работы русских ученых, которые можно было использовать в деле болгарского просвещения. Известно письмо Г.Бусилина к настоятелям одного из лучших в Болгарии того времени Карловского училища. В этом письме болгарский студент Московского университета не только призывал изучать национальную историю, но и выслал для этой цели перевод одной из публикаций А.Д.Черткова "с кратким содержанием истории болгар" (*13).

Первые специальные исследования по болгарской этнографии также были опубликованы в русской печати болгарским автором - известным просветителем Захарием Княжеским. Его работы "Обычаи болгар при свадьбе, рождении и крещении детей и погребении" (*14) и "Болгарские поверья" (*15) забыты в современной науке, но в XIX столетии они служили незаменимым материалом при изучении этнографии в Болгарии. Деятельность З.Княжеского в России, его работы вызвали благожелательную оценку в русской печати (*16).

Первые выступления болгарских авторов в русской периодической печати способствовали развитию российского славяноведения и имели большое значение для укрепления болгаристики как научного направления. Одновременно бол-

гарские публицисты ставили насущные вопросы национально-го движения, делали их достоянием русской общественности. В это время (до Крымской войны) в болгарском национальном движении преобладали просветительские тенденции. Открытая политическая постановка болгарского вопроса еще ждала своего времени.

В годы Крымской войны оживилась национально-политическая деятельность болгар, в том числе проживавших в то время в России. В Константинополе в 1853 г. было создано "Тайное общество", в начале 1854 г. в Бухаресте и Одессе возникли болгарские организации - Бухарестский комитет (Эпитропия) и Одесское болгарское настоятельство. Деятели последнего, в особенности Н.Х.Палаузов, широко использовали русскую прессу для пропаганды болгарского национального вопроса в России.

В 1853 г. по ходатайству одесских болгар было разрешено распространение болгарской газеты "Цареградский вестник", издававшейся в Константинополе с 1848 г. Находившийся в тесном контакте с одесскими болгарам студент Московского университета болгарин Савва Филаретов подготовил для русской печати "Известие о болгарской газете", в котором стремился показать национальный и политический смысл борьбы болгар с высшим греческим духовенством накануне войны(*17). Острота момента (религиозная оболочка дипломатической миссии А.С.Меньшикова в Константинополь, стремление правительства России укрепить право покровителя всех православных Турецкой империи) вынудила достаточно осторожного редактора "Москвитянина" М.П.Погодина поместить в журнале лишь краткий вариант статьи С.Филаретова, без указания фамилии автора (*18).

Национально-церковное движение болгар не нашло развернутого отражения в русской прессе до конца 50-х годов, тем более, что в годы Крымской войны болгарские корреспонденты русских газет и журналов ожидали, особенно в начале войны, скорого освобождения своей родины. В статьях Н.Х.Палаузова в "Одесском вестнике" подчеркивалось это обстоятельство (*19), отмечалось активное участие болгар на стороне русской армии ["Поступок 13-летнего болгарина" (*20), "Черта болгарина" (*21)], восторженно описывалось

воодушевление болгар после переправы русских войск через Дунай (*22). Развернутую характеристику бесправного положения болгар дал в своих корреспонденциях Н.Геров (*23), впоследствии принявший русское подданство и перешедший на дипломатическую службу. В статье И.Момчилова "Тернов и развалины Трапезицы" (*24) содержалось описание древней болгарской столицы, подчеркивалось, что цель работы – "возбудить... внимание теперь, когда дело идет о восстановлении прав" болгарского народа.

Неудачный для России исход войны вызвал разочарование среди болгар, однако вспышка публицистических выступлений политического характера в ходе войны послужила толчком для последующей широкой пропаганды болгарского национального движения.

Первым после Крымской войны выступлением, оказавшим на долгие годы сильное воздействие на освещение болгарского национального движения в русской прессе, была статья болгарского студента Московского университета Х.Даскалова "Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции" (*25). Выполняя неудавшийся замысел С.Филаретова об информации русского общества о болгаро-греческой национально-церковной борьбе, Х.Даскалов поставил эту проблему в центре всего национального движения болгар. Объективно выступление Х.Даскалова явилось отражением активизации политического движения болгарской буржуазии в Константинополе и в болгарских землях.

Кроме упомянутой статьи Х.Даскалову принадлежала и публикация серии статей "Турецкие дела" в журнале "Русский вестник" (*26). Целенаправленная информация об усилении национального и экономического гнета греческого духовенства в болгарских землях была недоброжелательно встречена в правительственных кругах. Ранее в русской печати находим критические замечания о деятельности греческого духовенства (*27), в том же 1858 г. было опубликовано специальное исследование болгарского студента Киевской духовной академии Т.Бурмова об исторических правах на самостоятельное существование болгарской церкви (*28). Недовольство статьями Х.Даскалова было вызвано резкой критикой Константинопольской патриархии, что воспринималось как подрыв авто-

ритета православия в обстановке усиления западной (католической и протестантской) пропаганды. Таким образом, работы Х.Даскалова были расценены в плане борьбы с великими державами западной Европы.

Объяснения издателей "Русской беседы" и "Русского вестника", данные в Московский цензурный комитет по требованию министра народного просвещения, были благожелательными относительно намерений Х.Даскалова и представляли собой защиту прав болгарского народа (*29). Благоприятным было для автора, издателей и цензора Н.Ф.Крузе и заключение председателя Московского цензурного комитета, которым был в то время попечитель Московского университета А.Н.Бахметев, первый председатель Славянского благотворительного комитета (*30). Тем не менее продолжение печатания материалов о позиции болгар в церковном вопросе не представлялось возможным. Напротив, была опубликована написанная в примирительном духе статья чиновника синода Т.И.Филиппова "Ответ "Русскому вестнику" по болгарским делам" (*31).

Возобновление пропаганды болгарского национально-церковного вопроса было предпринято болгарским историком С.Н.Палаузовым в газете "Северная пчела" (*32). Однако выпады автора против "заказного" труда Т.Филиппова привели к тому, что печатание этих материалов было запрещено. Противодействие со стороны синода встретили и подобные работы слависта А.Ф.Гильфердинга, находившегося в то время на службе в Министерстве иностранных дел (*33). Эти временные трудности не могли задержать широкого информирования русской общественности об усилении болгарского национально-церковного движения. Острая постановка этого вопроса Х.Даскаловым была подхвачена другими болгарскими публицистами (*34), поддержка национальных прав болгар осуществлялась даже печатными органами духовных учебных заведений (*35). Как специальная церковная, так и светская периодика в 60-е годы XIX в. защищали болгарские интересы в болгаро-греческой борьбе. Это хорошо прослеживается в исследовании С.А.Никитина (*36).

Несмотря на относительно большой объем проблематики национально-церковной борьбы, еще большее значение

для пропаганды болгарского освободительного движения в русской прессе имело учреждение в ряде органов печати специальных славянских отделов. Эта мера, предпринятая одновременно общественностью и правительственными органами, способствовала потребностям развития русской прессы, расширению и повышению оперативности международной информации газет, популярность которых в сравнении с традиционными "толстыми" журналами начала быстро возрастать.

В конце 50-х годов ряд издателей предпринимает шаги по улучшению международной информации. Поиски источников были сопряжены с трудностями налаживания зарубежной корреспондентской сети, конкурентной борьбы с использованием телеграфа и т.п. В этих условиях внимание было обращено на выходцев из славянских стран, в том числе болгар. Для славянского отдела недолго существовавшей газеты И.С.Аксакова "Парус" была подготовлена статья болгарского студента-математика Московского университета Х.Камбурова. Запрещение "Паруса" (вследствие учреждения в газете официально не утвержденного славянского отдела и по другим причинам) (*37) отодвинуло славянофилов на задний план. Университетская газета "Московские ведомости" летом 1859 г. добилась использования международных политических телеграмм МИДа (*38) и на протяжении 1859-1862 гг. широко информировала читателей о положении дел в Болгарии.

Еще быстрее и удобнее для газеты А.Краевского "С.-Петербургские ведомости" (традиционно академического органа) решился вопрос в столице. Под покровительством редактора Азиатского департамента МИД Е.П.Ковалевского в газете весной 1859 г. был создан славянский отдел, в распоряжение которого поступали и консульские донесения русских дипломатов на Балканах. Публикации в славянском отделе готовили А.Ф.Гильфердинг и К.Н.Алексич, использовавшие, кроме того, зарубежную прессу и личную корреспонденцию (*39). В 1862 г. после окончания Московского университета болгарин Х.Даскалов поступил на службу в Азиатский департамент МИД помощником секретаря. Имея опыт сотрудничества в русской печати, Х.Даскалов становится главным сотрудником славянской рубрики "С.-Петербургских ведомостей", знакомя читателей газеты с материалами, извлеченными из донесений

русских консулов в Филиппополе, Варне, Видине, Битоли, Сараеве, Мостаре и других городов Европейской Турции (*40).

На страницах "С.-Петербургских ведомостей" был напечатан также ряд корреспонденций из Софии, автором которых был, вероятно, болгарин С.Филаретов (*41). После прекращения осенью 1861 г. снабжения информацией МИД славянская рубрика "С.-Петербургских ведомостей" практически исчезла, и лишь с приходом в 1863 г. нового редактора В.Ф.Корша возрождается рубрика "Славянские земли". В освещении южнославянских сюжетов В.Ф.Корш опирался на известных славистов В.Ламанского, П.Лавровского, балканских публицистов Ж.Жуевича, И.Ткалаца, а в 1863 г. болгарина Л.Каравелова (*42).

Славянские рубрики ("Из славянских земель", "Славянский вестник" и др.) не всегда обозначались отдельно в международной информации. Характерно, например, что болгарский публицист Л.Каравелов, обращаясь в Общество для пособия нуждающимся литераторам, указывал на составление им "славянских известий" в газетах "Наше время" (1860-1861), "Московские ведомости" (1862), "С.-Петербургские ведомости" (1863) (*43). В эти годы лишь последняя газета имела славянский отдел; другие газеты имели сотрудников, специализировавшихся на славянской тематике.

Наиболее последовательно придерживались славянской рубрики славянофильские газеты "День", "Москва". В первые месяцы своего существования "День" публиковал материалы, составленные по консульским донесениям В.И.Ламанским и А.Ф.Гильфердингом под личным наблюдением директора Азиатского департамента МИД Е.П.Ковалевского, с осени 1861 г. до лета 1862 г. зарубежную прессу для славянского отдела "Дня" обрабатывал единомышленник И.Аксакова В.А.Елагин (*44). Уже с октября 1861 г. (N 3) в аксаковской газете начал сотрудничать болгарский студент Московского университета Р.Жинзифов, ставший с 1863 г. главным и постоянным сотрудником славянского отдела. Кроме Жинзифова в "Дне" сотрудничали и другие болгарские авторы Т.Минков, К.Станишев. В славянском отделе газеты "Москва" (1867-1868) участвовали болгары Жинзифов, Т.Бурмов, Т.Запryanов. Все

это расширяло возможности пропаганды болгарского национального движения среди русской общественности.

Постановка вопросов освободительного движения болгар в славянских отделах русских газет 60-х годов происходила одновременно, а порой и совместно с освещением положения других зарубежных славян. Своеобразие трактовки славянского вопроса в русской прессе в период первой революционной ситуации, общественного подъема и проведения буржуазных реформ состояло в теснейшей связи с проблемами внутривосточной борьбы. В ряде исследований показана борьба демократической и славянофильской прессы по славянскому вопросу (*45). Промежуточное положение занимали либеральные органы, связанные с западничеством двух предшествовавших десятилетий. Откликаясь на появление славянофильского "Дня", петербургская газета "Русский инвалид" отмечала, что славянофилы препятствуют развитию образования среди русского народа, а это мешает сближению болгар и русских. В связи с этим газета напоминала о необходимости "заботиться... о собственном развитии" (*46).

Создание славянских отделов не всегда сопровождалось соблюдением единства их идейного содержания с общим направлением того или иного органа печати. Если, например, в демократической газете "Очерки" заметна последовательная цельность "славянских" и иных материалов (*47), то в большинстве либеральных и консервативных органов наблюдалась пестрота взглядов даже в освещении южнославянских проблем. Это было связано со стремлением издателей удовлетворить интересы своих подписчиков привлечением большого числа различных авторов (возможности привлечения специалистов по Болгарии были в то время весьма ограничены), трудностями конкурентной борьбы при подаче оперативной информации.

Когда в одной из корреспонденций болгарского демократа Л.Каравелова в газете М.Каткова "Московские ведомости" была высказана мысль о необходимости вооруженного выступления болгарского народа, редактор счел необходимым отмежеваться от корреспондента: "Печатаем славянские голоса из турецких земель, чтоб ознакомить с настроением умов..., а не потому, чтобы считали волнения полезными ..." (*48). Редакционные примечания, тематические передовицы не всегда

могли придать цельность в освещении славянского вопроса. Так в умеренно-либеральной газете "Голос", приобретавшей большую популярность в 60-е годы, материалы по болгарской проблематике (передовицы и корреспонденции) писались в 1866-1869 гг. весьма отличными по своим взглядам авторами: чиновниками МИД Гамбургером и Жомини, церковным историком М.И.Горчаковым, славистами А.Будиловичем, В.Ламанским, певчим посольской церкви в Константинополе Зиновьевым, В.И.Кельсиевым, а также болгарскими Л.Каравеловым, В.Каракановским, сербом Ж.Жуевичем и другими (*49).

Необходимо подчеркнуть, что в период после Крымской войны в русской прессе наряду с продолжением освещения исторического прошлого и культуры болгарского народа постепенно становится преобладающим обращение к политическим проблемам национального движения в Болгарии. В этом отношении значительной была и роль болгарских авторов, корреспондентов русских газет, чаще всего анонимно включавшихся в работу по информированию русского общества о состоянии и задачах болгарского освободительного движения.

Публикации болгарских авторов в русских газетах (Х.Даскалова в "С.-Петербургских ведомостях", Л.Каравелова в "Нашем времени", "Московских ведомостях", Р.Жинзифова в "Дне", "Современной летописи", "Москве", С.Палаузова в "Северной пчеле" и других) говорят об активной деятельности "Болгарской дружины". За исключением С.Палаузова, большинство болгарских сотрудников русских газет принадлежало к этой организации, созданной в конце 1857 г. и записавшей в первом пункте своей программы: "Знакомить русских с болгарскими письменно" (*50).

Было бы, однако, ошибочным представлять целенаправленное сотрудничество болгарских авторов в русских газетах как единое по своим идейно-политическим концепциям течение. В связи с оформлением национально-революционного течения в болгарском освободительном движении, поляризацией группировок в легальной борьбе за независимую болгарскую церковь (при этом вопрос о роли России занимал одно из центральных мест) происходило также размежевание позиций отдельных болгарских корреспондентов русской прессы. Ши-

роко известна, например, полемика между Л.Каравеловым и Р.Жинзифовым, проживавшим в 60-е годы в Москве, по вопросам о переселении болгар в Россию, об отношении к лидеру национально-революционного течения Г.Раковскому, об отношении к московским славянофилам (*51).

До начала восточного кризиса 1875-1878 гг. наибольший отклик в русской прессе имели события в Болгарии 1867-1868 гг., связанные с действиями вооруженных отрядов Хаджи Димитра и Стефана Караджи, с активизацией деятельности эмиграции в Сербии и Румынии (*52). О задачах болгарского национального движения в связи с общебалканскими проблемами много писал выехавший из Москвы в Сербию Л.Каравелов. Хотя некоторые из его корреспонденций в газетах "Голос", "Русские ведомости" были помечены болгарскими городами, составлялись они за пределами Болгарии. Тем не менее интенсивная корреспондентская деятельность Л.Каравелова в 1867-1868 гг. стала новым явлением в сотрудничестве болгарских авторов в русской печати. Впервые русские газеты ("Голос", "Русские ведомости") стали получать постоянно корреспонденции непосредственно с Балканского полуострова. При этом необходимо подчеркнуть, что Л.Каравелов был активным участником освободительного движения, сторонником складывавшегося в нем революционно-демократического течения (*53).

В это же примерно время в московских газетах начинается регулярное сотрудничество крупного болгарского общественного деятеля Тодора Стоянова Бурмова, как видно из переписки Г.Бурмова с М.П.Погодиным и материалов издававшейся последним газеты "Русский" (*54), болгарскому публицисту принадлежат четыре константинопольские корреспонденции. Газета "Русский", занимавшая в русской прессе место "между Харибдой Аксакова и Сциллой Каткова" (по выражению А.Герцена), просуществовала недолго, и лишь благодаря давним болгарским связям М.П.Погодина единственным постоянным зарубежным корреспондентом газеты стал Т.Бурмов. В его корреспонденциях освещалось состояние национально-церковной борьбы с позиций умеренного течения, ориентировавшегося на Россию в деле создания болгарской независимой церкви.

После прекращения издания в Константинополе болгарской газеты "Время" Т.Бурмов сотрудничал также в славянофильской "Москве", подписывая свои корреспонденции "Времев". Весной-летом 1868 г. было опубликовано восемь корреспонденций Т.Бурмова (три из них ошибочно подписаны "Бремев") (*55). Показательно, что, будучи противником революционных методов борьбы, Т.Бурмов не только информирует о состоянии церковного вопроса, но и стремится объективно отразить настроения болгарского населения. "За исключением весьма ограниченного числа туркофилов, - писал он, - все болгары находят возможным улучшить свое состояние и избавиться от дикого своеволия турок с оружием в руках" (*56).

После резкого сокращения публикаций о революционных проявлениях в Болгарии, о чем много писалось в европейской прессе в 1867-1868 гг., Т.Бурмов концентрирует свое внимание на проблемах церковного движения. Его работы публиковались на страницах катковских изданий "Современная летопись", "Московские ведомости", "Русский вестник", а также в "Православном обозрении" (*57).

После франко-прусской войны и известного циркуляра Горчакова в русском и болгарском обществе усилились надежды на разрешение восточного вопроса. В начале 70-х годов петербургская и московская пресса была заполнена комментариями изменений, происходивших в Европе. Широкий общеевропейский охват трактовки восточного вопроса заслонил собственно болгарские проблемы. Конспиративное накопление сил внутренней болгарской революционной организации во главе с В.Левским не находило, естественно, отражение в русской прессе. Напротив, события затянувшейся церковной борьбы (султанский фирман 1870 г. о создании Болгарской экзархии, схизма 1872 г. и др.) широко обсуждались в русских газетах и журналах. С позиций болгарской стороны эти проблемы подробно излагали Р.Жинзифов, Т.Бурмов, помещавшие свои многочисленные работы в московских изданиях.

В этих условиях возросла роль одесских газет, избегавших одностороннего освещения болгарского национального движения. В силу географической близости, наличия болгарской колонии, постоянной связи с различными болгарскими деятелями редакторы "Одесского вестника" и "Новороссий-

ского телеграфа" привлекали различных болгарских авторов. С конца 60-х годов в одесской прессе сотрудничал болгарин В.Караконовский (*58), служивший в русском посольстве в Константинополе, присылал свои корреспонденции председатель Болгарского революционного комитета в Бухаресте Л.Каравелов (*59), писали также болгары Стоманияков, Заховский, С.Бобчеви другие.

События восточного кризиса 1875-1876 гг., в особенности Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии, начало русско-турецкой войны, участие в ней болгар вызвали резкое усиление внимания русской прессы к болгарскому вопросу. Участие болгарских публицистов в этот период на страницах русских изданий уже было предметом специального рассмотрения (*60). Необходимо подчеркнуть, что разнообразные по форме, но направленные к единой цели - пропаганде дела освобождения Болгарии от османского ига, - эти выступления были важной составной частью общественного воздействия на внешнюю политику правительства России.

Характер и развитие публицистических выступлений болгар в русской периодической печати 1840-1870 гг. соответствовали как развитию национального движения в болгарских землях, так и процессу углубления интереса русского общества к Болгарии. От славистических публикаций проблематика выступлений болгарских авторов эволюционировала к политической постановке болгарского вопроса. Расширение связей с общественными кругами России позволяло деятелям болгарского национального движения объективно учитывать возможности помощи России в деле освобождения Болгарии. Переплетение связей различных идейно-политических течений в болгарском и русском обществе породило в качестве равнодействующей силы широкое народное движение в защиту балканских славян, развернувшееся в России в 1876-1878 гг. Прогрессивное по своему значению решение болгарского национального вопроса было тесно связано с развитием двусторонних общественных связей, одной из отличительных черт которых явилась активная пропаганда болгарского освободительного движения в русской прессе.

*1 См.: *Никитин С.А.* Балканские связи русской периодической печати 60-х годов IX в. - Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. I, 1948; *Он же.* Очерки истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы IX в. М., 1970.

*2 См.: *Есин Б.И.* К истории русско-болгарских журналистских связей в IX веке. - Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика, 1976, № 1.

*3 См.: *Калоева И.А.* Изучение южных славян в России в конце XVIII - начале XIX в. - Тр. библиотеки АН СССР и ФБОН АН СССР. Т. VII. М. - Л., 1963; *Она же.* Изучение южных славян в России второй четверти XIX в. - Известия на Народна библиотека "Кирил и Методий". София, 1969, Т. IX (XV).

*4 ЖМНП. 1842, N 2, с.93-99 (рецензия Д.И.Галанина); Сын отечества, 1842, N 3, с.12-13; *Скальковский А.А.* Участие Одессы в подвигах на поприще наук, отечественной истории и словесности. - Сын отечества, 1842, N 6, с.19-68; *Зеленецкий К.П.* Из Одессы. - Москвитянин, 1841, N 7, с.243-245. После выступления проф. В.А.Линовского (Одесский вестник, 1941, N 46,47) с откликом на работу Априлова намеревался выступить также Рафалович.

*5 ЖМНП, 1838, кн.4, с.114-123.

*6 Одесский вестник, 1842, N 5; С.-Петербургские ведомости, 1842, 7 марта, N 53, с.223-224; Москвитянин, 1842, N 5, с.132-164; Библиотека для чтения, 1842, т.55, N 12, с.21-28; Сын отечества, 1842, N 3, с.20-22; Отечественные записки, 1842, N 9, с.14-15; Современник, 1842, т.27, с.82-89. В последней рецензии была выражена мысль о том, что для славяноведения "тут много открывается новых соображений" (с.86).

*7 См. подробно: *Билунов Б.Н.* Българското национално движение и руското славянофилство. - История и основы на комунизма, 1978, N 1.

*8 Отечественные записки, 1842, N 9, с.14-15.

*9 Сын отечества, 1842, с.23-64.

*10 Публикация болгарских грамот Априловым была критически встречена журналом "Иллюстрация", примыкавшим к западникам и рассматривавшим эту работу как проявление славянофильства (Иллюстрация, 1845, 8 дек., N 35,

с.555-556). Вторая работа Априлова была благожелательно встречена известным славистом И.Срезневским (Финский вестник, 1847, N9, с.56-60).

*11 Москвитянин, 1842, N 4, отд. Славянские известия; см. также: *Ковачева-Вълева Н.* Български автор върху сграниците на списание "Москвитянин". - Исторически преглед, 1973, кн.2.

*12 Денница, Варшава, 1842, N 12, с.178-180.

*13 Известия на Архивния институт на БАН. Т.2. София, 1959, с.195; *Бояджиев П.* Бусилин и неговият "Български буквар". - Език и литература, 1978, кн.6, с.101.

*14 Прибавления к ЖМНП, 1846, кн.3.

*15 ЖМНП, 1846, N 12.

*16 О книге З.Княжеского "Введение в историю болгарских славян от 5-го века до 1396 года" (М., 1847) отозвались журналы "Отечественные записки" (1847, кн.8, с.102) и "Финский вестник" (1847, N 8, с.61-63). И.И.Срезневский, рецензент последнего журнала, отмечал, что работа Княжеского составлена "не без знания источников".

*17 ОР ГБЛ, ф.231/II, п.34, ед.хр.57, л.43.

*18 Москвитянин, 1853, N 8.

*19 Одесский вестник, 1853, 20 окт. 19 нояб.

*20 Одесский вестник, 1854, 9 окт.

*21 Одесский вестник, 1854, 2 дек.

*22 См.: *Палаузов Н.Х.* Письмо болгарина к другу из Мачина. - Одесский вестник, 1854, N 34.

*23 См.: *Н.Г.[Н.Героу].* Письма из Болгарии. - Одесский вестник, 1854, 6,9,11,13 марта. При содействии Н.Х.Палаузова и С.Филаретова эти оригинальные очерки Н.Герова были перепечатаны в журнале "Москвитянин" (1854, N 8), здесь же был помещен очерк С.Филаретова "Болгарин Райчо Николов в Москве" (1855, N 5).

*24 Одесский вестник, 1855, 22 янв.

*25 Русская беседа, 1858, кн.10.

*26 Русский вестник, 1858, т.13, февраль, кн.2; т.14, март, кн.1; т.15, май, кн.1. Статьи подписаны буквой Д. Утверждение С.А.Никитина (см.: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970, с.188) о принадлежности этой подписи рус-

скому автору А.В.Рачинскому противоречит указанием последнего об авторстве Х.Даскалова (БИА - НБКМ, ф.22, ед.хр.375, л.2. Письмо Рачинского к Н.Герову от 28.III.1858 г.)

*27 См.: С - ђ - въ [А.М.Спиридов]. Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи. - Северный архив, 1825, N 14,15.

*28 Христианское чтение, 1858, т.2, N 1-3.

*29 В ответе М.Н.Каткова, в частности, говорилось: "Редакция печатала статьи г.Д. не без достаточных удостоверений в справедливости их общего направления и главных показаний. Из разных мест Болгарии, от лиц, ни в чем между собой несходных и друг друга не знающих, доходили до нас положительные и подробные сведения о несчастном положении этой страны и о духовных притеснениях... Редакция сделала что могла, в пределах своих средств, и, сознавая правоту своего дела, не страшится нести за него ответственность" (цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. т.XVI. Спб, 1902,с.273-274).

*30 Русский вестник, 1888, N 2, с.30-31.

*31 Московские ведомости, 1858, 5,7,9,12,14 авг.

*32 Северная пчела, 1860, 1,13июля.

*33 См. письмо А.Гильфердинга к М.Раевскому от 4.VIII.1858 г. в кн.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского. 40-80-е годы XIX века. М., 1975, с.127-128.

*34 См.: Билунов Б.Н. К истории "Болгарской дружины" - организации болгарских студентов в Московском университете. - В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с.182-194.

*35 Дух христианства, Духовная беседа, Душеполезное чтение, Православное обозрение, Церковная летопись (1860-е годы).

*36 См.: Никитин С.А. Очерки...,с.184-199.

*37 См.: Барсуков Н.П. Указ.соч., 1. XVI, с.305-361; Никитин С.А. Балканские связи...; Цимбаев Н.И. И.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978, с.64-65.

*38 ЦГИА г.Москвы, ф.459, оп.2, ед.хр.2312 (дело "Об исходатайствовании разрешения на доставление в редакцию "Московских ведомостей" заграничных телеграфических

известий непосредственно из Министерства иностранных дел").

*39 Зарубежные славяне и Россия..., док. N 4, с.103,104. В письме к М.Раевскому А.Гильфердинг писал 9.IV.1859 г., за несколько дней до появления славянского отдела: "Мы знаем довольно подробно о происходящем у турецких славян, но желательно, чтобы и об австрийских, о которых наше министерство, к стыду, ничего не знает, было постоянно что-нибудь в нашем "отделе" ... Открытие этого "отдела" достигло нас врасплох (дело в том, что при противодействии, которое уничтожило мысль о "Пароходе", мало было надежды на успех и в этом деле, и потому я не решался делать никаких приготовлений); потому, если Вы не выручите скоро, хотя бы вырезками из газет, наш "отдел" будет ...ужасно тощим и недостаточным" (там же, с.130).

*40 Летом 1861 г. болгарин С.Филаретов, прибывший в Петербург, сообщил русскому вице-консулу в Пловдиве болгарину Н.Герову о том, что Х.Даскалов работает в МИД, "все бумаги и донесения из Турции проходят через его руки. Он делает из этих донесений извлечения и печатает в "С.-Петербургских ведомостях" с позволения начальства"(Из архива на Найдено Герова. т.2. София, 1911, с.584-585).

*41 С.-Петербургские ведомости, 1860, 18 февр., 27 апр., 18 мая. В пользу предположения об авторстве С.Филаретова говорят совпадения текстологические в корреспонденциях газеты и письмах С.Филаретова к М.П.Погодину (ОР ГБЛ, ф.231/II, п.34, ед.хр.57, л.43/9, 44) и М.Ф.Раевскому (Зарубежные славяне и Россия, док. N 419).И в софийских корреспонденциях "С.-Петербургских ведомостей", и в письмах С.Филаретова даны одинаковые сведения о софийском училище, в обоих случаях произведено сравнение с положением в Софии к моменту приезда туда С.Филаретова. Наконец, инициалы, которыми подписана одна из корреспонденций (С.-Петербургские ведомости, 1860, 18 мая) - С.В.Ф.- позволяют раскрыть авторство Саввы Выхова Филаретова, выпускника Московского университета, главного учителя софийских училищ.

*42 См.: Билунов Б.Н. К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати. - Советское славяноведение. 1974, N 5.

*43 Публицистиката на Любен Каравелов. т.1. София, 1958, с.574.

*44 См.: Цимбаев Н.И. И.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России, с.77-78.

*45 См.: Никитин С.А. Балканские связи...; Карасев В.Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974.

*46 Русский инвалид, 1861, 19 нояб., N 257.

*47 См.: Карасев В.Г. Указ.соч., с.84-103.

*48 Московские ведомости, 1864, 10 дек.

*49 См.: Михневич В.О. Пятнадцатилетие газеты "Голос", 1863-1877. Спб., 1878; РО ГПБ, ф.391 (А.А.Краевского); Никитин С.А. Балканские связи...; Ерихонов Л.С. Русское общество и българската литература. Очерци. София. 1967.

*50 ОР ГБЛ, ф.231/IV, п.2, д.89, л.77; Ерихонов Л.С. Литературната дейност на българската дружина. - Език и литература, 1963, кн.6; Билунов Б.Н. К истории "Българской дружины"..., с.184.

В 60-е годы XIX в. на страницах русских газет и журналов печатались также работы других членов "Българской дружины" - Т.Запрянова, К.Станишева, В.Поповича, В.Караконевского и других.

*51 См.: Кондарев Н. Идеологията на Любен Каравелов. София, 1957; Конев И. Към въпроса за влиянието на руската обществена мисъл от 60-те години на XIX в. върху Любен Каравелов. - Известия на Института за Българската литература, 1958, кн.6.

*52 См.: Попова А.А. Русская пресса о болгарском освободительном движении в 1867-1868 гг. - Вестник истории мировой культуры. М., 1960, N 5; Буссе Н.В. Русские газеты о чете Хаджи Димитра и Стефана Караджи. - Известия на Народна библиотека "Кирил и Методий" т. 9(15). София, 1969, с.71-83.

*53 См.: Билунов Б.Н. К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии. (На

примере формирования взглядов Любена Каравелова). - В кн.: Проблемы всеобщей истории. М., 1973.

*54 ОР ГБЛ, ф.231/II, д.31, ед.хр.56; Русский, 1868,22 янв., 5 февр., 22 апр., N 7,8,11,20,21 (корреспонденции из Константинополя).

*55 Москва, 1868,27 апр., 1,8,19,25 мая, 12,19 июня, 9июля, N 21,24,30,39,43,58,64,80. Псевдоним "Времеv" был раскрыт С.А.Никитиным (см.: *Никитин С.А.* Балканские связи...), но не были указаны работы Бурмова. Еще сразу после выхода "Москвы" ее постоянный сотрудник Р.Жинзифов обратился к Т.Бурмову с просьбой о подыскании корреспондента по болгарским делам. (см.: *Конев И.* Райко Жинзифов.(Очерк). Известия на Института за българска литература, 1958, кн.VII, с.204-205).

*56 Москва,1868, 27 апр., N 21.

*57 Рукописно-документальный отдел Болгарского исторического архива при Народной библиотеке "Кирилл и Мефодий", ф.16 (Т.Бурмов), ед.хр.367, л.1-26; Петров М. Руската помощ за създаване на българска администрация. - Исторически преглед. 1972, кн.5, с.52.

*58 Из архива на Найден Геров. т.1. София, 1911, с.751.

*59 См.: *Унджиева Цв.* Из историята на българската публицистика вРусия. (Неизвестни статии и дописки на Л.Каравелов). - Литературна мисъл, 1975, кн.2, с.109-114.

*60 См.: *Билунов Б.Н.* Български публицисти върху страниците на руски вестници (1876-1878г.). - Исторически преглед, 1978, кн.5.

Сотрудничество болгарских авторов в русской периодической печати в 40-х – 50-х годах XIX века

В истории развития русско-болгарских связей большой интерес представляет участие болгарских литераторов, историков, публицистов в периодических изданиях России. Этот интерес вызывается тремя причинами.

Во-первых, изучение творчества болгарских авторов в России позволит полнее представить развитие болгарского национально-культурного движения, а также развитие отдельных отраслей болгарской науки, литературы, публицистики и т.д. Особую значимость это обстоятельство приобретает в отношении периода интенсивного развития национально-просветительного движения в условиях отсутствия государственности, периода, ставшего важной вехой в идеологическом развитии болгарского национально-освободительного движения от просветительства и борьбы за национальную церковь к массовому и организованному революционному подъему.

Во-вторых, изучение работ болгарских авторов позволяет выяснить их значение в популяризации болгарской тематики на страницах русской периодики, а в более широком плане - развитие интереса общественности России к положению болгарского народа. Эти моменты играли немаловажную роль в общественно-идейной борьбе в России, были связаны с балканской политикой государства.

Наконец, третья причина - это вопрос о взаимовлиянии двух культур. Этот аспект особенно важен при изучении внутреннего развития болгарской науки, с одной стороны, и русского славяноведения - с другой. В настоящем случае конкретное рассмотрение возможно в отношении исторических, этнографических, фольклорных публикаций, а также публицистических работ.

Отмеченные здесь признаки охватывают лишь частичные моменты надстроечных явлений. Это особенно заметно при определении значимости русского влияния на развитие

болгарского национального движения, или, например, при оценке значения и места болгарской тематики в развитии русского славяноведения. Тем не менее дальнейшие исследования в этом направлении могут способствовать уточнению представлений о процессе развития болгарской национальной идеологии, об утверждении общеславянских и сравнительных исследований в русской науке.

Обозначенные выше проблемы естественно не являются исследовательскими задачами данной статьи, в связи с ними рассматриваются вопросы сотрудничества болгарских авторов в русских изданиях, начиная с первых публикаций В.Априлова в начале 40-х годов до работ московских болгар в конце 50-х годов XIX столетия (*1). Этот период, а точнее - его верхняя граница, своеобразный рубеж, как в развитии болгарского национального движения, вступавшего в завершающую стадию, так и в развитии русской периодической печати, ее славянских связей.

Хотя история русско-болгарских связей рассматриваемого периода нашла свое отражение в многочисленных работах как буржуазных историков (И.Шишманов, Н.Барсов, М.Попруженко и др.), так и историков-марксистов в СССР и НРБ (С.А.Никитин, В.Д.Конобеев, Д.Г.Песчаный, П.Ниякин, И.А.Калоева, Н.Генчев, А.Анчев, Л.Минкова и др.), вопрос о сотрудничестве болгарских авторов в русских периодических изданиях не был еще предметом специального исследования (*2).

Развитие интереса к Болгарии находило отражение в русских изданиях с начала XIX века. Об этом свидетельствуют публикации работ Ф.Тимковского в журнале "Вестник Европы" (1810, октябрь, N 19), П.Яковлева в журнале "Благонамеренный" (1825, N 22), П.Должникова в "Отечественных записках" (1829, ч.113), Р.Вальша в "Вестнике Европы" (1828, N 12), А.М.Мартоса в журнале "Русский зритель" (1829, NN 17-20) и др. Эти публикации являлись информативными сообщениями (переводами и т.д.), большинство из них в той или иной мере было связано с русско-турецкими войнами. Кроме того следует отметить, что уже в 20-е годы XIX века появляются научные работы о прошлом болгарского народа, таковыми были публикации М.Т.Каченовского в "Вестнике

Европы" (1826, NN 15,17-24) о Иоанне, экзархе болгарском, а также Калайдовича, Кеппена, Эрдмана и др.

Научный интерес к истории Болгарии проявился таким образом уже в этот период развития русского славяноведения. Своеобразное продолжение этой линии нашло выражение в деятельности Ю.И.Венелина, Н.В.Савельева-Ростиславича. Попутно заметим, что их роль, в особенности последнего, не получила освещения при изучении перехода к новому этапу в развитии русского славяноведения. Обычно отмечается значение работ Венелина для интенсификации процесса развития болгарского самосознания. В нашем случае это имеет прямое отношение к деятельности В.Априлова. После смерти Венелина Априлов предпринимает публикации своих работ на страницах русских газет и журналов.

Появление первой его работы "Болгарские книжники, или какому славянскому племени принадлежит Кирилловская азбука" в газете "Одесский вестник" в апреле 1841 года было полемическим откликом на статью сербского литератора Дмитрия Тиrolа "Несколько слов о том, пишут ли Сербы буквами своего изобретения?", опубликованную в том же "Одесском вестнике", в том же апреле месяце. Суть полемики во многом была связана с вопросом о том, какое население жило в районе Солуни, болгарское или сербское. В рецензии на статью В.Априлова, подписанной И.Г., подробно излагалась позиция болгарского автора (*3). Еще яснее высказался по поводу дискуссии между Д.Тиrolом и В.Априловым анонимный рецензент петербургского журнала "Сын отечества" (*4). Изложив сущность обеих статей, рецензент вслед за Априловым задается вопросом: "если же нынешние жители Солуни и ее окрестностей чистые болгары, по языку, произношению, нравам и обычаям, то каким же образом предки их при Кирилле и Мефодии могли быть сербами?" (*5). В нашем случае важно отметить другое обстоятельство, а именно, что дебют болгарского автора на страницах русской периодической печати явился существенным вкладом в разработку кирилло-мефодиевского вопроса (*6).

Упомянутая статья В.Априлова была не только первой публикацией в русской периодике, но и вообще его первой печатной работой. Научно-публицистическая деятельность

В.Априлова, начавшаяся в России, была тесно связана с развитием болгарского просвещения. Свидетельством этого были его контакты с видными болгарскими просветителями Неофитом Рильским, Райно Поповичем, Христати Павловичем и др., его деятельность по учреждению училища в Габрово и т.д. Одновременно необходимо подчеркнуть теснейшую связь научно-публицистической деятельности В.Априлова с развитием русского славяноведения. Следуя заветам Ю.Венелина, исследования которого сыграли стимулирующую роль в изучении болгарской истории, В.Априлов сознательно стремился к активизации деятельности болгарских авторов, развитию русско-болгарских связей.

Последнее обстоятельство В.Априлов рассматривал через призму своей собственной эволюции от эллинофильства к очень своеобразному проявлению славянофильства. Развитие болгарского просвещения он видел в изучении "родного языка с помощью русских и славянских книг, которые выходят в большом количестве в России ... Болгарам необходимы пособия от нее, а не оттуда, где мало заботятся о славянстве" (*7). Находясь под воздействием личности и трудов Ю.Венелина, В.Априлов тем не менее был далек от романтических концепций русского историка. Это проявилось кроме всего прочего в преимущественном обращении Априлова к проблемам современного болгарского просвещения.

Дополнительным стимулирующим моментом для обращения Априлова к проблемам болгарской действительности была, возможно, статья одесского историка Н.Н.Мурзакевича "Нынешнее состояние просвещения у болгар" (*8). Хотя эта статья была почти единственным случаем обращения Мурзакевича к болгарской проблематике, его деятельность дает немало примеров связей с болгарскими. Выпускник этико-политического отделения философского факультета Московского университета (1828), Николай Никифорович Мурзакевич с 1831 года служил в Ришельевском лицее в Одессе, в период 1853-1857 гг. являлся директором последнего. В 1833 г. он познакомился с учившимися в гимназии при лицее болгарскими братьями Мутьевыми. Это знакомство побудило Мурзакевича, по его собственному признанию (*9), к написанию статьи "Нынешнее состояние просвещения у болгар". Позднее оказы-

вал помощь 3.Княжескому, благодаря рекомендациям Н.Н.Мурзакевича в Московский университет были приняты в разное время известные болгарские просветители И.Шопов и С.Филаретов (*10). Не обладая данными о характере знакомства Мурзакевича и Априлова, можно с уверенностью предположить, что упомянутая статья Мурзакевича была известна болгарскому автору.

Появление статьи "Болгарские книжники ..." предшествовало завершению работы В.Априлова "Денница новоболгарского образования" (Одесса, 1841). Здесь, кроме обширных сведений о развитии болгарского просвещения, привлекает внимание общеисторическая концепция автора, особенно четко прослеживающаяся в первых двух главах. В нашем случае интерес представляют последовавшие в то время отклики на "Денницу", однако здесь важно отметить, что эта работа по праву признается в современной науке своеобразным рубежом, знаменующим начало так называемого критического периода в развитии болгарской историографии (*11).

Работы В.Априлова нашли широкий отклик в России. С рецензиями и отзывами на "Денницу" выступили Н.В.Савельев-Ростиславич (*12), профессор Ришельевского лицея К.П.Зеленецкий (*13), преподаватель истории права того же лицея М.А.Соловьев (*14), петербургские журналы "Современник" (*15), "Библиотека для чтения" (*16), "Отечественные записки" (*17), "Сын отечества" (*18).

В это время в России обострилась идейная борьба, в связи с поляризацией западнического и славянофильского направлений. Отклики на работы Априлова, в целом благожелательные, дают примеры проявлений этой борьбы. Так журнал Сенковского "Библиотека для чтения" рассматривал "Денницу" Априлова как "плод мечты, привитой некоторым из соотечественников автора покойным Венелиным, о возможности восстановить самобытность, народность и литературу болгар. Нельзя не признать в этой мечте благородного побуждения, имеющего свое начало в местном патриотизме; но с другой стороны, нельзя и не видеть почти непреодолимых препятствий, которые нужно преодолеть прежде, чем подобная мечта начнет постепенно осуществляться" (*19).

Иной была позиция рецензента журнала "Современник", видевшего в работе Априлова прежде всего научные результаты. Анонимный рецензент рассматривал "Денницу" в перспективе славяноведческих исследований и отмечал, что после ее выхода в свет "для славянских филологов тут много открывается новых соображений" (*20).

Характерной и в плане благожелательной встречи работы Априлова, и в плане борьбы со славянофилами была рецензия В.Г.Белинского. Замечая, что целью "Денницы" является ознакомление русских "с возникающим просвещением родственного нам болгарского племени", Белинский с похвалой отзывался и о намерении автора, и о его исполнении. Однако главное побуждение критика состояло в ограждении болгарского просвещения от влияний славянофильской идеологии. "Просвещение болгар пока еще не отличается слишком большим светом, - писал Белинский, - но друг человечества не может не порадоваться и одному началу благого дела. В этом случае вопрос не о болгарях и не о славянах, а о людях. Все люди должны быть братьями людям." (21). Призывая болгар внушать "всем славянофилам побольше человечности и вежливости", Белинский вполне в духе журнальной полемики той поры характеризовал ревнителей славянства, т.е. московских славянофилов, как инквизиторов и обскурантистов.

Если в 1842 году Белинский еще сдерживал свое страстное перо в полемике со славянофилами, то позднее "неистовый Виссарион" нещадно критиковал, например, труды Н.В.Савельева-Ростиславича. Разница в отношении Белинского к "славянским исследованиям" особенно заметна в его рецензии на "Славянский сборник" (*22) последователя Ю.Венелина. Не вполне справедливо усматривая в Савельеве выразителя взглядов "целой партии" славянофилов, Белинский не замечал положительных моментов "Славянского сборника" - защиту Савельевым Ломоносова как славяноведа, вклад в критику норманнской теории происхождения Руси и т.д. Объективно такая реакция Белинского была отражением обострения общественно-политической борьбы в России, но в то же время разительна перемена в отношении замечательного русского критика к делу Венелина.

Новая работа В.Априлова "Болгарские грамоты" (*23) была резко встречена журналом "Иллюстрация" (*24), принадлежавшим к западникам. Весь пафос критического отзыва этого журнала был направлен против "особенности славян", однако, в данном случае он был направлен не по точному адресу. Налет славянофильской фразеологии в работах Априлова не являлся существом его взглядов, публикация болгарских грамот не столько способствовала поддержке русского славянофильства, сколько являлась продолжением славяноведческих начертаний Венелина.

Говоря об откликах на "Денницу", нельзя не отметить особо обширную рецензию М.А.Соловьева в журнале "Москвитянин" (*24а), содержащую много поправок к работе В.Априлова. Помощь в составлении рецензии, оказанная М.А.Соловьеву некоторыми одесскими болгарскими, была глухим отзвуком тех разногласий, которые возникли у Априлова, с одной стороны, и молодых болгарских учащихся в Одессе (З.Княжеский, Н.Героу и др.) - с другой. Обстоятельства, при которых проходило столкновение между ними, еще не выяснены окончательно. В 1900 г. известный исследователь болгарского национального движения М.Попруженко (*25) писал об отказе В.Априлова сотрудничать с болгарскими (И.Богоев и др.), намечавшими проведение революционной пропаганды. Академик М.Арнаудов (*26), напротив, сводил причины разногласий Априлова с болгарской молодежью в Одессе к личным мотивам. Не останавливаясь специально на этом вопросе, И.Конев в своей статье о роли Априлова в развитии болгаро-русских культурных отношений пишет, что сознательное ограничение автора "Денницы" культурно-просветительскими задачами было связано "не только с его особенностями мировоззрения и буржуазно-классовыми позициями" (*27).

Выяснению имеющихся разногласий могло бы способствовать решение вопроса о роли М.Соловьева в делах одесской болгарской интеллигенции. Однако, деятельность этого профессора Ришельевского лицея практически не исследована. Возможно, что именно ему принадлежат подписанные М.С. две рецензии на болгарские издания (*28). Во всяком случае результатом выступления М.Соловьева было появление новой работы В.Априлова "Новейшие сведения о болгарях. Письмо к

исправляющему должность профессора Одесского лицея Михайлу Александровичу Соловьеву" (*29). В этом дополнении к "Деннице" приводятся интересные сведения о развитии просвещения в Болгарии.

Обращение В.Априлова к современному развитию национально-просветительного движения отмечалось и в работе молодого харьковского слависта И.И.Срезневского "Очерк книгопечатания в Болгарии" (*30). "Возрождение болгар началось так недавно; все в нем так мало имело времени упрочиться, что все ожидания и надежды впереди, и сомневаться в этом еще не время, - писал Срезневский, - Кто хочет убедиться в этом, пусть читает книгу Венелина "О зародыше новой болгарской литературы" и Априлова "Денницу" (*31). Перу И.И.Срезневского принадлежит также и рецензия на другую работу В.Априлова "Мысли о нынешнем болгарском учении" (Одесса, 1847). Эта неподписанная рецензия была помещена в петербургском журнале "Финский вестник" (*32). И.И.Срезневский обращался к В.Априлову, намереваясь написать очерк о нем, между двумя историками установились тесные связи (*33).

Влияние, оказанное В.Априловым на И.Срезневского, позволяет обратиться к еще одному аспекту болгаро-русских связей. Имена И.И.Срезневского, О.М.Бодянского, В.И.Григоровича и П.И.Прейса связываются в истории русского славноведения с началом этапа его организованного развития. В 40-х годах XIX столетия деятельность этих славистов была связана с болгарской проблематикой. Кроме упоминавшихся работ И.И.Срезневского можно назвать еще его рецензию на работу болгар З.Княжеского и Н.Стоянова "Зерцало или огледало славянское" (М., 1847) и "Введение в историю болгарских славян от 5-го века до 1596 года" (М., 1847) (*34). В 1849 году И.И.Срезневский представил на заседании второго отделения Академии наук для опубликования в "Записках отделения" перевод Краледворской рукописи на народное болгарское наречие, исполненный болгарином Дмитриевым" (*35), т.е. Константином Дмитриевым Петковичем. О.М.Бодянский публиковал в русской печати переводы работ П.Шафарика "Зачатки славянской литературы в Болгарии" (*36), "О древнеславянских кирилловских типографиях в южнославянских и соседних землях" (*37) и др. Материалы о Болгарии собирал и рано

умерший П.И.Прейс, о чем свидетельствует публикация из его архива "Известия о Болгарии 1835 г." (*38). Широкую известность среди болгар приобрела и работа В.И.Григоровича "Очерк путешествия по Европейской Турции" (1847).

Перечисление фактов, отмечающих интерес к Болгарии у знаменитой четверки русских славистов, необходимо сопоставить с деятельностью В.Априлова. Его работы о Болгарии, стремление помочь первым русских славистам (Срезневскому, Бодянскому, Григоровичу, хотя отношения с последним не были сердечными), оказать поддержку университетским славистическим кафедрам в Москве и Харькове - все это позволяет по-новому оценить значение научно-публицистической деятельности В.Априлова. Обычно она рассматривается как результат влияния Ю.И.Венелина, что неизменно подчеркивается в многочисленных работах о последнем (*39). Показательно, например, что в недавно вышедшей работе Д.Цанева "Основные направления в болгарской историографии в первой половине XIX в." работы Априлова и Венелина характеризуются вместе, и в этой общей оценке отмечается, что "воодушевление и сильные чувства доминируют над критичностью" (*40) в них. Здесь необходимо отметить, что труды В.Априлова, появившиеся после смерти Венелина, были примечательным событием в научной жизни России. Влияние Априлова заметно в деятельности Н.В.Савельева-Ростиславича, который поддерживал с болгарским просветителем личные связи и выступал с поддержкой его научных трудов в своих работах (*41). Кроме того можно говорить и о косвенном влиянии В.Априлова на развитие интереса к болгарской тематике в деятельности и других русских славистов.

Для оценки различий в работах Венелина и Априлова важно подчеркнуть, что применение критического подхода в исторических исследованиях В.Априлова нашло свое развитие в научной деятельности С.Н.Палаузова. Уже в своей работе "Век болгарского царя Симеона" (СПб., 1852) он выступал с критикой романтических выступлений Ю.Венелина. Позднее С.Н.Палаузов справедливо отмечал, что уже первая работа В.Априлова "Болгарские книжники" - "чисто критического содержания" (*42).

Публицистическая деятельность С.Н.Палаузова заслуживает специального изучения. В рассматриваемый нами период он был одним из наиболее активно писавших в русской печати болгарских авторов. Позднее, в 60-е годы XIX в., он также часто выступал с историко-публицистическими статьями. В нашем случае особенно важно подчеркнуть его собственное отношение к историческим работам В.Априлова как представителя критического направления в развитии болгарской историографии. Значимость этого факта проявляется в связи с оценкой места С.Палаузова в развитии болгарской исторической науки. В литературе было высказано мнение, что деятельность С.Палаузова не связана с предшествующим развитием исторических знаний в Болгарии (*43). Сказанное выше о характере работ В.Априлова, об их оценке С.Палаузовым позволяет заметить известную преемственность в исторических трудах двух авторов, точнее- развитие С.Н.Палаузовым критического подхода к источникам, применявшегося еще ранее В.Априловым. Конечно, существовали и различия между ними, но эти различия связаны с тематикой их работ, степенью подготовленности к историческим исследованиям, влиянием западноевропейской историографии наряду с русским славноведением на творческие установки С.Палаузова. Прежде чем остановиться на последнем различии, необходимо еще раз отметить наличие методического родства, очень важного для установления внутренней связи в развитии болгарской историографии во 2-й четверти XIX в. И в связи с этим целесообразно поставить вопрос об идейной преемственности историко-публицистической деятельности болгарских авторов - последователей В.Априлова, прежде всего С.Н.Палаузова.

С.Н.Палаузов (1818-1872) после окончания Ришельевского лицея учился в Гейдельберге и Мюнхене, где в 1843 г. защитил докторскую диссертацию "О политической экономии, которая была уже известна грекам" (*44). После возвращения в Россию С.Палаузов занимался в Московском университете у О.М.Бодянского и в 1845 г. написал кандидатское сочинение. В том же году появляются его первые публикации в русской печати. По теме кандидатского сочинения в журнале "Москвитянин" С.Палаузов опубликовал очерк "Иоанн Гус и его последователи" (*45). В противовес еще складывавшейся в

то время славянофильской концепции гусизма, создателями которой, между прочим, были ученики О.М.Бодянского, С.Н.Палаузов предпринял попытку интерпретации гусизма с буржуазно-демократических позиций явно "западнического" толка (*46). Характерно, что С.Н.Палаузов не противопоставлял в своем очерке о Яне Гусе славянство и Запад, а наоборот, искал аналогии в их историческом развитии, усматривая некоторое сходство гуситского движения и Великой французской буржуазной революции.

В двух отзывах на эту работу С.Н.Палаузова, появившихся в петербургских журналах, незамеченным осталось своеобразие позиции автора в освещении гусизма. В "Отечественных записках" было отмечено неправильное употребление Палаузовым дееспричастных оборотов, а в "Современнике" - наличие "галлицизмов". По существу работа Палаузова оценивалась положительно. "Современник" писал, что " в отношении к истории эта биография изложена верно и занимательно" (*47). Рецензент "Отечественных записок" более пытался изложить свои взгляды, а в отношении работы Палаузова заметил, что она "будет читаться не без удовольствия" (*48).

Два обстоятельства чрезвычайно интересны в данном случае. Во-первых, С.Палаузов значительно опередил появление буржуазно-либеральной концепции гусизма в русской историографии. Он прямым образом выделил в гуситском движении при сравнении с французской революцией конца XVIII в. социально-политический аспект ниспровержения преград между высшим и низшим сословиями, ненависти к королевской власти. Второй момент интересен для характеристики развития славяноведения в России. Если Н.Савельев-Ростиславич в том же 1845 г. в своем "Славянском сборнике" существенно расходился с классическим пониманием славянофильской концепции философии истории, но целиком оставался в рамках дворянской историографии, то славист С.Палаузов с самого начала своей деятельности проявил буржуазную направленность своих политических взглядов.

В том же 1845 г. С.Н.Палаузов опубликовал две работы по истории Сербии: "Исторический очерк Сербского государства до конца XV столетия" и "Преподобный Савва, первый архиепископ сербский" (М., 1845). Появление этих работ,

как и предыдущей о Яне Гусе, вероятно связано с занятиями С.Палаузова в семинаре О.М.Бодянского. Обращает внимание широта интересов Палаузова-слависта с самого начала своей научной деятельности. Здесь необходимо также отметить односторонность в определении принадлежности С.Палаузова либо русской исторической науке, либо болгарской. Именно такие определения преобладают. Деятельность С.Н.Палаузова в России, связь с русской исторической наукой позволяют считать его видным ее представителем. Одновременно нельзя не учитывать специфику деятельности болгарской интеллигенции за пределами отчизны, особенно в России. В лице С.Палаузова отчетливо проявились эти особенности. Ученик О.М.Бодянского и И.И.Срезневского болгарский славист писал свои произведения на русском языке, но на протяжении всей своей научной и общественной деятельности С.Н.Палаузов принадлежал болгарскому национальному движению (*49).

Идейная преемственность исторической публицистики С.Палаузова и его предшественника В.Априлова отчетливо прослеживается на одном частном примере. В 1850 году С.Палаузов выступил в журнале "Москвитянин" с переводом 14 главы сочинения Фаллмерайера "Фрагменте аус дем Ориент" (Штуттгарт, 1845), предпослав ему обширное предисловие (*50). В разговоре С.Палаузова с известным поэтом Ф.Тютчевым последний высказал мысль, что "недурно было бы ... перевести по-русски XIV главу, - возьмитесь, тем более, что предмет Вам знаком." (*51). Хотя идея публикации была таким образом подсказана С.Палаузову, это выступление показывает его желание поддержать необычную для западноевропейской историографии и почти неизвестную русской научной общественности гипотезу Фаллмерайера. В условиях повышения интереса к славянским исследованиям в России, в особенности в славянофильских кругах, Палаузов поспешил (*52) проинформировать русскую общественность с гипотезой Фаллмерайера, выступавшего против чисто эллинского происхождения новых греков, а точнее - за преобладание славянского элемента в Греции. Показательно, что несмотря на предложения опубликовать перевод в Петербурге, С.Палаузов предпочел московский журнал, издававшийся близким к славянофилам М.П.Погодиным (*53).

Значимость этого примера состоит в проявлении позиции С.Палаузова относительно болгаро-греческих отношений. Эллинофильство, как известно, имело и в начале XIX века широкое распространение среди болгар и сыграло положительную роль в деле просвещения. Однако при столкновении интересов болгарского и греческого национального движений в сферах просвещения и церкви проявились существенные различия, отражавшие рост болгарского национального самосознания. Это явление нашло отражение и в личных судьбах В.Априлова и других болгарских просветителей (Э.Васкидович, Р.Попович, Неофит Рильский и др.), в известной мере и самого С.Палаузова, мать которого была гречанкой, а греческий язык - семейным языком.

Для оценки выступления С.Палаузова в "Москвитянине" важно учесть различия в значении "славянской гипотезы" для дальнейшего развития научных интересов болгарского автора и, с другой стороны, ряда русских славистов. Упомянувшиеся выше отклики русских авторов как бы продолжали общеславянские разыскания Венелина и Савельева-Ростиславича, родственны им были последующие работы Ламанского о славянах в Испании, Малой Азии и т.д., Бодуэна де Куртенэ о славянах в Италии, Н.А.Попова и др. Для С.Палаузова-слависта, историка с очень широким кругом интересов, обращение к проблеме славяно-греческих отношений послужило шагом к историческому обоснованию прав болгарского народа, что нашло отражение в его публицистике 60-х годов (*54). Это обстоятельство еще раз позволяет отметить связь творчества С.Палаузова с болгарским национальным движением.

В 50-е годы С.Н.Палаузов публикует свои работы в "ЖМНП", "Известиях отделения русского языка и словесности АН", "Временнике Московского общества истории и древностей российских", "С.-Петербургских ведомостях", "Отечественных записках" (*55). Подобно откликам на работы В.Априлова, в рецензиях на публикации С.Палаузова нашла отражение борьба западничества и славянофильства, хотя и не в столь острой форме. Так анонимный рецензент "Современника" весьма критически отнесся ко второй части работы С.Н.Палаузова "Век болгарского царя Симеона" (СПб., 1852), в

которой рассматривалось состояние старинной болгарской литературы. По мнению рецензента, С.Палаузов собрал все результаты новейших деятелей так называемой славянской науки и преувеличил степень развития литературы болгарского народа во времена Симеона. "Благомыслящий читатель, - говорилось в рецензии, - увидит в этих строках увлечение, страсть к предмету" (*56). В представлении рецензента "новая славянская наука" поддерживается одним увлечением, в силу этого к ней нужно отнести и "Век болгарского царя Симеона". Совершенно иной была рецензия на эту работу С.Палаузова сторонников "славянской науки". Рецензент журнала "Москвитянин" возмущался, что "по поводу сочинения г.Палаузова в одном из наших журналов (т.е. в "Современнике" - Б.Б.) ... выразились так неприлично, что из рук вон. Обиднее всего, что коснулись и не пожалели того в высшей степени законного чувства, которое выразил к своему предмету автор" (*57). Отметив ряд достоинств работы, рецензент тем не менее считал, что в сочинении Палаузова нет самостоятельных исследований, а есть добросовестный труд и прекрасное намерение - добытые наукой материалы представить в одной общей картине. Рецензента "Москвитянина" удивил критический отзыв Палаузова о Венелине, о перефразировке последним истории Энгеля за исключением "разных опытов нововведений, которые потом никем не были приняты". Что же тогда "подумать о том восторге, с каким приняты были самими болгарами" сочинения Венелина? - задавался вопросом рецензент, - почему Энгель не имел такого значения?

Как видно из этих рецензий, одна сторона неправомерно относилась С.Палаузова к "славянофильствующим", а те, в свою очередь, замечали особенности его позиции. Различия в оценке значения и места Палаузова и Венелина имеют место и в советской историографии отечественного славяноведения. Так академик В.И.Пичета считал, что именно работы С.Н.Палаузова "Век болгарского царя Симеона" и "Юго-Восток Европы в XIV столетии" (1857 г.) положили начало исторического изучения славян (*58). В отличие от этой точки зрения С.А.Никитин отмечал в качестве первого историка зарубежных славянских народов Ю.И.Венелина (*59). Поддерживая последнее мнение, необходимо заметить, что упомяну-

тые различия связаны с разным подходом к определению нижней хронологической таблицы русского славяноведения.

Работы В.Априлова и С.Палаузова, в большинстве своем подписанные полными именами авторов, были неотъемлемой частью процесса развития славяноведения в России. Их одновременное участие в болгарском национальном движении подкреплялось таким образом воздействием на развитие интереса к болгарской проблематике в русской науке. Этот интерес отчасти был связан и с балканской политикой России, но в 40-50-е годы XIX в. значимость периодической печати, равно как и общественного мнения в целом, в воздействии на внешнеполитическую деятельность правительства была невелика. Еще меньшей была в то время и степень обратного воздействия. Тем не менее рассматриваемый период предшествовал времени активного воздействия общественного мнения в 60-70-е годы на внешнюю политику России и активизации деятельности правительства по формированию общественного мнения в нужном для него направлении. Водоразделом для этих двух периодов послужило окончание Крымской войны. Выражением повышения интереса к славянскому вопросу явилось открытие с конца 50-х годов славянских отделов в русских газетах. Можно говорить о совпадении инициатив правительства и общественности России в этом деле, но первенствующую роль все-таки играли буржуазно-дворянские круги русского общества умеренно-либерального направления. Опыт в освещении проблематики зарубежных славянских народов накапливался вместе с развитием отечественного славяноведения, а также вместе с участием в русской прессе представителей зарубежных славян, в том числе и болгар. Сотрудничество болгарских авторов в периодике России соответствовало задачам национально-просветительного движения, а также способствовало постановке задач политического характера.

Еще почти одновременно с началом публицистической деятельности В.Априлова в московском журнале "Москвитянин" его редактор М.П.Погодин поместил "Письма болгарские" (*60). Эти материалы принадлежали приехавшему учиться в Москву болгарину Георгию Бусилину (*61). Это был первый болгарский студент, поступивший в Московский университет старой столицы России. В "Отчетах о состоянии и дей-

ствиях Московского университета" за 1842-1843, 1843-1844, 1844-1845 годы (М., 1843-1845) в приложениях под литерой "В" имя Г.Бусилина упоминается в списке студентов первого курса философского факультета по первому отделению. Казенно-коштный студент болгарин Г.Бусилин учился ранее в Афинской гимназии, поведение хорошее - эти сведения повторялись трижды из года в год вместе с увеличением возраста и времени пребывания в университете. Вероятно болезнь помешала Г.Бусилину окончить первый курс университета, в 1845 году он умер в Москве. За короткую жизнь, однако, этот болгарский патриот оставил существенный след в болгарском национальном просвещении. Еще во время учебы в Греции Г.Бусилин был членом Славяноболгарского общества, одной из первых болгарских просветительных организаций. В Москве он издал в 1844 г. на средства купца-болгарина из г.Русе А.Н.Хаджоглу "Болгарский букварь", хранящийся ныне в Музее книги Всесоюзной государственной библиотеки им. В.И.Ленина. Г.Бусилин внимательно следил за развитием русского славяноведения, особенно за теми новыми работами, в которых отражалась болгарская проблематика. Еще в 1839 г. С.Шевырев в статье "О славянских рукописях Ватиканской библиотеки" (*62) упоминал о летописи Константина Манасии. В 1842 г. А.Д.Чертков выступил в печати с работой "О переводе Манасииной летописи на славянский язык по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар" (*63). Именно последнее обстоятельство - сведения по истории болгар - вызвало многочисленные отклики на работу А.Д.Черткова (*64). Это же привлекло внимание болгарского студента, в 1843 г. Г.Бусилин обратился к настоятелям одного из лучших в Болгарии Карловского училища с призывом изучать болгарскую историю, выслав для этой цели из Москвы перевод Манасииной летописи "с кратким содержанием истории болгар" (*65).

Появление "Писем болгарских" в московском журнале знакомило русскую общественность с настроениями в Болгарии, отношением болгар к учебе в России, а также с образцом разговорного болгарского языка. Последний факт послужил поводом для перепечатки двух болгарских писем в варшавском журнале "Денница" (*66). Публикация Г.Бусилина в журнале

М.Погодина, осуществленная по инициативе последнего, являлась одновременно выражением благодарности болгарского студента к профессору Московского университета. Отношения М.Погодина с болгарскими, учившимися в Москве в 40-70-х годах, трудно оценить однозначно. Консерватизм М.Погодина в отношении к болгарскому освободительному движению сочетался с постоянным вниманием к его развитию, личным участием и ходатайствами о благоустройстве болгарских воспитанников в Москве. Именно это имел в виду много лет спустя болгарский историк И.Д.Шишманов, писавший в русской печати во время Балканских войн и стоявший в отношении к общественной жизни в России на буржуазно-либеральных позициях, когда говорил о "трагизме конфликта" болгарских воспитанников, не только питавших принципиальные симпатии к прогрессивной России, но и испытывавших естественную признательность к М.П.Погодину (*67).

В рассматриваемый нами период эти противоречия практически не имели места, их проявление произошло в 60-е годы XIX в. (Л.Каравелов и др.). Усилия М.П.Погодина в 40-50-е годы в направлении привлечения внимания к болгарам со стороны общественности и правительства России чаще всего совпадали с действиями болгарских эмигрантов и учащихся. В числе болгар, которым оказывал содействие М.П.Погодин, был известный просветитель Захарий Княжеский. Участие З.Княжеского в действиях одесских болгар-учащихся в связи с готовившимися в начале 40-х годов выступлениями болгар в Браиле - это, пожалуй, единственный случай его приобщения к революционному движению. Имя З.Княжеского в большей мере связано с развитием просвещения в Болгарии, с деятельностью по расширению болгаро-русских связей в области просвещения, науки (*68). Хотя в контактах З.Княжеского с русскими общественными и государственными деятелями затрагивались и вопросы политического характера (*69), основным содержанием деятельности З.Княжеского было стремление к увеличению русской помощи болгарским училищам, обучению болгар в России.

Публикации З.Княжеского в России не были многочисленными, но каждая из них имела важное значение в формировании отдельных отраслей знаний. Особо можно отметить ра-

боту З.Княжеского "Введение в историю болгарских славян от 5-го века до 1596 года" (М., 1847). Это была первая попытка специального обобщения истории возникновения и существования самостоятельного болгарского государства, предпринятая болгарским автором. Одновременно эта работа явилась результатом творческого учета достижений исторической мысли в России, а также была подкреплением национально-исторических прав болгарского народа. Появление работы было замечено журналами "Отечественные записки" и "Финский вестник". Рецензент последнего журнала известный славист И.И.Срезневский отмечал факт составления "Введения ..." "не без знания источников" (*70). Забытая работа З.Княжеского, несмотря на ее компилятивный характер, является одной из первых исторических обобщающих работ по истории Болгарии, к тому же слабо затронутых влиянием идей Ю.И.Венелина.

Забыты и не оценены по достоинству и две другие работы З.Княжеского "Обычаи болгар при свадьбе, рождении и крещении детей и погребении" (*71) и "Болгарские поверья" (*72). Они даже не упоминаются в обзорных работах советских этнографов С.А.Токарева и Г.Е.Марковой, мимоходом отмечены они в фундаментальном труде Хр.Вакарельского "Этнография Болгарии". Не останавливаясь здесь на конкретном содержании этих работ З.Княжеского, отметим, что их появление знаменовало собой начало болгарской этнографической науки, а также стало достоянием русской литературы по этнографии болгарского народа.

*1 О сотрудничестве болгарских авторов в русских изданиях до Априлова нет достаточных сведений. Упоминание о корреспондентской деятельности болгарина Н.Попова в "Московском телеграфе" (см.: *К.А.Поглубко, Л.И.Степанова. О распространении русского языка и литературы среди болгар в XIX в. (по неопубликованной рукописи П.Д.Драганова). В кн.: Балканский исторический сборник*, Кишинев, 1974, т.IV, с.258) трудно проверить, поскольку в этом издании нет публикаций с подписью этого автора, а также материалов по болгарской тематике.

*2 Искключение составляет статья Н.Ковачевой о Г.Бусилине. См.: *Н.Ковачева-Вълева*. Български автор върху страниците не списание "Москвитянин". "Исторически преглед", 1973, кн.2, с.101-104

*3 См.: "Журнал Министерства народного просвещения", 1842, ч.33, N 2, отд. VI, с.93-99. Автором этой рецензии, вероятно, был И.Д.Галанин. См. *И.Ф.Масанов*. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956, т. I, с.404.

*4 "Сын отечества", 1842, ч. I, февраль, N 2, отд. VI, стр.1-8. В мартовском номере этого журнала был помещен отзыв на болгарское издание этой же работы В.Априлова (1842, ч. II, N 3, отд. VI, стр.12-13).

*5 Там же, стр.5.

*6 Кроме упомянутых рецензий в петербургских журналах много писалось об этой работе Априлова в "Одесском вестнике". Вначале выступил А.Стурдза (1841, N 44), затем профессор В.Линовский (1841, NN 46,47), намеревался писать также Рафалович. См. об этом *К.Зеленецкий*. Из Одессы. "Москвитянин", 1841, ч. IV, N 7, стр.243-246.

*7 *В.Априлов*. Съчинения. С., 1968, сир.123.

*8 "ЖМНП", 1838, ч.18, стр.114-123. Эту статью болгарский историк патриарх Кирил охарактеризовал как "первый ценный вклад в историю болгарского возрождения". См. *Кирил, патриарх български*. Екзарх Антип (1818-1888). С., 1956, стр.71.

*9 См. публикацию В.Д.Дабижа "Автобиография Н.Н.Мурзакевича" в журнале "Русская старина", 1887, июнь, стр.658.

*10 См. *А.Титов*. Письма Николая Никифоровича Мурзакевича вице-президенту имп. Одесского общества истории и древностей к Осипу Михайловичу Бодянскому. "ЧОИДР", 1887, кн. I, отд. I, стр.182-213.

*11 См. *А.Бурмов*. Марин Дринов като историк на България. В кн.: "Изследвания в чест на Марин Жринов". С., 1960, стр.109; *А.С.Бейлис*. Становление марксистской историографии в Болгарии (с конца XIX века до социалистической революции 1944 г.). Проблемы Болгарского возрождения. Львов, 1970, стр.10-11.

- *12 "С.-Петербургские ведомости", .7.III.1842, N 53, стр.223-224.
- *13 "Одесский вестник", 1842, N 5.
- *14 "Москвитянин", 1842, N 5, стр.132-164.
- *15 "Современник", 1842, т.27, стр.82-89.
- *16 "Библиотека для чтения", 1842, т.55, N 12, отд.VI, стр.21-28.
- *17 "Отечественные записки", 1842, N 9, отд.VI, стр.14-15.
- *18 "Сын отечества" 1842, ч.II, N 3, отд.VII, стр.20-22.
- *19 "Библиотека для чтения", 1842, т.55, N 12, отд.VI, стр.21-22.
- *20 "Современник", 1842, т.27, стр.86.
- *21 "Отечественные записки", 1842, т.XXIV, N 9, отд.VI, стр.14-15.
- *22 Там же, 1845, т.41, N 7, отд.VI, стр.30, N 8, отд.V, стр.23-48.
- *23 Болгарские грамоты, собранные, переведенные на русский язык и объясненные Василием Априловым. Одесса, 1845.
- *24 "Иллюстрация", 8.XII.1845, т.I, N 35, стр.555-556.
- *24а "Москвитянин", 1842, N 5, стр.132-164. Сокращенный перевод рецензии М.А.Соловьева на польский язык был помещен в журнале "Денница", Варшава, 1942, июль, NN 13,14, стр.161-168, 173-176.
- *25 *М.Попруженко*. О политических замыслах болгар в 1842 г. "Ведомости Одесского градоначальства", 23.IV.1900, N 92; *его же*. Материалы за историята по възраждането на българския народ. Пловдив, 1900.
- *26 См. *М.Арnaudов*. В.Е.Априлов. Живот, дейност, съвременници. 1789-1847. С.,1968, стр.
- *27 *И.Конев*. Васил Априлов и българо-руските културни взаимоотношения. "Исторически преглед", 1974, кн.2, стр.72.
- *28 См. "Одесский вестник", 21.III. и 16.IV.1853, NN 33,43.
- *29 "Сын отечества", 1842, N 8, отд.V, стр.23-64.
- *30 "ЖМНП", 1846, ч.51, N 9, лтд.V, стр.1-28.

- *31 Там же, стр.28.
- *32 "Финский вестник", т.21, 1847, N 9, отд.V, стр.56-60. Об авторстве И.И.Срезневского можно судить по ссылке на стр.59 на свою работу "Очерк книгопечатания в Болгарии" в "ЖМНП", 1846, N 9.
- *33 См. *П.Орешков*. Априлов и Срезневский. "Български преглед", 1929, кн.3.
- *34 "Финский вестник", 1847, т.ХХ, N 8, отд.V, стр.58-63. Эти работы З.Княжеского и Н.Стоянова были отмечены также отзывом в журнале "Отечественные записки", 1847, т.53, N 8, отд.VI, стр.102.
- *35 См. *В.И.Срезневский*. К истории издания известий и ученых записок второго отделения императорской Академии наук. (1852-1863). "Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук", 1905, т.80, N 3, стр.111.
- *36 "Москвитянин", 1848, NN 3,5.
- *37 "ЧОИДР", 1846, кн.3.
- *38 См. "Живая старина", 1891, кн.3, стр.234-237.
- *39 См. *В.Н.Златарски*. Юри Иванович Венелин и значението му за българите. С., 1903; *М.Г.Попруженко*. Юрий Иванович Венелин. "Българска историческа библиотека", 1929, т.2; *Б.Ст.Ангелов*. Венелин и нашите възрождения. "Известия на Института за история", 1967, т.18; *Д.Г.Песчаный*. Юри Иванович Венелин в национално-културно възраждане на България. "Исторически преглед", 1969, кн.1, и др.
- *40 См. "Известия на Българското историческо дружество", С.,1974, кн.ХХІХ, стр.92.
- *41 Многочисленные статьи и рецензии Н.В.Савельева-Ростиславича, большинство которых вошло в его "Славянский сборник" (СПб.,1845), пестрят ссылками на работы В.Априлова. После смерти последнего Н.В.Савельев-Ростиславич написал в 1848 г. обширный очерк о его жизни и деятельности. См. "С.-Петербургские ведомости", 3,5,6,7.X. 1848, NN 221-224. Отзыв Е.И.Соловьева об этом очерке см. в журнале "Сын отечества", 1849, апрель, отд.VI, стр.32-33. В свою очередь В.Априлов стремился привлечь Н.В.Савельева-Ростиславича к специальным исследованиям по болгарской истории. В.Априлов вместе с другими одесскими болгарами отправил письмо к Н.В.Савельеву, в котором говорилось:

"Видя в Вас достойного последователя незабываемого Венелина, болгары [...] покорнейше просят Вас уделить часть вашего времени для написания полной болгарской истории и принять титул историографа болгарского народа" (Цит. по Н.Генчев. Одеското българско настоятелство. "Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет". С., 1970, т.44, кн.3, стр.112) Вероятно Априлов же переслал К.Фотинову, в журнале которого поместил свою статью "Любонародно изложение", книгу Савельева "Славянский сборник". В результате вторая часть исторической статьи К.Фотинова "Понятие за древност славянска" в журнале "Любословие" была написана под прямым влиянием Н.В.Савельева-Ростиславича.

*42 С.Н.П-зовъ. Априлов, Василий Евстафьевич. В кн.: "Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами", СПб., 1862, т.V, стр.180.

*43 См. вступительный очерк В.Гюзелева и Хр.Коларова в кн. "С.Н.Палаузов. Избрани трудове". С., 1975, т.I.

*44 См. М.Велева. Спиридон Палаузов - живот и дейност. "Известия на Българското историческо дружество". С., 1974, кн. XXIX, стр.71.

*45 "Москвитянин", 1845, ч.IV, N 7-8, стр 58-80.

*46 См. Г.И.Липатникова. К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии. В кн.: "Вопросы истории славян". Воронеж, 1963, вып.I, стр.73.

*47 "Современник", 1845, т.40, N 12, стр.287.

*48 "Отечественные записки", 1845, т.42, N9-10, стр.43-44.

*49 См. Хр.Коларов. Връзките на Спиридон Н.Палаузов с българските възрожденски дейци. "Известия на Българското историческо дружество". С., 1974, кн. XXIX, стр.143-150. В России С.Палаузова также воспринимали как одного из видных представителей болгарской интеллигенции. См. П.Усов. Из моих воспоминаний. "Исторический вестник". 1883, т.II, стр.352.

*50 См. С.Н.П-в. Славянский элемент в Греции. От переводчика. "Москвитянин", 1850, N 20, ноябрь, кн.2, стр.129-138. Сам перевод был помещен в N 22, стр.13-54.

*51 См. *М.В.Никулина, С.Великов*. Писма на Николай Христофоров Палаузов и Николаев Палаузов до Михаил П.Погодин и Виктор И.Григорович. "Известия на държавните архиви". С., 1974, т.27, стр.124.

*52 В спешке С.Палаузов не вполне удовлетворительно осуществил перевод с немецкого языка на русский, что было отмечено лишь много лет спустя Н.М.Петровским. См. его статью "К вопросу о генезисе теории Фаллмерайера". "ЖМНП", т.48 (новая серия), 1913, N II, стр.141. Тем не менее в 50-60-е годы XIX в. концепция Фаллмерайера, с пропагандой которой выступал С.Палаузов, имела отзвук в работах славянофильских авторов. См. *А.Гильфердинг*. Старинные поселения славян на греческой земле. "Русская беседа", 1859, ч.IV; *Р.Орбинский*. О народности нынешних обитателей Греции. "Русское слово", 1860, N 3; его же. О следах славянства в языке ново-греческом. "ЖМНП", т.83, стр.94-112. Сравни также *В.Макушев*. Славянский элемент в английском языке. "Северная пчела", 28.IX.1861, N 215, стр.884.

*53 Публикация в иногороднем журнале была сопряжена с трудностями корректирования греческих цитат. Но, как вытекает из уже цитировавшегося письма С.Палаузова к Погодину (см. *М.В.Никулина, С.Великов*. Указ. соч., стр.125), болгарский автор обратился к редактору журнала с просьбой выполнить эту работу находившимся в Москве болгарам Д.Мутьеву и Н.Катранову. Кроме того, что это свидетельство предоставляет данные по теме настоящей статьи о сотрудничестве (техническом в данном случае) болгарских авторов в русской периодике, оно расширяет скудные представления о болгарском студенте Николае Катранове, прототипе тургеневского Инсарова из знаменитого романа "Накануне".

*54 См. "Северная пчела", 1860, NN 120, 122, 132, 142 и многие другие. В то же время С.Н.Палаузов, познакомившийся с Ф.Фаллмерайером по рекомендации В.Априлова еще во время своей учебы в Германии в 1842-1843 гг., поместил некролог "Филипп-Яков Фаллмерайер" в газете "Северная пчела", 11.VII.1861, N 153.

*55 См. список работ С.Палаузова, составленный В.Гюзелевым и Хр.Коларовым, в "Известия на Българското историческо дружество". С.,1974, кн. XXIX, стр.157-158. Пере-

числяя лишь некоторые из этих работ С.Палаузова, болгарский студент в Праге В.Стоянов писал в чешском журнале: "Об этих сочинениях Палаузова, которые все имеют большую научную ценность, я не буду здесь распространяться, предполагая, что они хорошо известны хотя бы образованному славянскому миру". См. *V.Stojnov. O literarnich a vedeckych plodech S.Palausova a Neofita Rilskeho. "Casopis Musea Kralovstvi Ceskeho"*, 1866, NN 3-4, s.416.

*56 См. "Современник", 1852, т. XXXIV, N 7, отд. IV, стр. 21-23.

*57 "Москвитянин", 1852, N 22, ноябрь, кн. 2, отд. V, стр. 29-34. Рецензия, вероятно, принадлежала М.П.Погодину.

*58 *В.Пичета*. К истории славяноведения в СССР. "Историк-марксист", 1941, кн. 3, стр. 40.

*59 См. "Очерки истории исторической науки в СССР", М., 1957, т. 2 с.

*60 "Москвитянин", 1842, ч. II, N 4. Слав. изв-я. стр. 542-547.

*61 На это обратил внимание Д.Г.Песчаный. См. *Д.Г.Песчаный*. Русско-болгарские культурные связи в 30-40-х годах XIX в. В кн.: "Из истории русско-болгарских отношений". М., 1958, стр. 154. Публикация этих материалов была осуществлена также в недавнее время. См. *Н.Ковачева-Вълева*. Български автор върху страниците на списание "Москвитянин". "Исторически преглед", 1973, кн. 2, стр. 101-104.

*62 См. "ЖМНП", 1839, N 4-6, отд. 2, стр. 103-120.

*63 "Русский исторический сборник", М., 1843, т. 6, кн. 1-2, стр. 1-183.

*64 См. "ЖМНП", 1843, N 2, отд. 6, стр. 76-90 (автор - Ф.М., т.е. Ф.Н.Менцов); "Отечественные записки", 1843, N 1, отд. VI, стр. 25-26; "Современник", 1843, т. 30, стр. 93-97; "Библиотека для чтения", 1844, т. 64, отд. VI, стр. 33-35; "Маяк", 1844, кн. 26, стр. 53-72.

*65 См. публикацию письма Г.Бусилина в "Известия на Архивния институт на БАН", С., 1959, т. 2, стр. 195.

*66 "Денница", 1842, N 14, стр. 178-180. Редактор журнала П.Дубровский поместил эти письма на болгарском языке, но в польской транскрипции, сопроводив их одновременно польским переводом.

*67 См. *И.Д.Шиманов*. После побед (статья вторая). "Русские ведомости", 18.XI.1912, N 267.

*68 См. *Л.Минкова*. Просветител З.Княжески. Живот и дейност. "Литературна мисъл", 1974, кн.5, стр.

*69 З.Княжески отрицательно относился к личности и деятельности Александра Экзарха, одного из первых болгарских деятелей, развернувших широкую дипломатическую деятельность. См.

*70 "Финский вестник", 1847, т. XX, N 8, отд. V, стр. 63.

*71 "ЖМНП", 1848.

*72 "Литературные прибавления к ЖМНП"

К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати

Творчество и деятельность известного болгарского писателя и революционера Любена Каравелова (1834-1879) постоянно привлекает внимание литературоведов и историков. Об этом свидетельствует далеко не полный перечень наиболее значительных работ болгарских (*1), югославских (*2) и советских (*3) ученых. В современной литературе о Л.Каравелове прослеживается его жизненный и творческий путь, решаются проблемные вопросы изучения исторических процессов эпохи болгарского возрождения. При этом можно констатировать, что наибольшее место в исследованиях по этой теме занимают вопросы, связанные с изучением активной революционной деятельности Л.Каравелова в 1867 - 1874 гг. и его литературно-публицистического творчества. По настоящее время, однако, дискутируются многие принципиальные моменты в деятельности Л.Каравелова, в том числе и вопрос об оценке характера его мировоззрения (*4) .

Решению многих дискуссионных вопросов может способствовать дальнейшее изучение процесса формирования мировоззрения Л.Каравелова и начальных периодов его деятельности во время пребывания в России (1857-1866) и в Сербии и Воеводине (1867-1869). Богатым источником, раскрывающим интересные стороны идеологии Л.Каравелова, являются материалы русской периодической печати того времени. Активное сотрудничество болгарского публициста в русских газетах и журналах отмечалось в буржуазной историографии, однако, эта сторона деятельности Л.Каравелова получила освещение лишь в недавнее время. В результате многолетних исследований, а также на основе работ С.А.Никитина (*5) и К.А.Копержинского (*6), болгарский историк академик М.Димитров опубликовал два тома публицистических произведений Любена Каравелова (*7), большая часть которых была рассеяна в различных русских изданиях.

По ряду причин (непродолжительность знакомства с русской периодикой, отсутствие полных комплектов газет и др.) была издана, как отмечал сам составитель, "лишь часть публицистического наследия Каравелова" (*8). Кроме того, это необходимо отметить, М.Димитрову пришлось заняться решением задачи, которая скрывала в себе, по его словам, опасность ошибки. Речь идет об установлении авторства анонимных статей. По многим причинам статьи Л.Каравелова в русской прессе печатались, как правило, без указания фамилии автора.

Органичиваясь рассмотрением вопроса о сотрудничестве Л.Каравелова в русской прессе только в период его пребывания в России (1857-1866 гг.), остановимся на той методике установления авторства Л.Каравелова, которую применял М.Димитров в отношении анонимных статей из русских газет этого периода. "Средством решающего значения для раскрытия авторства" (*9) Л.Каравелова он считал сравнение мыслей и выражений в проблемных статьях с материалами в каравеловских газетах "Свобода" и "Независимость" (1869-1874). Одним из дополнительных ориентирующих моментов при этом М.Димитров считал то обстоятельство, что Л.Каравелов в то время защищал известные, определенные политические взгляды (*10). Во многих своих исследованиях М.Димитров (*11)

указывал на сходство идеологической направленности статей Л.Каравелова и выступлений русских славянофилов.

Два обстоятельства вызывают здесь возражения. Во-первых, при сравнении работ начинающего автора в подцензурной иностранной (русской) печати с его произведениями, помещенными в безцензурных собственных изданиях в период наиболее активного участия в революционном движении, трудно проводить прямые аналогии, поскольку при этом, кроме всего прочего, не учитывается процесс формирования и развития социально-политических взглядов Л.Каравелова. Хотя такое сравнение является необходимым, но для установления авторства проблемных статей начала 60-х годов более целесообразным представляется их сопоставление с работами Л.Каравелова того же периода. Во-вторых, трудно согласиться с вытекающим из методики М.Димитрова его отождествлением взглядов русских славянофилов со взглядами Л.Каравелова, выраженными им в газетах "Свобода" и "Независимость". Можно найти точки соприкосновения во взглядах болгарских революционных демократов и славянофилов по южнославянским вопросам, но основная заслуга Л.Каравелова в начале 70-х годов состояла в том, что он "сыграл исключительно важную роль в пропаганде революционных идей, и мы не могли бы представить себе успехи болгарского революционного движения без издававшихся им газет "Свобода" и "Независимость" (*12).

При таком положении в сборнике публицистических работ Л.Каравелова оказалось несколько спорных статей, которые в последующих исследованиях других специалистов не были признаны принадлежащими перу болгарского публициста (*13). Полемика по этому вопросу связана с продолжающейся дискуссией об оценке идеологии Л.Каравелова. Поэтому, если говорить о периоде его пребывания в России, наибольшие разногласия вызвал вопрос об участии Л.Каравелова в славянофильской газете "День".

В указанных работах Л.С.Ерихонова, а также Л.В.Воробьева (*14) приведены убедительные, на наш взгляд, доводы, ставящие под сомнение принадлежность Л.Каравелову спорных статей из газеты "День", опубликованных М.Димитровым в первом томе "Публицистики". В то же время можно

констатировать, что известные факты действительного участия болгарского автора в газетах "Наше время", "Московские ведомости", "Санкт-Петербургские ведомости", журналах "Библиографические записки", "Русский вестник" и других органах печати остаются малоизученными.

В вышедших в 1871 г. работах Н.А.Попова (*15) и Р.Жинзифова (*16), близко знавших Л.Каравелова, говорилось об его участии в журналах "Русский вестник", "Отечественные записки", газете "С.-Петербургские ведомости". В двух письмах самого Каравелова (*17) названы кроме этих изданий еще "Наше время", "Московские ведомости", "Библиографические записки", "Современное слово", "Русская речь". Оба письма, написанные почти в одно и то же время (28 августа и 7 октября 1863 г.) с просьбой оказания материальной помощи для возвращения в Болгарию, содержат списки работ Л.Каравелова. Эти списки не идентичны, кроме того, частный характер писем обусловил ряд неточностей в указаниях самим автором публикаций своих работ.

В письме от 7 октября к председателю "Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым" Е.П.Ковалевскому (адресант письма от 28 августа неизвестен) опущена работа "Славянские вечерницы (посиделки)", но в то же время называется важная статья "По поводу славянского отдела газеты "День", неправильно указанные в письме от 28 августа (номера 173, 174, 179) газеты "Московские ведомости", в которой помещена статья "Болгарская журналистика в 1862 г.", заменены на правильные (153, 154) и вместе с тем ошибочно указывается N 7 (вместо правильного N 6 в первом письме) журнала "Русский вестник" за 1861 г., где помещен рассказ "Неда. Рассказ моей бабушки", указание на составление "Славянских известий" для газеты "Наше время" в 1860-1861 гг. ограничено только 1861 г. В обоих письмах ошибочно указывается на публикацию рассказа "Атаман (Из болгарских нравов)" в газете "Наше время", 1860, N 51, на самом деле он помещен в N 50. Кроме того, в обоих письмах не соблюдена хронология публикаций, неточно даны их названия.

Сказанное о списках, составленных самим автором, не позволяет считать их исчерпывающим источником для определения публикаций Л.Каравелова. Кроме того, в письмах со-

держатся данные до середины 1863 года, не расшифровано и указание о публикации "Славянских известий" в газетах "Наше время", "Московские ведомости", "С.-Петербургские ведомости" ("славянская" рубрика началась лишь в последней газете). Тем не менее, рассмотренные письма дают представление об активном сотрудничестве молодого болгарского автора в русских газетах и журналах, раскрывают один из его псевдонимов - К.

Подготовкой для активного участия Л.Каравелова в русской периодической печати явилась его совместная работа с русским историком и этнографом И.Г.Прыжовым по изданию "Памятников народного быта болгар", а также публикация переводной статьи "Славяне в Немско" (*18) в болгарском журнале "Братски труд". Л.С.Ерихонов (*19) высказал предположение, что эта статья является первым официальным публицистическим произведением Л.Каравелова. Это не соответствует действительности, так как названная статья является частью опубликованных ранее очерков "Письма нашего корреспондента из славянских земель Николая Славенича" (*20).

Впервые имя Л.Каравелова на страницах русских газет появляется в 1860-м году под его рассказом "Атаман (Из болгарских нравов)" (*21). Редактором и издателем газеты "Наше время", в которой был напечатан этот рассказ, являлся известный русский писатель Николай Филиппович Павлов (1805-1864), ранние произведения которого с похвалой были отмечены А.С.Пушкиным. В 1851-1855 гг. Н.Ф.Павлов подвергался высылке в Вятскую губернию, в 60-х годах его газета "Наше время" занимала умеренно-либеральную позицию. Финансовые неурядицы издателя привели к известной зависимости от правительственных кругов, так как в 1862 году Н.Ф.Павлов получал субсидии от правительства (*22).

Интересно отметить, что бессменным секретарем редакции газеты "Наше время" был видный в последствии журналист Николай Семенович Скворцов, в то время обучавшийся так же, как вольнослушатель Л.Каравелов, на историко-филологическом факультете Московского университета (*23). В литературе было высказано предположение, что к сотрудничеству в "Нашем времени" Л.Каравелова привлек его товарищ И.Г.Прыжов, ранее публиковавший свои работы в этой газете (*24). Можно предположить также, что содействие было ока-

зано и Н.С.Скворцовым. Позднее в редактируемой им газете "Русские ведомости" активно сотрудничал Л.Каравелов и переписывался с ним (*25), тогда как об участии И.Г.Прыжова в этом издании неизвестно.

К опубликованным уже в двухтомном издании публицистических работ Л.Каравелова статьям из газеты "Наше время" следует добавить статью "Болгарская уния" (*26). Как и помещенная в "Публицистике" Л.Каравелова статья с тем же названием из следующего номера этой газеты, она подписана буквой К., обе они тесно связаны по содержанию, их имел в виду болгарский автор в работе "Болгарские церковные дела", ссылаясь на "статью вторую" (*27).

Одновременно с этим вызывает возражение публикация рецензии на сочинение Н.Снегирева "Лубочные картинки русского народа в московском мире" в сборнике работ Л.Каравелова (*28). В результате заблуждения, вызванного подписью Л.К. в конце рецензии, составитель включил ее в первый том "Публицистики". В содержании же газеты, на первой полосе, указана полная фамилия или псевдоним автора - Л.Кинжик (*29). Л.С.Ерихонов (*30) высказал предположение, что автором этой работы был товарищ Л.Каравелова И.Г.Прыжов. Благожелательный тон рецензии заставляет, однако, усомниться в этом. Дело в том, что эта работа Н.Снегирева резко отрицательно была встречена единомышленником в то время И.Г.Прыжова, а в последствии и товарищем Л.Каравелова - А.А.Котляревским в его обзоре "Науки о русской старине и народности за истекший год" (*31). Против авторства Л.Каравелова свидетельствует и еще одно обстоятельство, отмеченное А.А.Котляревским: под видом сербской или болгарской сказки о царе Трояне в работах Н.Снегирева (*32) приведена выписка из словаря В.Караджича, опубликованная ранее Ф.Буслаевым (*33). Вряд ли такой "прием" Н.Снегирева был бы не отмечен Л.Каравеловым, занимавшимся в то время собиранием болгарских сказок. Кроме того, ни Л.Каравелов, ни И.Г.Прыжов никогда не писали под псевдонимом Л.Кинжик. Скорее всего, в газете была допущена опечатка, т.е. автором рецензии должен был быть указан Л.Книжник, а не Л.Кинжик. В этом случае можно назвать и фамилию автора рецензии - Л.Блюмер. Именно он писал под псевдонимом

"Л.Книжник" (*34), и кроме того, был специалистом по теме рецензируемой работы (см., например, Л.Блюмер. Чему могут служить лубочные картины. СПб, 1859; его же. Современные лубочные картины. СПб., 1860).

Составление Л.Каравеловым "Славянских известий" для газет "Наше время" (1861 г.), "Московские ведомости" (1862 г.), "С.-Петербургские ведомости" (1863 г.) представляет несомненный интерес для изучения формирования его взглядов. В эти годы названные газеты публиковали сообщения об обострении болгаро-греческой церковной борьбы, сербско-турецком конфликте 1862 года, деятельности известного болгарского патриота Г.Раковского, восстании в Тырново и Габрово в 1862 г., переселении болгар в России и других вопросах. М.Димитров опубликовал в "публицистике" Л.Каравелова лишь часть подготовленных им информационных сообщений. В рамках настоящей статьи невозможно дать развернутый источниковедческий анализ большого количества проблемных материалов, поэтому ограничимся исправлением некоторых неточностей, утвердившихся в литературе.

Рассматривая сотрудничество Л.Каравелова в "Московских ведомостях" в 1862 г., Л.С.Ерихонов (*35) высказал предположение о принадлежности болгарскому публицисту информационных материалов, помещенных под рубриками "Сербия" и "Турция" ("Московские ведомости", 1862, NN 48, 52, 64, 98, 129, 131), а также согласился с мнением К.А.Копержинского (*36) о принадлежности Л.Каравелову статей "Положение дел в Герцеговине", "Черногория", "Турция" ("Московские ведомости", 1.II, 28.II, 27.VI 1862). Последние три статьи не были и не могли быть опубликованы М.Димитровым в "Публицистике" Л.Каравелова, поскольку в указанные сроки на страницах "Московских ведомостей" они не были напечатаны.

Вызывает возражение также предположение Л.С.Ерихонova (*37) об авторстве Каравелова в отношении двух статей под рубрикой "Славянские известия" в газете "С.-Петербургские ведомости" (25.V 1863, N 116; 11.VI.1863, N 130). Дело в том, что эти статьи подписаны П.Д. Этот же автор (*38) писал ранее и продолжал писать позднее под рубрикой "Славянские земли" или "Славянские известия" из различных городов Австрии, помещая обзоры чешской периодики, литературы,

сообщая о заседаниях сейма, изредка касаясь южнославянской тематики. В литературе известно, что под этим псевдонимом скрывался русский славист П.Дубровский (*39), поэтому нет оснований считать автором двух статей, подписанных П.Д., Любена Каравелова.

Кроме этого, Л.С.Ерихонов (*40) ошибочно назвал Л.Каравелова автором "Славянских известий" в N 115 "С.-Петербургских ведомостей" от 24 мая 1863 года. В этом номере газеты упомянутые "известия" отсутствуют.

Рубрика "Славянские известия" в этой газете имела, как правило, подзаголовки "Болгария", "Босния", "Герцеговина", "Галиция" и др. Вероятно под этой рубрикой, наряду с газетными сводками, объединялись различные материалы, написанные разными лицами. Кроме Л.Каравелова и П.Дубровского известно также о сотрудничестве в "С.-Петербургских ведомостях" в 1863-1866 гг. известных южнославянских публицистов И.Ткалаца (*41), Ж.Жуевича (*42), а также русских славистов П.Лавровского(*43) и В.Ламанского (*44). Все это предопределяет осторожное отношение к выявлению материалов из этой газеты, подготовленных Л.Каравеловым.

Информационный характер ряда оперативных материалов в русских газетах того времени затрудняет уточнение авторства даже в тех случаях, когда по одинаковым сюжетам писали представители различных идейных направлений. При этом возможные ошибки искажают общую оценку взглядов того или иного публициста. Активное и плодотворное участие многих болгарских авторов (В.Априлов, Г.Бусилин, З.Княжеский, С.Палаузов, Н.Геров, Н.Палаузов, Х.Даскалов, В.Попович, Т.Бурнов, Л.Каравелов, П.Калянджи, Р.Жинзифов, К.Станишев, Т.Минков, Т.Запryanов, В.Караконевский, Х.Камбуров и др.) в русских газетах и журналах остается малоизученным. Этим обстоятельством объясняются отдельные ошибки, имевшие место при издании сборников публицистических работ Л.Каравелова и Р.Жинзифова.

В предисловии к "Публицистике" Р.Жинзифова составители указывали, что в издание не включены некоторые его работы, т.к. их "ранее ... М.Димитров опубликовал в "Публицистике" Л.Каравелова" (*45). Помещенная М.Димитровым во втором томе "Публицистики" Л.Каравелова статья "Тур-

ция" (*46) из газеты "С.-Петербургские ведомости" (1864, N 151) представляет собой сокращенную перепечатку статьи "Заседания в Константинопольской патриархии по церковному вопросу болгар" из газеты "День" (1864, N27) без каких-либо комментариев. Тем не менее полный текст этой статьи был помещен и в сборнике работ Р.Жинзифова. Полностью разделяя мнение составителей об авторстве Р.Жинзифова касательно этой статьи, нельзя не отметить, что такая путаница не способствует оценке публицистической деятельности Л.Каравелова и Р.Жинзифова.

О последних годах деятельности Л.Каравелова в России (1864-1866) известно мало. Это относится также и к его сотрудничеству в русской печати. В результате обращения в "Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым" он получил необходимую материальную помощь. В юбилейном издании Общества упоминалось, что "в 1863 же году было выдано пособие 75 руб. Любену Каравелову (известному болгарскому писателю и деятелю болгарского возрождения) для возвращения на родину по окончании им образования в Москве" (*48). По неизвестным причинам Л.Каравелов, однако, остался в России. На страницах русских газет и журналов продолжали появляться его произведения. Как отмечал позднее журнал "Славянский мир", "имя Каравелова уже давно известно в России по тем статьям его из народного быта болгар, которые были напечатаны в период от 1863 по 1866 гг. в некоторых периодических изданиях, преимущественно же в "Русском вестнике" и "СПб ведомостях". В то время как эти статьи, так и другие труды Каравелова, в которых он стремился разработать памятники народного быта Болгарии, "обратили на себя внимание русского образованного общества" (*49).

Кроме этих органов печати, в последние годы пребывания в России Л.Каравелов сотрудничал также в "Московских ведомостях", "Московской газете", "Голос" и возможно в других. Один из его псевдонимов - Л.Калчо - раскрыл М.Димитров, поместивший статью "Из Болгарии" ("Московские ведомости", 15.V.1864, N 107) в первом томе "Публицистики" Л.Каравелова (*50). Нам удалось обнаружить еще две статьи Л.Каравелова, подписанных псевдонимом Калчо "Из Турции.

Константинополь, 13(25) февраля" (*51) и "Из Турции, Константинополь, 1 марта" (*52). В этих статьях он отмечал ухудшение положения болгарского народа в результате переселения черкесов из России в Турцию, усиление протестантской пропаганды в Болгарии, положительно высказывался о совместном выступлении южных славян против Турции.

В этот же период в "Московских ведомостях" (*53) были опубликованы также шесть корреспонденций из Константинополя, подписанных К.Л. Их автор - болгарин (*54), он пишет об ухудшении положения болгар в результате грабежей со стороны горцев-переселенцев из России, притеснении турецких властей, сообщает об обострении церковной борьбы и усилении протестантской пропаганды в Болгарии, невыполнении турецких реформ-обещаний, приводит многочисленные примеры злоупотреблений турецких властей по отношению к болгарам, возлагает надежды на вооруженное выступление болгарского народа в союзе с Сербией. Последнее обстоятельство вынудило редакцию газеты во главе с М.Н.Катковым отмежеваться от автора корреспонденции: "печатаем славянские голоса из турецких земель, чтоб ознакомить с настроением умов ... а не потому, чтоб считали волнения полезными" (*55).

Совпадение тематики и направленности этих корреспонденций со взглядами и интересами Л.Каравелова в это время, отсутствие данных о сотрудничестве других авторов (*56), подписавшихся в этой газете псевдонимом К.Л., совпадение этих инициалов с каравеловскими, известные факты его сотрудничества в "Московских ведомостях" в этот период позволяет предположить его авторство. Публикация статей в форме корреспонденций была характерна не только в целом для русской прессы той поры, но также и для сотрудничества Л.Каравелова в русских газетах. В такой форме публиковались, например, его материалы в "Нашем времени" в 1861 г., в "С.-Петербургских ведомостях" в 1863 г., в тех же "Московских ведомостях", позднее в "Голосе" и "Русских ведомостях".

Совершенно не изученным является сотрудничество Л.Каравелова в "Московской газете". Здесь опубликован его этнографический очерк "Святки у болгар", а также неизвестный в современной научной литературе (*57) первоначальный вариант рассказа "Слава. Очерк из болгарской жизни" (см.

приводимый ниже список подписанных публикаций Л.Каравелова в русской периодической литературе).

За недолгий срок существования (1866-1867) "Московская газета" не сумела составить серьезной конкуренции выходявшим в то время в старой столице "Московским ведомостям" М.Н.Каткова и "Русским ведомостям" Н.С.Скворцова. Редактор-издатель "Московской газеты" Н.П.Бочаров (1838-1912) стремился освещать в ней быт и нравы города, его историю. Это соответствовало его собственным научным интересам (в 1864 г. он издал "Материалы для изучения Москвы", в 1867 г. - "Материалы статистического комитета"), в этом плане он имел определенный опыт: с 1862 г. Н.П.Бочаров совмещал обязанности секретаря губернского статистического комитета и редактора "неофициальной части" казенных "Московских губернских ведомостей". Однако предпринятое им издание "политической и учебно-литературной" газеты требовало привлечения интересных авторов по различным вопросам. По-видимому еще до выхода в свет "Московской газеты" была достигнута договоренность о сотрудничестве в ней двух известных еще по совместной работе над "Памятниками народного быта болгар" авторов - И.Г.Прыжова и Л.Каравелова, поскольку уже в первых номерах издания появляются их работы.

Появление подписанных работ Л.Каравелова в "Московской газете" объясняется направленностью интересов ее редактора-издателя, в личном архиве (*58) которого сохранились собранные им этнографические материалы. Но публикацией этих работ видимо не исчерпывалось сотрудничество болгарского автора в этой газете. Дальнейшие исследования и архивные розыскания могут решить вопрос об авторстве двух информационных сообщений о болгарских делах, помеченных в газете как поступившие из Константинополя "от нашего корреспондента" (*59). Именно отсутствие зарубежных корреспондентов у "Московской газеты" отмечали фельетонисты влиятельных газет (*60), не оставляя ей права называться поэтому "политической".

Сотрудничество Л.Каравелова в "Московской газете" охватывает небольшой период времени с января по апрель 1866 г. Вместе с окончанием очерка "Святки у болгар" в номере 14 от 10 апреля начинается публикация материалов о покуше-

нии Д.Каракозова на царя. С этого времени явственно проявляется "поправление" газеты, выразившееся в резком сокращении критических материалов, публикаций, верноподданических адресов. Финансовые неурядицы издателя повлекли за собой потерю интересных авторов, среди которых был и Любен Каравелов, выехавший к тому же в конце 1866 г. из России. Одной из причин отъезда могло быть и его участие в легальном отделении организации Н.Ишутина-Д.Каракозова - "Обществе взаимного вспомоществования" (*61).

Вопрос об оценке публицистической деятельности Л.Каравелова не может быть решен без уточнения всех его публикаций. Разумеется, их разнородный характер (оригинальные статьи, переводы, компиляции, газетные сводки, художественная публицистика и др.) затрудняет возможность их использования для характеристики взглядов Л.Каравелова. Тем не менее, общественно-политическая направленность многогранной деятельности болгарского патриота была ярко выражена в самых разнородных его публикациях. "Просвещенный русский читатель остановится может быть с изумлением, - писал Л.Каравелов, - зачем эта несносная этнография является там, где должна была скакать на почтовых вся окружающая этого читателя современность. Но дело в том, что современность эта была бы еще лучше, еще благороднее, и, скажем смело, еще просвещеннее, если б с ней вместе неслись и миллионы оставленных существ, называемых славянским народом. Существа эти ведут свою историю; будем же изучать ее, чтоб идти за нею, а не заставлять ее пресмыкаться за нами" (*62).

Несмотря на значение публицистики Л.Каравелова как важного источника изучения его взглядов, существенные неточности, на наш взгляд, допускаются при оценке органов русской печати, в которых он сотрудничал. Еще М.Димитров необоснованно утверждал, что невозможно "указать газеты не славянофильского направления, в которых бы Каравелов сотрудничал" (*63). Неубедительна позиция и К.А.Поглубко, указывавшего, что Каравелов "активно сотрудничал в славянофильской" печати, но в последствии "свидетельством его открытого разрыва со славянофилами" (*64) явилась статья "По поводу славянского отдела газеты "День" (январь 1862 г.). Поскольку неизвестно ни одной публикации Л.Каравелова в

славянофильских изданиях конца 50-х годов XIX века, а газета "День" появилась в октябре 1861 г., вряд ли можно говорить об активном участии, тем более, что единственная анонимная статья из газеты "День" 1861 года, приписываемая Л.Каравелову (*65), была подвергнута его резкой критике в упомянутой статье "По поводу славянского отдела газеты "День" (*66).

В Истории Болгарии, изданной БАН, отмечается, что с 1860-го года Каравелов "начал писать в газете "Наше время", позднее в журнале Ив.Аксакова "День", в газетах "Москва", "Голос", "Московские ведомости и др. - все ... в славянофильском направлении" (*67). В "Истории философской мысли в Болгарии" указывается, что "Каравелов сотрудничал в славянофильских газетах "Москва", "Голос", "Московские ведомости", журнале "День" и др." (*68). Два обстоятельства вызывают здесь возражения. Во-первых, неправомерно, по нашему мнению, характеризовать газеты "Наше время", "Московские ведомости", "Голос" как славянофильские. Во-вторых, не указаны такие органы печати, как "С.-Петербургские ведомости", "Московская газета", "Русская речь и Московский вестник", "Русские ведомости", "Современное слово", "Иллюстрированная газета", "Библиографические записки", "Русский вестник", "Филологические записки", "Отечественные записки", "Журнал министерства народного просвещения", также не принадлежавшие к славянофильским. Кроме того, участие Л.Каравелова в славянофильских газетах "День" и "Москва", как отмечалось выше, оспаривается в ряде исследований.

С целью уточнения органов русской печати, в которых сотрудничал Л.Каравелов, нами составлен список его подписанных публикаций. Это, в первую очередь, повести и рассказы, а также литературные, библиографические и этнографические статьи. В свое время они имели большое значение не только для общественности России. В статье "Русский язык и русская литература в Болгарии", составленной по выступлению П.Корджиева на собрании кружка болгарских студентов в Петербурге по случаю четырнадцатой годовщины освобождения, отмечалось, что "некоторые из болгарских писателей, как покойный Любен Каравелов, Палаузов, Дринов, а в последнее время и капитан Бендерев, издали свои произведения на русском языке. Правда, в настоящее время труды Каравелова и

отчасти Дринова переведены на болгарский язык, но прежде с ними можно было познакомиться не иначе, как на русском языке" (*69).

Произведения Л.Каравелова, написанные им в России, воспринимались как одно из проявлений демократического течения 60-х годов. Еще в русской буржуазной историографии отмечалось, что в них он отстаивал убеждения, заимствованные из катехизиса русского же литературного радикализма 60-х годов" (*70), справедливо подчеркивалось, что "как публицист и художник, Каравелов боролся не только с турками и греками, но и с теми слоями болгарского народа, которые обижали бедную крестьянскую массу, с чорбаджиями и с примыкавшей к ним частью духовенства" (*71). Показателен и факт перевода произведений Л.Каравелова революционно настроенными армянскими студентами в Петербурге. В конце 80-х годов они "переводят проникнутые революционной романтикой реалистические повести, которые своей разоблачительной силой и освободительными идеями полностью перекликались с их патриотическими стремлениями" (*72).

Попытка составления списка подписанных публикаций Л.Каравелова была предпринята Л.С.Ерихоновым (*73). Однако в его списке пропущен рассказ "Бошко. Рассказ из болгарской жизни", неправильно указаны выходные данные публикаций "Неда. Рассказ моей бабушки", "Данчо. (Рассказ болгарского атамана)", "Болгары старого времени", неточно даны названия публикаций, не соблюден их хронологический порядок. Сходные ошибки присутствуют в биографической работе М.Димитрова (*74), специальном библиографическом издании М.Стоянова (*75).

Приводимый ниже список свидетельствует о широком круге московских, петербургских и одного воронежского периодических изданий, в которых помещены Л.Каравеловым работы. Наряду с публикациями в редакционных изданиях М.Каткова демократических органах "Библиографические записки" и "Современное слово" (*76), следует подчеркнуть его преимущественное участие в либеральных органах печати различных оттенков - "Наше время", "Московские ведомости" 1862 г., "С.-Петербургские ведомости", "Московская газета". В обстоятельной статье С.И.Сидельникова (*77), посвященной в

основном идейно-тематическому анализу корреспонденций Л.Каравелова периода 1867-1869 гг., также отмечается преимущественное сотрудничество болгарского публициста в либеральных русских изданиях.

Разумеется, для оценки взглядов Л.Каравелова определяющее значение имеют материалы его работ, а не оценка органов печати, в которых они помещены. Тем не менее, интерес представляют и его контакты с такими либеральными русскими журналистами как В.Ф.Корш, Н.С.Скворцов, А.Н.Афанасьев, Н.П.Бочаров, М.П.Щепкин и др. Установившаяся неточная оценка многих вопросов сотрудничества Л.Каравелова в русских газетах и журналах не способствует изучению связей болгарского публициста с некоторыми изданиями, в забвении остаются и многие его работы. Уточнению некоторых из этих спорных вопросов и была посвящена настоящая статья.

Список подписанных публикаций Л.Каравелова.

1. Атаман. (Из болгарских нравов), "Наше время", 27. XII 1860, N 50, стр.809-815.
2. Неда. Рассказ моей бабушки, "Русский вестник", т.33, 1861, июнь, стр.744-768.
3. Библиография современной болгарской литературы, "Библиографические записки", 1861, т.III, N 9, стр.277-280, N 15, стр.467-471.
4. Бедное семейство. Рассказ филиппопольки, "Московские ведомости", 20.III 1862, N 62, стр.496-497.
5. Болгарская журналистика, "Московские ведомости", 13.VII, 14.VII 1862, NN 153, 154, стр.1220-1221, 1229.
6. Дончо. "Рассказ болгарского атамана", "С.-Петербургские ведомости", 28.V, 31.V 1864, NN 118, 120, стр.476, 483.
7. Святки у болгар, "Московская газета", 9.I, 10.IV 1866, NN 2, 14, стр.18-19, 117-118.
8. Слава. Очерк из болгарской жизни, "Московская газета", 23.I, 30.I 1866, NN 4, 5, стр.40-41, 50-51.
9. На чужой могиле без слез плачут. Болгарская повесть, "С.-Петербургские ведомости", 10.III, 11.III 1866, NN 68, 69.

10. Турецкий паша. Записки болгарской монахини, "С.-Петербургские ведомости", 5.VII, 25.VII 1866, NN 181, 205.

11. Бошко. Рассказ из болгарской жизни, "Русский вестник", т.64, 1866, август, стр.512-534.

После отъезда Л.Каравелова из России были опубликованы еще несколько его работ.

12. Вук Стефанович Караджич, "Филологические записки", Воронеж, 1867, вып. I, отдел "Славянский вестник", стр.1-16.

13. Из записок болгара, "Русский вестник", т.68, 1867, март, стр.370-399, апрель, стр.661-689.

14. Болгары старого времени. Рассказ, "Отечественные записки", т.173-174, 1867, август, кн.2, стр.813-842, сентябрь, кн.1, стр.1-34.

15. Южнославянская библиография за 1867 год, "Журнал министерства народного просвещения", ч.138, 1868, июнь, отдел "Критика и Библиография", стр.882-904. Кроме перепечатки некоторых из этих рассказов и очерков после смерти Л.Каравелова впервые была напечатана его работа "Болгарские народные песни".

16. Болгарские народные песни, собранные Любеном Каравеловым, изданные под наблюдением П.А.Лаврова, "Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете" (ЧОИДР), 1905, кн.1 (212), раздел II, стр.1-80, кн.2 (213), раздел II, стр.81-161.

*1 *М.Димитров.* Любен Каравелов. Биография. София, 1959; *М.Арnaudов.* Любен Каравелов. Живот, дело, эпоха. С., 1964 (периздана в 1972г.); *И.Конев.* Л.Каравелов. Литературно-критический очерк. С., 1966; *Кр.Шарова.* Любен Каравелов и българското освободително движение. 1860-1867. С., 1970.

*2 *Дж.Игнатович.* Любен Каравелов и сръбското общество. Ниш, 1969.

*3 *Л.В.Воробьев.* Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М., 1962; *его же.* Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество. М., 1963. Много статей о

Л.Каравелове было написано также советским литературоведом Л.С.Ерихоновым, большинство из них вошли в сборник "Руското общество и българската литература. Очерци". С., 1967.

*4 См. *В.Субашкин, С.Славов*. Коллективен труд по история на философската мисъл в България. "Философска мисъл", 1972, N 1, стр.106.

*5 *С.А.Никитин*. Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. "Ученые записки института славяноведения АН СССР" (далее - УЗИС), т.1, 1948, стр.18-51.

*6 *К.А.Копержинский*. Беллетристические произведения Любена Каравелова, написанные им в России. "Известия АН СССР. Отделение литературы и языка", 1948, т.7, вып.2, стр.173-188; *его же*. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России. УЗИС, т.7, 1956, стр.174-208.

*7 "Публицистиката на Любен Каравелов", т.1-2, С., 1958-1965.

*8 *М.Димитров*. Увод. В кн. "Публицистиката на Любен Каравелов", т.1, стр.7.

*9 *М.Димитров*. Ук. соч., стр.30.

*10 Там же.

*11 *М.Димитров*. Ук. соч., стр.18, 34; *его же*. Из публицистическото наследство на Любен Каравелов. "Годишник на българския библиографски институт", С.,1948, т.1, стр.31.; *его же*. За идеологията на Л.Каравелов и неговото място в революционното движение. "Известия на Института "Ботев-Левски", С.,1956, т.2, стр.10, 26 и др.

*12 *Д.Косев*. БРЦК в Букурещ, Васил Левски и вътрешната революционно организация. "Исторически преглед", 1973, N 3, стр.106.

*13 См. *Л.С.Ерихонов*. Л.Каравелов в невярно светлина. "Литературна мисъл", 1958, N 6; *С.И.Сидельников*. Цепен изверг за изучаваня идеологията на Любен Каравелов."Исторически преглед", 1959, N 6; *М.Арnaudов*. Любен Каравелов. Живот, дело, епоха. стр.815-820 и др.

*14 *Л.В.Воробьев*. О характере и источниках идеологии Любена Каравелова. Сб. "Исследования и статьи за Любен

Каравелов". С., 1963, стр.13. Такого же мнения придерживается Кр.Шарова (Ук. соч., стр.44).

*15 *Н.А.Попов*. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. СПб, 1971, стр.135-136.

*16 *К.Жинзифов*. Болгарская литература. Болгарские поэты. В кн. "Поэзия славян", СПб., 1871, стр.308-310.

*17 "Публицистичната на Любен Каравелов", т.1, стр.573-575.

*18 Т.е. в Австрии.

*19 *Л.С.Ерихонов*. Литературната дейност на българската дружина. "Език и литература", 1963, N 6, стр.51.

*20 "Русская газета", 1859, NN 27, 30, 32 (вып.36, 39, 41).

*21 "Наше время", 27.XII.1860, N 50. Говоря о дебюте Л.Каравелова в русской печати, М.Арнаутов (Ук.соч., стр.185) ошибочно отмечает статью "Болгарская уния", напечатанную в январе 1861 г. в этой же газете. Кроме рассказа "Атаман" ранее названной М.Арнаутовым статьи была опубликована также корреспонденция "Болгария. 14 декабря 1860 года" (см. "Наше время", 9.I.1861, N 52, а также "Публицистиката на Любен Каравелов", т.2, стр....).

*22 *Б.П.Козьмин*. Журналистика шестидесятых годов XIX века. М., 1948, стр.7.

*23 "Русские ведомости", 1863-1913. Сборник статей М., 1913, стр.64.

*24 См. *М.Арнаутов*. Ук.соч., стр.185.

*25 См. "Публицистиката на Любен Каравелов", т.1, стр.586. Переписку Л.Каравелова и Н.С.Скворцова обнаружить не удалось. В "Русских ведомостях" 5.II.1869, N 29 Л.Каравелов назван "сотрудником нашей газеты".

*26 "Наше время", 30.I.1861, N 3.

*27 Там же, 20.III.1861, N 10, а также "Публицистиката на Любен Каравелов", т.1, стр.65.

*28 "Публицистиката на Любен Каравелов", т.1, стр.68-72.

*29 "Наше время", 31.VII.1861, N 26, стр.431.

*30 *Л.С.Ерихонов*. Руското общество и българската литература, стр....

- *31 "Московские ведомости", 11.V.1862, N 102, стр.817.
- *32 *И.Снегирев*. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, стр.109.
- *33 См. "Москвитянин", 1842, N 11. *Ф.Буслаев* также отрицательно оценил сочинения *И.Снегирева*. См. *Ф.Буслаев*. О русских народных книгах и лубочных изданиях. "Отечественные записки", 1861, N 9.
- *34 *П.В.Быков*. Материалы для словаря псевдонимов. "Российская библиография", 13.IX.1881, N 93, стр.365.
- *35 *Л.С.Ерихонов*. Руского общество и българската литература, стр.117.
- *36 *К.А.Копержсинский*. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России, стр.191.
- *37 *Л.С.Ерихонов*. Ук. соч., стр.117
- *38 См. "С.-Петербургские ведомости". 17.II.1863, а также NN 61, 74, 84, 116, 130, 139, 142, 151
- *39 *С.А.Никитин*. Южнославянские связи русской периодической связи 60-х годов XIX в. УЗИС. 1952, т.6, стр.112. См. также Публичная библиотека им.М.Е.Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, ф.391 (А.А.Краевский), д.348 (письма П.П.Дубровского)
- *40 *Л.С.Ерихонов*. Руского общество и българската литература, стр.117
- *41 *В.Г.Карасев, В.И.Фрейдзон*. Сотрудничество хорватского публициста Имбро Ткалаца в "С.-Петербургских ведомостях" (1863-1865). Сб. "Славяне и Россия", М.,1972
- *42 *В.Г.Карасев*. Сотрудничество сербского демократа Жевоина Жуевича в газете "С.-Петербургские ведомости" в 1864 г. (Опыт источниковедческого исследования). "Советское славяноведение", 1963, N 6.
- *43 "С.-Петербургские ведомости", 26.VII.1862, N 186.
- *44 *В.Г.Карасев, В.И.Фрейдзон*. Ук.соч., стр.171
- *45 "Райко Жинзифов. Публицистика", т.1, С., 1964, стр.20
- *46 "Публицистиката на Любен Каравелов", т.2, стр.129-131

*47 "Райко Жинзифов. Публицистиката", т.1, стр.156-164

*48 Пятидесятилетие Литературного фонда. 1859-1909. Общий очерк. По поручению комитета Литературного фонда составил А.А.Корнилов. СПб, 1909, стр.46. Интересно отметить, что секретарем Общества в 1863 г. был известный писатель Ф.М.Достоевский.

*49 "Славянский миф", 1878, т.1, вып.5, стр.142. Журнал выписывал в этом же году один из соратников Л.Каравелова Д.Х.Попов из Турно-Магурели. См. вып.14. Ответы редакции.

*50 "Публицистиката на Любен Каравелов", т.1, стр.121-122.

*51 "Московские ведомости", 2.III.1865, N 46

*52 Там же, 24.III.1865, N 65

*53 Там же, 21.VII, 2.VIII, 29.VIII, 4.XI, 10.XII.1864, NN 165, 170, 190, 241, 271, 4.III.1866, N 47

*54 Там же, 2.VIII.1864, N 470

*55 "Московские ведомости", 10.XII.1864, N 271

*56 Кроме указанных константинопольских корреспонденций К.Л. в этой газете опубликована еще одна ("Московские ведомости", 20.I.1866, N 15), подписанная одной буквой К. Изложение в ней событий, связанных с эпидемией холеры в Болгарии, позволяет предположить авторство болгарина В.Карахоновского. После окончания медицинского факультета Московского университета в 1864 году он работал врачом русского посольства в Константинополе, одновременно посылая корреспонденции в одесские, московские и петербургские издания. В 1865 г. Карахоновский принимал активное участие в подавлении вспышки холеры, о чем сообщали болгарские газеты "Турция" 31.VII.1865, "Время" 21.VIII.1865. См. *М.Стоянов*. Българска възрожденска книжнина, С., 1959, т.2, стр.126, 594

*57 Все исследователи творчества и деятельности Л.Каравелова ошибочно относят публикацию этого произведения к 1868 г. См., например, *Цв.Унджиева*. Любен Каравелов. Литературни позиции. Изграждането на белетриста. Майстор на фелетона. С., 1968, стр.74; *Л.С.Ерихонов*. Руското общество и българската литература, стр.116; *Кр.Шарова*. Ук. соч., стр.37 и др.

вания и оформления взглядов Л.Каравелова. Даже в работах тех исследователей, которые единодушны в оценке его идеологии как революционно-демократической, этот вопрос освещается по-разному. В работах Л.Ерихонова (*2), Кр.Шаровой (*3) говорится о Л.Каравелове как сложившемся революционере-демократе в период его пребывания в России(1857-1866), тогда как в работе Л.Воробьева отмечается, что "его политические взгляды, сформировавшиеся в конце 60-х-начале 70-х годов XIX в., отражали то время, когда революционно-демократическая идеология только-только отделилась от прогрессивной идеологии национальной буржуазии" (*4).

Как видно из приведенной цитаты, вопрос о формировании взглядов Л.Каравелова связан и с другими проблемными вопросами - возникновением революционно-демократической идеологии в Болгарии, выяснением роли буржуазной идеологии. Для рассмотрения процесса формирования социально-политических взглядов Л.Каравелова необходимо остановиться на его отношении в 60-х годах к основным формам национального болгарского движения: борьбе за церковную автономию и начавшимся организованным революционным выступлениям против турецкого господства.

Обострение болгаро-греческой церковной борьбы в конце 50-х годов привело к обособлению в болгарском национальном движении двух течений. Если в целом церковная борьба являлась политическим протестом молодой болгарской буржуазии, то в выделении течений "проявлялись классовые противоречия болгарского общества" (*5). Умеренное течение, возглавлявшееся торгово-чорбаджийской группой требовало "разрешить богослужение на болгарском языке и назначать в болгарских епархиях владык из болгар", радикальное течение, во главе которого "стояли зажиточные слои мелкой торгово-промышленной буржуазии, открыто поставило вопрос о создании самостоятельной болгарской церкви, возглавляемой выборным духовным лицом" (*6). Начавшееся в то же время униатское движение еще больше обостряло положение.

Л.Каравелов, учившийся в то время в Москве, внимательно следил за ходом церковной борьбы. В 1861 г. он выступил на страницах газеты "Наше время" с рядом статей по этому вопросу. Молодому болгарскому автору приходилось учи-

тивать сложность освещения болгаро-греческой борьбы в русской печати. Царская политика на востоке была направлена на сохранение и упрочение единства православной церкви, поэтому пропаганда болгарских требований в подцензурной печати была затруднена. В этих условиях Л.Каравелов смело критикует "самого" патриарха за то, что он "соединяется с турками, старается окружить себя людьми продажными, низкими"(*7). Болгарский студент выступает с патриотическим обращением, ставящим вопрос о политическом освобождении. "Зачем подчиняться чужим народам, - пишет он, - когда мы можем иметь свои родные и милые нашему сердцу права" (*8). Л.Каравелов отмечает также панэллинские притязания греческого духовенства, которое "из одной политической мечты, которая никогда не осуществится - возобновить Византийскую империю, старалось уничтожить болгарскую иерархию, преследовало болгарскую народность" (*9).

Вместе с этим в 1861 г. Л.Каравелов еще не выработал твердой тактической линии в церковной борьбе. Признавая национально-политический характер болгарского движения, он считал возможным принятие унии с католической церковью. "Мы уверены, - писал Л.Каравелов, - что весь народ готов принять унию" (*10). Далее он пояснял: "Народ думает, что уже достигает цели, он ждет не унию принять, а освободиться от греков, фанариотов и какими бы то ни было средствами..." (*11). Однако оправдание Л.Каравеловым принятия унии свидетельствует о недооценке опасности расчленения общенационального движения. В этом состоит существенное различие в позициях Л.Каравелова и признанного руководителя болгарской эмиграции Георгия Раковского, выступавшего против униатского движения.

В русской периодической печати не было в то время единства в освещении болгаро-греческих отношений. "Современник" отмечал угнетенное положение болгарского "народа, задавленного двойным игом турок и греков. Первые гнетут его материальным насилием, грабежами и убийствами; вторые налагают тяжелый нравственный гнет, преследование народности, насилие не менее мучительное для пробудившегося сознания" (*12). Славянофильская газета "День" придерживалась в 1861 г. официальной политики и, по словам Л.Каравелова,

шла "наперекор истории и современным понятиям", "проповедуя соединение болгар с греками" (*13).

Первые годы обучения, протекавшие в период революционной ситуации в России, посещение студенческих собраний, знакомство с произведениями Герцена и Чернышевского способствовали росту революционных убеждений Л.Каравелова. В 60-е годы в Болгарии начинается организованное революционное движение за национальное освобождение. Начало этого этапа связано с именем Г.С.Раковского (*14). В силу этих причин вопросы церковной борьбы менее всего занимают болгарского публициста в последующие годы.

Специфичность угнетенного положения болгарского народа, выражавшаяся в господстве турецкой военно-феодальной государственности, с одной стороны, и в дополнительном национальном и экономическом притеснении греческого духовенства - с другой, нашла отражение во внешних признаках проявления национально-освободительной борьбы. В церковной борьбе, принявшей характер народного движения, выдвигались буржуазно-демократические требования. Вместе с тем известные успехи болгарского движения в начале 70-х годов привели к относительному снижению революционности болгарской буржуазии как класса. Это определяется другой специфической особенностью внутреннего развития Турции, которая состояла в значительно меньшей степени развитости турецкой национальной буржуазии по сравнению с болгарской буржуазией. В этих условиях происходит усиление компрадорской части болгарской буржуазии, развернувшей активную идеологическую борьбу за преобладание соглашательской линии в болгарском национальном движении.

Признавая заслуги идеологов этой части болгарской буржуазии в деле болгарского просвещения и развития литературы, Л.Каравелов вскрывает антинародные тенденции болгарских газет, издававшихся в Константинополе. В очерке "Болгарская журналистика", отмечая прежние заслуги газет "Болгария" и "Цариградски вестник", он указывал, что болгары перестали подписываться на первую из них так же, "как отказались от "Цариградского вестника", не находя в нем сочувствия к народному движению" (*15).

Отделение болгарской церкви в рамках Турецкого государства означало признание формирующейся болгарской нации. В этом прогрессивное значение этой формы национальной борьбы. Вместе с этим в условиях нарастания революционных настроений болгарского крестьянства церковная борьба, затянувшаяся до 1872 г., отвлекала народные массы от революционной борьбы за освобождение от турецкого феодального гнета. В этом смысле смещение центра интересов Л.Каравелова от церковной борьбы к вопросу об освобождении родины от турецкого господства означало определенное отличие его взглядов от интересов средней и крупной буржуазии.

Показательно содержание художественных произведений Л.Каравелова, написанных им в России. На раннем этапе развития национальной литературы для болгарских писателей было характерно прямое выражение своих целевых установок в области общественных задач. Это в полной мере относится к творчеству Л.Каравелова. Как отмечал болгарский литературовед академик П.Зарев, в своих произведениях Л.Каравелов выражал "открыто отрицательное отношение к ...представителям эксплуататоров и соглашателей с турецким правительством. Во всех повестях 1860-1867 гг. симпатии автора на стороне бедняков" (*16). В исследованиях Кр.Шаровой справедливо указывается, что "повести Л.Каравелова русского периода дают многочисленные доказательства, что в то время у их автора созрело мнение о необходимости политической борьбы за полное освобождение от турецкого владычества, и что он воспринял революционные методы борьбы как единственно результативные и спасительные для народа." (*17).

Начало организованной революционной борьбы, пришедшей на смену гайдучеству и стихийным восстаниям, было отмечено в статьях Л.Каравелова в русской печати. "Во всей почти Болгарии, начиная с Черного моря и с сербской границы, - писал он в 1862 г., - происходили недавно волнения с чисто революционным характером" (*18). Л.Каравелов отрицал либерально-реформистский путь решения национального вопроса. Кроме того, что турецкие реформы "никогда не исполняются на деле" (*19), они мало что могут изменить и в случае проведения в жизнь. "Говорят, что чиновниками во всей Турции будут и турки, и славяне, и греки, без различия и веро-

шла "наперекор истории и современным понятиям", "проповедуя соединение болгар с греками" (*13).

Первые годы обучения, протекавшие в период революционной ситуации в России, посещение студенческих собраний, знакомство с произведениями Герцена и Чернышевского способствовали росту революционных убеждений Л.Каравелова. В 60-е годы в Болгарии начинается организованное революционное движение за национальное освобождение. Начало этого этапа связано с именем Г.С.Раковского (*14). В силу этих причин вопросы церковной борьбы менее всего занимают болгарского публициста в последующие годы.

Специфичность угнетенного положения болгарского народа, выражавшаяся в господстве турецкой военно-феодальной государственности, с одной стороны, и в дополнительном национальном и экономическом притеснении греческого духовенства - с другой, нашла отражение во внешних признаках проявления национально-освободительной борьбы. В церковной борьбе, принявшей характер народного движения, выдвигались буржуазно-демократические требования. Вместе с тем известные успехи болгарского движения в начале 70-х годов привели к относительному снижению революционности болгарской буржуазии как класса. Это определяется другой специфической особенностью внутреннего развития Турции, которая состояла в значительно меньшей степени развитости турецкой национальной буржуазии по сравнению с болгарской буржуазией. В этих условиях происходит усиление компрадорской части болгарской буржуазии, развернувшей активную идеологическую борьбу за преобладание соглашательской линии в болгарском национальном движении.

Признавая заслуги идеологов этой части болгарской буржуазии в деле болгарского просвещения и развития литературы, Л.Каравелов вскрывает антинародные тенденции болгарских газет, издававшихся в Константинополе. В очерке "Болгарская журналистика", отмечая прежние заслуги газет "Болгария" и "Цариградски вестник", он указывал, что болгары перестали подписываться на первую из них так же, "как отказались от "Цариградского вестника", не находя в нем сочувствия к народному движению" (*15).

Отделение болгарской церкви в рамках Турецкого государства означало признание формирующейся болгарской нации. В этом прогрессивное значение этой формы национальной борьбы. Вместе с этим в условиях нарастания революционных настроений болгарского крестьянства церковная борьба, затянувшаяся до 1872 г., отвлекала народные массы от революционной борьбы за освобождение от турецкого феодального гнета. В этом смысле смещение центра интересов Л.Каравелова от церковной борьбы к вопросу об освобождении родины от турецкого господства означало определенное отличие его взглядов от интересов средней и крупной буржуазии.

Показательно содержание художественных произведений Л.Каравелова, написанных им в России. На раннем этапе развития национальной литературы для болгарских писателей было характерно прямое выражение своих целевых установок в области общественных задач. Это в полной мере относится к творчеству Л.Каравелова. Как отмечал болгарский литературовед академик П.Зарев, в своих произведениях Л.Каравелов выражал "открыто отрицательное отношение к ...представителям эксплуататоров и соглашателей с турецким правительством. Во всех повестях 1860-1867 гг. симпатии автора на стороне бедняков" (*16). В исследованиях Кр.Шаровой справедливо указывается, что "повести Л.Каравелова русского периода дают многочисленные доказательства, что в то время у их автора созрело мнение о необходимости политической борьбы за полное освобождение от турецкого владычества, и что он воспринял революционные методы борьбы как единственно результативные и спасительные для народа." (*17).

Начало организованной революционной борьбы, пришедшей на смену гайдучеству и стихийным восстаниям, было отмечено в статьях Л.Каравелова в русской печати. "Во всей почти Болгарии, начиная с Черного моря и с сербской границы, - писал он в 1862 г., - происходили недавно волнения с чисто революционным характером" (*18). Л.Каравелов отрицал либерально-реформистский путь решения национального вопроса. Кроме того, что турецкие реформы "никогда не исполняются на деле" (*19), они мало что могут изменить и в случае проведения в жизнь. "Говорят, что чиновниками во всей Турции будут и турки, и славяне, и греки, без различия и веро-

исповедания, но эти чиновники будут набираться константинопольским правительством, - писал Л.Каравелов, - следовательно, новое чиновничество будет похоже на фанариотство в Молдаво-Валахии, или духовно-фанариотское - в Болгарии. Богатые люди будут покупать должности у его величества султана и его визиря, потом сядут на шею народа и будут отнимать последний кусок хлеба и последнюю сорочку у бедняков" (*20). Проявление турецкого "либерализма" болгарский публицист с горькой иронией описывал в одной из своих статей: "Либерал Митат-паша принялся за свое дело и исполняет его с достоинством, как цивилизованный человек: он начал вешать, бить по пяткам, расстреливать и подвергать пыткам всех, не имеющих денег помочь султану, как людей непослушных, бунтовщиков и политических преступников " (*21).

Неудачи вооруженных выступлений, по мнению Л.Каравелова, способствовали накоплению опыта (*22); он оптимистически расценивал перспективы борьбы: "хотя бы и не последовало успеха, все-таки это будет лишь временная неудача, и турки, истощенные самою борьбою и своими крайними напряжениями, необходимо должны, рано или поздно, совершенно ослабеть... и это без сомнения, последует в непродолжительное время" (*23). Отмечая рост вооруженных выступлений в Болгарии (*24), молодой публицист подчеркивал изменение характера движения: "Давно уже на Балканы бежали люди и искали свободу с оружием в руках, но эти люди бесполезно проливали свою кровь; они не имели ничего общего с народом, ибо мстили туркам за личные обиды..., теперешние хайдуки или инсургенты имеют совершенно другой характер. Целью действий этих хайдуков есть не желание жить на чужой счет, грабить чужое добро, мстить за личные обиды, а вражда с неверными и злыми тиранами" (*25). Это изменение отражено и в художественных произведениях Л.Каравелова. Герой одного из них, воевода Дончо заявляет: "Мы восстали защитить крест от нечестивых; оборонять бедняков от мук и неволи; защитить христиан от магометанского меча и воскресить свою Болгарию!" (*26).

В соответствии с выводом о признании революционного пути единственно необходимым для освобождения Болгарии Л.Каравелов по приезде в Белград активно участвовал в

подготовке вооруженного отряда. Болгарский комитет, созданный в сербской столице в мае 1867г. (*27), имел уставной документ "Закон и правила", определявший устройство чет. Руководящую роль в комитете и при написании этого документа играл Л.Каравелов (*28). Разделяя четническую тактику, провозглашенную Г.Раковским, он внес новые элементы в организационные принципы. Согласно "Временному закону о народных лесных четах на 1867г.", написанному Г.Раковским, "ни один инородец и иноверец не будет приниматься, никоим образом, в народные болгарские лесные четы в этом году" (*29). В четах, организуемых болгарским комитетом в Белграде, наряду с болгарами предусматривалось также участие сербов, греков, румын, черногорцев (*30). Если в четах Раковского налицо была строгая иерархия военных начальников - главный воевода, первостепенные, второстепенные, третьестепенные воеводы, их знаменосцы и т.д., то в "Уставе и правилах" предусматривалось требование демократического равенства между всеми участниками в освободительном движении, проявлялся "дух демократизма, враждебности к обособлению руководящего состава в особую категорию" (31).

Созданные весной 1867 г. в Румынии четы П.Хитова и Ф.Тотю находились в финансовой зависимости от организации крупной болгарской буржуазии - "Добродетельной бружины" - и по ее указанию должны были "перейти... в Болгарию, но не поднимать восстание, а лишь наблюдать за настроениями в народе... и пресекать любой бунт" (*32). Таким образом, цель "румынских" чет сводилась к сбору информации о настроении в Болгарии и к политической демонстрации перед европейской общественностью (*33), поэтому они не были многочисленными. Вооруженные отряды, создаваемые болгарским комитетом в Белграде имели иной характер. "Л.Каравелов записал только в Белграде 370 человек", а другими деятелями этой организации "были завербованы в июне и июле 1867 г. около 500 человек" (*34). Это позволяет говорить, что действия Л.Каравелова шли в направлении действительно революционного освобождения Болгарии и отличались от методов крупной болгарской буржуазии.

Рассмотрение позиции Л.Каравелова в отношении церковной борьбы и революционного национального движения

показывает отличие его взглядов от взглядов как крупной буржуазии, так и либеральной ее части. Последняя организационно была оформлена в Болгарском центральном тайном комитете (БЦТК), находившимся в Бухаресте. "Подлинная и последовательная революционная борьба была чужда его руководителям" (*35). Но это отличие не позволяет говорить о революционно-демократическом характере идеологии Л.Каравелова 1860-1867 гг. Так в его политической программе 1867 г. предусматривалось создание единого болгаро-сербского государства, при котором "каждое племя должно иметь свои законы, язык, литературу, школы и т.д., верховная же власть должна быть одна: она будет состоять из парламента... , а во главе парламента должен стоять князь Михаил Обренович, который будет иметь право сам назначить высших правителей южно-славянского государства" (*36).

Предлагаемая здесь своеобразная форма парламентарной монархии находилась в противоречии с классовыми симпатиями, выраженными Л.Каравеловым в художественных произведениях и с последующими его проектами устройства Балканской федерации по образцу США или Швейцарии. Однако вряд ли все это можно объяснить тактическими соображениями Л.Каравелова, как считает Кр.Шарова (*37). Выдвижение в программе Л.Каравелова задач национального освобождения Болгарии на первое место не вызывает сомнений.

Классовые противоречия в болгарском обществе не были до конца осознаны Л.Каравеловым. Причисляя к врагам революционного движения болгарских чорбаджиев, он даже позднее, в 1870 г., писал в программе БРЦК: "Болгарский народ - народ демократический; он не разделен на сословия, он не имеет среди себя аристократического величия" (*38). Здесь в сущности Л.Каравелов подтверждает свои положения 60-х годов о всенародном выступлении против турецкого господства и туркофильских слоев буржуазии. Недостаточно, однако, для выяснения позиций Л.Каравелова в этот период констатировать, что для него "народ, нация в 60-е годы были во многом идентичными понятиями" (*39). В условиях зарождения капиталистических отношений своеобразие феодальных отношений в болгарских землях накладывало свой отпечаток на идеологию крестьянско-мелкобуржуазных слоев. Главными призна-

ками этого своеобразия были государственная власть на землю и отсутствие сословной иерархии в болгарском обществе. Если борьба за национальное освобождение в программе Л.Каравелова совпадала во многом с задачами антифеодальной борьбы, то своеобразие юридического оформления существовавших феодальных отношений затрудняло восприятие им изменений в социальных отношениях в период начавшегося образования болгарской нации.

Специфика замедленного процесса первоначального накопления в Болгарии обусловила сравнительно слабый рост дифференциации крестьянства, остававшегося в тот период основным трудящимся классом. Самую многочисленную категорию крестьянства составляли "мелкие самостоятельные сельские хозяева - эта группа была велика и ее численность непрерывно возрастала" (*40). Начавшийся процесс пролетаризации части крестьянства в ходе его расслоения не привел еще в 60-е годы к созданию самостоятельного рабочего класса вследствие слабого развития фабричной промышленности (*41). Сложное и интенсивное развитие идейно-политической жизни болгарского народа в 60-е годы XIX века определялось как внутренними причинами развития социальных отношений, так и внешнеполитическими обстоятельствами.

Первое политическое выступление болгарской буржуазии, каковым являлась церковная борьба, не затрагивало основ турецкой военно-феодальной системы. В то же время начавшееся революционное движение не ставило "вопроса об отчуждении чорбаджийских земель и их перераспределении" (*42). В революционных программах 60-х годов не содержалось открытой постановки вопроса о радикальных аграрных преобразованиях. Активное участие в революционном движении национальной буржуазии привело к тому, что воззвания основоположника революционной идеологии в Болгарии Г.Раковского явились отражением "компромисса с представителями буржуазно-либерального течения" (*43). При таком положении идеология болгарского крестьянства в силу многочисленности категории "мелких самостоятельных хозяев", незавершенности процесса социальной дифференциации, монолитного (и вместе со слабо развитой промышленной буржуазией) выступления за революционное решение задачи национального освобождения

еще не отражало в 60-е годы XIX века расслоения крестьянства, закончившегося в основных чертах в более поздний период.

В конце 50-х - начале 60-х годов XIX в. во время обострения церковной борьбы происходит разграничение консервативного течения (отражавшего интересы торгово-чорбаджийской группы буржуазии) и либерального (отражавшего интересы как части средней торгово-промышленной буржуазии, так и городской мелкой буржуазии и крестьянства). Лишь в самом конце 60-х - начале 70-х годов начинается размежевание либералов и демократов "по мере того, как в Болгарии назревали условия для буржуазно-демократической революции" (*44). При этом и в ходе размежевания демократы вместе с либералами, в значительной мере родственными по классовой основе в тех условиях, вели борьбу с консервативным течением, отражавшим интересы крупной (в рамках турецкого государства) и части средней буржуазии.

Такое схематичное изображение расстановки классовых сил в болгарском обществе позволяет рассмотреть значение политических взглядов Л.Каравелова в ранний период его деятельности.

Поскольку не подлежит сомнению революционно-демократическая направленность деятельности Л.Каравелова в БРЦК в период с конца 1869 г. по 1874 г., главным вопросом является, по нашему мнению, оценка нового, внесенного им вклада в национально-освободительное движение предшествующего периода. Придерживаясь четнеческой тактики, он, как и Раковский, выступает за революционное решение вопроса о национальном освобождении. Существенным различием при этом является их отношение к сочетанию и сопоставлению вооруженной борьбы и движения за национальную церковь. Раковский - "активный участник церковной борьбы", он видит в ней вопрос "смерти или жизни болгарской народности" (*45). О позиции Каравелова в начале 60-х годов говорилось выше; интересно отметить, что в 1869 г. он выдвигал требование "отложить временно" (*46) церковный вопрос. По поводу этих различий М.Арnaudов пишет в самой последней монографии о Каравелове: "позитивист, враг всякой догмы... Каравелов, ученик Чернышевского и Добролюбова, находил поединок " с

фанариотским духовенством "бесплодным гвалтом, не только с точки зрения своего философско-научного свободомыслия, но и своей революционной идеологии, учреждение болгарской экзархии он считал запоздавшим достижением" (*47). И далее обосновывается ошибочность позиции Л.Каравелова: "Весь ход болгарских дел после 1870 г. доказывал, однако, насколько прав был здесь принципиально редактор "Дунайского лебедя" (т.е. Раковский - Б.Б.). Именно экзархия, обличенная и в светскую юрисдикцию, привела к защите болгарщины от преследования ее врагов" (*48).

Такая оценка искажает решение вопроса о своеобразии позиции Л.Каравелова. Его отношение к церковной борьбе отличалось последовательной революционностью, нашедшей свое наиболее полное выражение в начале 70-х годов. Такая позиция отвечала интересам крестьянства, ремесленников и других мелко-буржуазных слоев болгарского общества.

Поскольку деятельность В.Левского по созданию внутренней революционной организации и в известной мере деятельность БРЦК способствовали очищению "революционного движения от влияния буржуазно-либеральной идеологии, от руководства колеблющихся между революцией и соглашательством эмигрантских идеологов" (*49), встает вопрос об оценке в этом смысле деятельности Болгарского комитета в Белграде. Опуская военно-организационную сторону дела, отметим, что по устройству и задачам вооруженные отряды, формировавшиеся под руководством Л.Каравелова в Сербии, отличались от "румынских" чет, находившихся в зависимости от консервативных и либеральных кругов болгарской эмиграции в Бухаресте.

Значение этого факта нельзя преувеличивать, т.к. в конечном счете, неудачу вооруженного выступления болгарских повстанцев, организованных в Сербии, определила перемена ее внешне-политического курса в 1867 г. Вместе с этим деятельность болгарского комитета показывает, что его руководители "и прежде всего Л.Каравелов, не имели намерения подчинить болгарское освободительное движение сербской политике и не подчиняли его" (*50). Таким образом, в период четнической тактики в болгарском освободительном движении деятельность Л.Каравелова шла в направлении "освобождения" рево-

люционного движения от влияния буржуазно-либеральной идеологии.

Отмеченные тенденции в связи с внутренними противоречиями социально-политических взглядов Л.Каравелова позволяют перейти к рассмотрению специфических черт возникновения революционной демократической идеологии в Болгарии. Процесс формирования взглядов Л.Каравелова, охватывающий 60-е годы XIX века, в определенной мере отражает процесс возникновения болгарской революционно-демократической мысли.

Причины складывания прогрессивной идеологии революционных демократов коренятся в исторических условиях жизни болгарского народа, отразивших уровень развития как социально-экономических отношений, так и идеологических проявлений классовой расстановки сил. При неизученности революционного демократизма как явления международного, отсутствии единой точки зрения по вопросу о его социально-классовой природе (*51) принципиально важным представляется сопоставление региональных проявлений этой идеологии с революционным демократизмом в России.

В 60-х годах XIX в. русские революционные демократы действовали в тот период, когда в России буржуазия еще не выступала как самостоятельная сила. Обострение классовой борьбы в конце 50-х годов вызывало стремление к теоретическому обоснованию демократической революции. Идеологами этой революции выступали революционные демократы. Основным вопросом являлся вопрос об отмене крепостного права, о свержении самодержавно-помещичьей власти. Все общественные вопросы по сути сводились к этому основному вопросу. Таким образом, острое идеологическое противостояние русских революционных демократов было направлено против идеологии помещичьего класса. В ходе этой борьбы революционные демократы отстаивали интересы народных масс, развивали социалистические идеи, хотя их социализм и был утопическим. Важнейшей особенностью социально-политических взглядов признанного руководителя русской революционной демократии 60-х годов Н.Г.Чернышевского была "его решительная противоположность дворянско-буржуазному либерализму по всем важнейшим вопросам" (*52).

Как справедливо отмечает Г.Теряев, "в произведениях революционных демократов содержались теоретические обобщения, применяемые к условиям освободительной борьбы народов многих стран... Революционно-демократическая социально-политическая и философская мысль России имела выдающееся значение не только потому, что была прежде всего теоретическим обобщением русского освободительного движения.. но и потому, что многие ее выводы носили международный, интернациональный характер" (*53).

В болгарских условиях возникновение передовой идеологии революционных демократов происходило в борьбе революционного и либерального течений против консервативного течения. В ходе борьбы за национально-политическое освобождение после того, как либералы проявили окончательно свое истинное лицо в 1867 г. (*54), начинается организационное обособление последовательно революционного течения, выразившееся в образовании в конце 1869 г. БРЦК. При известной неоднородности этой организации именно в ее рамках в первой половине 70-х годов развивается деятельность болгарских революционных демократов Л.Каравелова, В.Левского, Х.Ботева. Именно в этот период происходит становление идеологии революционного демократизма, точнее тех его характерных черт, которые сближают болгарских революционеров с Чернышевским, Добролюбовым, Герценом, Писаревым. Это прежде всего борьба за социальное переустройство общества революционным путем.

В период 60-х годов, когда началось организованное революционное движение, в центре внимания его передовых руководителей был вопрос о национальном освобождении. В отличие от русских революционных демократов передовые болгарские революционеры выступали в решении этого главного вопроса вместе с "отдельными группами средней буржуазии и вообще большей частью национальной буржуазии" (*55). В этих условиях в первой половине 60-х годов XIX в. острое идеологической борьбы болгарских революционеров было направлено против туркофильской части буржуазии.

Если в результате освобождения Болгарии после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. были объективно решены задачи буржуазно-демократической революции, то это не мо-

жет служить обоснованием для отождествления революционных задач болгарского освободительного движения в 60-х годах с антифеодальными устремлениями болгарского крестьянства. Участие "большей части национальной буржуазии" в революционном движении в этот период затрудняло открытую постановку специфических социальных требований крестьянства. Отсутствие таких требований не позволяет говорить об оформлении в Болгарии в этот период революционно-демократической идеологии, отражающей интересы крестьянства или предпролетариата.

Разумеется, борьба за национальное освобождение, хотя она и не тождественна антифеодальным устремлениям болгарского крестьянства, включала антифеодальные задачи. Говоря о взглядах Л.Каравелова, неправомерно, однако, выделять, что в его работах "разоблачаются болгарские крепостники" (*56). Такая формулировка не соответствует расстановке классовых сил в болгарском обществе.

Обобщая результаты рассмотрения позиции Л.Каравелова по основным формам проявления национально-освободительного движения в 1860-е годы и сопоставления классовой расстановки сил в Болгарии и России, можно сформулировать следующие выводы:

I. Деятельность Л.Каравелова в этот период свидетельствует о признании им революционного пути национального освобождения первоочередной задачей болгарского движения.

II. Разделяя четническую тактику, разработанную Г.Раковским, Л.Каравелов способствовал развитию в революционном движении тенденций, направленных к обособлению последовательно революционной организации. Оценка подчиненного значения церковной борьбы в условиях подготовки вооруженного выступления, создание революционной организации в Белграде явились шагом вперед по пути образования БРЦК - организации болгарских революционных демократов.

III. Объективно сложившиеся исторические условия затрудняли оформление в этот период революционно-демократической идеологии Л.Каравелова. Активное участие большей части национальной буржуазии в революционном движении, отсутствие сословно-юридического деления в болгарском обществе и незавершенность процесса социальной дифференциа-

ции крестьянства, непонимание этого процесса Л.Каравеловым - причины, затруднявшие дальнейший процесс формирования взглядов будущего председателя БРЦК.

IV. Специфика возникновения революционно-демократической идеологии в Болгарии в отличие от России определяется следующими моментами:

1. Революционный демократизм в Болгарии возникал в тот исторический период, когда национальная буржуазия уже выступала как самостоятельный класс.

2. Преобладание в социальной структуре болгарского крестьянства категории мелких самостоятельных хозяев при активном выступлении национальной буржуазии затрудняло идеологическое обособление революционного демократизма даже в его низшей крестьянско-эгалитаристской форме.

3. Первоочередность разрешения вопроса о национально-политическом освобождении, которое могло привести к решению задач антифеодальной революции, способствовала усилению мелкобуржуазных иллюзий в отношении демократического переустройства болгарского общества.

*1 См. *А.С.Бейлис*. Становление марксистской историографии в Болгарии (с конца XIX в. до социалистической революции 1944 г.). Проблемы болгарского возрождения. Львов, 1970, стр.72; а также *В.Субашики, С.Славов*. Коллективный труд по истории на философската мисъл в България, "Философска мисъл", 1972, N 1, стр.106.

*2 *Л.С.Ерехонов*. Мировоззрение Любена Каравелова. "Ученые записки института славяноведения АН СССР", т.XV, М., 1957, стр.157.

*3 *Кр.Шарова*. Любен Каравелов и българското освободително движение. 1860-1867. София, 1970, стр.143.

*4 *Л.В.Воробьев*. Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М., 1962, стр.194.

*5 "История на България", т.1, София, 1961, стр.383.

*6 *Д.Косев*. Новая история Болгарии. Курс лекций. М., 1952, стр.251.

*7 "Наше время", 14.VI.1861.

- *8 "Наше время", 9.I.1861.
- *9 "Наше время", 30.I.; 20.III.1861.
- *10 "Наше время", 6.II.1861.
- *11 Там же.
- *12 "Современник", 1860, апрель, стр.328.
- *13 "Русская речь и московский вестник", 4.I.1862.
- *14 Д.Косев. Ук.соч., стр.277.
- *15 "Московские ведомости", 14.VII.1862.
- *16 П.Зарев. Л.Каравелов. Идеология и художественно творчество. "Септември", 1955, N 4, стр.105.
- *17 Кр.Шарова. Ук.соч., стр.33.
- *18 "Московские ведомости", 1.VIII.1862.
- *19 "Московские ведомости", 15.VII.1862.
- *20 "Голос", 8.IV.1867.
- *21 "Иллюстрированная газета", 3.VIII.1867.
- *22 "Московские ведомости", 18.X.1862.
- *23 "Московские ведомости", 21.VIII.1862.
- *24 "С.-Петербургские ведомости", 4.V; 15.V.1863.
- *25 "Иллюстрированная газета", 3.VIII.1867.
- *26 "С.-Петербургские ведомости", 28.V.1864.
- *27 Дж.Игнатович. Любен Каравелов и сръбското общество. Ниш, 1969, стр.124.
- *28 Кр.Шарова. Ук. соч., стр.180.
- *29 Архив на Г.С.Раковски, т.1, София, 1952, стр.430.
- *30 Кр.Шарова. Ук. соч., стр.181.
- *31 Кр.Шарова. Ук. соч., стр.184.
- *32 Д.Косев. Новая история Болгарии, стр.299.
- *33 См. Кр.Шарова. Ук. соч., стр.215.
- *34 Там же, стр.185-186.
- *35 Д.Косев. Ук. соч., стр.293.
- *36 "Голос", 23.V.1867, а также "Публицистиката на Любен Каравелов", т.1, София, 1958, стр.230.
- *37 Кр.Шарова. Ук. соч., стр.101-102.
- *38 "Избранные произведения болгарских революционных демократов", М., 1959, стр.146.
- *39 Г.В.Краснов. Проблема национального характера в русской и болгарской литературе 60-х гг. XIX в. Горький, 1963, стр.12.

- *40 *Д.Косев. Ук. соч., стр.245.*
- *41 *Там же, стр.247.*
- *42 *В.Д.Конобеев. Българското националноосвободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972, стр.414.*
- *43 *Там же, стр.421.*
- *44 *Д.Косев. Ук.соч.,стр.249.*
- *45 *"История на философската мисъл в България". т.1, С., 1970, стр.366-367.*
- *46 *"Избранные произведения болгарских революционных демократов", стр.67.*
- *47 *М.Арnaudов. Любен Каравелов. Живот, дело, епоха. 1834-1879. София, 1972, стр.249.*
- *48 *Там же.*
- *49 *Д.Косев. Към историята на революционното движение в България през 1867-1871 гг. София, 1958, стр.7.*
- *50 *Кр.Шарова. Ук.соч., стр.244.*
- *51 *См. А.Носов. Ленинский принцип классового анализа в изучении социальной природы утопического коммунизма и революционного демократизма. Сборник научных работ кафедры политэкономии и философии Коммунарского горнометаллургического института, Луганск, 1969, стр.3-242.*
- *52 *"История философии в СССР", т.3, М., 1968, стр.35.*
- *53 *Г.Теряев. Философия русских революционных демократов XIX века. Москва, 1967, стр.14.*
- *54 *В этом году либералы послали турецкому правительству так называемый "Мемуар", в котором от имени болгарского народа они просили султана создать турецко-болгарскую монархию по образцу Австро-Венгрии, а в случае отказа на султана возлагалась "страшная ответственность" за последствия.*
- *55 *"История на философската мисъл в България", т.1, стр.256.*
- *56 *Л.Ерихонов. Ук.соч., стр.174.*

К истории македонского вопроса

Начало 90-х годов ознаменовалось резким обострением межнациональных отношений в балканских странах, особенно в республиках бывшей Югославии. После утраты компартиями господствующего положения в них существенно изменилась общественно-политическая ситуация, повысилось значение национальных проблем. Новые и старые проблемы бывшего "порохового погреба Европы" переплелись в клубке внутренних и международных противоречий. Динамика развития событий на Балканах, не отличающаяся политической устойчивостью, сопровождается катализирующим воздействием одних конфликтов на другие.

Среди старых балканских проблем значительное место занимает так называемый македонский вопрос, постоянными участниками длительного развития которого являются Болгария, Греция, Сербия, а после 1944 года и бывшая республика Югославии Македония. Его сложность связана с нерешенностью и трудной разрешимостью ряда вопросов истории Македонии, политизированными наслоениями в их освещении.

В советское время эта тематика практически не изучалась. Чаще всего она сознательно замалчивалась в силу болезненной реакции балканских государств, их попыток придать политическое значение любым публикациям в советской печати по этому вопросу. Официальная точка зрения советской стороны была изложена в статье "Македония", помещенной в 15 томе "Большой Советской Энциклопедии" (*1). В ней выделяется своеобразный исторический водораздел - 1878 г., точнее, решения Берлинского конгресса, определившие политические границы на Балканах после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. До этого времени отмечался болгарский, по преимуществу, характер этнического развития славянского населения Македонии, а после - медленное и противоречивое складывание македонского национального самосознания, окончательное оформление которого произошло только после 2-ой мировой войны. Первая часть этой концепции /до 1878 г./ одобрительно оценивалась в Болгарии, тогда как вторая часть, осо-

бенно в отношении периода 1878-1944 гг., подвергалась критике. В Югославии, наоборот, критиковалось изложение событий до 1878 года. В Греции отмечалось постоянное присутствие греков во всех частях Македонии, высказывались возражения против использования этнонима "македонцы" и т.д. Иначе говоря, советская концепция истории македонского вопроса не была принята балканскими странами. Здесь необходимо сделать оговорку. Дело в том, что помимо официальной статьи в "БСЭ" имелись и попутные весьма противоречивые оценки македонской проблематики при освещении внешней политики России, СССР, истории Болгарии, Греции, Югославии, культуры балканских народов, их литературы и языка. Достаточно упомянуть, что в советских публикациях сосуществовали полярные позиции относительно македонского литературного языка: от указаний на его складывание в середине XIX в. до отрицания его существования в качестве самостоятельного славянского языка. Научная неразработанность македонской проблематики в советском славяноведении и балканистике, политико-административное содержание публикаций привели к тому, что эта своеобразная "фигура умолчания" превратилась в "белое пятно" истории России и СССР, роль которых в македонском вопросе проявлялась достаточно заметно прямым или косвенным образом.

Изменения в отечественной науке, а также и динамичный характер политических процессов на Балканах вызывают необходимость заполнения "македонского пробела", обобщения научной информации по этому вопросу.

Поскольку македонский вопрос представляет собой тесное переплетение территориальных и этнических проблем, целесообразно их взаимосвязанное рассмотрение.

Историко-географические представления о Македонии менялись на протяжении веков, современное понимание географической области Македония утвердилось в XIX веке. В настоящее время обычно выделяют три части: Эгейская Македония, входящая в состав Греции, Пиринская Македония, - в состав Болгарии, Вардарская Македония, являющаяся основой бывшей республики Югославии Македонии. В пропорциональном отношении Эгейская Македония охватывает более половины географической области, Вардарская Македония -

примерно 1/3, Пиринская Македония - 1/10. Соответственно: 35.230 кв.км, 25.713 кв.км, 6798 кв.км.

Македония составляет один из подрегионов Балканского полуострова. Равнинно-горная поверхность Македонии имеет естественные границы на севере, западе и отчасти на юге. Северная граница в значительной мере совпадает с условной линией разграничения северной (придунайской) и южной (средиземноморской) частей Балканского полуострова. Западная граница в большей части проходит по линии разграничения полуострова в меридиальном отношении на западную и восточную части. Южная граница Македонии соприкасается с греческой областью Фессалия. С небольшими отклонениями эти рубежи считаются общепризнанными. Восточная граница Македонии не представляет собой ландшафтного рубежа и чаще определяется бассейном реки Неста (Места). Общая площадь составляет 67.741 кв.км.

Сам термин Македония возник как обозначение географической области, называвшейся прежде Эматия, и древнего рабовладельческого государства (V - II вв. до н.э.). Последнее проводило активную внешнюю политику, достигало существенного расширения своих границ, особенно во время правления Филиппа II Македонского (359-336 гг. до н.э.), подчинившего всю Грецию, и Александра Македонского (336-323 гг. до н.э.), создавшего мировую державу. Этнический состав македонян по сей день вызывает разноречивые оценки, достаточно распространена точка зрения о их происхождении в результате смешения древних этнических элементов фракийского, иллирийского и греческого характера. Длительная борьба греческих полисов против Македонии привела к ее поражению, резкому сужению ее границ. В 168 г. до н.э. Македония была завоевана Римом, и позднее была создана одноименная провинция Римской империи. С 395 года эта провинция, приблизительно совпадавшая с границами Македонии начального периода правления Филиппа II, вошла в состав Восточной Римской империи (Византии).

В VI-VII вв. массовый характер приняло проникновение на Балканы славянских племен. Оно охватило значительное количество византийских провинций, в том числе и Македонию. Этническое родство славянских племен, еще не сложив-

шихся в то время в отдельные народности и сохранивших определенное языковое единство при наличии диалектных различий, позволяет говорить об общем характере возникших на Балканах племенных славянских образований - Славиний.

Сложный процесс этногенеза болгарской народности, аккумулировавший славянские племена восточной части Балкан, тюркско-болгарские племена, а также автохтонное фракийское население, протекал на протяжении столетий. Славянское население Македонии входило в границы различных государств, в том числе и Болгарского царства, этноним "болгары", вытеснивший в византийских источниках общее обозначение "славяне", распространился и на македонских славян. Региональные особенности, включая особое присутствие протоболгарского (тюркоязычного) элемента и более тесное взаимодействие с греческим этносом, имелись в Македонии, но при нынешнем состоянии научных исследований этого вопроса нет оснований разграничивать это явление от подобных особенностей, характерных для раннефеодальных народностей.

В Византийской империи сохранялись исторические воспоминания о македонской державе. Однако сама провинция фактически утратила свое обозначение "Македония". В то же время в административно-территориальном устройстве Византии в конце VIII века появилась фема (фема - войсковая часть или территория ее расположения) с названием "Македония" в юго-восточной части Балканского полуострова с центром в г. Адрианополь (Эдирне). Употребление этого названия было связано с наличием переселенцев из Македонии и стремлением византийских властей сохранить преемственность традиций в условиях славянского натиска. Это совсем не совпадающее с современными представлениями о Македонии обозначение историко-географической области имело достаточно широкое распространение в средние века, в том числе и после падения Византии.

Вопрос об этнической, языковой и культурной основе славянского населения Македонии приобретает широкое звучание в связи с деятельностью в X веке славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Дело создателей славянской азбуки на протяжении веков привлекает внимание исследователей. В "кирилло-мефодиевской" проблеме имеется достаточно много

дискуссионных вопросов. Но наиболее острым остается вопрос языковой принадлежности первых переводов "священных книг", их роли в языковом и литературном развитии балканских славян. В отечественном славяноведении отмечается прежде всего общеславянское значение результатов деятельности Кирилла и Мефодия. В болгарской научной литературе подчеркивается их роль в качестве основоположников древнеболгарской культуры, оказавшей затем мощное воздействие на культуру других славянских народов. В то же время в бывшей республике Югославии Македонии язык Кирилла и Мефодия определяется как македонский.

Запутанный характер имели также государственно-территориальные изменения в X веке. После завоевания восточных земель Первого Болгарского царства на территории Македонии возникло новое государственное образование, известное в отечественной историографии и византиноведении под названием Западно-Болгарского царства (970-1018 гг.). В историографии бывшей республики Югославии Македонии оно рассматривается как специфически македонское государство и именуется "держава Самуила".

В XI-XII вв. Македония находилась под властью Византии. С воссозданием в 1186 г. болгарской государственности происходило ее территориальное расширение. Во Второе Болгарское царство вновь вошли и македонские земли.

По сведениям разнообразных источников славянское население Македонии во времена феодальной раздробленности продолжало сохранять болгарское самосознание. Соотношение славянского и греческого населения постоянно менялось в пользу первого. Дольше же албанцев и валахов (романизированного пастушеского населения) среди македонских жителей не представляется возможным определить.

В середине XIV века Македония была покорена "царем сербов и греков" Стефаном Душаном (1331-1355 гг.). Его знаменитый Законник был принят в 1349 году в г.Скопле (Скопье), царская резиденция часто размещалась в г.Прилепе. Однако уже в конце XIV века Македония перешла под власть Османской империи. Османское завоевание привело к усилению пестроты этнического состава населения: помимо турок-

османов в городских центрах Македонии увеличилось число албанцев.

В развернувшейся в начале XIX века борьбе болгарского народа против османского политического гнета и греческого церковного засилья уроженцы Македонии играли активную роль. Региональные особенности, проявившиеся в той или иной мере, осознавались ими как отличительные черты одного из течений единого потока освободительного движения болгар.

Традиционно считается, что начало возникновению македонского вопроса положил 1878 год. Завершившаяся в 1878 году русско-турецкая война привела к подписанию Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, предусматривавшего создание Болгарского автономного княжества в границах от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера. Однако западно-европейские державы, опасавшиеся усиления позиций России на Балканах, на состоявшемся в том же, 1878 году Берлинском конгрессе разделили Сан-Стефанскую Болгарию на три части: Болгарское автономное княжество, ограниченное Мизией и Софийским санджаком, Восточную Румелию, фракийскую область с центром в г. Пловдиве, получившую права территориально-административной автономии, и Македонию, которая наряду с частью Фракии была возвращена в прежнее положение турецкой провинции с туманными обещаниями будущего реформирования. Протесты населения балканских стран, в том числе и локальные вооруженные выступления, не привели к каким бы то ни было результатам.

В отечественной историографии подчеркивается прогрессивное значение восстановления болгарской государственности, при этом обращается внимание на "берлинское урезание" итогов русско-турецкой войны. В болгарской литературе позитивно оцениваются решения, принятые в Сан-Стефано, а Берлинский трактат рассматривается как бомба замедленного действия, как несправедливое решение болгарского национального вопроса. В историографии бывшей республики Югославии Македонии Сан-Стефанский и Берлинский договоры оцениваются негативно: согласно первому, как указывается, македонский народ был передан под болгарское иго, а согласно второму - возвращен под иго османское.

Здесь необходимо отметить, что в научной и публицистической сферах македонский вопрос ставился и ранее. Так, в соответствии с мнением П.Славейкова, редактора болгарской константинопольской газеты "Македония", македонский вопрос существовал подспудно в 1860-70-е годы, когда отдельные романтически настроенные македонцы, считавшие себя истинными потомками Александра Македонского, стали отличать себя от болгар. П.Славейков видел в этом стремление "разделить еще неустроенный народ". Это, вероятно, являлось следствием эллинофильства или даже грекомании, свойственных для болгарского просвещения на раннем этапе. Масштабы этих и подобных им явлений в сфере национального самосознания с трудом поддаются "клиометрии". Они вызывают самые разные оценки, что объясняется исходными различиями и объективно существующими трудностями, связанными в том числе и с наличием противоречивых источников.

В Болгарском княжестве, осуществившем в 1885 году воссоединение с Восточной Румелией, задача воссоздания Сан-Стефанской Болгарии получила широкое общественное звучание. В самом княжестве активно действовали выходцы из македонских земель, игравшие значительную роль в политике, культуре и науке Болгарии.

В 1893 году в г. Салоники была создана "Внутренняя македоно-одринская революционная организация" (ВМОРО), лидеры которой Д.Груев, Х.Татарчев, П.Попарсов выступили за революционный путь достижения автономии Македонии и Одринского (Адрианопольского) края. При этом не придавалось значения национальности участников движения. ВМОРО образовало сеть местных комитетов и свои вооруженные отряды - четы во главе с Г.Делчевым. Подобные четы организовывались также правительственными органами или близкими к ним организациями Болгарии, Сербии и Греции, что обостряло внутреннее положение. Борьба зачастую велась не столько с османским режимом, сколько между различными четами и прежде всего против чет ВМОРО. Проболгарский характер данной организации не препятствовал появлению и распространению сознания известной политической обособленности интересов македонского движения. Постепенно идея борьбы за самостоятельный путь развития Македонии оформилась в ло-

зунге, выдвинутом ВМОРО в 1896 году - "Македония для македонцев!".

Конкурентная борьба Болгарии, Греции, Сербии, а также Румынии, ссылавшейся на наличие владшского населения в Македонии, неблагоприятно воздействовала на внутреннее положение в македонском освободительном движении. Для болгарских политиков того времени политическая автономия Македонии была вполне приемлемым лозунгом, означавшим исполнение первого шага на пути последующего присоединения к Болгарскому княжеству. В этой связи можно рассматривать и возникновение так называемого "верховизма" как линии правящих кругов Болгарии на подчинение македонского движения своим интересам. На первом съезде различных македонских обществ в марте 1895 года в г.Софии был учрежден Македонский комитет, выступавший за "политическую автономию" области. На втором съезде в декабре того же года он стал называться "Верховный македонский комитет". Во главе его стояли болгарские генералы, в мае 1899 года было создано и Заграничное представительство комитета во главе с Б.Сарафовым.

В данном случае интересы Болгарии сталкивались с таковыми же со стороны Греции и Сербии. Для обоснования тех или иных прав на Македонию мобилизовывались все средства пропаганды и науки, ангажировались зарубежные средства массовой информации, приглашались и щедро оплачивались специальные корреспонденты из разных стран. Пестрота позиций показывают, например, факты появления в России печатных работ о болгарском характере Македонии, о "южно-сербском составе", ее населения, издание газеты "Восток" для защиты греческих интересов в Македонии и т.д. В начале XX века распространение получила также концепция существования самостоятельной македонской нации. Еще в 1894 году в г. Петербурге вышел "Македоно-славянский сборник", отстаивавший эту линию. Но, пожалуй, наибольшую известность приобрела деятельность К.Мисиркова (1874-1926 гг.).

На этом текст Б.Н.Билунова обрывается.

С войной покончили мы счеты?

Полвека минуло с начала нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Мировая война, унесшая десятки миллионов человеческих жертв, была развязана германским фашизмом и привела его к бесславному краху в 1945 году. На протяжении долгих лет войны наиболее масштабные и ожесточенные сражения велись на германо-советском фронте, именно здесь решались судьбы мирового противоборства. Для народов нашей страны, оказавшихся перед угрозой утраты государственности и самого существования, агрессия Германии и отпор фашистской политике стали страшным испытанием, требовали всеобъемлющей мобилизации военных, экономических, трудовых и моральных ресурсов, политического и идеологического сплочения для спасения Отечества и разгрома фашизма.

В последнее время в связи с наметившейся тенденцией тотальной переоценки советской истории обострились и оценки ряда проблем истории Великой Отечественной войны. С одной стороны, критикуются вся политическая и социальная направленность советской системы, ее внешняя политика, и в тесной увязке с этим Сталин, его преступления и деяния "подравниваются" с гитлеризмом. На сталинский режим возлагается вся тяжесть поражений 1941-1942 гг., однозначно негативно оцениваются внешнеполитические меры Советского правительства как в 1939-1941 гг., так и в конце войны и послевоенные годы.

С другой стороны, очевидные факты жизнестойкости социально-политического строя, способности армии и народного хозяйства преобразиться в самых тяжелейших условиях давали и дают основание для противоположных выводов и оценок, не отличающихся, впрочем, особым единством. Для последнего также имеется много причин. Среди них едва ли не главной является схематичность пропаганды и популяризаторства сложнейших страниц отечественной истории, односторонность научного освещения советской истории, в том числе и проблем Великой Отечественной войны.

Парадоксальным и характерным следствием ведущихся дискуссий стало использование и в новейших попытках переосмысления истории, и в политических и идеологических ее интерпретациях, казалось бы, отвергнутого инструментария схематизма. Полужабытые (как не "работающие" эффективно в научном отношении) понятия "концепции тоталитаризма", "административно-командной системы" с поразительной степенью распространенности стали общим местом не только в публицистике, но и в научной литературе. Принципы историзма и научной объективности фактически отвергаются. Утверждается, например, составителем сборника "Историки отвечают на вопросы" (М., Московский рабочий, 1990, вып. 2, с. 3), что история является "политикой, опрокинутой в прошлое", что именно в этом "источник ее жизненности". По сути, беспрецедентным политизированием истории стала постановка вопроса об оценке советского-германского договора о ненападении 1939 года на II Съезде народных депутатов СССР.

В этих условиях весьма непросто по-современному взглянуть на спорные и сложные вопросы истории, косвенным подтверждением чего является основательная задержка "Очерков истории КПСС", "Истории советского общества", многотомного труда "Великая Отечественная война советского народа", о которых до их еще нескорого появления ведутся острые споры. Концептуальные оценки состояния советского общества накануне войны, политики партии и построенных тогда "основ социализма", видимо, станут не последним предметом дискуссий при обсуждении готовящегося проекта Программы КПСС.

Для характеристики советского общества накануне войны существенны форсированные изменения социальной структуры, небывало высокая роль ВКП(б). В то же время идеологическая и духовная атмосфера 30-х годов содержала в себе противоречивые тенденции. В, казалось бы, однолинейной пропаганде происходили значительные изменения. Отказ от идей мировой пролетарской революции и переход на отстаивание государственных позиций, особенно наглядно проявившийся после прихода к власти Гитлера в Германии, сопровождался укреплением личного режима Сталина. Борьба "за

чистоту партийных рядов" все более осуществлялась с помощью репрессивных органов. ВКП(б), насчитывавшая в 1933 г. более 3,5 млн. человек, объединяла представителей всех классов советского общества и играла организующую роль в экономике и общественной жизни. Партия не стала "орденом меченосцев", к чему призывал в свое время Сталин, но, по сути, приобрела государственный интегрирующий характер.

Коллективизация и индустриализация страны во многом осуществлялись вопреки декларированным планам, сопровождались значительными социальными издержками, но позволили ценой напряжения народных сил создать промышленную и военную базу Советского государства. Пропаганда подлинных и мнимых успехов социализма, понимавшегося тогда предельно упрощенно, дополнялись идейной непримиримостью, постоянно импульсировавшейся сверху и дополнявшейся снизу. В 1933-1935 гг. из партии было "вычищено" 12 процентов ее состава. При обмене партийных документов в 1935-1936 гг. - еще 13,7 процента. Во время массовых репрессий в 1937 г. из партии было исключено 118 тысяч, а в 1938 г. - 216 тысяч человек. Затем последовал перепад: в 1939 г. - 26,7 тысячи, в 1940 г. - 67 тысяч, в первой половине 1941 г. - 58 тысяч исключенных. В то же время в 1938-1940 гг. в ВКП(б) были восстановлены по апелляциям 165 тысяч человек. Обновление состава партии привело к 1941 г. к ее существенному изменению: свыше 47 процентов членов имели партийный стаж менее 5 лет. Основная масса предвоенного пополнения в годы Великой Отечественной войны внесла неоценимый вклад в борьбу с фашизмом. Социальный состав также заметно изменился: процент рабочих снизился с 62,8 в 1937 г. до 43,7 в 1941 г., а доля служащих в эти годы возросла с 11,7 до 34,1 процента. Среди последних преобладали военные, инженерно-техническая интеллигенция, деятели культуры.

Организаторская роль партии позволила существенно ускорить темпы освоения новой военной техники. Оборонная промышленность в 30-е годы постоянно увеличивала объемы продукции. Одновременно с этим велась интенсивная работа по созданию передовых образцов вооружения. Хотя подлинно массовое их производство запаздывало к началу военных действий, заделы предвоенного времени позволили даже в

тяжелейших условиях оккупации значительной территории страны, эвакуации многих оборонных предприятий, активизации деятельности заводов-"дублеров" обеспечить неуклонный рост обеспечения армии конкурентоспособной военной техникой.

Состояние Красной Армии накануне войны, оценка ее боеспособности остаются предметом дискуссий. Реорганизация управления и переход к кадровой системе комплектования, рост численности и массовые репрессии высшего и среднего командного состава, создание бронетанковых и механизированных войск и недоукомплектованность соединений и подразделений, количественный рост технического оснащения и слабая обеспеченность передовыми видами вооружения - все эти противоречивые явления сопутствовали в предвоенные годы. Рост численности армии, танков и самолетов не был в должной мере подкреплен соответствующей военно-технической инфраструктурой. Особенно остро ощущались последствия необоснованных репрессий, сковывавшие подготовку и воспитание инициативного командного состава и облегчавшие выдвигание зачастую неподготовленных кадров. По закону "О всеобщей воинской обязанности", принятому Верховным Советом СССР в сентябре 1939 г., призывной возраст был снижен с 21 до 19 лет, отменялись ограничения и удлинялся срок воинской службы. Армия с 2 млн. человек в сентябре 1939 года увеличилась к середине июня 1941 г. до 5,4 млн. человек.

Однако наличие у СССР мощной армии не остановило агрессию Германии. Планы германского милитаризма и фашизма последовательно осуществлялись на протяжении второй половины 30-х годов при попустительстве западных держав. Возвращение в 1935 г. Саара, оккупация в следующем году Рейнской области стали только началом преодоления "диктаторских версальских условий". Затем последовали аншлюс Австрии, мюнхенское соглашение, оккупация Чехии и Моравии. Подписание с СССР в августе 1939 г. договора о ненападении субъективно расценивалось обеими сторонами как выгодное для себя. Для Германии, уже принявшей решение о нападении на Польшу, важен был и раскол ее "исторических противников", и нейтрализация СССР.

В условиях затягивания Англией и Францией переговоров с СССР и их нежелания брать на себя серьезные обязательства, Сталин и его окружение сочли возможным подписать договор с Германией, который сулил выигрыш во времени для военных приготовлений. Кроме того, германская дипломатия, согласно секретному протоколу, соглашалась установить предел своим притязаниям на Востоке.

Именно этот протокол и последовавшие затем действия СССР стали в последнее время предметом острой политической и идеологической борьбы. Полярные точки зрения, в том числе крайнего смысла - от обвинения СССР в развязывании мировой войны до, наоборот, оценки договора как прорыва в "деидеологизации" межгосударственных отношений, лишены исторического подхода и какой бы то ни было объективности. Несомненно, однако, что сталинская дипломатия стремилась защитить государственные интересы, как она их понимала, а Германии удалось сыграть на чувствах "исторического права", имея в виду вынужденный характер подписания Советской Россией ряда договоров в конце гражданской войны и интервенции. При этом, конечно, не сам протокол, относящийся к одиозной тайной дипломатии, а участие Красной Армии в защите рубежей, которые временно признавала фашистская Германия, служат предметом разночтений. Сложное переплетение международных взаимоотношений, этнические и исторические аргументы, политическая борьба по этим вопросам еще долгое время будут дискутироваться и переоцениваться.

В литературе много написано о массовой информации, поступавшей к Сталину о предстоящем нападении. Считавший себя мастером дезинформации Геббельс отметил в своем дневнике 29 мая 1941 года: "В Москве занимаются разгадыванием ребуса ... Сталин, по-видимому, начинает кое в чем разбираться. В остальном он напоминает кролика, с ужасом уставившегося на змею". Повлияла ли на сталинское руководство информация разведки о полете Гесса в Англию 10 мая 1941 года, сыграла ли свою роль доверчивость Сталина к германским заверениям, но руководство не приняло военных мер и допустило определенные просчеты в организации войск в приграничных округах. В соответствии с планом "Барбаросса"

отмобилизованная германская армия сумела достичь количественного и качественного превосходства на главных направлениях вторжения, в то время как советские войска имели даже количественный перевес в военной технике.

Вероломный и тактически внезапный ход Гитлера принес ему большие плоды в первый период войны. Трагедия первых дней и недель военных действий усугублялась устаревшими представлениями политического и военного руководства о характере войны, отсутствием четкой системы обороны. Тысячные потери самолетов и танков, расчленения и окружения слабо обученных и не отмобилизованных войск вели не только к колоссальным людским потерям и утрате территорий, но и ставили страну на грань военной катастрофы. Главная вина за это лежит на сталинском руководстве. Из общего числа безвозвратных потерь военнослужащих, оценивающихся в 8 млн. 668 тыс. 400 человек, на 1941 г. приходится 27,8 процента и на 1942 г. - 28,9 процента. Массовые пленения красноармейцев, расправы над гражданским населением, грабежи и установление оккупационного фашистского режима над значительной частью европейской территории СССР поставили страну перед смертельной опасностью.

Героизм бойцов 1941 года, сражавшихся в самых неблагоприятных условиях, привели к срыву блицкрига. Оборона Брестской крепости, стойкость пограничников, начало партизанской борьбы, массовое самопожертвование красноармейцев и ополченцев на подступах к Москве и многие, многие другие известные подвиги советских людей показали всему миру, что народы нашей страны поднялись на защиту социалистического Отечества. Провал фашистских операций "Тайфун" и "Канны", контрнаступление Красной Армии под Москвой развеяли миф непобедимости фашистской армии. Почти четыре года кровопролитной войны, обеспечение стратегического перелома в ее ходе, освобождение оккупированных территорий и освободительный поход Красной Армии полны трагических и героических страниц, ярких патриотических и интернационалистских проявлений. Стойкость советского солдата и окрепшее военное искусство, самоотверженный труд советского тыла сливались в равнодействующую Победы. Но как горьки тяжелые уроки начала войны! Их истоки и причины еще далеки от своего

полного раскрытия, а трагедии и драмы человеческих судеб не пережиты в народном сознании. Именно поэтому вновь и вновь память возвращает нас к событиям тех лет, заставляет взглянуть на современность с учетом исторического опыта. Перемены в СССР, других странах Европы, изменение европейского и мирового политического климата делают еще более настоятельным обращение к событиям начала войны, утверждение мирных ценностей в сознании народов. Это будет лучшей памятью о жертвах и героях войны.

Программа **курса лекций** **“Историческая география** **южнославянских народов”**

Объем курса – 14 часов (включая западнославянскую часть). 7 лекций курса исторической географии посвящены южнославянским странам. Читается для студентов, специализирующихся на кафедре истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ, в 8 семестре.

Цели и задачи курса. Курс исторической географии в качестве специальной исторической дисциплины предназначен для ознакомления студентов с основами этого предмета, конкретными историко-географическими характеристиками исторического процесса развития народов Болгарии и Югославии, начиная со времени заселения славянскими племенами Балканского полуострова и кончая победой социалистических революций в этих странах. Верхняя хронологическая граница установлена в связи с наличием специального и обязательного для всех студентов кафедры курса по экономической географии славянских стран.

Кроме этого курс исторической географии южнославянских народов направлен на закрепление и уточнение студентами материала курса “История южных и западных славян” (для специализирующихся студентов).

Лекция № 1. Вводная. 2 часа.

Предмет и задачи исторической географии. Историческая география как специальная (вспомогательная) историческая дисциплина. Историко-географические характеристики в буржуазной историографии, место исторической географии в изучении исторического процесса. Разделы исторической географии: историческая физическая география, политическая география, экономическая география, география населения, география общественных движений и др.

Соотношение исторической географии с географией современности, историей географических открытий. Современные дискуссии об определении места исторической географии на стыке наук, ее историческом и географическом направлениях в исторической географии. Принадлежность основных разделов (за исключением исторической физической географии) к гуманитарным наукам.

Географическая Среда как исторический источник, ее роль в историческом процессе в различные эпохи, взаимодействие и взаимовлияние общества и природы, экономические проблемы современности. Источники историко-географических исследований (традиционные исторические источники, данные специальных научных дисциплин, в том числе естественных наук).

Краткая физико-географическая характеристика Балканского полуострова, Болгарии и Югославии.

Лекция № 2. Первые государственные образования у южных славян.

Заселение Балканского полуострова славянами. Южно-славянская ветвь славянских племен. Демографические и этнические процессы на Балканах в VI - IX вв.

Первое Болгарское царство, его территория, этнический состав, динамика территориальных изменений, административно-территориальная структура. Старые (Сердика, Месемврия, Филиппополь) и новые городские центры (Плиска, Преслав, Червен), торговые связи. Маршруты походов киевского князя Святослава; Западно-Болгарская держава. География богомилского движения; церковно-административное деление.

Исторические области югославянских земель: *Карантия, Босна, Хорватия, Славония, Далмация, Рашка, Зета, Дукля, Травуния* и др. Первые княжества на этих территориях. Влияние географического фактора (рельеф) на политическую историю княжеств. Распространение власти Византии, Венгрии, Болгарии и других государств в историко-географических областях югославянских народностей.

Лекция № 3. Южнославянские земли в XII – XIV вв.

Славянские провинции Византийской империи, церковно-административное деление: маршруты походов крестоносцев.

Второе Болгарское царство. Динамика территориальных изменений, административно-территориальные единицы (хоры, катеманикионы), городские центры и их виды. Обособление территорий в условиях феодальной раздробленности (Тырновское царство, Вельбуждское и Видинское деспотства, Добруджа и др.). Торговые пути и военно-операционные линии и сообщения. География распределения ремесел, добыча полезных ископаемых. География народных движений.

Феодальные государства на югославянских территориях. Сербия при Стефане Немане. Провозглашение Сербского королевства в 1217 г. Расширение границ при Стефане Уроше III и Стефане Душане; административное деление; распад Сербо-греческого царства. Боснийское государство при Твртко (1353-1391) – “короле сербов и Боснии и Поморья и западных стран”. Герцогство Степана Вукчича. Сербское архиепископство. Хорватия под властью Венгрии, Венеции. Дубровник, его территория. Словенские земли под властью Венеции, Габсбургов.

Типы хозяйственного развития югославянских земель. Православие и католицизм, география их распространения. Неславянские этнические группы (немцы, итальянцы, вlahи, албанцы, венгры и т.д.).

Лекция № 4. Османское завоевание южнославянских народов.

Динамика завоевательных походов турок-осман в конце XIV - XV вв. Этнические и демографические процессы в XV в.

на Балканах. Административное деление (эйялет, санджак, нахия; кааза или кадилык). Румелийское бейлербейство, основные санджаки в южнославянских землях. Спахийская система землевладения; особенности южнославянских городов в эпоху османского владычества (типы городов, этническая картина). География распространения мусульманства на Балканах.

Пути сообщения в Османской империи, изменения в торговых связях, старая римская военная дорога. Хозяйство славянских земель, экономическая специализация районов, складывание местных рынков. Ремесленная специализация.

География народных движений и выступлений против иноземного господства. Православная церковь, ее диоцез. Развитие сепаратистских тенденций на Балканах в XVIII в. и положение различных южнославянских областей под османским игом.

Югославянские земли под властью империи Габсбургов. Хорватские земли на австро-турецком пограничье и формирование Военной границы (Хорватско-Славонская Крайна). Планы восстановления Хорватско-Венгерского королевства (П.Зринский, К.Франкопан). География народных движений (восстание М.Губена, восстания XVIII в.). Изменения в положении Хорватских земель в XVIII в. Далмация под властью Венеции, ее переход к Австрии. Специфика политического и экономического положения Дубровника. Германизация словенских земель. Сравнительная историко-географическая характеристика югославянских земель под властью Османской и Габсбургской империй.

Лекция № 5. География национальных движений в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Политико-географическая специфика складывания наций на Балканах. Экономическая география словенских и хорватских земель. "Иллирийские провинции" Наполеона. География просветительского движения. Географические представления деятелей иллирийского движения. Политико-административные изменения в хорватских и словенских землях в эпоху буржуазного развития; славянские провинции Цислейтании и Транслейтании.

Особенности положения Белградского пашалыка, территории развертывания I и II сербских восстаний, создание автономного Сербского княжества, его границы и их изменения. Внешнеторговые связи Сербии. Демографические изменения в княжестве в 30-70-е годы XIX в. Войны Сербии с Турцией в 1876-1878 гг.

Особенности Черногории в составе Османской империи. Завоевание фактической независимости, войны с Турцией.

Этническая и религиозная география Боснии и Герцеговины. Материалы переписи сер. XIX в. Об экономико-географической характеристике Боснии и Герцеговины. География восстания 1875-1878 гг.

Роль болгарских земель в экономике Османской империи, торговые связи Болгарии, складывание ярмарочных центров, демографические изменения в результате переселений болгар. Войны России с Турцией на территории Болгарии. География восстаний, национально-церковного движения. Границы Болгарской экзархии, спорные территории. География этнического движения, сеть внутренней революционной организации В.Левского. Территории революционных округов в ходе Апрельского восстания 1876 г. География военных действий в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Политико-географические аспекты Сан-Стефанского договора и Берлинского трактата. Границы южнославянских государств, особенности положения Восточной Румелии.

Лекция № 6. Политическая и экономическая география южнославянских стран в 1879-1918 гг.

Административное деление Болгарского княжества. Борьба по вопросам географии железнодорожного строительства. Воссоединение княжества и Восточной Румелии. Сербоболгарская война 1885 г. Экономико-географическая характеристика Болгарии в конце XIX - начале XX вв.

Экономико-географические изменения в Черногории, строительство дорог, города и порты Черногории, иностранный капитал в княжестве.

География экономического развития Сербии. Изменение направления внешней политики по сравнению с "начертаниями" Гарашанина.

Создание Балканского Союза, географические аспекты сербо-болгарского договора. Балканские войны и территориальные изменения в их результате.

Участие южнославянских народов в первой мировой войне. Положение Боснии и Герцеговины в Габсбургской империи. Военные действия Сербии в 1914-1915 гг., ее оккупация. Военные действия Болгарии, открытие Салоникского фронта. Владанское восстание. Границы Болгар по Нейисскому договору.

Географические аспекты в программах создания югославского государства. Формирование Королевства СХС.

Лекция № 7. Экономическая и политическая география Болгарии и Югославии в 1918-1945 гг.

Административно-территориальное деление Болгарского царства, структура населения (национальный, социальный и профессиональный состав). География специализации областей. Пути и средства сообщений. Направления внешней торговли.

География Сентябрьского восстания 1923 г. Миграция населения. Возвращение Добруджи в 1940 г.

Административное деление КСХС. Материалы переписи 1920 г. об этническом составе государства. Закон 3 октября 1929 г. о новом административном делении Югославии, его политическая направленность. Характеристика бановин. Железнодорожные и водные пути сообщения в Югославии. География землепользования в югославянских землях.

Югославия и Болгария во второй мировой войне. Расчленение Югославии, география Народно-освободительной борьбы. Новые территории Болгарского царства. География движения Сопротивления в болгарских землях. Маршрут похода Красной Армии на Балканах. Международное урегулирование территориальных вопросов после создания демократических правительств в Болгарии и Югославии. Триестский вопрос. Послевоенные изменения административного устройства.

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА
В РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
60-х ГОДОВ XIX ВЕКА
(Кандидатская диссертация)***

Глава I

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА
В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА.
РУССКАЯ ПРЕССА В БОЛГАРИИ**

**1. Пребывание Л.Каравелова в России.
"Московская болгарская дружина"**

Деятельность Любена Каравелова оставила глубокий след в истории болгарской литературы, журналистики, национально-освободительного движения. За недолгую жизнь, свыше двадцати лет которой прошли за пределами родной Болгарии, им были написаны художественные произведения, принесшие автору славу одного из крупнейших представителей болгарской литературы XIX века, редактировавшиеся им газеты "Свобода" и "Независимость" (1869-1874) не столько своими названиями, сколько революционным содержанием ставили их редактора на первое место в идеологической борьбе за свободу и независимость болгарского народа.

Известное провозглашение Каравеловым отхода от политической деятельности, его разрыв с руководителем последовательно революционного течения Х.Ботевым и его сторонниками - все это не снижает значения роли Каравелова в предшествующий период. Последние годы его жизни также были связаны с участием в болгарском национально-освободительном движении. Издание журнала "Знание", деятельность по набору болгарских добровольцев, участие в

* Печатается с сокращениями

русско-турецкой войне, наконец, попытка издания в освобожденной Болгарии новой газеты с символическим названием "Начало" (*1) была прервана смертью, последовавшей 21 января 1879 г. Изучение оценки деятельности Каравелова, протекавшей в неразрывной связи с национальным движением, требует решения в вопросах о формах этой связи. Усиление болгарского национального движения в период после Крымской войны 1853-1856 гг. тесно связано с деятельностью болгарской прогрессивной интеллигенции в таких центрах ее сосредоточения, как Константинополь, Бухарест, Београд, Одесса, Браила, Москва и др. В этом смысле участие Каравелова в различных проявлениях этого движения в период 60-х годов имеет большой научный интерес.

Л.Каравелов родился 7 ноября 1835 г. (*2) в Копривштице в семье зажиточного торговца. Свое первоначальное образование он получил в родном городе, а затем в Пловдиве. Учителями Каравелова были такие известные болгарские просветители, как Найденов Геров и Йоаким Груев (*3). Большое значение для развития болгарского национального самосознания и получения правдивых представлений о России для Каравелова имела преподавательская деятельность Н.Герова, окончившего Ришельевский лицей в Одессе. "Ученики в Н.Герове нашли то, чего желали, - писал сам Каравелов в 1862 г., - ибо Геров вполне удовлетворял тогдашним требованиям" (*4). В Пловдиве Любен, по настоянию отца, желавшего сделать из сына торговца с необходимым для этого знанием греческого языка, поступил в греческое училище. "Греческие учителя приняли меня надменно, - писал впоследствии Каравелов, - запретили мне носить болгарскую одежду и говорить по-болгарски, угрожая избиением. Главный учитель Ксантос, воспитанник Венского университета, читавший нам греческих классиков, говорил о "любви к человеку", а сам избивал нас кулаками". В 1852-1853 учебном году Любен переходит в болгарское училище, возглавляемое Н.Геровым в Пловдиве с 1850 г. В борьбе с "огречиванием" ученик брал пример со своих учителей, особенно с Н.Герова. "Я и до этой минуты помню честные лица Атанаса Выховича, Стояна Чемакова, Георгия

Стояновича и Найдена Герова, которые произнесли первое священное слово: "Мы болгары и хотим жить по-болгарски" (*5), - писал Каравелов. Здесь же он начал изучать русский язык, читая журналы и художественную литературу (*7).

Летом 1853 года отец забрал Любена из училища и после неудавшейся попытки обучить его в Одрине портновскому ремеслу взял к себе в помощники по торговым делам. Во время поездок по стране Каравелов собирал и записывал народные песни, пословицы, сказки, загадки, что впоследствии послужило ему основой для издания "Памятников народного быта болгар".

В 1857 г. при содействии Н.Герова, ставшего русским вице-консулом русского посольства, Л.Каравелов отправился в Одессу, он вынужден был ожидать решения о принятии его в военное училище в Петербурге. В Одессе Каравелов знакомится с проживавшими там болгарами, в том числе с одним из руководителей Болгарского настоятельства Н.Х.Палаузовым, которому он был рекомендован русским посольством в Константинополе.

Через несколько месяцев пребывания в Одессе Каравелов вместе со своим товарищем Константином Искровым Кесяковым выехал в Москву и Петербург. Однако в Москве, куда они прибыли осенью 1857 г. (*8), их ждало разочарование. В неиспользованном еще в каравеловедении письме Н.Х.Палаузова из Одессы к М.П.Погодину от 14.XI.1857 г. так говорится об этом: "Месяца полтора тому назад отправились из Одессы в Петербург молодые болгары Каравелов и Кесяков для поступления во 2-ой кадетский корпус, так как они переросли положенный для того возраста. Но, если они могут обязаться подписками, что в состоянии содержать себя на свой счет до офицерского чина, то их примут юнкерами в армию, в противном случае, представляют им поступать в одну из русских семинарий, на казенный счет, для образований.

Проехавши недавно через Одессу в Константинополь, секретарь тамошней миссии г-н Новиков объявил мне, что упомянутых болгар он оставил в Москве, просил сообщить чрез Вас о последовавшем распоряжении, и что он озаботился о высылке им от их родителей денег на расходы.

Вследствие сего, приемлю смелость утруждать Вас покорнейшею просьбою передать прилагаемые письма Каравелову и Кесякову, объявить им о последовавшем распоряжении и снабдить их по сему Вашим советом. Причем, со своей стороны, присовокуплю, что как по имеющимся сведениям, родители их не совершенные бедняки, при том как Каравелов и Кесяков думают навсегда остаться в России, то полагал бы, что они могут поступить в армию, или же, для образования, в университет, зная наперед, что они не согласятся пойти в семинарию." (*9).

Уверенность Н.Х.Палаузова в отказе Каравелова от духовного образования была основательной. При содействии А.В.Рачинского и О.М.Бодянского молодой болгарин был представлен богатому московскому виноторговцу В.К.Кокореву, который взялся обеспечить финансовую сторону воспитания Каравелова (*10). Целью его первоначальных занятий в Москве была подготовка к сдаче экзаменов за курс гимназии и поступлению в университет.

Поступив осень 1859 г. на историко-филологический факультет в качестве "стороннего слушателя", Каравелов посещал лекции О.М.Бодянского, Ф.И.Буслаева, С.В.Ешевского, С.М.Соловьева и др. В это же время он участвовал в журнале болгарских студентов в Москве - "Братски труд", готовил вместе с русским историком И.Г.Прыжовым "Памятники народного быта болгар", первый том которых вышел в 1861 г. (*11). С 1860 г. Каравелов начинает публиковать свои повести, рассказы, очерки, статьи в русских газетах и журналах.

Обстановка, в которую попал молодой болгарский студент в России, характеризовалась всесторонним кризисом. Центральное место в революционной ситуации конца 50-х начала 60-х годов занимал аграрно-крестьянский вопрос, все общественные вопросы были с ним тесно связаны. Занятия Каравелова в университете, посещения аксаковских пятниц (*12), знакомство с революционером И.А.Худяковым (*13), связи с членами "Общества взаимного вспомоществования" (*14), активное участие в русских газетах и журналах - все это несомненно сыграло важную роль в

формировании общественно-политической активности молодого болгарина.

За десять лет пребывания в России (1857-1866) Каравелов установил контакты с представителями самых различных общественно-политических направлений. Было бы недостаточно, однако, констатировать это обстоятельство без рассмотрения места Каравелова в болгарском национальном движении 50-60 годов. Большой интерес вызывает его участие в своеобразной организации "Московская болгарская дружина", а также значение самой организации как коллективной формы в болгарском национальном движении. В соответствии с этим должна рассматриваться и публицистическая деятельность Каравелова в России.

В советской исторической литературе уже отмечались теснейшая связь публицистики с освободительной борьбой южнославянских народов (*15), исключительная роль публицистики в процессе развития болгарского национального самосознания (*16). В нашем случае изучение публицистической деятельности Каравелова в связи с его участием в "Московской болгарской дружине" затруднено, однако, в силу нерешенности ряда важных вопросов в истории болгарского национального движения. Одним из наиболее значимых представляется вопрос о состоянии деятельности просветительных обществ ("Славяноболгарское ученолюбивое общество", "Общество болгарской письменности", "Московская болгарская дружина" и др.) с политической борьбой болгарского народа. На разных этапах национально-освободительного движения роль таких обществ не была одинаковой, их связь с церковно-национальной борьбой также была различной.

В нашем случае необходимо отметить также, что до сих пор исследовательское внимание к болгарской организации в Москве было невелико. Быть может это объясняется отношением к ней как к заурядному студенческому землячеству, хотя и в таком качестве московская дружина выпала из специальных исследований (*17). В тех же работах, где говорится о дружине (*18), ее связях с болгарским национальным движением не уделяется должного внимания.

Основанная в конце 1857 года "Московская болгарская дружина" в своей программе выделяла задачи печатного ("письменного") ознакомления русского общества с Болгарией, содействия развитию болгарской литературы, оказания помощи соотечественникам, прибывающим на учебу в Россию, создания библиотеки как для своих нужд, так и для болгарских читален (*19). Таким образом, дружина замышлялась не только как студенческая организация, но и ставила литературно-просветительские задачи. Интересно, что подобные задачи ставило и возникшее годом ранее в Константинополе "Общество болгарской письменности", которое намеревалось заботиться, во-первых, чтобы "церкви и училища могли приобрести нужные им книги по низкой цене", во-вторых, "собрать памятники народного языка и мнения ученых об устройстве болгарского языка", а также приняло решение "начать действия изданием Календаря, а затем предпринять и периодическое издание" (*20).

Публицистическая и научная деятельность молодых членов "Дружины" Х.Даскалова, В.Поповича, Л.Каравелова, Р.Жинзифова, К.Миладинова, Н.Бончева, М.Дринова, К.Станишева, Г.Теохарова и других, коллективное издание первого болгарского литературного журнала "Братски труд", пропаганда болгарского национального движения в России - все это позволяет говорить о несомненном вкладе "Московской болгарской дружины" в развитие национально-просветительского течения в болгарской национально-демократической революции. Действия "Дружины" были неразрывно связаны с общим развитием болгарского национального движения. Отдаленность Москвы не являлась при этом непреодолимым препятствием. Кроме сотрудничества некоторых из московских болгар в различных болгарских изданиях можно отметить и другие факты. Участник "Дружины" В.Караконовский в письме к Н.Герову от 5.X.1860 г. из Москвы писал: "Московская дружина просит Вас потрудиться получить тридцать пять экземпляров "Братски труд" и препроводить их в дар училищам во Фракии" (*21). Председатель "Дружины" Х.Даскалов обращался к Г.Раковскому за помощью в связи с подготовкой возражения на антиболгарский "Ответ "Рускому вестнику" по болгарским

делам" (СПб., 1858), составленный чиновником синода Т.И. Филипповым (*22).

Следует иметь в виду, однако, что в 60-е годы определяющей формой болгарского движения становится постепенно подготовка и проведение организованных революционных выступлений, и в это же время происходит обострение церковно-национальной борьбы. Отношение к этим насущным проблемам болгарской действительности определяло и разногласия в среде участников дружины. Д.Фингов, в 1858-1862 гг. учившийся в России, вспоминал о первых годах существования дружины: "Все мы жили дружелюбно, собирались на собрания, следили за ходом церковного вопроса в Болгарии, издавали ж. "Братски труд" и ходили к славянофилам Погодину, Аксакову, профессору Боянскому, Бессонову и др., которые принимали нас радушно и спрашивали нас о Болгарии" (*23). Другой член дружины В.Попович в письме к Раковскому сообщал о различиях во взглядах московских болгар (*24).

Положение осложнилось материальной зависимостью болгарских студентов от Славянского комитета, созданного почти одновременно с дружиной в январе 1858 г. (*25). Стипендиями Славянского комитета в 1858 г. были обеспечены девять из шестнадцати болгарских воспитанников (*26). В архиве М.П.Погодина сохранились обращения за помощью В.Каракановского (*27), Т.Запрянова (*28), расписки в получении денег Л.Каравеловым, В.Мишайковым, П.Радомировым, Н.Бончевым, А.Маноловым и др. (*29). При этом некоторую роль играли и личные отношения. Так, секретарь Славянского комитета Я.О.Орел-Ошмянцев, занимаясь выяснением причин самоубийства юного болгарина Т.Константинова, помещенного своим дядей Х.Даскаловым в закрытый пансион I-ой московской гимназии, пытался выяснить, почему другие болгары не сообщали никому о притеснениях, которым подвергался Т.Константинов со стороны надзирателей пансиона, или не забрали его оттуда. "Не скоро решились мне сказать, - писал Я.О.Орел-Ошмянцев, - что действовать так, значило-бы действовать против самого Даскалова, ибо он деспотически им (т.е. Т.Константиновым - Б.Б.) распоряжался, а имея вес у А.Н.Бахметова (Председатель

Славянского комитета - Б.Б.) мог бы тех, которые ему не нравились, оклеветать, даже лишить стипендии, что он и делал" (*30).

Для выяснения вопроса о функционировании "Дружины" в 60-е годы необходимо иметь в виду два остоятельства. Во-первых, в 1861 г. студенческие собрания были официально запрещены, Н.А.Попов даже писал о распаде болгарской организации: "Дружина просуществовала года три, четыре: старшее поколение болгарских студентов разъехалось, младшее же не нашло удобным поддерживать ее, ибо собрания студентов, с какою бы то ни было целью, стали считаться недозволительными, - и дружина распалась само собой" (*31). Эту же точку зрения поддерживал Л.С.Ерихоннов (*32). "Московская болгарская дружина" продолжала, однако, существовать и позднее, что подтверждается источниками. Так в 1866 году Н.Бончев дважды писал М.Дринову о собраниях дружины (*33).

Во-вторых, следует иметь в виду, что в середине 60-х годов сильно изменился состав дружины. Если в 1857-1861 гг. по нашим подсчетам в Москву приехало свыше 20 болгар (*34), то к середине 60-х годов этот приток практически прекратился из-за решения Министерства народного просвещения в 1863 г. о том, что "воспитание славянских уроженцев на казенный счет будет сосредоточено в Николаевской гимназии и в Новороссийском университете; там же болгарам, которым начаты выдачи субсидии, она продолжится до окончания их воспитания ..." (*35). Действительно, после отъезда в конце 50-х начале 60-х годов некоторых болгар из Москвы (В.Чолаков, Илия Христович - старший брат Ивана Христовича, К.Миладинов, К.Геров, Х.Камбуров, В.Попович, П.Тодорович, Т.Запryanов, Х.Даскалов и др.) прибыло в 1863-1866 гг. совсем немного - В.Мишайков, Х.Михайлов. Количественные изменения сопровождались изменением общественного положения ряда участников дружины. После окончания университета М.Дринов стал домашним учителем, много путешествовал по Европе, в I-ой московской гимназии работали учителями греческого языка Р.Жинзифов (1866-1867), Н.Бончев (1867-1875), К.Станишев (1867-1869) (*36), уездными врачами в

Московской губернии работали К.Бонев (в Подольске), К.Вязанков (в Верее). После окончания Александровского военного училища офицерами в русской армии служили Иван Христович (позднее известен под именем Ванка Райчев) и Младен Желязков (*37), офицером стал также К.Кесяков.

В изменившихся условиях дружина продолжала функционировать и после 1861 г., однако значение ее как национально-просветительской организации становится меньшим. Сужение круга участников дружины, изменение их общественного положения постепенно приводят к изменению ориентации молодых болгар. В условиях нарастания в конце 60-х годов революционных выступлений болгарского народа заметнее становятся различия интересов членов "Московской болгарской дружины". Различен вклад в национальное движение и различны судьбы, например, Ивана Христовича и Константина Станишева (*38).

Участие Л.Каравелова в "Московской болгарской дружине" было его участием в национальном движении. Вместе с этим сказанное о дружине позволяет поставить вопрос, насколько деятельность Каравелова отвечала начальным (программным) задачам дружины, а также - в каком направлении проходило дальнейшее развитие его взглядов.

Начиная с 1860 г., Любен Каравелов публикует в русских газетах и журналах свои рассказы, статьи, корреспонденции, заметки. Основным содержанием его публикаций было положение болгарского народа. Первым же пунктом программы "Дружины" было записано: "Знакомить русских с болгарам письменно" (*39). Предусматривалось, "обо всем замечательном давать знать русским и напоминать им почаще о существовании нашего отечества" (*151/40). В соответствии с этим в статьях Каравелова освещались различные стороны жизни болгарского народа.

Вторым пунктом программы "Дружины" стоял смелый тезис: "Содействовать развитию болгарской литературы. Для этого дружина будет способствовать ей как своими оригинальными произведениями, так и преимущественно переводами с разных языков на болгарский" (*41). В этом направлении для молодого начинающего писателя, каким был

Каравелов в конце 50-х годов, период пребывания в России стал временем творческого становления. Его повести и рассказы московского периода знаменовали собой также важную веху в развитии болгарской литературы.

Можно упомянуть и о деятельности дружины по созданию библиотеки. В программе о ней говорилось, что она "состоит из двух отделов: болгарский и иностранный - первый будет всегда в Москве, второй, по мере его увеличения и согласно с решением дружины, будет пожертвован какой-нибудь библиотеке в Болгарии" (*42). Именно об этой библиотеке Н.А.Попов писал, что "часть ее подарена была некоторым из членов, поехавшим учительствовать в Болгарию, остальная часть была передана Славянскому комитету и в недавнее время послана Болгарскому книжному дружеству в Браилове" (*43), т.е. стала частью фонда Болгарской академии наук. И в этом случае можно отметить участие Каравелова в деятельности дружины. Сохранилось, например, его письмо к В.И.Григоровичу, в котором излагается просьба выслать два экземпляра книги "Очерки путешествия по европейской Турции", один из которых - для читальни г.Копривштицы (*44).

Эти примеры дают представление о направлении деятельности Каравелова в русле действий просветительной организации - "Московской болгарской дружины". Однако, если иметь в виду, с одной стороны, изменение характера этой организации и, с другой стороны, происходившее в этот период изменение содержания болгарского национально-освободительного движения, то больший интерес вызывает развитие взглядов Каравелова в 60-е годы. Материалом для изучения процесса этого развития могут служить публицистические произведения Каравелова в русской периодической печати.

Сотрудничество болгарского автора в русских газетах и журналах с конца 1862 г. стало для него средством к существованию, о чем Каравелов писал председателю "Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым" Е.П.Ковалевскому в октябре 1863 г. (*45). Стипендию от В.А.Кокорева получал до августа-сентября 1861 г., в это же время он не оставлял мысли о поступлении на военную службу

(*46). Как и многие молодые болгары (подобно Ивану Христовичу), Каравелов мечтал о военном образовании, как о необходимом для того, чтобы быть полезным своему отечеству в предстоящей борьбе.

Жизненные пути болгар, учившихся в Москве, часто сопровождались причудливыми поворотами и зависели от многих обстоятельств. Некоторые из болгарских студентов вернулись на родину, став учителями (Илия Христович, Д.Фингов, К.Геров, К.Миладинов, П.Тодоров, Т.Запryanов и др.), другие вступили на русскую дипломатическую службу (Х.Даскалов, В.Караконевский, а также С.Филаретов и др.), значительная часть оставалась в России (Р.Жинзифов, К.Станишев, Н.Бончев, М.Дринов, Г.Теохаров и др.).

Л.Каравелову не пришлось окончить университет, не был принят он и на военную службу, тем не менее пребывание его в России затянулось на целое десятилетие. "Между русских я знал добрых и благородных людей и любил их, - писал Л.Каравелов, - меня принимали во многих домах как члена семейства; я был благодарен, но мне никогда не приходило в голову, что я тут постоянный жилец и могу остаться навсегда" (*47).

В результате обращения болгарского публициста в "Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым" он получил необходимую материальную помощь. В юбилейном издании "Общества" упоминалось, что в "1863 же году было выдано пособие в 75 р. Любену Каравелову (известному болгарскому писателю и деятелю болгарского возрождения) для возвращения на родину по окончании им образования в Москве" (*48). Выехал из России Л.Каравелов, однако, лишь три года спустя.

В России Каравелов установил также контакты с "Сербской общиной" в Петербурге, о чем свидетельствуют письма к нему Й.Дреча и Д.Джурича, опубликованные в работах В.Г.Карасева (*49). Именно в 1867 г. община реорганизуется из сербской в южнославянскую, в состав ее руководящего комитета вошли болгары Д.Кирович, К.Кесяков, С.Димитрисвич. Эти факты объясняют направление маршрута Каравелова, направившегося в Белград

для подготовки и организации вооруженного выступления южнославянских революционеров.

2. В Сербии и Воеводине (1867-1869). Болгарский комитет в Белграде.

Пребывание Каравелова в Сербии и Воеводине в 1867-1869 гг. было временем установления его непосредственных контактов с болгарским революционным движением. В исторической литературе и имеющихся источниках нет сведений об участии Каравелова в революционной работе в России (*50), тем не менее среди его широких связей в русском обществе были и контакты с революционными деятелями. Эти контакты (И.Г.Прыжов, И.А.Худяков и др.) происходили в основном из общих увлечений изучением народной жизни славян. Главным фактором для включения Каравелова в непосредственную революционно-организаторскую работу было его постоянное внимание и участие в болгарском национальном движении, поднимавшимся на новую, более высокую ступень.

Идея организации, возникшая у Каравелова в начале 60-х годов, нашла свое реальное воплощение в создании Болгарского комитета в Белграде. История этого комитета, в котором руководящую роль играл Каравелов, изучена еще недостаточно полно (*51). Созданный в начале мая (*52), или летом 1867 г. (*53), Болгарский комитет занимался вербовкой добровольцев и подготовкой вооруженных отрядов (чет) для засылки в Болгарию. Важное значение для оценки характера комитета имеет уставной документ "Закон и правила", определявший устройство чет. Руководящую роль при составлении этого документа играл Каравелов (*54).

Разделяя, как видно, четническую тактику Г.Раковского, Любен Каравелов внес новые элементы в организационные принципы. Согласно "Временному закону о народных лесных четах на 1867 год", написанному Г.Раковским, "ни один инородец и иноверец не будет приниматься, ни коем образом, в народные болгарские лесные четы в этом году" (*55). В четах, организуемых Болгарским комитетом во главе с Каравеловым, предусматривалось наряду

с болгарскими участие сербов, греков, румын, черногорцев (*56). В отличие от строгой военной иерархии у Раковского (главный воевода, первостепенные, второстепенные, третьестепенные воеводы, их знаменосцы и т.д.) в "Законе и правилах" вместе с принципами суровой дисциплины подчеркивался принцип равенства между всеми участниками освободительного движения, проявлялся "дух демократизма, враждебности к обособлению руководящего состава в особую категорию" (*57).

Важное место занимают различия между тактикой и задачами чет, формировавшихся в Сербии и Румынии (*58). Принципиальное значение при этом имело подчинение чет, сформированных в Румынии приверженцами Раковского, организации крупной болгарской буржуазии - "Добродетельной дружине", связанной к тому же известным соглашением с сербским правительством. Хотя четы П.Хитова и Ф.Топю могли при известных обстоятельствах поднять болгарский народ (*59), основными их задачами были сбор информации о настроениях в Болгарии и политическая демонстрация перед европейским общественным мнением (*60). Действия Каравелова в Болгарском комитете показывают, что с самого начала комитетом планировалось развертывание массового движения в результате вторжения многочисленных вооруженных чет, при этом болгарское освободительное движение не было подчинено сербской политике (*61).

Сведения о Болгарском комитете появились и в русских газетах. В июне "Москва" сообщала, что "в Белграде составился болгарско-сербский комитет с целью поддерживать болгарское восстание и оказывать помощь семьям погибших в этом восстании" (*62). Петербургский "Голос", в котором сотрудничал Каравелов, также извещал о новой организации: "Комитет для подания помощи болгарам уже организован в Белграде, и, по словам газеты "Напредак", многие сербы внесли значительную сумму денег в пользу "болгарских братьев" (*63).

В августе-сентябре русская пресса отмечала деятельность Болгарского комитета по подготовке чет. Напоминая, что комитет образовался из болгар,

эмигрировавших в Сербию из России, Румынии и Турции, газеты писали, что "он занялся снаряжением и устройством дружин." В продолжение нескольких дней этот комитет переправил более 1000 человек через границу в Болгарию. Инсургенты переходят границу обыкновенно дружинами в 200 или 300 человек. В комитет является множество студентов славян из северной и южной Австрии для поступления в болгарские дружины... Местом сбора являющихся в Сербию болгарских волонтеров назначен Калафат" (*64).

Некоторые преувеличения и неточности подобных сообщений, основанных на материалах австрийской прессы, не искажают общую картину деятельности комитета. Даже по сохранившейся корреспонденции к Каравелову, можно судить о его деятельности по набору добровольцев в болгарские четы из числа сербов, хорватов, босняков, даже чешских студентов из Праги (*65). Каравелов "записал только в Белграде 370 человек", а другими деятелями комитета "были завербованы в июне и июле 1867 г. около 500 человек" (*66).

В это же время Каравелов пишет революционные прокламации, одну из которых он опубликовал в "Голосе" (*67). "Братья болгары! Время уж пришло быть и нам, болгарам, людьми, подобно прочим людям ...", - призывая далее болгарское население не платить налоги, Каравелов писал: "Вместо денег покажите туркам нож и пулю". Здесь же нашли отражение взгляды его о славянской солидарности в борьбе против общих врагов: "Сербы и болгары, словенцы и хорваты, босняки и герцеговинцы, черногорцы и чехи обнимитесь, наши братья, забудьте политическую и религиозную вражду ... обнимитесь и скажите: "Свобода или смерть!" (*69).

Как видно, Каравелов считал положение в Болгарии готовым для успешных действий, вторжение чет должно было по его мнению вызвать всеобщее восстание. Сочетая пропагандистскую и организаторскую работу, болгарский патриот искренно верил в близость победы. Реальные события, однако, показали недостатки планируемой вооруженной акции. По ряду причин (поспешность при подготовке чет, открытая деятельность комитета, вызвавшая беспокойство западной дипломатии в Турции, неготовность самой Сербии к

вооруженным действиям, предупредительные меры Турции и др.) она не имела успеха. Болгарские повстанцы, сконцентрированные в Заечаре, уже на границе были встречены турецкими войсками и после двухдневных боев вынуждены были отступить, после чего значительная часть военного руководства была арестована сербскими властями (*70).

Деятельность Каравелова в Болгарском комитете показывает прежде всего его приверженность к революционному пути освобождения. В то же время он недооценивал важность подготовки внутри Болгарии. Будучи приверженцем четнической тактики, Каравелов в отличие от Раковского стремился придать четническому движению более широкий характер. Об этом свидетельствуют уставной документ "Закон и правила", прокламации, написанные им, сама деятельность Каравелова по вовлечению в болгарские отряды представителей других славянских народов.

Неудача не остановила Каравелова. Наряду с корреспондентской деятельностью в русских газетах он замыслил издание газеты с символическим названием "Братский союз", целью которой должно было быть распространение идеи о южнославянском единстве (*71). Издание, однако, не было разрешено властями, начавшими преследование Каравелова. "Я сегодня уезжаю из Белграда, - писал он редактору "Голоса" 11 октября 1867 года, - Не прогнали бы и модьяры! Это очень может быть ... Меня обвиняют еще в том, что я принимал летом участие в болгарском восстании и писал прокламации к болгарам. Если меня выгонят из Австрии, то поеду в Волахию и все-таки буду продолжать начатое" (*72).

Совершив несколько поездок по стране, Каравелов в феврале-марте 1868 г. остановился в Нови-Сале. В Белграде ему было запрещено находиться из-за критических корреспонденций о сербском правительстве в "Голосе" (*73). Здесь, однако, Каравелов вместе с сербскими общественными деятелями попал под пристальное наблюдение австро-венгерских властей. После убийства князя Михаила Каравелов вместе с В.Йовановичем был арестован по подозрению в участии в заговоре. Сообщая об аресте, "Голос" критиковал венгерские

власти за неосновательность обвинений для этого (*74). Одним из моментов, вызвавших подозрения властей, была критика Каравеловым сербского правительства в русских газетах. При аресте было, в частности, обращено внимание на письмо редактора "Русских ведомостей" Н.С.Скворцова (*75).

Хотя ни одно из подозрений не нашло основательного подтверждения, Каравелов был переведен в августе 1868 г. в пештскую тюрьму, где пробыл до января 1869 г. (*76). После освобождения его стремление к участию в деятельности болгарской эмиграции в Румынии нашло подкрепление в виде приглашения редактировать новую газету "Отечество", замышлявшуюся буржуазной организацией "Добродетельная дружина". В это же время Каравелов установил прочные связи с деятелями распавшегося БЦТК, которые не были в то время сторонниками какой-либо определенной политической программы.

Идейные расхождения послужили препятствием для редакторской деятельности Каравелова под контролем "Добродетельной дружины". После совершения поездки в Одессу в июле-августе 1869 г. с целью получения материальной поддержки для осуществления нового издания, Каравелов останавливается надолго в Бухаресте. Здесь 7 ноября он начинает издание газеты "Свобода", ставшей органом революционных кругов болгарской эмиграции.

Деятельность Каравелова после отъезда из России показывает его активное участие в болгарском национальном движении. Для него в конце 60-х годов характерно стремление к поиску организационных форм революционного движения. Одним из важных компонентов организации он считал издание газеты. Все это при его активном сотрудничестве в русской периодической печати делает необходимым проследить процесс развития его взглядов в 60-х годах. "Русская" публицистика Каравелова с момента участия в просветительной организации "Московская болгарская дружина" до его выдвижения на одну из руководящих ролей в болгарском революционном движении представляет собой важнейший источник для изучения развития идеологии знаменитого писателя-революционера.

Длительное участие Каравелова в русских изданиях невозможно рассматривать в отрыве от состояния освещения болгарского вопроса в России. Выяснение оценки болгарского вопроса в концепциях русской периодической печати диктуется необходимостью уточнения роли и значения публицистической деятельности Каравелова. Особый интерес при этом представляют выступления других болгарских деятелей в русской периодике.

Глава II

СОТРУДНИЧЕСТВО ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА В ОРГАНАХ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В РОССИИ

I. К вопросу об атрибуции работ Каравелова

Для изучения "русской" публицистики Каравелова необходимо предварительно решить и уточнить несколько вопросов: в каких изданиях он сотрудничал, какие именно материалы принадлежат ему, и, наконец, какова их ценность для рассмотрения процесса формирования взглядов болгарского публициста. По настоящее время в исследованиях о Каравелове и справочно-библиографической литературе встречаются неточности и пропуски в указаниях на публикации болгарского автора. Изучение доступной нам русской периодической печати 60-х годов XIX в. позволяет составить список подписанных публикаций Каравелова (см. статью "Любен Каравелов в русской периодической печати").

Фамилия Каравелова указывалась под его художественными произведениями, библиографическими обзорами, этнографическими очерками и т.п. Они были напечатаны в газетах "Наше время" в 1860 г., "Московские ведомости" в 1862 г., "С.-Петербургские ведомости" в 1864 и 1866 гг., "Московская газета" в 1866 г., а также в журналах "Библиографические записки" в 1861 г., "Русский вестник" в 1861 и 1866 гг. После отъезда Каравелова из России его подписанные работы появились в воронежском журнале

"Филологические записки", снова в "Русском вестнике", а также в "Отечественных записках" и "Журнале министерства народного просвещения".

Кроме того, в письмах-прошениях Каравелова в конце 1863 года названы еще его статьи "Болгарские церковные дела" в газете "Наше время" в 1861 г., "По поводу славянского отдела газеты "День" в газете "Русская речь" в 1862 г. (обе подписаны буквой "К"), статья "Народные балы. (Вечера, вечерницы)" в газете "Современное слово" в 1863 г., а также указывалось о составлении "славянских известий" в газетах "Наше время" в 1860-1861 гг., "Московские ведомости" в 1862 г., "С.-Петербургские ведомости" в 1863 г. (*77). Таким образом, сам Каравелов раскрыл один из своих псевдонимов (К.) и отметил важный факт своего продолжительного участия в последних трех газетах.

Прежде чем перейти к рассмотрению названных Каравеловым "славянских известий", публиковавшихся без подписи, целесообразно остановиться на вопросе, были ли указанные письма Каравелова полными в отношении перечня его работ и тех изданий, в которых они помещались? На этот счет существует два противоположных мнения. Одни исследователи (Димитров (*78), Арnaudов (*79), Сидельников (*80) и др.) высказывали предположение о наличии других работ Каравелова в период 1860-1863 гг. В работах Л.С.Ерихонова (*81) и Л.В.Воробьева (*82) категорически отрицаются подобные предположения.

В сущности, эти различия связаны с полемикой о возможности участия Каравелова в славянофильской газете "День", начавшей выходить с 1861 г. Полемическая категоричность в данном случае не была связана с характером источника. Критикуя составителя "Публицистики", Л.С.Ерихонов подчеркивал: "Когда и где сотрудничал Л.Каравелов в первые годы своей журналистской деятельности и о чем он писал, сообщают его письма на имя Е.П.Ковалевского в августе-октябре 1863 г.", где он "тщательно перечисляет" (*83) свои работы. Некоторые различия и неточности, допущенные самим Каравеловым в письмах, и самое главное - лишь общее указание о помещении "славянских известий" в трех газетах - не дают права считать

этот источник полным списком работ болгарского автора (*84). Впрочем, ни Л.С.Ерихонов, ни Л.В.Воробьев никогда не возражали против авторства Каравелова касательно статьи "Болгарская уния", опубликованной в газете "Наше время" 6.II.1861, N 4 и не отмеченной самим Каравеловым в указанных письмах. По нашему мнению, письма-прошения Каравелова, написанные в августе и октябре 1863 г., дают точные сведения в отношении художественного творчества болгарского автора и тех изданий, в которых он принимал участие, а также наиболее важных оригинальных статей.

Отрицая таким образом возможность сотрудничества Каравелова в газете "День", не названной им в упомянутых письмах, тем не менее остановимся на тех конкретных предположениях М.Димитрова, сообразно которым он включил в "Публицистику" Каравелова шесть статей из этой газеты. Статья "Из Болгарии" (*85) включена на основании того, что подобное название часто употреблялось Каравеловым для своих корреспонденций, хотя "два последних изречения", по мнению Димитрова, не могли быть написаны Каравеловым (*86). Указанная статья является переводом сообщения из болгарской газеты "Цареградски вестник" с добавлением двух предложений, а ее общее название было достаточно распространенным для газет того времени. Не считая предположение об авторстве Каравелова основательным, заметим, что именно эту статью болгарский публицист критиковал в своей статье "По поводу славянского отдела газеты "День" (*87). "Второй номер (г."День" - Б.Б.) вышел уже с известиями, примечаниями, рассуждениями, советами, - писал Каравелов, - Здесь явился и болгарин, с невероятным и странным известием, что в эту минуту болгары имеют честь идти рука об руку с греками, и что эти новые друзья "с кулаками и дубинами" пошли против униатов. Г.Аксаков на это делает примечание, что образованным людям неприлично драться дубинами и кулаками; но что простиительно для защитников веры своей" (*88).

Из приведенной цитаты видно, что Каравелов считал Аксакова автором последних двух изречений, однако невозможно поверить, что именно он - тот самый болгарин, который явился с "невероятным и странным известием". В

данном случае Каравелов критикует один из приматов официальной русской политики на востоке, выбирая мишенью своей критики славянофилов и их печатный орган. Отмечая финансовую зависимость редактора "Цареградски вестник", Каравелов выражает удивление, что подобные "продажные известия о симпатии болгар с греками с радостью принимаются в Москве и с торжеством являются в славянском отделе "Дня" ... "День" со своими притязаниями идет наперекор истории и современным понятиям. Проповедуя соединение болгар с греками, "День" в то же время стоит против всякого соединения сербов, черногорцев и болгар, тогда как история только и добивается этого единения" (*89). В свете этих принципиальных различий Каравелова и газеты "День" по данному вопросу невозможно считать болгарского публициста автором статьи "Из Болгарии".

Другая статья из газеты "День" под названием "Голос к Европе с Балканского полуострова" (*90), являющаяся переводом из чешской газеты "Народни листы", включена М.Димитровым в "Публицистику" на основании того, что в ней, как и в статье "Сербия и европейское равновесие" (*91), содержится призыв к Европе не препятствовать борьбе южных славян против Турции (*92). М.Димитров без всяких доказательств назвал Каравелова автором этого манифеста и в чешской газете, поместив во втором томе "Публицистики" и чешский текст (*93). Для того, чтобы разобраться с авторством публикации в газете "День", необходимо сопоставить некоторые бесспорные данные о журналистской деятельности трех болгарских публицистов - Л.Каравелова, Р.Жинзифова и В.Стоянова.

Не располагая никакими доказательствами о сотрудничестве Каравелова в чешских газетах, самое серьезное внимание необходимо уделить известным фактам об участии других болгарских публицистов в чешских изданиях, в особенности В.Стоянова, учившегося в то время в Праге(*94). Как установил чехословацкий литературовед В.Жачек на основании письма В.Стоянова к Й.В.Фричу от 10.XI.1863 г., именно В.Стоянов, сотрудничавший в 1863 г. и позднее в чешских изданиях "Народни листы", "Глас", "Болеслав" и др., опубликовал 30.IV.1863 г. в газете "Глас" воззвание "Голос

с Балкан" (*95). Кроме того В.Жачек считает, что это воззвание, как и другие подобные публикации В.Стоянова - "Голос из Болгарии к Европе", "Болгарский голос к европейским дипломатам", были написаны самим В.Стояновым (*96).

Установление автора публикаций в чешской газете еще не решает вопроса об авторе публикаций в газете "День". Однако при отсутствии данных о сотрудничестве Каравелова в этой газете нет оснований не считать публикатором названной статьи болгарина Р.Жинзифова. Почти с самого начала издания "Дня" здесь помещались его статьи, подписанные как фамилией автора (*97), так и буквой Ж (*98). С 1863 г. Р.Жинзифов заведовал славянским отделом "Дня", где была помещена статья "Голос к Европе с Балканского полуострова". В том же 1863 г. в Москве Р.Жинзифовым были изданы в переводе с чешского языка песни из Краледворской рукописи (*99), кроме того он состоял в переписке с В.Стояновым (*100).

Таким образом, по нашему мнению, Л.Каравелов не причастен к публикации этой статьи в газете "День". Это обстоятельство, разумеется, не говорит о том, что рассматриваемая публикация противоречила взглядам Каравелова. Будучи составителем "славянских известий" в 1863 г. в "С.-Петербургских ведомостях", он поместил в этой газете то же самое воззвание под заголовком "Болгария" (*101). Сравнение этих двух публикаций позволяет заметить, что перевод Жинзифова в "Дне" отличался лучшей литературной обработкой, но был опубликован на десять дней позднее текста в "С.-Петербургских ведомостях".

Публикация возвания "Голос к Европе с Балканского полуострова" может, хотя и в несколько отличной мере, служить примером того общего, что объединяло в это время и В.Стоянова, и Л.Каравелова, и Р.Жинзифова, и редактора "Дня" И.С.Аксакова, поскольку в нем содержалась критика западноевропейской дипломатии, в первую очередь английской, стремившейся к сохранению пресловутого европейского равновесия и турецких владений на Балканах. Неудачным поэтому представляется приведение М.Димитровым (*102) в качестве доказательства авторства именно

Каравелова в отношении этого воззвания того обстоятельства, что подобная же критика содержалась в публикации Каравелова "Сербия и европейское равновесие". Кроме того, знакомство с русской прессой позволяет отметить, что последняя статья не была оригинальной работой Каравелова, поскольку она была заимствована им из петербургской газеты "Современное слово" (*103), опубликовавшей ее на пять дней раньше под тем же названием со ссылкой на венское издание "Ост унд вест".

По мнению М.Димитрова, статья "Два слова по поводу подписки в память болгарина отца Софрония (Письмо к редактору одного из учащихся в Москве болгар)" (*104) по своему "духу, по высказанным мыслям, по языку и стилю" (*105) принадлежит Каравелову. Исследователи (*106) публицистики Р.Жинзифова (П.Орешков, Л.Ерихонов, Ц.Ундзиева, Д.Леков, И.Конев) считают эту статью вышедшей из-под пера этого автора. Против авторства Каравелова, на наш взгляд, говорят мысли, высказанные в этой статье. Как отмечал М.Димитров, в статье "подчеркивается общеславянское значение" русской благотворительности. Однако Каравелов далек был от идеализации последней. Отмечая, что в Болгарию ханжи "посылают церковные одежды, потиры, книги и деньги", он соглашался с возможностью полезных последствий такого усердия, "хотя эта польза вряд ли найдет желанный успех, а может быть принесет вред" (*107). В названной статье в газете "День" подчеркивалось также большое значение воспитанию болгар в духовных учебных заведениях России, тогда как из фактов биографии Каравелова видно его отрицательное отношение к духовному образованию, а в своем проекте "Чем можно помочь болгарам?" он ясно высказывался за широкое светское образование: "Кроме университетского образования болгарам нужны и другие предметы, например, недурно бы было поместить несколько человек в земледельческом, в коммерческом училищах, в технологическом, в архитектурном училищах, в кадетском и межевом корпусах. Типография состоит не из одних букв, а нужны и станки, и чернила, бумага и т.п." (*108).

Не принадлежит перу Каравелова, по нашему мнению, и "Некролог" (*109), извещавший о смерти видного

болгарского просветителя С.Филаретова. Помещенный М.Димитровым в "Публицистику" Каравелова "из уважения к памяти Саввы Филаретова" (*110), он должен был бы найти место в собрании публицистики Р.Жинзифова, так как в нем содержится прямая ссылка на его работу о братьях Миладиновых (см. "День", 17.XI, 1.XII.1862, NN 46,48). "Давно ли извещали мы, - писал автор некролога в "Дне", - о кончине двух братьев Миладиновых в турецкой темнице" (*111).

Следующая статья из "Дня", помещенная в "Публицистике", под названием "Два слова по поводу статьи г. Николая Берга "Мои скитания по белу свету" (*112) была одним из звеньев полемики органа славянофилов с журналом "Современник". В путевых очерках известного русского поэта-переводчика Н.В.Берга, появившихся в "Современнике", много говорилось о южных славянах как о "чернорабочем племени Европы", искаженно противопоставлялись способности южных и западных славян, что давало законный повод для критики. С такой критикой в "Дне" выступил "Южный славянин" со статьей "Два слова ...", которая сопровождалась примечаниями И.С.Аксакова о ренегатстве Берга с распространением критики на редакцию "Современника". Автор же статьи объяснял тяжелое положение южных славян историческими причинами и главный акцент критики ставил на политику европейских государств, направленную против освободительных стремлений южных славян.

М.Димитров считал автором, скрывшимся под псевдонимом "Южный славянин", Каравелова. Основанием для этого были "страстный тон" статьи, а также некоторые поздние высказывания Каравелова, в которых М.Димитров усматривал гневное оспаривание утверждений Берга. Соглашаясь с выводами исследователей публицистической деятельности Р.Жинзифова о принадлежности ему этой спорной публикации в газете "День" (*113), упомянем в связи с аргументацией М.Димитрова и другой отклик на статью Берга и в еще большей мере - на статью "Южного славянина" в газете "День". Имеется в виду статья "Слово южного славянина к славянофилам" (*114), подписанная демонстративно "Южный славянин в Петербурге". Ее автором был сербский демократ Ж.Жуевич, как было установлено В.Г.Карасевым (*115).

Основным в критике Ж.Жуевича было разоблачение славянофильских разглагольствований о южных славянах, которыми затуманивались "глаза русскому читающему свету ... даже южным славянам, которые находились в России" (*116). В отличие от статьи "Южного славянина" в "Дне" Жуевич обращает главное внимание не на отношение европейских держав к балканским вопросам, а на положение внутреннее. "Сон, душу возмущающий сон царствует у нас на юге, и хотя горько, но мы должны в этом сознаться" (*117). Такая констатация была связана с мнением Жуевича относительно оценок Берга, как справедливых.

В этой связи можно согласиться с М.Димитровым в отношении его аргументов об авторстве Каравелова, упомянутых выше. Например, в 1867 г. Каравелов утверждал: "Да, если у самих южных славян нет еще самосознания, если сами они не желают быть лучше, то никакая сила не в состоянии двинуть их вперед. Правду говорил когда-то г.Берг, что южные славяне родились быть чернорабочими Европы" (*118). Как видно, мнения Каравелова и Жуевича были очень близки в понимании и оценке этого вопроса. Конкретное обращение к материалам из газеты "День", включенным М.Димитровым в "Публицистику" Каравелова, позволяет считать неубедительным предположение о сотрудничестве Каравелова в "Дне" в период 1861-1863 гг. Таким образом, нет оснований не верить самому Каравелову, не называвшему никаких публикаций в "Дне" в упомянутых письмах 1863 г., а также Н.А.Попову (*119) и Р.Жинзифову (*120), писавших о сотрудничестве Каравелова в русских изданиях, но не называвших "Дня".

Вопрос об атрибуции статей Каравелова в названных им газетах "Наше время", "Московские ведомости", "С.-Петербургские ведомости" осложняется тем, что его указание о составлении "славянских известий" в 1860-1863 гг. носит весьма приблизительный характер. Дело в том, что лишь в "С.-Петербургских ведомостях" выделялись подобные известия.

Еженедельник "Наше время" (1860-1862) выходил по воскресеньям, его объем составлял 16 страниц. Корреспондентская сеть газеты не выходила за пределы страны, но изредка печатались письма случайных заграничных

корреспондентов. Редактором и издателем "Нашего времени" был известный писатель Николай Филиппович Павлов (1805-1864), ранние произведения которого с похвалой были отмечены А.С.Пушкиным. В начале 50-х годов Павлов подвергался высылке, но в 60-х годах его газета "Наше время" занимала умеренно-либеральные позиции. Финансовые неурядицы издателя привели к известной зависимости от правительственных кругов, в 1862 г. он получал субсидии от правительства (*121).

Секретарем редакции был видный впоследствии журналист Николай Семенович Скворцов (1838-1882) (*122), в то время обучавшийся так же, как и вольнослушатель Каравелов, на историко-филологическом факультете Московского университета(*123).

На страницах газеты "Наше время" 27 декабря 1860 г. состоялся дебют Каравелова в русской периодической печати, здесь был опубликован рассказ "Атаман. (Из болгарских нравов)". Как указывал Каравелов в письме от 28 августа 1863 г., он помещал в "Нашем времени" "славянские известия" в 1860 и 1861 гг. (*124). В октябрьском письме-прошении в "Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым" это указание ограничено лишь 1861 г. Действительно, на протяжении 1860 г. подобные известия не публиковались. Тем не менее можно обратить внимание на вышедшие в начале 1861 г. два номера газеты, которые являлись "долгом" подписчикам за предыдущий год и имели нумерацию 1860 г. В одном из этих номеров помещена корреспонденция "Болгария. 14 декабря 1860 года", подписанная буквой К (*125). По этим же псевдонимом Каравелова, раскрытым в его письмах 1863 г., помещены в "Нашем времени" две статьи "Болгарская уния" (*126), первая из которых по непонятным причинам не включена в "Публицистику", три статьи "Болгарские церковные дела" (*127), а также две корреспонденции "Константинополь. 10 января 1861 года" (*128) и "Болгария, 6 мая" (*129).

Таким образом, период сотрудничества Каравелова в "Нашем времени" продолжался с декабря 1860 по июнь 1861 г. Ни до, ни после этого периода в "Нашем времени" не публиковались материалы "славянских известий". В период

сотрудничества Каравелова в этой газете были помещены также две анонимные корреспонденции "Константинополь. 1 января 1861 года" (*130) и "Константинополь. 24 февраля 1861 года" (*131). Учитывая их тесную связь по форме и содержанию с корреспонденциями, подписанными буквой К., отсутствие данных о сотрудничестве других авторов в "Нашем времени", писавших по болгарской тематике, и, наконец, указание Каравелова о составлении им "славянских известий" в этой газете, с полным правом можно предположить авторство Каравелова.

Сложнее обстоит дело с корреспонденцией из Бессарабии под названием "Резня болгар" (*132). В отличие от перечисленных выше материалов, посвященных в основном болгаро-греческой церковной борьбе, здесь говорится об актах насилия со стороны румынских властей в Белграде по отношению к болгарским колонистам. Болгарские общественные деятели, бывшие очевидцами этих событий, послали информацию Г.Раковскому, редактировавшему в то время газету "Дунавски лебед" (*133). При этом сообщалось, что информация предназначена также для русской печати. Действительно, сообщение о белградских происшествиях было опубликовано в Одессе, Петербурге и Москве. В "Одесском вестнике" (*134) была помещена статья "Белградские происшествия и начало нового переселения в Россию", подписанная "Белградский колонист Кара-Петков". Позднее эта статья была перепечатана в петербургской газете "Северная пчела" (*135), в которой сотрудничал в то время болгарский историк С.Н.Палаузов. Через несколько дней он дал подробное изложение событий и их причин в этой же газете (*136), выпустив кроме того отдельную брошюру (*137). В Одессе подобного рода брошюры была написана болгариним И.С.Ивановым (*138). Сопоставление всех этих материалов показывает идентичность первоначальной информации с текстом корреспонденции "Резня болгар", опубликованной в "Нашем времени" с подписью Х. Можно предположить, что именно Каравелов, писавший по болгарской тематике в "Нашем времени", опубликовал эту информацию, тем более, что в других московских газетах ничего не сообщалось о белградских происшествиях.

В "Публицистике" помещена еще одна работа из "Нашего времени" - "Лубочные картинки русского народа в московском мире" (*139), являющаяся рецензией на одноименное сочинение И.Снегирева. В рецензиях на "Публицистику" Каравелова не ставилось под сомнение авторство болгарского публициста, тем более, что подпись под ней - Л.К. - совпадала с его инициалами. В содержании газеты, однако, на первой полосе указывалась полная фамилия или скорее всего псевдоним автора - Л.Кинжик (*140).

Отметивший первым это обстоятельство Л.С.Ерихоннов (*141) высказал предположение, что автором рецензии был товарищ Каравелова И.Г.Прыжов, также сотрудничавший в "Нашем времени". Зная о совместной работе И.Г.Прыжова и Л.Каравелова в ту пору, такое предположение оставляет возможность участия и болгарского автора в написании рецензии. Нам не представляется, что Л.Каравелов не причастен к этой рецензии. В этом заставляет усомниться благожелательный тон рецензии. Дело в том, что названная работа И.Снегирева отрицательно была встречена единомышленником в то время И.Г.Прыжова, а впоследствии и товарищем Л.Каравелова - А.А.Котляревским в его обзоре "Науки о русской старине и народности за истекший год" (*142). А.А.Котляревский кроме всего прочего отметил, что под видом "сербской или болгарской" сказки И.Снегирев (*143) привел выписку из словаря В.Караджича, ранее опубликованную Ф.Буслаевым (*144). Вряд ли такой "прием" И.Снегирева, остался бы незамеченным Каравеловым, готовившим в то время публикацию болгарских сказок (*145).

Кроме этого, ни И.Г.Прыжов, ни Л.Каравелов никогда не писали под псевдонимом Л.Кинжик. Скорее всего в газете была допущена опечатка, т.е. автором рецензии должен был быть указан Л.Книжник, а не Л.Кинжик. В этом случае можно назвать и фамилию автора рецензии - Л.Блюммер. Именно он писал под псевдонимом Л.Книжник (*146) и, кроме того, был специалистом по теме рецензируемой работы (*147).

Значительные трудности представляет вопрос об атрибуции работ Каравелова в газете "Московские ведомости" в 1862 г. В письмах 1863 года кроме подписанных работ "Бедное семейство. Рассказ филиппопольки" (20 марта) и

"Болгарская журналистика" (13, 14 июля) им было указано и на составление "славянских известий" в течение 1862 г. Известия подобного рода помещались в газете под рубриками "Турция", "Черногория", "Сербия" и др. в конце "Иностранных известий" и представляли собой сводку газетных сообщений австрийской, французской, немецкой, сербской прессы. При этом, как правило, указывался источник информации. Какие из информативных заметок о славянских делах были подготовлены Каравеловым и какое значение они имеют для характеристики его взглядов? На эти вопросы можно было бы ответить лишь после изучения работы редакционного аппарата "Московских ведомостей" и установления степени использования иностранной прессы в проблемных материалах. Состояние нашего знания этих вопросов и ограниченные возможности изучения их заставляют говорить о предположительном характере выводов о принадлежности Каравелову "славянских известий" из "Московских ведомостей" 1862 г.

Полемическая направленность исследований о "русской" публицистике Каравелова сыграла в данном случае плохую роль. Усилия участников дискуссии были направлены на доказательство или опровержение сотрудничества Каравелова в газете "День", тогда как его указание о составлении "славянских известий" в других изданиях не было предметом тщательного изучения. Еще К.А.Копержинский (*148) назвал Каравелова автором пяти статей в "Московских ведомостях" 1862 г., предполагая, что ему принадлежали материалы с антитурецкой направленностью. Таких материалов, однако, значительно больше, а в отношении их автора не было ничего сказано.

Статьи "Сербия и европейское равновесие" (*149) и "Турция и славяне" (*150), названные К.А.Копержинским, были включены М.Димитровым в "Публицистику Каравелова, тогда как остальные три небольшие статьи из "Московских ведомостей" ("Черногория", "Положение дел в Герцеговине", "Турция") не могли найти в ней места, поскольку К.А.Копержинский указал ошибочно их выходные данные. Тем не менее в исследовании Л.С.Ерихонова (*151) повторяется эта ошибка, и одновременно с этим отрицается

авторство Каравелова в отношении статей "Сербия и европейское равновесие" и "Турция и славяне" на основании того, что они не указаны в письмах Каравелова к Ковалевскому 1863 г. (*152). Их автором Л.С.Ерихонов считал одного из "постоянных сотрудников "Московских ведомостей" по славянскому вопросу" (*153). Следует заметить, что именно в названных письмах говорилось, что таким сотрудником был Каравелов. Кроме того, Л.С.Ерихонов (*154) в свою очередь впервые предположил авторство Каравелова в отношении еще шести корреспонденций в "Московских ведомостях" (*155) о сербско-турецких отношениях. "Все эти материалы носят информативный характер, - писал Л.С.Ерихонов, - и ничего не могут прибавить для понимания идейных позиций писателя" (*156). Это странное заключение не сопровождалось пояснением, почему именно указанные корреспонденции принадлежат Каравелову и почему другие подобные материалы ему не принадлежат. В работах других исследователей (*157) выводы Л.С.Ерихонова относительно статей Каравелова в "Московских ведомостях" не получили распространения, в частности признается принадлежность болгарскому публицисту статей "Сербия и европейское равновесие" и "Турция и славяне".

"Московские ведомости" в 1862 г. претерпевали существенные изменения. Редактор газеты В.Ф.Корш со следующего года должен был приступить к обязанностям редактора "С.-Петербургских ведомостей" и вел издание лишь в начале года. С 22 апреля "за редактора" газету подписывал М.П.Щепкин. Плохое финансовое положение одной из старейших русских газет вынуждало к сдаче в аренду этого издания, служившего органом Московского университета. 5 июля 1862 г. сообщалось, что "по предложению Университетского совета и с разрешения высшего начальства предполагается отдать с 1863 года в арендное содержание университетскую типографию и издание "Московских ведомостей", вместе или порознь" (*158). Все это, естественно, отражалось неблагоприятным образом на ведении издания.

В.Ф.Корш, известный журналист либеральных взглядов, был занят подготовкой к изданию другого органа - "С.-Петербургских ведомостей". В это время он активно

готовил корреспондентскую сеть этой газеты, пригласив, например, таких специалистов по славянскому вопросу, как В.И.Ламанский и И.Ткалац (*159). К тому же в начале лета В.Ф.Корш выехал из Москвы в деревню Иваньково, отстранившись от редактирования "Московских ведомостей" и продолжая поиски сотрудников для "С.-Петербургских ведомостей" (*160).

Сотрудничество Л.Каравелова в "Московских ведомостях" началось еще при В.Ф.Корше. В марте за подписью болгарского писателя был помещен рассказ "Бедное семейство. Рассказ филиппопольки" (*161). Можно предположить, что помощник редактора М.П.Щепкин (*162), готовивший иностранную информацию для газеты, предложил Каравелову составление и известий о зарубежных славянах (равно как и В.Ф.Корш, видимо, еще в то время предложил ему участвовать в следующем году в "С.-Петербургских ведомостях").

Большая подписанная статья Каравелова "Болгарская журналистика" (*163) появилась в газете в середине июля, когда редактором был М.П.Щепкин. Эта статья, как и статьи "Сербия и европейское равновесие", "Турция и славяне", была вынесена в газете на первое место в разделе "Иностранные известия" (обычно в начале помещалась информация об Англии, Франции, Австрии и лишь в конце следовала информация о Турции и славянских землях). Учитывая указание Каравелова о составлении им "славянских известий" (кроме статьи "Болгарская журналистика"), на наш взгляд, можно говорить о его причастности к публикации материалов по южнославянской тематике, прежде всего о Болгарии (*164). Основное внимание в 1862 г. печать уделяла сербско-турецким отношениям, в связи с бомбардировкой Белграда, и вопросам о турецких крепостях в Сербии, а также ходу военных действий в Черногории и Герцеговине. Обращение "Московских ведомостей" к положению в Болгарии объясняется, на наш взгляд, именно участием в газете Каравелова.

В данном случае невозможно говорить об авторстве болгарского публициста, поскольку информативные материалы чаще всего имели непосредственные ссылки на источник, а при их отсутствии также можно заметить при

сравнении с другими русскими газетами факт перепечатки информации о Болгарии из газет "С.-Петербургские ведомости" (*165) и "Современное слово" (*166), которые указывали соответствующие иностранные издания в качестве источников. Информация "Московских ведомостей" в этом смысле отличается лишь наибольшим количеством заметок о положении в Болгарии.

В начале июля "Московские ведомости" писали, что в Болгарии, несмотря на бурные события в Белграде, тихая обстановка, 11 июля говорилось об организации болгарского легиона в сербской столице во главе с Г.Раковским. В конце июля - начале августа сообщалось о волнениях в Болгарии, причинах неудачи Тырновского восстания, а также о действиях легиона Раковского в Белграде. Позднее, в октябре, газета писала о последствиях восстания, тяжелом положении болгарского населения.

По сравнению с 1860-1861 гг. обращает на себя внимание некоторое изменение источников информации о южнославянских делах в газете "Московские ведомости" в 1862 г. Если ранее источником служили чаще всего "С.-Петербургские ведомости" и "Журналь де С.-Петербург", то теперь вместо последнего часто использовалась демократическая газета "Современное слово", а также сербская печать. Именно из "Современного слова" перепечатана статья "Сербия и европейское равновесие", являвшаяся переводом из венского еженедельника И.Ткалаца "Ост унд вест". Учитывая указание Каравелова о составлении "славянских известий" и их характер в "Московских ведомостях" 1862 г., неоправданными следует считать выводы ряда исследователей (Копержинский, Димитров, Сидельников, Шарова) об авторстве Каравелова в отношении этой статьи, равно как и категорическое утверждение (Ерихонова) о непричастности болгарского публициста к появлению этой статьи. Анонимные "славянские известия" в "Московских ведомостях" 1862 г. не являлись оригинальными работами, однако, в их подборе участвовал и Л.Каравелов.

В то же время при нынешнем состоянии материалов трудно проникнуть в тайны составления названных известий в газете столетней давности. Можно только предположить, что

при использовании иностранной прессы (из английских газет, например, информацию извлекал сам М.П.Щепкин) переводы осуществлялись одним лицом, т.е. оперативная "славянская" информация не была подготовлена Каравеловым. Например, в статье "Сербия" (*167), где говорилось о новых сербских министрах, употребляется невозможное для болгарского публициста написание сербских фамилий: Кристикс вместо Христич, Лешчанин вместо Лешанин и т.п. Таким образом, это и некоторые другие обстоятельства служат препятствием для окончательного определения подготовленных Каравеловым материалов. К ним, кроме названных выше заметок о положении в Болгарии, можно отнести и выделенные на первое место в "Иностранных известиях" статьи "Сербия и европейское равновесие", "Турция и славяне", "Настоящее положение дел в Турции" (*168), "Сербия и Константинопольские конференции" (*169), в которых также рассматриваются важные вопросы о перспективах освободительного движения на Балканах. Вопрос о возможности их использования для рассмотрения взглядов Каравелова связан с различным подходом к разнородным материалам, поэтому для целостного изучения публицистической деятельности болгарского автора интерес представляют все материалы, в том числе и простые перепечатки.

Указание Каравелова о составлении им "славянских известий" в "С.-Петербургских ведомостях" в 1863 г. также недостаточно полно учтено в имеющихся исследованиях. К.А.Коперджинский (*170) предположил, что болгарскому автору принадлежит материал о Черногории и Кroatии под общим заголовком "Славянские известия" (*171). Этот материал, а также еще шесть подборок под заголовком "Славянские известия" (*172) М.Димитров поместил во 2 томе "Публицистики" (*173). Расширяя список публикаций Каравелова в "С.-Петербургских ведомостях", Л.С.Ерихонov (*174) указал на принадлежность болгарскому публицисту подобных же материалов в NN 99, 115, 130, 134.

В 1863 г. "С.-Петербургские ведомости" с приходом нового редактора стали выделять вновь после длительного перерыва рубрику "Славянские известия". Как правило, в этой

рубрике имелись подзаголовки "Болгария", "Босния", "Герцеговина", "Галиция" и др. Можно предположить, что в рубрике объединялись материалы, подготовленные разными лицами. Основанием для такого предположения может служить то обстоятельство, что до введения рубрики "Славянские известия" в том же 1863 г. материалы с подзаголовком "Галиция", составленные по польским изданиям и львовской газете "Слово", помещались под рубрикой "Австрия". Кроме того, часть материалов "Славянских известий" имеет подпись П.Д. (*175), которая принадлежит П.Дубровскому (*176).

Безосновательно, поэтому, относить к публицистическому наследию Каравелова материалы с подзаголовком "Галиция", как это сделал М.Димитров (*177), а также "Славянские известия" с подписью П.Д. (1863, NN 116,130), как это сделал Л.С.Ерихонов (*178). Последним была допущена также явная ошибка в указании авторства Каравелова по отношению к "Славянским известиям" в "С.-Петербургских ведомостях" 24 мая 1863 г. N 115, поскольку в этом номере газеты упомянутые "известия" отсутствуют.

Таким образом, учитывая указание Каравелова о составлении "Славянских известий" в этой газете и приведенные соображения, можно говорить о подготовке болгарским публицистом лишь тех материалов, которые освещают положение южных славян (*179). В дополнительном исследовании нуждается вопрос о публикаторе "Славянских известий" по сербским и чешским газетам о польском вопросе (*180), а также о униатском движении в Галиции по южнославянской печати (*181). Осторожное отношение к этим материалам определяется активным сотрудничеством в этой газете таких специалистов по славянскому вопросу, как И.Ткалац, П.Лавровский, В.Ламанский, Ж.Жуевич, возможно и других, а также спецификой сотрудничества Каравелова, жившего в Москве, в петербургской газете.

Заканчивая рассмотрение вопроса о сотрудничестве Каравелова в русских газетах в 1860-1863 гг., нельзя не сказать еще об одном предположении. Украинская исследовательница болгарского фольклора Н.С.Шумада (*182), рассматривая анонимную статью "Болгарские песни" в газете "Черниговский

листок" (1862, N 35-36), предположила, что ее автором был И.Г.Прыжов. Это предположение было дополнено Л.Минковой (*183), назвавшей Каравелова соавтором Прыжова. В исследовании М.Бычварова (*184) указанная статья рассматривается уже как каравеловская. Отсутствие доказательств авторства Л.Каравелова вызывает закономерный вопрос: каким образом в черниговской либеральной газете была опубликована статья о болгарских песнях?

Биографы И.Г.Прыжова не упоминали о сотрудничестве в "Черниговском листке" (*185), однако известно о его участии в 1862 г. в петербургской газете "Современное слово" (*186), где в это же время была опубликована близкая по содержанию с названной статьей анонимная работа "Болгарские песни (Библиографическое известие)" (*187). Содержание ее, созвучное с предисловием к "Памятникам народного быта болгар", соредактором которых был И.Г.Прыжов, позволяет предположить его авторство. Зная о контактах Прыжова с украинскими деятелями (*188), можно предположить, что он послал названную статью в "Черниговский листок", или редакция последнего перепечатала статью из "Современного слова".

Именно сотрудничество Прыжова с Каравеловым вызвало интерес русского историка и этнографа к южнославянским сюжетам. Можно говорить об их соавторстве касательно статьи "Народные балы (Вечера, вечерницы)" (*189), являвшейся частью большого исследования Прыжова "Вечерницы или женские общественные собрания" (*190), написанные по болгарским материалам. Л.С.Ерихонов (*191) считал автором этой статьи одного Прыжова. На наш взгляд, о соавторстве Каравелова говорит наличие отрывка из этой статьи в его личном архиве (*192), а также его прямое указание в письме 1863 г., где под неточным названием упоминается эта статья (*193). В то же время отсутствие указаний Каравелова о сотрудничестве в "Черниговском листке", о принадлежности ему публикаций статьи "Болгарские песни" в "Современном слове" не позволяет согласиться с предположением Л.Минковой, М.Бычварова, В.Горского.

О последних годах пребывания Каравелова в России (1864-1866) известно мало, это относится и его сотрудничеству в русской периодической печати. Отсутствие источников, подобных письмам Каравелова от августа-октября 1863 г., содержащих данные о его сотрудничестве в русских газетах и журналах, затрудняет поиски его работ периода 1864-1866 гг. Как видно из составленного нами списка подписанных публикаций (см. статью "Любен Каравелов в русской периодической печати"), Каравелов помещал свои работы в эти годы в газетах "С.-Петербургские ведомости", "Московская газета", журнале "Русский вестник".

Учитывая факт сотрудничества Каравелова в эти годы в "С.-Петербургских ведомостях", где помещены три повести и рассказа, и его указание о составлении "Славянских известий" в 1863 г., можно было бы логически предположить принадлежность болгарскому автору и других материалов названной рубрики периода 1864-1866 гг. Однако это не так. Исследования В.Г.Карасева (*194) практически все анонимные публикации по южнославянской тематике в "С.-Петербургских ведомостях" сделали явными, имя Каравелова при этом не упоминалось в качестве автора. Помещенная М.Димитровым во 2 томе "Публицистики" статья из этой газеты "Турция. Болгарский церковный вопрос" (*195) является перепечаткой статьи Р.Жинзифова (*196) "Заседания в Константинопольской патриархии по церковному вопросу болгар" (*197), т.е. совершенно произвольно приписана Л.Каравелову.

В то же время бесспорный факт сотрудничества Л.Каравелова в "Московской газете" по сей день остается забытым. Именно этим обстоятельством можно объяснить то, что все исследователи творчества Каравелова (*198) относят публикацию рассказа "Слава. Очерк из болгарской жизни" к 1868 г. в сборнике "Страницы из книги страданий болгарского племени" (*199). На самом деле этот рассказ впервые был опубликован (с небольшими расхождениями в тексте) еще в 1866 г. в "Московской газете" (*200). Здесь же помещен очерк "Святки у болгар" (*201) с указанием фамилии автора.

За недолгий срок существования (1866-1867) "Московская газета" не сумела составить серьезной конкуренции выходившим в то время в старой столице

влиятельным "Московским ведомостям" и многотиражным "Русским ведомостям", а также новой газете славянофилов и московского купечества "Москва". Редактор-издатель "Московской газеты" Николай Петрович Бочаров (1838-1912) стремился освещать в ней быт и нравы города, его историю. Это соответствовало его собственным научным интересам (в 1864 г. он издал "Материалы для изучения Москвы", в 1867 - "Материалы Статистического комитета"); в этом плане он имел определенный опыт: с 1862 г. Н.П.Бочаров совмещал обязанности секретаря губернского статистического комитета и редактора "неофициальной части" казенных "Московских губернских ведомостей". Однако предпринятое им издание "политической и учебно-литературной" газеты требовало привлечения интересных авторов по различным вопросам. По-видимому, еще до выхода в свет "Московской газеты" была достигнута договоренность о сотрудничестве в ней двух известных еще по совместной редакторской работе над "Памятниками народного быта болгар" авторов - Л.Каравелова и И.Г.Прыжова, поскольку уже в первых номерах газеты появляются их подписанные работы (*202).

Появление этнографического очерка "Святки у болгар" в "Московской газете" объясняется направленностью интересов ее редактора-издателя, в личном архиве которого сохранились собранные им этнографические материалы (*203). Однако сам Каравелов учитывал специфику такой публикации. "Просвященный русский читатель остановится, может быть, с изумлением, - писал болгарский публицист, - зачем эта несносная этнография является там, где должна была скакать на почтовых вся окружающая этого читателя современность. Дело в том, что современность эта была бы еще лучше, еще благодороднее, и, скажем смело, еще просвященнее, если бы с нею вместе неслись и миллионы оставленных существ, называемых славянским народом. Существа эти ведут свою историю; будем же изучать ее, чтоб идти за нею, а не заставляя ее пресмыкаться за нами" (*204).

Общественно-публицистическая направленность научной публикации Каравелова заметна и в его подчеркивании проявлений денационализаторской политики фанариотского духовенства по отношению к болгарским крестьянам.

"Нашлись и такие, - писал он, - это греческое духовенство, - что даже девицам и парням запрещают водить свои хороводы, но несмотря на старания греческого духовенства, до сих пор еще праздники встречаются и провожаются по-старому ... " (*205).

Публикацией названных работ, видимо, не исчерпывалось сотрудничество Каравелова в "Московской газете". Обращают на себя внимание два информативных сообщения о болгарских делах в феврале 1866 г., помеченные в газете как поступившие из Константинополя "от нашего корреспондента" (*206). Им, по нашему предположению, мог быть находившийся в Москве Каравелов, часто облекавший свои статьи в форму корреспонденций (или это делали редакторы), поскольку именно отсутствие зарубежных корреспондентов отмечали у "Московской газеты" фельетонисты влиятельных газет (*207), не признавая за ней поэтому права называться "политической".

Сотрудничество Каравелова в "Московской газете" охватывает небольшой период времени с января по апрель 1866 г. Вместе с окончанием очерка "Святки у болгар" в № 14 от 10 апреля начинается публикация материалов о покушении Д.Каракозова на царя. С этого времени явно проявляется "поправление" газеты, выразившееся в резком сокращении критических материалов и помещении большого количества верноподданических адресов. Финансовые неурядицы издателя повлекли за собой потерю интересных авторов, среди которых был и Любен Каравелов, готовившийся к тому же к отъезду из России. Одной из причин отъезда могло быть и его участие в легальном отделении организации Н.Ишутина - Д.Каракозова - "Обществе взаимного вспомоществования" (*208).

Наконец, еще один орган печати, в котором участвовал Каравелов, - "Русский вестник", - дает возможность представить тот широкий круг русских изданий, в которых публиковались произведения болгарского автора. В то же время возникает вопрос, была ли публикация "Бошко. Рассказ из болгарской жизни" в журнале "Русский вестник" в 1866 г. единственным случаем участия Каравелова в изданиях М.Каткова и П.Леонтьева в 1864 -1866 гг.? Речь идет не столько о журнале, сколько о ежедневном издании

"Московские ведомости". перешедшем с 1863 г. в руки М.Каткова и П.Леонтьева.

В литературе уже отмечалось, что Каравелов часто менял органы печати, избегая участия в славянофильских и реакционных изданиях (*209). Такой подход к решению вопроса представляется формальным, поскольку в условиях 60-х годов XIX в. интерес к южнославянской проблематике был велик в изданиях самых различных направлений, и привлечение авторов, писавших по этой проблематике, различными органами печати, в том числе и реакционными, не означало подбора ими единомышленников. В равной мере участие авторов-специалистов по определенной тематике в реакционных изданиях, каковыми были и "Московские ведомости" при Каткове и Леонтьеве, не означало их единодушия с издателями. Известно, например, что в "Колоколе" Герцена участвовали представители различных общественных направлений (*210), а в издании Каткова и Леонтьева "Современная летопись" сотрудничали известные революционеры - Кропоткин, Ровинский и др.

Разумеется, подобные факты не могут служить основанием для далеко идущих обобщений, а лишь иллюстрируют сложность исторических условий, в которых протекала общественная борьба в то время, и требует конкретного рассмотрения участия определенных авторов в тех или иных изданиях. Заинтересованность Каткова и Леонтьева в болгарских делах находила свое выражение в разное время. Так еще в 1863 г. П.М.Леонтьев помог составить статью о Рильском монастыре и сборе пожертвований для публикации в "Московских ведомостях" болгарскими священниками, прибывшими в Москву (*211). В 1858 г. редактируемый Катковым "Русский вестник" поместил серию статей "Турецкие дела", в которых вразрез с официальной политикой России показывалась справедливость болгарских требований в церковной борьбе, и в объяснении правительству Катков отстаивал свою проболгарскую позицию (*212). Вместе с переходом издателей "Русского вестника" от либерализма к реакции с начала 60-х годов и ярко выраженной великодержавной российской политикой в болгарском вопросе в 60-е годы можно отметить и факты привлечения болгарских

авторов для участия в поименованных изданиях. Так, например, в "Московских ведомостях" в разное время сотрудничали Р.Жинзифов (*213), К.Станишев (*214), Т.Бурмов (*215). В 1861 г. на страницах популярного журнала "Русский вестник" появился рассказ начинающего в то время автора - Л.Каравелова "Неда. Рассказ моей бабушки". Кроме публикации в 1866 г. еще одного его произведения в "Русском вестнике", в издании Каткова после отъезда Каравелова из России была помещена также работа "Из записок болгар". В 1863 г. сборник "Страницы из книги страданий болгарского племени" был напечатан в типографии того же Каткова.

Приведенные факты не дают оснований для сомнений в возможности участия Каравелова в другом органе, редактировавшемся Катковым, "Московские ведомости" в 1864-1866 гг. Однако, установленная М.Димитровым (*216) публикация Каравелова "Из Болгарии" (*217), подписанная псевдонимом Л.Калчо, не получила откликов в исследованиях других авторов, не отрицавших в то же время ее принадлежности Каравелову. Нам удалось обнаружить еще две статьи Каравелова, подписанные псевдонимом Калчо: "Из Турции. Константинополь, 13(25) февраля" (*218), "Из Турции. Константинополь, 1-го марта" (*219). В этих статьях он отмечал ухудшение положения болгарского народа в результате переселения черкесов из России в Турцию, усиление протестантской пропаганды в Болгарии, высказывался за совместное выступление южных славян против Турции.

В тот же период в "Московских ведомостях" были опубликованы также шесть корреспонденций из Константинополя, подписанных К.Л. (*220). Их автор - болгарин(*221), он пишет об ухудшении положения болгар в результате грабежей со стороны горцев-переселенцев из России, притеснений турецких властей, сообщает об обострении церковной борьбы и усилении протестантской пропаганды в Болгарии, невыполнении турецких реформ-обещаний, приводит многочисленные примеры злоупотреблений турецких властей по отношению к болгарам, возлагает надежды на вооруженное выступление болгарского народа в союзе с Сербией. Последнее обстоятельство вынудило редакцию газеты во главе с М.Н.Катковым отмежеваться от автора

корреспонденции: "печатаем славянские голоса из турецких земель, чтоб ознакомить с настроением умов ..., а не потому, чтобы считали волнения полезными ..." (*222).

Совпадение тематики и направленности этих корреспонденций с интересами Л.Каравелова в это время, отсутствие данных о сотрудничестве других авторов (*223), подписывавшихся в этой газете псевдонимом К.Л., совпадение этих инициалов с каравеловскими, известные факты его сотрудничества в "Московских ведомостях" в этот период - все это позволяет предположить его авторство. Публикация статей в форме корреспонденций была характерна не только в целом для русской прессы, но также и для сотрудничества Л.Каравелова в русских газетах. В такой форме публиковались, например, его материалы в "Нашем времени" (1861), "С.-Петербургских ведомостях" (1863), в тех же "Московских ведомостях", а позднее - в "Голосе" и "Русских ведомостях" (в этих газетах печатались корреспонденции, но с указанием не соответствовавших пунктам отправки названий городов).

О сотрудничестве Каравелова в других изданиях в период 1864-1866 гг. можно только предполагать, так как для этого (в отличие от "С.-Петербургских ведомостей", "Московской газеты", изданий Каткова и Леонтьева) нет фактических данных. Такие предположения, однако, имеются. Необходимо рассмотреть спорные статьи в московских газетах "День" (1864), "Русские ведомости" (1866) и петербургской - "Голос"(1865-1866).

В I томе "Публицистики" помещена единственная статья из газеты "День" рассматриваемого периода "Греческие архиерси в Болгарии" (*224). На критические замечания Л.С.Ерихонова (*225) и С.И.Сидельникова (*226), отрицавших авторство Каравелова, М.Димитров возражал, обращая внимание, кроме всего прочего, на то, что "Ив.Аксаков не позволил бы представить греческое духовенство в таких черных красках, как это обрисовано в статье "Греческие архиереи в Болгарии" (*227). На наш взгляд, не это является главным. В рассматриваемой статье проводится чуждая Каравелову мысль: "Восстать силою против греков и турок нет никакой возможности. Всякое восстание быстро уничтожится в

самом начале" (*228). В это время Каравелов, учитывая трудности борьбы, более оптимистично расценивал ее перспективы. Он писал: "Хотя бы и не последовало успеха, все-таки это будет лишь временная неудача, и турки, истощенные самой борьбой и своими крайними напряжениями, необходимо должны, рано или поздно, совершенно ослабеть ..., и это без сомнения последует в непродолжительное время" (*229). Турция, по его мнению, "вряд ли ... сумеет смирить своих подданных, бунтующих на всех концах разлагающегося государства" (*230). Ожидание вооруженных выступлений содержится и в упоминавшихся его корреспонденциях в "Московских ведомостях" (*231).

Статья "Греческие архиереи в Болгарии" принадлежит, по нашему мнению, Р.Жинзифову, как это предполагалось с оговорками в некоторых исследованиях (*232). По источникам (болгарская газета "Съветник" и др.) и по тематике она тесно связана с другими статьями заведующего славянским отделом "Дня" Р.Жинзифова - "Окружное послание греческого патриарха и действия фанариотов в Болгарии", "Еще несколько слов о действиях фанариотов в Болгарии", "Фанариоты и волнения в Болгарии" и др. (*233).

В рецензии на "Публицистику" С.И.Сидельников (*234) назвал Каравелова автором трех константинопольских корреспонденций в газете "Русские ведомости" (20.IX, 20,27.X.1866, N 111,124,127), впоследствии он отказался от этого предположения (*235), но в другой своей работе без всяких пояснений использовал для характеристики Каравелова еще три константинопольские корреспонденции в этой газете ("Русские ведомости", 1866, NN 76,83,104) (*236). Рассмотрение всех этих корреспонденций Л.С.Ерихоновым позволило ему сделать заключение, что они так же, как и другие константинопольские корреспонденции в этой газете "Русские ведомости", (1866, NN 133,143,151,154), написаны одним автором, близким к русскому посольству (*237). С.А.Никитин (*238) также не считал автором этих константинопольских корреспонденций Каравелова, так как источники информации в них предполагают местонахождение автора в Константинополе. Соглашаясь с выводами Л.С.Ерихонova и С.А.Никитина, можно предположить, что автором

корреспондентом был выпускник Казанской духовной семинарии (1864) Иван Степанович Ястребов (1839-1894), принятый в учебное отделение Азиатского департамента МИД России и направленный "сверхштатным студентом" посольской миссии в Константинополь. Оттуда он писал о Болгарии в журнал "Православное обозрение" и московские газеты (*239).

Наконец, ко времени пребывания Каравелова в России относят начало его сотрудничества в петербургской газете "Голос". Можно согласиться с предположением М.Димитрова (*240), указавшего две "белградские" корреспонденции с подписью Л-чо (*241) (от Личо - уменьшительное имя Каравелова, позднее подобным образом он подписывал свои популярные брошюры (*242)) как пробные работы Каравелова во время его переговоров с редакцией "Голоса" о сотрудничестве перед отъездом в Белград. Однако в таком случае недостаточно убедительными выглядят доказательства М.Димитрова (*243) о принадлежности Каравелову двух передовых статей "Болгары под турецким владычеством" (24.IX.1865, N 264), "Оттоманская порта и иерархический вопрос в Болгарии" (21.VIII.1866, N 230), а также С.И.Сидельникова (*244) - в отношении передовой статьи "Румынские дела" (18.II.1866, N 49) в газете "Голос".

"Голос" в 60-х годах много писал о болгарском вопросе, для выяснения всех авторов и установления их конкретных публикаций по болгарской и балканской тематике в настоящее время имеются объективные трудности. Наличие большого количества корреспондентов, анонимный характер большинства публикаций, неизученность многих вопросов, связанных с историей газеты - все это препятствует решению интересующего нас вопроса. Опытный журналист - издатель А.А.Краевский еще до появления в свет нового издания стремился привлечь к сотрудничеству в "Голос" самых различных авторов, не взирая на их социальное положение. Главной целью издания он считал "водворение согласия между правительством и обществом для дружного хода вперед". Информированности газеты он придавал большое значение, обращаясь в письме к М.П.Погодину: "Прошу всех и вся о доставлении мне сведений с места отовсюду из какого бы то ни

было захоластья в России. Не можете ли доставить мне список надежных корреспондентов ..." (*245). Постепенно "Голос" становится одним из наиболее популярных органов печати в стране. Известны некоторые факты и из истории "славянских" разделов газеты. В конце декабря 1863 г. к Краевскому обращался С.А.Рогозя из Адрианополя с предложением посылать корреспонденции о Болгарии (*246), с марта 1864 по январь 1865 гг. славянским отделом "Голоса" руководил сербский публицист Ж.Жуевич (*247).

После ухода из газеты Жуевича в первой половине 1865 г. "Голос" не печатал "Славянских" материалов: "замену ему было найти нелегко" (*248). Однако замена ему была найдена, хотя назвать определенного руководителя или составителя "славянского" отдела газеты трудно. Нам известно, что автор ряда статей (*249) о болгаро-греческой церковной борьбе М.И.Горчаков (1838-1910) "был одним из главных сотрудников газеты "Голос" (по "Славянским известиям")" (*250), хотя неизвестен точно период его участия. Редактору "Голоса" предлагал вести в газете "Славянские отголоски" Готлиб (*251), по славянскому вопросу писали также в "Голосе" П.Лавровский, М.Погодин, И.Ястребов, П.Дубровский, В.Ламанский, А.Будилович, В.Кельсиев, В.Андреев и др. (*252). В то же время, если говорить о передовых статьях, то, имея в виду близость газеты к МИД, можно заметить стремление редакции к выбору тем, близких непосредственным задачам русской дипломатии. Болгарскому вопросу в 1865-1866 годах было посвящено пять передовиц газеты (две из них помещены в "Публицистике"), в той или иной мере он затрагивался в передовых о восточном вопросе и др. Автор статей "Болгары под турецким владычеством" и "Оттоманская порта и иерархический вопрос в Болгарии" поместил в "Голосе" еще одну передовую статью "Национальное возрождение болгар" (8.II.1866, N 67), в которой содержится прямая ссылка на первую из названных статей как на собственную, а со второй роднит идейное и текстуальное сходство (*253).

Отмеченное обстоятельство позволяет прийти к выводу, что автором этих трех статей не был Каравелов. Дело в том, что взятые вместе названные статьи содержат

противоположные взглядам Каравелова положения и мысли. Так отмечается преимущество обучения болгар в Одессе (*254), хотя в записке "Чем можно помочь болгарам?" (*255) Каравелов дал принципиально иную оценку выбора места в России для обучения болгар. Автор видит задачу России в "восстановлении христианского владычества в древней Византии" (*256), а в отношении болгарского движения усматривает "национальное раздражение болгар", которое "преувеличивает значение ...случайных событий" (*257), т.е. заметно неболгарское происхождение этих положений.

Передовая статья "Румынские дела" действительно содержит, как отметил С.И.Сидельников(*258), положение о необходимости славяно-румынского объединения. Однако,если для Каравелова главным было прежде всего единение южославянское(*259), то в названной передовице, как и в тесно с нею связанных статьях "Падение князя Кузы..." (15.II.1866, N 46), "Отношение России к Румынии" (9.III.1866,N 68), "Румынский вопрос" (1866, N 870), в свете борьбы России с Францией на востоке горячо поддерживается идея избрания князя Михаила Обреновича господарем Молдавии и Валахии. В таком виде пропагандировалась идея "греко-румыно-славянской конфедерации" как идея будущего развития юго-востока Европы, где внешняя политика России именно в это время была направлена к созданию Балканского союза. Эти различия (при частичном формальном сходстве) не позволяют считать Каравелова автором одной из серии статей о задачах и возможностях политики России в отношении Румынии.

Непонятна позиция М.Арнаудова, отрицавшего принадлежность Каравелову передовых статей из "Голоса" (*260), но использовавшего одну из них - "Основательны ли надежды болгар на Россию?" (*261) для анализа взглядов Каравелова (*262). Как уже отмечалось выше, эта статья не вошла в "Публицистику". т.е. М.Димитров, по копии которого использовал статью М.Арнаудов, не считал возможным отнести эту передовицу к произведениям Каравелова. Для подтверждения этого можно привести два момента: в статье особо отмечаются заслуги католического духовенства, утверждается, что "болгары-католики ... отличаются гораздо большим развитием, чем болгары "черные", а также

содержится невозможная для Каравелова ошибка в указании, что Ю.Венелин похоронен в Одессе. Никогда в 60-х годах Каравелов не выделял таких заслуг католической религии, а могила и памятник Ю.Венелину на Даниловском кладбище в Москве хорошо были известны ему, как и всем болгарам в Москве. Маловероятно также для Каравелова приведение в статье в качестве "современной болгарской песни" стихотворения Р.Жинзифова "Спрашивала Болгария".

2. Тематика публицистических работ Каравелова московского периода

Сотрудничество Л.Каравелова в русских газетах на протяжении достаточно длительного периода времени во время пребывания в России было тесно связано с процессом развития его взглядов. Взаимосвязь влияния российской действительности и болгарского национального движения на складывание общественно-политических позиций Каравелова находит своеобразное воплощение в его публицистической деятельности. Участие в "Московской болгарской дружине", пропаганда болгарского движения в России постепенно вели к формированию его убеждений. Этот процесс зависел от тех изменений, которые происходили в болгарском национальном движении 60-х годов XIX века, а также от идейно-политической борьбы по славянскому вопросу, находившей отражение в периодической печати. Для рассмотрения тематики публицистических работ Каравелова на протяжении 1860-1866 гг. можно условно подразделить их на несколько групп. Из 47 опубликованных Каравеловым статей, корреспонденций, заметок - 39 материалов освещают различные стороны болгарской жизни, в остальных рассматриваются события, относящиеся к Болгарии лишь косвенно, но показывающие родственные явления в Сербии, Черногории, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине, а также международный аспект борьбы южных славян. Среди публикаций Каравелова по болгарским вопросам были различные по своей тематике материалы. Вопросы, связанные с национально-церковным движением, нашли отражение в 9 публикациях, вопросы

развития болгарского просвещения, литературы, журналистики - в 7 публикациях, вооруженные выступления болгар отмечены в 8 публикациях, положение болгарского народа в условиях турецкого ига (налоговый гнет, бесправие, притеснения турецких властей и т.д.) освещается в 10 публикациях.

Условность выделения этих сюжетов в публицистике Каравелова в период пребывания в России происходит из самого содержания его работ. В них затрагивались одновременно различные стороны жизни болгарского народа. В то же время информативный характер большого количества работ Каравелова этого периода позволяет подразделить их по степени важности на две группы для изучения процесса развития взглядов Каравелова. К первой группе необходимо отнести большие статьи "Болгарская журналистика" (*263), "По поводу славянского отдела газеты "День" (*264), "Библиография современной болгарской литературы" (*265), а также статьи и корреспонденции, содержащие оценки развития болгарского национального движения - "Болгарская уния" (*266), "Болгарские церковные дела" (*267), "корреспонденции" из Константинополя (*268) и Белграда (*269). Ко второй относятся остальные публикации Каравелова, представлявшие собой информативные заметки, переводы, компилятивные сообщения и перепечатки. Материалы второй группы имеют дополнительное значение для выяснения позиций Каравелова по вопросам, затрагивавшимся в статьях первой группы, а также для рассмотрения развития его интересов в период пребывания в России.

В 60-е годы XIX века болгарское национальное движение поднимается на новую ступень в своем развитии - этап организованной революционной борьбы. В это же время происходит обострение церковно-национальной борьбы, актуальными остаются и вопросы болгарского просвещения. Задачи буржуазно-демократических преобразований, стоявшие перед болгарской нацией, различным образом трактовались и обосновывались общественными группировками. В этой связи интерес представляет отношение Каравелова к различным формам проявления национального движения.

Как уже отмечалось выше, первые шаги в деятельности Каравелова в России соответствовали направленности действий "Московской болгарской дружины". Главное внимание при этом уделялось вопросам просвещения и литературы. Необходимо учитывать, что Каравелов представлял их в очень широком смысле. "Под словом литературная деятельность мы разумеем, - писал он, - деятельность меньшинства, которому обстоятельства помогли выдвинуться на первый план и сделаться руководителем своего народа" (*270).

При таком понимании Каравеловым общественных задач литературной деятельности он естественно важнейшее значение придавал журналистике. В статье "Болгарская журналистика", отмечая начало развития болгарской журналистики, Каравелов высоко оценивал те издания, которые защищали народные интересы. К ним он относил "Дунайский лебедь" Г.Раковского и "Болгария" Д.Цанкова в начальный период издания. В общественно-просветительском плане Каравелов выделял с начала турецкого ига следующие этапы: до начала XIX века, когда распространителями грамотности были болгарские священники, затем до 40-х годов, когда вместе с открытием училищ и появлением светских учителей характерно было преобладание эллинофилов, деятельность которых Каравелов оценивал весьма критично (Среди них он выделял Р.Поповича и Э.Васкидовича (*271), а наибольшие заслуги признавал за Неофитом Рильским), с 40-х годов, по мнению Каравелова, началось "настоящее болгарское возрождение", предвестниками которого были Н.Геров и другие русские воспитанники - Михайловский, Ботев (отец Х.Ботева), Касапский, Чинтулов и др., а также Ю.Венелин. Впоследствии такой подход получил широкое распространение, однако особенным у Каравелова было его отношение к задачам дальнейшего развития просвещения и журналистики. При положительной оценке издания Раковского прозрачный намек Каравелова на пример Сербии, а также Герцеговины, Боснии и Черногории (в 1862 г.!) раскрывает его убеждения. "Сербия, Герцеговина, Босния и Черногория начинают иную жизнь и увлекают за собой Болгарию, - писал Каравелов. - И очень важно было бы,

если б в эту минуту во главе болгарской журналистики стал человек, не столько истинно просвещенный, сколько истинный сын своего народа" (*272).

Отношение Каравелова к задачам болгарского национального движения не было, однако, очерчено прямыми линиями в то время. В самом начале 60-х годов в работах Каравелова не было еще ясной постановки целей, характерным для него было заметное внимание к просветительным задачам, хотя возможности их реализации в тех условиях были весьма ограниченными. Даже в неопубликованном проекте-программе, написанной Каравеловым и подправленной его русским товарищем И.Г.Прыжовым, "Чем можно помочь болгарам?" (*273) главное внимание уделялось вопросам просвещения, хотя проектировавшееся для этих целей болгарское общество в Белграде должно было походить на общество Клапки в Турине и Герцена - в Лондоне. Действительно, поставленные в этой рукописи задачи необходимо рассматривать как первые необходимые шаги (*274), однако нет оснований считать ее программой революционных действий.

Характерным для Каравелова было его отношение к задачам просвещения как к средству для развития общественно-политической активности (*275). В этом состояло одно из отличий его взглядов уже в начале 60-х годов от воззрений московских славянофилов, видевших в общественно-просветительских движениях западнические влияния и отход от "исконно славянских" устоев, одним из которых они считали православную веру. Показательна в этом смысле критика Каравелова в его отклике на появление органа славянофилов газеты "День". Здесь Каравелов подверг критике именно аксаковские рассуждения о позволительности всех средств для защиты своей веры, показал, что Аксаков, этот "красноречивый защитник народных интересов", в полемике с "Дунайским лебедем" о переселении болгар в Россию занимал антигуманную позицию, заявляя о незначительности потери пяти тысяч болгар для всего народа. В том же 1862 г. Каравелов написал, но не опубликовал "Объяснение" (*276), в котором он высказал свое отличное от славянофилов понимание задач издания "Памятников народного быта

болгар", поводом для чего было заявление Аксакова о финансировании этого издания Славянским комитетом (*277).

Как видно из сказанного, позиция Каравелова не только отличалась от позиций славянофилов, но и была развитием программных установок "Московской болгарской дружины" в области просвещения. Поэтому в работах Каравелова того времени содержится и критика тех участников "Дружины", которые (в лице Жинзифова) солидаризировались со славянофилами. В 1862 г., критикуя Жинзифова за его обвинения Раковского в клевете, Каравелов выражал сожаление в поддержке Жинзифовым Аксакова. В 1864 г. Каравелов в статье "Болгарская литература" (*278) продолжил критику Жинзифова и отчасти русских славянофилов на этот раз на страницах болгарской печати.

Отношение Каравелова к болгаро-греческой церковной борьбе можно проследить по его статьям в газете "Наше время". Обращение к этой проблематике в русской печати связано было с определенными трудностями, поскольку объективное отражение болгарских требований неминуемо приводило к критике действий греческого духовенства, что противоречило примирительной политике русской дипломатии на Востоке. После статей С.Палаузова в "Северной пчеле" (*279) и его вынужденного молчания (*280) Л.Каравелов продолжил освещение национально-церковной борьбы в русской печати с позиций болгарской стороны. В это время Каравелову приходилось сталкиваться с непониманием положения болгар в церковном отношении (*281).

В связи с некоторыми временными успехами униатского движения в Болгарии одним из наиболее актуальных вопросов, обсуждавшихся в русской печати, был вопрос об отношении к принятию болгарами унии с католической церковью. Для определенных болгарских общественных деятелей даже известия о унии в Болгарии были нежелательны. Так, Дмитрий Херсонский после одного из таких сообщений писал Н.Х.Палаузову, что "если оно не справедливо, надобно тотчас опровергнуть его, хоть в "Одесском вестнике", и послать опровержение в "Северную пчелу", которая, кажется, первая распространила эту весть" (*282). В этих условиях Каравелов достаточно смело объясняет причины

принятия унии в Болгарии. В случае согласия папы Пия IX удовлетворить пожелания болгар, Каравелов выражал уверенность, что "весь народ готов принять унию" (*283). Предусматривая удивление в том, "как целый народ, или, по крайней мере несколько епархий, решается принять унию, когда он так привязан к своей религии и так не любит римского отца, наравне с турецкими муллами" (*284), Каравелов главное внимание уделял необходимости создания болгарской иерархии. Отмечая "священное право иметь отдельную иерархию", он обосновывал это историческими реальностями прошлого: "Зачем не требовать того, что имели, чем пользовались наши предки?" (*285). Вместе с этим Каравелов связывал церковный вопрос с иными задачами: "Зачем подчиняться чужим народам, когда мы можем иметь свои родные и милые нашему сердцу права ..." (*286).

Для Каравелова основным в его критике греческого духовенства было разоблачение панэллинистических и денационализаторских (по отношению к болгарам) притязаний. "Из одной политической мечты, которая никогда не осуществится - возобновить Византийскую империю, - писал Каравелов о греческом духовенстве, - оно старалось уничтожить болгарскую иерархию, преследовало болгарскую народность, подавляло славянский дух, желая, таким образом, посредством нашего падения достигнуть своей цели ..." (*287). Отмечая, что "болгарский народ давно желает иметь народных архипастырей, но сначала представители народа просили об одном только: о позволении болгарским священникам служить и исполнять церковные обряды на славянском языке", Каравелов показал, отделение болгарской церкви "совсем не противно правилам православной нашей веры. В очень короткое время эта мысль распространилась по всему болгарскому народу, и каждый наш брат, болгарин, понял, что мысль иметь отдельную иерархию, отделиться от патриарха, но только по правилам церкви, - мысль безгрешная" (*288). Таким образом, можно говорить о близости позиций Каравелова к радикальному течению в болгарском церковно-национальном движении, которое ставило "вопрос о создании самостоятельной болгарской церкви" (*289).

Вместе с этим необходимо отметить и своеобразие позиции Каравелова. Выступая как продолжатель идей Х.Даскалова (*290), Каравелов по униатскому вопросу опирается на издание Д.Цанкова "България". Это нашло отражение и в признании Каравеловым унии как возможного средства в борьбе с патриархией, этот аспект поясняет положительную оценку газеты "България" в других работах Каравелова (*291). Такой подход отличает позицию Каравелова от идейных установок Г.Раковского, резко выступавшего против униатского движения на страницах газеты "Дунавски лебед" (*292). Было бы недостаточно, однако, констатировать некоторую близость взглядов Каравелова и представителей болгарских униатов, группировавшихся около газеты "България". Последние во многом противопоставлялись в своей деятельности политике русской дипломатии, занимавшей в то время примиренческую позицию, и стремились к активизации болгарского движения, хотя на практике такая линия вела к смыканию с турецкими властями и представителями западных держав, преследовавшими свои цели.

Иную позицию в отличие от униатов занимал Каравелов в отношении к России. Говоря о предстоящем соборе для решения церковных вопросов, он сообразно слухам о значении европейских христианских государств восклицал: "Кого мы спросим, кроме России? ... мы не нуждаемся ни в протестантском согласии Англии, ни в католической снисходительности Австрии и Франции, ни в наследнике апостола Петра, и без того так ласкового к нам: он присылает нам книги, проповедников и т.п., по этому случаю можно вспомнить болгарскую пословицу: "Вълкът варди ягне-то от лисица-га да го изеде той" (Волк защищает ягненка от лисицы, чтобы ему его съесть)" (*293). В этом смысле необходимо рассматривать публикации Каравелова об усилении католической и протестантской пропаганды в болгарских землях как предупреждения о распространении враждебных болгарскому национальному движению влияний (*294).

В то же время Каравелов постоянно подчеркивал, что "народ думает, что достигает своей цели, он ждет не унию принять, а освободиться от греков, фанариотов и какими бы

то ни было средствами ..." (*295). При этом Каравелов пояснял для русских читателей: "Может ли понять простой необразованный селянин, или даже горожанин, смысл слов: римская пропаганда, иезуиты, проклятия патриарха константинопольского, отлучение от церкви и т.п. Он обращает внимание только на свои обряды, догматы, церковнослужение и желает сохранить их ненарушенными и избавиться от греческого духовенства, против которого вооружены все умы, даже последнего простака болгарина" (*296).

Обоснование Каравеловым принятия унии тем, что для болгарского народа, желающего иметь свое духовенство, не имеет значения способ осуществления этой цели, связано с подчеркиванием одновременного желания "сохранить свои догматы" (*297). Последнее обстоятельство позволяет отметить созвучность статей Каравелова с выступлениями С.Н.Палаузова в "Северной пчеле". В июне 1860 г. С.Н.Палаузов также, говоря об одном из случаев принятия унии, отмечал, что оно "не имеет в себе ничего отступнического от догматов православной веры" (*298), после чего в течение полугода статьи С.Н.Палаузова "не были доведены до конца несмотря на то, что материал, доставляемый нам из Константинополя, - писал сам автор, - был и верен, и обилен" (*299).

Проблемы национально-церковного движения вместе с вопросами развития национального просвещения были главными темами работ Каравелова в начальный период его сотрудничества в русской периодической печати. Само развитие болгарского национального движения было главным фактором, влиявшим на процесс формирования взглядов Каравелова. Его интересы определялись болгарской действительностью, несмотря на отдаленность от родины. Значение церковной борьбы в национальном движении не исчерпывалось прогрессивностью выдвижения буржуазно-демократических требований. Она способствовала активизации широких народных масс, демократизации всего движения, проходившего под руководством национальной буржуазии. Этот аспект национального движения отражен в публицистике Каравелова. В то же время возникает вопрос о его отношении к турецкой государственной власти.

Под влиянием статьи Х.Даскалова и обострения болгаро-греческой церковной борьбы в полемике с московскими славянофилами Каравелов возражает против недооценки грабительской политики греческого духовенства. Однако одновременно Каравелов явно недооценивал значение турецкого владычества. "Турки ... ничто иное, как орудие фанариотов, - писал Каравелов. - Разве это турки виноваты, что греки закрывают болгарские школы? Разве они виноваты, что в болгарских церквях запрещено читать по-славянски" (*300). При таком подходе, как видно, задача достижения национальной независимости еще не ставилась Каравеловым в то время.

Вместе с ростом вооруженных выступлений южнославянских народов в 60-е годы можно заметить растущий интерес Каравелова к этим событиям. В 1861 г. он публикует заметку о волнениях в Турции, при этом Каравелов писал, что "шайки разбойников" намереваются "восстановить народ против турок и требовать от Порты некоторых прав" (*301). Здесь же Каравелов отмечал слухи, "будто Гарибальди весной высадит войско на берегах Албании и освободит христиан от турецкой власти" (*302). В начале 60-х годов Каравелов часто упоминает о возможных действиях Гарибальди в славянских областях Турции (*303). Главным же для Каравелова условием борьбы было единство южнославянских народов. В январе 1862 года он отмечал, что история добивается единения сербов, черногорцев и болгар (*304), в начале июля того же года подчеркивал значение для Болгарии примера борьбы Сербии, Герцеговины, Боснии и Черногории (*305). События 1862 г. на Балканах, деятельность легиона Раковского в Белграде, восстание в Тырново и Габрово не только нашли отражение в информативных сообщениях, подготовленных к публикации Каравеловым (*306), но и оказали влияние на формирование и уточнение его представлений о перспективах освободительной борьбы.

В 1863 г. в "Славянских известиях" в газете "С.-Петербургские ведомости" Каравелов неоднократно приводил факты вооруженных выступлений болгарских гайдуков против турок. В отличие от цитированной выше заметки из газеты "Наше время" в 1861 г. здесь он уже пояснял причины

движения. "Появилось много разбойников в Болгарии, Боснии и Герцеговине, - писал Каравелов. - Но не смущайтесь словом разбойник. В Турции давно уже всякий честный славянин, разоренный, ограбленный, непременно уходит в горы и делается разбойником с единственной целью охотиться за турками" (*307). При этом Каравелов отмечал восстания "на всех концах разлагающегося государства" (*308), а также рост численности восставших (*309).

Вместе с признанием общности целей болгарского народа и других поработанных южнославянских народов в борьбе против турецкой власти постепенно в статьях Каравелова увеличивается значение Сербского княжества, которое он придавал ему в этой борьбе. Надежды на создание союзнических отношений в общей борьбе отражены в его константинопольских "корреспонденциях" в "Московских ведомостях", при этом всегда имеются в виду перспективы совместных выступлений. Говоря о болгарских отрядах в Румынии, Каравелов верит в наличие союза Сербии с правителем Дунайских княжеств Кузой (*310), в это же время он считает неизбежным и необходимым совместное выступление славянских подданных Турции (*311). Сообщая слухи об ожидании Гарибальди в Сербии и Болгарии, Каравелов приводит мнения некоторых сербов о необходимости заключения союза князя Михаила с черногорским князем, предводителем герцеговинцев Вукаловичем и Гарибальди, сообщает критические выступления сербов в адрес князя Михаила из-за прекращения помощи болгарам, черногорцам, герцеговинцам, боснякам (*312).

Как видно, необходимым успехом борьбы болгарского народа Каравелов считал совместное выступление против Турции. Перед его отъездом в Белград в "Голосе" были помещены две белградские "корреспонденции", которые все исследователи с основанием считают принадлежащими перу Каравелова. В этих корреспонденциях отражены взгляды болгарского публициста по вопросам ожидавшегося им выступления Сербии и других подвластных Турции народов. "В настоящее время все заняты вопросом о славянском союзе и о скором распадении Турецкой империи" (*313), - писал Каравелов. Говоря о том, что "сербское правительство поняло

свою задачу и пошло по той дороге, по которой необходимо нам идти", болгарский публицист скорее выражал свои надежды. Это видно из того, что он уверен был лишь в настроении сербского народа: "В скором времени соберется сербская скупщина, соберется народная милиция, где будет решен вопрос: должна ли Сербия заступиться за прочих славян или отстаивать только свои права? Если говорить вам о желании народа, о направлении умов, то должно признаться, что сербы мало думают о Княжестве Сербии: они заняты участью своих братьев, находящихся под игом масульман" (*314).

В то же время Каравелов приводит для иллюстрации настроений болгар письмо, якобы полученное в Белграде из Болгарии: "Черногория была прежде для нас убежищем, крепостью, в которой мог прятаться каждый христианин. Но это время прошло. Теперь княжество Сербия стало для нас храмом, наши глаза устремлены на князя Михаила Обреновича. Его престол должен сделаться средоточием для болгар, сербов и других славян. В Сербии должны мы искать спасения. Там найдем мы и науки, и советы, и войско, и деньги. Сербия для южных славян должна быть деревом, к которому должны примкнуть сучья" (*315). Подобные идеи, видимо, разделялись и Каравеловым, однако, это обстоятельство не дает оснований для далеко идущих выводов. В этой же корреспонденции Каравелов ясно показал то значение, которое он придавал сербскому князю: "Каждый знает, как велики наши надежды на князя Михаила Обреновича, и мы надеемся, что он оправдает наши ожидания: вокруг него начинают увиваться, как вокруг Виктора Эммануила, христиане со всех концов Турецкой империи: не достает только славянского Гарибальди" (*316).

Последнее место из корреспонденции вызвало замечание редакции (А.А.Краевский): "Желаем, чтоб несчастные сербы хоть на этот раз не ошибались в своем князе; что же касается нас, то мы этих надежд не разделяем" (*317). Видимо, эти различия также были причиной того, что в следующей корреспонденции Каравелова много места уделялось критике князя Михаила не только из-за его отрицательного отношения к созыву скупщины, но и из-за его

подчинения влиянию Запада, именно Франции (*318). На протяжении всего 1866 г. редакция "Голоса" в передовых статьях вела борьбу против французского влияния на Балканах, это объясняет столь различное изображение князя Михаила, тем более, что в последующих корреспонденциях из Белграда Каравелов долгое время воздерживался от критики главы Сербского государства.

В рассматриваемых корреспонденциях Каравелов своеобразным способом дал характеристику своих взглядов. Его собственная позиция видна из характеристики идеологических течений южно-славянских освободительных движений: "славяне, и без того разделенные историческими судьбами, разделяются теперь на три партии: на так называемых русофилов, патриотов и западников. Русофилы то же, что и славянофилы: они проповедают осуществление панславистических идей, т.е. соединение всех славян в одно целое; патриоты домогаются соединить южных славян таким образом, чтоб каждая нация, т.е. болгары, сербы, румыны и греки имели свою администрацию и одно общее верховное правительство под покровительством России, пока, окрепнув достаточно, не сумеют управляться независимо; западники кипят ненавистью к России, обвиняя ее в совершенно незаслуженных с ее стороны недоброжелательстве, алчности к преобладанию и т.д." (*319).

Приведенный отрывок ясно показывает симпатии Каравелова, выразившиеся в названии "партии" патриотов, к федералистским идеям, в то же время, несмотря на некоторую близость целевых установок, подчеркивает различие и противопоставление Каравелова славянофильским кругам России и их приверженцам в славянских странах. Единичное упоминание в данном случае участия греков в одном будущем государстве может быть объяснено вниманием, которое Каравелов уделял, в связи с восстанием на Крите, готовившимся выступлениям в Эпире и Фессалии.

* * *

Во время пребывания в России Любен Каравелов, начиная с 1860 г., активно сотрудничал в русской

периодической печати. Его работы появлялись на страницах газет "Наше время", "Московские ведомости", "С.-Петербургские ведомости", "Современное слово", "Московская газета", "Голос", журналов "Библиографические записки", "Русский вестник". Участие Л.Каравелова в русских периодических изданиях, которые были преимущественно либеральными с различными оттенками, показывает его деятельность по ознакомлению общественности России с положением болгарского народа. Каравелов участвовал в национальном движении, состоял в организации болгарских студентов "Московской болгарской дружине", в соответствии с программой которой начиналась публицистическая деятельность будущего революционера.

Вместе с известными контактами Каравелова с московскими славянофилами и русскими учеными демократического направления, а впоследствии революционерами И.Г.Прыжовым, И.А.Худяковым, можно говорить и о его контактах с русскими журналистами. Их политические убеждения были различными, среди них были умеренные либералы Н.Ф.Павлов, Н.С.Скворцов, В.Ф.Корш, А.А.Краевский, Н.П.Бочаров, либералы А.Н.Афанасьев, М.П.Щепкин, реакционеры М.Н.Катков, П.М.Леонтьев. В редактировавшихся ими изданиях Л.Каравелов выступал с собственными взглядами на судьбы болгарского народа. Вопросы общественно-политической борьбы в России почти не затрагивались в его работах.

На основании изучения русской периодической печати того времени, а также имеющихся источников и научных исследований, в которых, однако, содержатся весьма противоречивые выводы, нам удалось установить 56 публикаций, подготовленных и напечатанных Каравеловым в 1860-1866 гг. Среди них были статьи, корреспонденции, обзоры, заметки, информативные сообщения, а также художественные произведения, этнографические очерки. Небольшая часть из них подписана фамилией автора, некоторые подписаны псевдонимами К., Х., К.Л., Л-чо, большинство же работ опубликовано анонимно.

Рассмотрение публицистики Любена Каравлова рассматриваемого периода позволяет отметить его стремление

"знакомить русских с болгарами письменно ... следить за ходом возрождающейся болгарской литературы и обо всем замечательном давать знать русским и напоминать им почаще о существовании нашего отечества" (*320), как это было записано в первом пункте программы "Московской болгарской дружины". В этом плане его публицистическая деятельность способствовала систематическому освещению в России вопросов о судьбах Болгарии.

Важное место в работах Каравелова занимали вопросы, связанные с церковно-национальной борьбой болгарского народа. В основе его позиций была мысль о необходимости самостоятельной национальной церкви. Этим главным моментом объясняются его отношения к болгарским газетам "Дунавски лебед", "България", его критические замечания в адрес славянофилов по церковному вопросу. Смелые выступления Каравелова с защитой болгарских требований и их обоснованием в русской печати способствовали также формированию общественного мнения в России.

Деятельность Каравелова-публициста протекала в тесной связи с изменениями, происходившими в болгарском национально-освободительном движении в 60-е годы XIX века. Вместе с ростом вооруженных выступлений болгарского народа против турецкого владычества эта тематика находит свое отражение в информативных -заметках Каравелова. При этом важное значение при формировании убеждений Каравелова оказали события 1862 г. на Балканах. Обострение национально-освободительной борьбы южнославянских народов, вооруженные действия болгар в Белграде и в самой стране убеждали Каравелова в необходимости совместного выступления. Постепенно происходит изменение оценки Каравеловым состояния и задач болгарского национального движения. Если в начале 60-х годов первоочередной задачей он считал общественно-политическую активизацию болгарского движения, уделяя значительное место развитию национального просвещения, литературы, журналистики, то к середине 60-х годов в работах Каравелова проповедуется необходимость революционного союза подвластных Турции народов. При этом опорная роль естественного центра отводилась им Сербскому княжеству.

Общая оценка идеологии Каравелова периода пребывания в России, колеблющаяся в признании его взглядов то как славянофильских (*321), то как революционно-демократических (*322), должна связываться с развитием болгарского национально-освободительного движения. В последних исследованиях справедливо отмечается, что при современном состоянии источников нельзя говорить об участии Каравелова в революционной работе в России (*323). Основным остается вопрос о формах его участия в болгарском движении. Публицистическая деятельность Каравелова в России, рассматриваемая как его участие в болгарском национальном движении, показывает просветительскую основу его идеологии и вместе с тем постепенный переход к пропаганде национальной революции.

Несмотря на некоторую неполноту нашего основного источника, можно утверждать, что по оценке Каравелова болгарский народ был готов к революционной борьбе, но задачи ее осуществления связывались им с созданием национального руководства и организацией совместного выступления подвластных Турции народов. Таких взглядов придерживался Каравелов перед отъездом из России, в связи с ними следует рассматривать и его остановку в Белграде.

Отрывочные сведения о характере будущего государства, изложение своих взглядов в самом общем виде было вполне понятно в условиях жизни Каравелова в России. В то же время вызывает интерес, в каком направлении проходило развитие его взглядов в условиях непосредственного контакта с различными группировками в болгарском движении. Прогрессивно-буржуазный характер задач, стоявших перед болгарским национально-освободительным движением, уже в то время предполагал различные пути их достижения и обоснования. В этом смысле интерес представляет оценка классового характера идеологии Каравелова.

БАЛКАНСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА

I. К вопросу об атрибуции корреспонденций Л.Каравелова в период 1867-1869 годов

После отъезда из России Л.Каравелов в феврале 1867 г. остановился в сербской столице. Из Белграда он на протяжении полутора лет регулярно писал в русские газеты. В условиях подъема национально-освободительного движения в Болгарии и на Балканах, в связи с продолжавшимся восстанием на Крите, русская пресса в 1867 г. исключительное внимание уделяла освещению так называемого восточного вопроса. Однако заинтересованность редакторов русских газет в получении корреспонденций с места событий удовлетворялась весьма слабо. Для опытного литератора, каким был Каравелов в это время, открывались широкие возможности, тем более, что еще до отъезда он сотрудничал в ежедневных многотиражных газетах "Голос" и "Московские ведомости".

Вопрос о конкретном определении корреспонденций Каравелова 1867-1869 гг. по сей день остается невыясненным до конца, хотя уже в те годы, несмотря на анонимный характер его корреспонденций, о сотрудничестве болгарского писателя в русских газетах было известно (*324). Из всех исследований, затрагивавших этот вопрос, наиболее полным представляется работа С.А.Никитина (*325). Им было установлено авторство Каравелова в отношении корреспонденций из Белграда, Зимнича (в Валахии), Болгарии, Свишова, Софии, Рушчука, Нови Сада, Крагуеваца, Ниша, Филипполя, с Черногорской границы в газетах "Голос" и "Русские ведомости" в 1867-1868 гг. Некоторые из них были подписаны псевдонимами, большая же часть опубликована анонимно.

В источниковедческом плане недостатком работы С.А.Никитина является отсутствие точных выходных данных корреспонденций. В ней было названо общес количество

корреспонденций из того, или иного пункта отправки, но конкретно указаны лишь отдельные корреспонденции. Впоследствии некоторые из них вновь анализировались с целью доказательства авторства болгарского корреспондента (*326).

Важным для решения вопросов атрибуции корреспонденций Каравелова было установление М.Димитровым псевдонима "Один из членов болгарского комитета", которым подписаны корреспонденции Каравелова из Бухареста. Однако это обстоятельство не может быть распространено на анонимные корреспонденции из Бухареста в "Голосе", тем не менее некоторые из них помещены в "Публицистике" (*328) без необходимых доказательств авторства Каравелова. По нашему мнению, болгарскому публицисту не принадлежат также и две анонимные корреспонденции из Бухареста ("Голос", 1867, NN 162, 211), указанные С.И.Сидельниковым (*329), так как их основное содержание состоит в освещении внутренних румынских событий, они написаны, вероятно, тем же бухарестским корреспондентом, который писал в NN 207, 228 и др.

Одним из наиболее запуганных сюжетов оказался вопрос об авторе ряда передовых статей в газете "Голос". М.Димитров включил в "Публицистику" Каравелова без указания названий одиннадцать таких статей за 1867 г. (*330). Все эти статьи Л.С.Ерихонов категорически определил как не имеющие отношения к болгарскому публицисту, так как в них содержатся чуждые Каравелову положения и мысли, а также потому, что передовые статьи, по мнению Ерихонова, могли быть написаны только в редакции газеты, или близкими к ней авторами (*331).

Затем в работе С.И.Сидельникова (*332) были показаны близкие Каравелову мысли в шести передовых статьях из "Голоса" (1867, NN 56, 96, 124, 173, 231), помещенных в "Публицистике", т.е. было признано авторство Каравелова. Кроме того, С.И.Сидельников предположил на этом основании авторство Каравелова в отношении еще четырех передовых статей в "Голосе" (1867, NN 49, 132, 150; 1868, N 123) (*333) и вместе с ними использовал для характеристики взглядов Каравелова без приведения доказательств передовую статью "Положение турецко-славянских областей и

иерархический вопрос в Болгарии" ("Голос", 4.V.1868, N 123) (*334).

Авторство Каравелова в отношении трех передовых статей из "Голоса" (1867, NN 135,170,173), помещенных в "Публицистике", отрицал М.Арнаутов (*335). Наконец, в исследовании Кр.Шаровой (*336) используется для характеристики взглядов Каравелова (*337) передовая статья "Кому должен принадлежать почин в решении восточного вопроса?" ("Голос", 25.II(9.III).1867, N 56; "Публицистика", стр.169-174).

Все это свидетельствует прежде всего о зыбкости доводов в пользу того или иного решения. Передовые статьи в качестве нового газетного жанра утверждались в то время в "Голосе", бывшей к тому же одной из первых русских газет, уделявших международной политике столь значительное место (*338). При этом "Голос" был близок к министерству иностранных дел, которое стремилось использовать газету в своих целях. Это обстоятельство неоднократно отмечалось (*339), однако конкретная сторона вопроса еще не изучена. Поэтому в нашем случае можно лишь с оговорками говорить о целенаправленности линии "Голоса" по южно-славянским вопросам в духе политики МИД России. Для "Голоса" конца 60-х годов характерен налет панславизма (*340), однако невозможно говорить о постоянной единой линии передовых статей по балканским вопросам.

Одной из характерных черт линии "Голоса" по южнославянским вопросам было стремление рассматривать события на Балканах в общем плане российской внешней политики. "Разберем ли мы, русские, кто прав, г.Гарашанин или либералы? Князь черногорский или Лука Вукалович? Болгарские купцы или воевода Филипп? - писала газета. - Будем же мы, во имя государственного смысла сдержанно относиться и к тем и другим, не мешаясь в непонятные нам домашние дразги, и будем по мере сил поддерживать славянство, игнорируя его партии и направления" (*341). В этом смысле, учитывая характер и направленность спорных передовиц "Голоса", можно в принципе согласиться с Л.С.Ерихоновым (*342), что Каравелов не был причастен к их написанию. Для редакции "Голоса" было важнее помещать

многочисленные балканские корреспонденции Каравелова в разделе "Новости заграничные", подчеркивая тем самым наличие собственной корреспондентской сети. Однако это не исключает возможности помещения отдельных статей Каравелова в разделе передовых, поскольку в одном номере газеты их было несколько, в них детально трактовались вопросы, требовавшие специальных знаний.

Все эти соображения вызывают необходимость конкретного рассмотрения спорных анонимных передовых статей. Безусловно, в них использовались и факты из писем Каравелова, однако никакими бесспорными доказательствами его авторства в отношении какой-либо передовицы мы не располагаем. Напротив, имеется ряд косвенных соображений, не позволяющих считать Каравелова автором многих спорных передовых статей.

Передовые статьи, автором которых считали Каравелова М.Димитров и С.И.Сидельников, можно было бы разбить на несколько групп по тематике и целенаправленности. При этом текстуальный и идейно-тематический анализ других передовиц "Голоса", автором которых никто не считал Каравелова, показывает их теснейшую связь с проблемными передовыми статьями. Одной из характерных особенностей всех этих статей было стремление выразить общественное мнение России, в чем "Голос" видел главную задачу политической газеты.

В статье "Два новых географических термина в Европе" (*343) после замечания о "роковом положении" Турции и Австрии показывается их общность, отмечается, что теперь в Европе "два больных человека". Основной же акцент статьи - критика антирусской политики Австрии в Галиции. "Для нас положительно остается непонятным, - писала газета, - если не прямое возбуждение в Галиции польского элемента против интересов России, то дозволение этого возбуждения ... Мы не уполномочены говорить от имени правительства и не имеем даже на этот счет ни инструкций, ни инсинуаций, ни инспираций свыше; но, стараясь быть, по возможности, выразителями общественного мнения русского народа ...мы искренно сожалели бы, если б Австрия так же ложно истолковала наше вполне миролюбивое к ней отношение, как

ложно истолковывает "больной человек" (т.е. Турция - Б.Б.) нашу бескорыстную привязанность к единоверцам ...". Примирительное окончание статьи, несмотря на некоторую рисовку, еще более показывает непричастность к написанию этой статьи Каравелова: "Мы желали бы даже полного выздоровления всем больным людям, чтоб в случае нужды они так же, как мы им, помогли нам советом и делом. По крайней мере мы так понимаем задачу и призвание политической печати".

Статьи "Кому должен принадлежать почин в решении восточного вопроса" (*344) и "Сербия накануне войны" (*345) были написаны одним автором, о чем прямо говорилось в последней статье (*346). Здесь же автор повторял свою характеристику тех славянских деятелей, которые получили образование на Западе и возвратились с чувствами неприязни к России (*347). Ранее эта же характеристика была дана в статье "По поводу обвинения России в возбуждении славян" (*348). Последняя, в свою очередь, имеет авторские ссылки на свои передовые статьи "Политические астероиды" (9.I.1866, N 9), "Политические цыгане" (14.III.1867, N 73), тесно связанные с другими передовицами того же автора - "Роль Малороссии в последнем польском деле" (1866, N 204), "Недоразумения по вопросу о Малороссии" (1866, N 205), "Последние движения в югославянском мире" (23.II.1867, N 54), "Первая и главная задача славянского мира" (1.VII.1867, N 179) и др.

Для автора всех этих передовиц "Голоса" характерна критика сербских радикалов и похвала Святоандреевской скупщины 1858 г. (*349), он считал (в отличие от Каравелова и других болгарских деятелей той поры) численность болгарского населения равной 3 млн (*350). Этот неизвестный нам автор выражал озабоченность зависимостью будущих славянских государств от немцев. "Если б они и добились автономии своим мелким национальностям, - писал он, - то из них выйдет то, что мы когда-то называли "политическими астероидами" (см. "Голос", 9.I.1866, N 9 - Б.Б.), т.е. нечто бесцветное, бессильное и жалкое ... Но этого не понимают пока ни образованные чехи, ни сербские "паризлии", ни олатинизированные хорутане, словаки и болгары" (*351).

Этому же автору принадлежит статья "Как должны русские отнестись к кандиотам?" (*352), в которой пропагандировалась "идея национальности" как "самый могущественный двигатель в современной политике". Упоминание этой передовицы необходимо в связи с ее текстуальной близостью к передовой статье "Чего можно ожидать в югославянском крае?" (*353). В последней статье, приписываемой Каравелову, говорилось: "Чем же греки заслужили такую симпатию всего мира предпочтительнее перед славянами? Своим славным прошлым, своими героическими личностями, как Фемистоклы, Аристиды, Периклы, своею поэзией, своею богатою мифологией, которой все мы удивлялись в детстве" (*354). Подобным образом излагалась и одна из причин сочувствия к грекам в статье о Критском восстании: "... да, кандиоты приковывают к себе сочувствие Европы тем, что они греки, дорогие всем нам с детства, что судьба их Аристидов, Фемистоклов, Леонидов, Периклов и Алкивиадов занимала юную мысль и юные сердца каждого грамотного европейца ..." (*355). В обеих статьях проводилась мысль о необходимости сдинения славянских народов, выражалась убежденность, что южные славяне могут сами "добыть себе независимость и восстановить свои исторические царства в форме южнославянской федерации" (*356).

Последнее обстоятельство использовалось в качестве аргумента в пользу авторства Каравелова. Приведенные выше данные о всех передовицах этой группы, их направленности, отличиях от позиций Каравелова, характерных особенностях подхода к решению задач с позиции России - дают больше оснований отрицать авторство болгарского корреспондента. Совпадение отдельно взятого положения не может устранить других явных различий, тем более что принцип федеративного устройства, тезис о восстановлении "исторических царств" не были привилегией одного Каравелова. Так, например, в том же "Голосе" в то же время в статье Кельсиева "Наблюдения над Яссами (К восточному вопросу)" (*357) говорилось: "... теперь пришло время воскресения Царства Греческого, Болгарского, Сербского и Румынского, которые должны быть нашими союзниками".

Условно можно выделить также группу передовых статей: "Чего не достает славянам?" (*358), "Еще о цели и возможных последствиях славянского съезда" (*359), а также примыкающие к последней четыре статьи "Характер, цели и результаты славянского съезда" (*360) и "Где центр югозападного славянства?" (*361). Связанные между собой идеей об осуществлении литературного панславизма и возможностями реализации идей политического панславизма, эти статьи никак не могут принадлежать Каравелову (*362). Выдвигавшееся в качестве аргумента в пользу авторства Каравелова то обстоятельство, что в одной из его статей говорилось о необходимости "литературного единства славянских племён" (*363), различным образом отвергалось аппонентами М.Димитрова, включившего в "Публицистику" некоторые из названных передовиц. Л.С.Ерихонов считал, что эта фраза просто была вписана в статью Каравелова В.И.Ламанским (*364). М.Арнаутов писал о редком для Каравелова стремлении "подкрепить русское официальное мнение" (*365).

Эти возражения не носят характера доказательств и в ещё меньшей мере относятся к существу вопроса. В названных передовицах, автором которых, вероятно, был В.И.Ламанский, речь идет о литературно-языковом единении как уже возможной ступени в деле политического объединения зарубежных славян. В статье Каравелова, посещавшего в Москве лекции О.М.Бодянского, говорилось прежде всего о сравнительной грамматике. По оценке болгарского автора, "не далеко то время, когда по всем средним школам у всех славянских племен (а в России и Сербии время для того уже настало) начнется преподавание сравнительной грамматики всех славянских наречий. Без этого изучения невозможно скоро достигнуть той цели, к которой стремится каждый славянин, то есть нельзя дойти скоро до литературного единства славянских племен" (*366).

Очевидное различие в целях и этапах достижения литературного единства в статье Каравелова и в передовицах "Голоса" особенно заметно из указания болгарского публициста на Россию и Сербию. В отличие от "Голоса" и в соответствии с концепцией О.М.Бодянского, которому "чужды

были великорусские взгляды славянофилов" (*367), в данном случае Каравелов стремился способствовать "развитию общеславянского самопознания" (*368). С разных позиций к вопросу о русском языке как общеславянском подходили в то время автор передовиц в "Голосе" (*369) и русский революционер И.И.Бочкарев, включивший подобное положение в свою речь на II съезде Омладины в августе 1867 г. (*370). Все это свидетельствует о невозможности прямой идентификации близких по своим основаниям, но разных по содержанию, положений известной статьи Каравелова и проблемных передовых статей в "Голосе".

Передовые статьи "Проекты реформ в Турции" (*371) и "Страшное положение дел в Болгарии" (*372) содержат прямые указания на их составление в редакции "Голоса". В первой из них, в частности, говорилось: "Мы сообщали недавно известие о том, что турецкие улемы (высшее мусульманское духовенство) в обнародованном ими воззвании ко всем правоверным поклонникам Мохаммеда... уверяют о гибельности для Порты распространения цивилизации" (*373). Подобных известий не было в корреспонденциях Каравелова, т.е. нет оснований для того, чтобы считать его автором этой передовицы. Точно также невозможно причислять к публицистическим произведениям Каравелова вторую передовицу, где говорилось: "... мы считаем своею священной обязанностью заявить живое сочувствие к тягостному положению наших болгарских братьев и в ответ на вопли, раздирающие душу, дошедшие до нас чрез посредство наших болгарских корреспондентов, ныне же открываем подписку при редакции нашей газеты, предлагая нашим соотечественникам приносить посильные пожертвования ..." (*374).

Авторы передовых статей "На кого надеяться славянам?" (*375) и "Турецкие греки и турецкие славяне" (*376) трактовали различные стороны славянского вопроса, но в обоих случаях с позиций русской стороны. В первой статье после рассмотрения "оскорблений со стороны противников" славянской идеи в Австрии говорилось о "политическом величии славянской нации". Для достижения этого величия автор рекомендовал зарубежным славянам брать пример Германии и России. "Русские никому не обязаны своей

политической свободой и своим политическим величием. Они обязаны только себе, своей воле, своему гению и своему политическому такту", - писал автор передовицы, после чего риторически восклицал: "Неужели после этого нас обвинит западная печать в том, что мы подстрекаем славян и подаем им надежды?" Точно также в другой передовице усиленно доказывалось беспочвенность обвинений западной печати в подстрекательстве Россией славян в Турции: "Если б западная печать нашла, что в отчете русского министра народного просвещения показаны, например, школы, содержимые на русские деньги..., если б, одним словом, турецкий "артишок съедаем был по листочку" русскими, а не французами, немцами и поляками, тогда мы приняли бы возводимое на нас обвинение". Последняя мотивировка показывает родство этой статьи с другой передовицей "Толки о русской политике на Востоке" (*377), которую никто не считал принадлежащей Каравелову.

В передовой статье "Положение дел в Турции" (*378), автором которой С.И.Сидельников считал Каравелова (*379), в противоречии с правильным выводом историка о том, что в первой половине 1867 г. болгарский публицист "оценивал положительно деятельность князя Михаила и считал его искренним другом южнославянских народов" (*380), говорилось с иной позиции. "К сожалению, нынешнее белградское правительство плохо понимает великую роль, которую создали для него сами события. Сочувствия его явно склоняются на сторону Вены и Лондона, и князь Михаил ... только оттуда и ожидает милостей". Кроме того, неболгарское происхождение автора этой передовицы показывают его рассуждения о возможном военном вмешательстве России. Считая, что Россия может выполнить свой долг и "не обнажая меча", анонимный автор не верил в расположение болгарского населения к России: "Мы не желаем повторения сцен, происходивших в Крымскую войну в Болгарии, когда местные жители служили и нашим, и вашим" (*381).

Нет прямых доказательств авторства Каравелова и в отношении передовой статьи "Положение турецко-славянских областей и иерархический вопрос в Болгарии" (*382). В то же время в ней проводится чуждая Каравелову мысль о том, что

решение церковного вопроса - "единственное средство, которое может успокоить опасное движение... и предохранить Порту от гибели" (*383). Никогда болгарский публицист не заботился о сохранении Турецкой империи. еще, находясь в России, он приветствовал "опасные" вооруженные выступления (*384).

Невозможно считать Л.Каравелова автором передовой статьи "По поводу движения между болгарами" (*385). В ней дважды Ю.Венелин называется болгарином. Эта ошибка была характерна для одного из неизвестных нам авторов, писавших по болгарскому вопросу в "Голосе": она присутствовала в передовой статье "Основательны ли надежды болгар на Россию?" (*386). Л.Каравелов еще в 1861 г. называл Ю.Венелина "карпаторуссом по происхождению" (*387).

Передовая статья "Национальное движение болгар и польская интрига" (*388) - единственная работа из "Публицистики", которую сам составитель - М.Димитров (*389) - впоследствии признал ошибочно включенной в сборник работ Каравелова. Ее содержание в значительной мере повторяет одну из передовиц газеты "День" за 1864 год. Это обстоятельство непонятным образом послужило основанием для заключения Л.С.Ерихонова об авторстве В.И.Ламанского (*390). Автором статьи в газете "День" был И.С.Аксаков, она помещена в I-ом томе собрания его сочинений (*391). Обстоятельство публикации статьи в "Голосе" нам неизвестно, тем не менее невозможно связывать ее с именем Каравелова.

Рассмотрение передовых статей в "Голосе", которые были приписаны Каравелову, показывает существенное отличие от ранних работ болгарского публициста. Прежде всего для передовых статей "Голоса" характерно отношение к рассматриваемым вопросам с позиций русской стороны, многие из них тесно связаны с другими передовицами по содержанию, стилю, идейной направленности. Повышенный интерес этой газеты к балканским проблемам и славянскому вопросу объясняется как связями редакции с министерством иностранных дел, так и сотрудничеством многих специалистов по этой проблематике - В.И.Ламанского, А.С.Будиловича, П.П.Дубровского, М.И.Горчакова, возможно и болгарского историка С.П.Палаузова (*392), а также других (*393).

Корреспонденции в "Голос" кроме Каравелова посылал также болгарин В.Каракановский (*394), находившийся в то время в Константинополе. Большое количество передовых статей в "Голосе", равно как и значительное количество сотрудников-специалистов по балканским сюжетам, не позволяет ответить с необходимой точностью на вопрос, кто был автором тех или иных передовиц. Во всяком случае это потребовало бы дополнительного изучения вопросов, выходящих далеко за рамки исследуемой проблематики. Тем не менее, анализ спорных передовых статей позволяет сделать вывод о непричастности Каравелова к их написанию.

Сотрудничество Каравелова в "Голосе" в 1867-1868 гг. совпало с выделением в газете рубрики "Из славянских земель", а впоследствии "Славянские земли". В "Публицистике" Каравелова помещен один из материалов этой рубрики из № 193 за 1867 г. (*395). В рецензии на "Публицистику" С.И.Сидельников предположил, что из 46 статей этой рубрики 25 написаны Каравеловым, авторство 6 статей нельзя определить окончательно, 15 статей - не могли быть написаны Каравеловым (*396). При этом в статьях, отнесенных С.И.Сидельниковым к перу Каравелова, описания событий в славянских областях Австрии, по мнению историка, "в большинстве случаев были наверно написаны не им" (*397).

"Славянская" рубрика появлялась на страницах "Голоса" с июня 1867 г. по январь 1868 г. 96 раз (*398). По существу материалы рубрики представляли собой сводку газетных сообщений о различных событиях в жизни зарубежных славян, что делалось в "Голосе" и раньше в разделе иностранной информации. Как правило, указывались источники информации - славянская пресса, австрийские, немецкие газеты и т.д. Дважды в рубрике упоминалось имя Л.Каравелова. В конце июля 1867 г. "Голос" сообщал: "С 6(18) августа начнет выходить в Белграде болгарский еженедельный журнал "Братский союз". Издателем этого журнала будет издатель и редактор "Световида" г.Андрич, а редактором г.Каравелов, писатель, довольно известный в русской литературе. Главная цель упомянутого журнала состоит в распространении южнославянской идеи между болгарами и всестороннем сближении болгар с сербохорватами. Статьи

будут печататься на обоих языках, сербском и болгарском" (*399). В августе, однако, "Голос" писал в этой же рубрике: "Газета "Цукунфт" опровергает известие об издании в Белграде газеты "Братский союз" под редакцией г.Каравелова. в Белграде не будет издаваться никакого болгарского журнала. Не запретили ли издание сербские цензоры?" (*400).

Подобные известия публиковали и другие русские газеты, например, первое из цитировавшихся сообщений (*401). В "Голосе" временная рубрика с выделением "славянских" известий была частью обычного для газеты и в 1867 г. и на протяжении 1868 г. раздела "Новейшие политические известия". Ознакомление с материалами "Из славянских земель", "Славянские земли" показывает систематическое освещение именно текущих событий за рубежом. При отсутствии прямых свидетельств об участии Каравелова в написании статей-сводок в этой рубрике, невозможно решить вопрос об его авторстве даже в отношении тех материалов, которые по своей идеологической направленности соответствовали его взглядам.

В то же время характер "славянской" рубрики в "Голосе" свидетельствует о ее составлении в Петербурге. Известно, кроме того, что в 60-е годы "одним из главных сотрудников газеты "Голос" (по "Славянским известиям")" (*402) был много писавший по болгарскому вопросу М.И.Горчаков, ставший в 1868 г. доцентом юридического факультета Петербургского университета. Поскольку в 60-е годы в "Голосе" кроме названной не было иной рубрики "славянских известий", можно предположить авторство именно М.И.Горчакова. Против авторства Каравелова говорят и случаи повторения одних и тех же фактов в его корреспонденциях и в рубрике "Из славянских земель" в близкие сроки (*403). При интенсивной корреспондентской деятельности в "Голосе" и "Русских ведомостях", а также его деятельности в Болгарском комитете в Белграде неубедительно выглядит причисление к его работам информативных переводных сообщений о самых разнообразных событиях в жизни славянских народов (*404).

Наличие в проблемных анонимных статьях идей, близких Каравелову, не всегда может быть доказательством

его авторства. В этом отношении показателен пример с корреспонденциями из Вены и Пешта в "Голосе", в которых кроме всего прочего видно хорошее знание автором местных условий и венгерской прессы. Смелое предположение Л.В.Воробьева (*405) об авторстве Каравелова в отношении 12 корреспонденций из Вены и Пешта не было подкреплено аргументами, которые могли бы объяснить принадлежность этих корреспонденций именно Каравелову. Можно согласиться с выводом Л.С.Ерихонова (*406) о непричастности болгарского публициста к написанию корреспонденций из Вены и Пешта в "Голосе".

Не выяснен до конца и вопрос об авторстве константинопольских корреспонденций в "Голосе". Автором трех таких корреспонденций С.И.Сидельников (*407) считал Каравелова. В них, хотя и в разной мере, затрагивалась болгарская тематика. Однако в "Голосе" в период 1866-1868 гг. публиковалось много корреспонденций из Константинополя, в них рассматривались и вопросы болгарского национального движения. Из Константинополя в "Голос" писали И.Гришин (*408), А.Зубарев (*409), болгарин В.Караконевский (*410) и другие. После ареста Каравелова в июле 1868г. и во время его полугодового тюремного заключения в "Голосе" продолжали публиковаться константинопольские корреспонденции, в которых подробно освещались вооруженные выступления болгарского народа (*411). Все это определяет осторожное отношение к указанным выше трем корреспонденциям. С другой стороны, практика корреспондентской деятельности не исключает возможности подписывания (автором или в редакции) некоторых корреспонденций как отправленных из Константинополя, особенно при освещении деятельности болгар в турецкой столице.

Конкретное рассмотрение трех константинопольских корреспонденций, названных С.И.Сидельниковым, позволяет заключить, что две из них написаны не Каравеловым. В корреспонденции от 12(24) мая содержится оправдание С.Чомакова, подавшего верноподданнический адрес султану от имени болгарского народа в связи с восстанием на Крите. Отмечается также, что Чомаков в ответе султану на вопрос о Болгарском тайном комитете назвал его сборищем пяти

"сумасшедших бедняков" (*412). Сходная оценка действий Чомакова давалась и в других константинопольских корреспонденциях в "Голосе", которые никто не считал принадлежащими Каравелову (*413). В то же время в корреспонденциях Каравелова дана однозначная критика С.Чомакова по поводу верноподданнического адреса, также отлично было сообщение Каравелова об ответе Чомакова султану о тайном комитете (*414).

В корреспонденции из Константинополя от 26 сентября указывалось кроме всего прочего, что "в Белграде начнет издаваться болгарская газета "Братский союз" под редакцией бывшего русского воспитанника Каравелова (*415). Это запоздалое известие сопровождалось примечанием редакции "Голоса" о запрете газеты Каравелова Н.Христикем (*416). Эти сведения редакция "Голоса" ранее получила возможно от самого Каравелова, или из сообщений иностранной прессы (*417). Запоздавшее более, чем на месяц известие константинопольского корреспондента (вероятно, В.Каракановского) не могло исходить от Каравелова.

В константинопольской корреспонденции без даты отправки, помещенной в "Голосе" в сентябре 1867 г. (*418), содержится критика русских консулов, совпадающая с такой же критикой в октябрьской корреспонденции Каравелова из Пешта (*419). Кроме того в типично каравеловском стиле дана оценка турецких реформ: "По нашему крайнему разумению все реформы в Турции ограничиваются тем, что турецких солдат одели в зуавские костюмы; турки начали пить мастику..." (*420). Эти сообщения позволяют предположить возможность авторства Каравелова касательно этой недатированной корреспонденции из Константинополя.

Можно согласиться также с предположением Л.В.Воробьева (*421) об авторстве Каравелова в отношении корреспонденции из Рушука (*422), и предположением С.И.Сидельникова (*423) относительно анонимной корреспонденции из Боснии (*424). В то же время в дальнейшем исследовании нуждается вопрос об авторе корреспонденции "Случай в Мостаре" (*425), подписанной инициалами А.Б.

После освобождения Каравелова в январе 1869 г. ему было запрещено писать в русские газеты (*426). Прежде чем надолго остановиться в Бухаресте, он совершил в течение 1869 г. ряд поездок по Воеводине, Сербии, был в Румынии, а также в июле-августе - в Одессе. Во второй половине года в "Голосе" были помещены три его корреспонденции, помеченные "Из Болгарии" (*427). В работе С.И.Сидельникова (*428) используются, кроме того, еще три корреспонденции: анонимные - из Бачки (*429) и Белграда (*430), а также с подписью "Драган С." из Ибраилова (*431). Отсутствие доказательств авторства Каравелова и содержание этих корреспонденций заставляют усомниться в правильности такого предположения.

Корреспонденция из Ибраилова (т.е. Браила) посвящена в основном румынским событиям (Каравелов в это время находился в Воеводине). Автор, подписавшийся Драган С., критикует князя, восхваляет политику Братиану и в конце возражает против сообщения одной из пештских газет о ссорах в Болгарском центральном комитете: "ни члены комитета, ни эмигранты никогда не ссорились между собой, потому что у всех них одна цель - спасти родину от тиранства и неволи ..." (*432). Эта фраза послужила основанием для заключения С.И.Сидельникова о том, что Каравелов "все еще очень слабо знал реальное положение вещей среди эмиграции" (*433). В сущности нет оснований отождествлять Каравелова с Драганом С., и в то же время необходимо заметить, что Каравелов еще в 1867 г. писал: "... болгары имеют в Бухаресте два комитета, но эти комитеты любят только кричать и ссориться между собой, а помогать беднякам - не их дело" (*434). Явное противоречие в оценках, кроме всего прочего, препятствует отнесению этой корреспонденции к работам Каравелова.

Трудно также признать Каравелова автором белградской корреспонденции. Дело в том, что еще во время его пребывания в тюремном заключении в "Голосе" после длительного перерыва в декабре 1868 г. появляются письма из Белграда (*435). В начале 1869 г. эти анонимные письма продолжают появляться в газете (*436), причем две последних корреспонденции имели подпись Р. (*437). Содержание этих писем показывает их принадлежность русскому автору, можно

предположить, что им был П.А.Ровинский. Как известно, именно в конце 1868 г. из-за неуплаты и задержек гонорара он перестал посылать свои корреспонденции из Белграда в "С.-Петербургские ведомости" (*438). Возможно, по этой же причине он начал сотрудничать в "Голосе". По времени совпадает также поездка Ровинского в Нови Сад летом 1869 г. с появлением двух корреспонденций из этого города в "Голосе" (*439). После этого в 1869 г. в "Голосе" не печатались корреспонденции из Белграда. Все это не позволяет приписать перу Каравелова одно из белградских писем корреспондента "Голоса", начавшего писать в газету еще во время пребывания болгарского публициста в тюрьме и отметившего, кстати, этот факт (*440).

Вопрос об авторе корреспонденции из Бачки, в которой говорилось и об освобождении В.Иовановича и Л.Каравелова, также нуждается в уточнении. Текст этой корреспонденции во многом совпадает с одной из статей "Славянские земли" в "Иллюстрированной газете" (*441). Возможно, обе информации были переводом из какой-либо сербской газеты. Отсутствие сербской прессы за 1869 г. не дает возможности окончательно разрешить это предположение (*442). Из не рассматривавшихся корреспонденций "Голоса" периода 1867-1869 гг. (в плане возможного авторства Каравелова) интерес представляют анонимные письма из Адрианополя [3(15).IX.1869, N 243], Нового Сада [14(26).1869, N 354], а также из Белграда с подписью З. (*443). Установление автора этих корреспонденций позволило бы полнее представить балканские связи "Голоса" в рассматриваемые годы.

Корреспонденции Каравелова в "Русских ведомостях" в отличие от "Голоса" подвергались сильной стилистической правке. Кроме того, заграничные корреспонденции в этой газете, как правило, не имели названий, нечетко отделялись от другой информации. В работе С.А.Никитина (*444) определено лишь общее количество корреспонденций Каравелова в этой газете в 1867 г. - 17, девять из Белграда, три - из Софии, по две - из Филиппополя и с Черногорской границы, одна - из Свищова. Выходные данные были указаны, однако, лишь для 13 корреспонденций. В исследовании Л.С.Ерихонова (*445) говорится об 11 белградских письмах Каравелова в отличие от

9, названных С.А.Никитиным. На самом же деле их было 10 (*446). Количество остальных корреспонденций совпадает, все они указаны в Приложении N 2 к настоящей работе.

Известные сведения об интенсивном сотрудничестве Каравелова в "Русских ведомостях" (*447) вызвали предположения о принадлежности ему отдельных сообщений в разделе "Иностранные известия". Об авторстве Каравелова в отношении 11 таких материалов о Болгарии, Сербии, событиях на Балканах (1867, NN 45,105,115,120,124,146; 1868, NN 64,75,77,125,126) говорится в работе Л.С.Ерихонова (*448). Три из этих информационных сообщений (1867, NN 115,124; 1868, N 64) еще ранее были определены как принадлежащие Каравелову в работе С.И.Сидельникова (*449). Кроме того, он назвал Каравелова автором еще 4 -х других сообщений в разделе "Иностранные известия" (1867, NN 59,80,88,90). Автором последних действительно был Каравелов, но это были сокращенные перепечатки его корреспонденций из Бухареста. Рушука и Зимнича в газете "Голос". При этом в "Русских ведомостях" имелись ссылки на последнюю. Подобные случаи имели место и в других русских газетах, иногда и без ссылок на источник(*450).

Анализ "славянских" материалов раздела "Иностранные известия" в газете "Русские ведомости" позволяет условно подразделить их на три группы. Первая группа(1867. NN 59,75,80,83,88,90,124) состоит из сокращенных перепечаток корреспонденций Каравелова в "Голосе". Вторая группа (1867, NN 115; 1868, NN 75,77) вероятно содержит сведения из писем Каравелова в редакцию газеты. Наконец, материалы третьей группы (1867, NN 45,105,120; 1868, NN 64,125,126) по нашему мнению, не имеют отношения к Каравелову, так как подобные извлечения из иностранной прессы печатались и в других русских газетах (*451).

Кроме этих рассматривавшихся и ранее материалов "Иностранных известий", можно предположительно говорить об авторстве Каравелова касательно еще 4-х сообщений. В них говорилось об успехах болгарских отрядов по материалам письма из Софии (1867, N 106), о новостях "из славянских земель", полученных из Болгарии и Белграда (1867, NN 114,131), о безнравственности турецких солдат,

находящихся в Болгарии, по материалам газеты "Световид", (1867, N 92).

Кроме активной корреспондентской деятельности Каравелова в "Голосе" и "Русских ведомостях", его сотрудничество в других русских газетах носило эпизодический характер. Можно согласиться с предположением М.Димитрова, включившего в "Публицистику" две корреспонденции из "Московских ведомостей" (*452), а также одну русскую корреспонденцию с подписью К. из "Русского инвалида" (*453).

О сотрудничестве Каравелова в "Иллюстрированной газете" в 1867 г. известно из его письма к редактору этой газеты В.Зотову (*454). Корреспонденция Каравелова "Болгарские инсургенты" была помещена в этой газете под измененным названием - "Из Болгарии. 6 июля" за подписью Л.К-в. (*455). О других работах Каравелова в "Иллюстрированной газете" нет никаких данных, поэтому неубедительно выглядит включение в собрание сочинений Каравелова анонимной статьи "Болгарское духовенство" (*456) без доказательств его авторства. В статье излагаются нехарактерные для Каравелова положения. В частности, говорится: "Напрасно турки и фанариоты старались изгнать народный язык из школ и церквей, он распространялся все более..." (*457). В отличие от Каравелова и других болгарских деятелей анонимный автор в "Иллюстрированной газете" определял численность болгарской нации 4 млн.

Появление статьи о болгарском духовенстве в "Иллюстрированной газете" через два года после известного краткого периода сотрудничества Каравелова в этом издании нельзя автоматически связывать с его именем. Именно в этом месяце Каравелов начинает издание газеты "Свобода", с первых номеров которой он призывает отложить временно церковный вопрос и отдать все силы подготовке революции (*458). С другой стороны, "Иллюстрированная газета" еще во время тюремного заключения Каравелова во второй половине 1868 г. много писала по болгарскому вопросу, организовав специальную рубрику "Славянские земли" (*459). Информацию по болгарской тематике "Иллюстрированная газета" черпала из газет "Народност", "Дунавска зора", сербской

прессы, известно также, что для этого издания писал болгарин Д.Кирович (*460), живший в то время в Петербурге.

Предположение Л.С.Ерихонова (*461) об авторстве Каравелова касательно статьи "Болгарские дела" (*462) в газете "Одесский вестник" является единственным случаем рассмотрения возможности участия Каравелова в этом издании в 60-х годах. "Одесский вестник" известен своими традиционными связями с болгарскими авторами. В начале 40-х годов XIX века в газете писал В.Априлов, в 50-е годы - Н.Х.Палаузов, Н.Геров, И.Момчилов. В 60-е годы болгарский вопрос также освещался в газете, особенно усилился интерес "Одесского вестника" к болгарской проблематике в конце 60-х годов. В 1867 г., например, здесь были помещены корреспонденции В.Каракановского (*463), М.Розен-Чудновского (*464), статьи Заховского (*465), С.Стоманякова (*466), а также других авторов. Корреспонденция "Болгарские дела", подписанная "Задуналец", содержала критику газеты "Отечество" и похвально отметила появление газеты Каравелова "Свобода". Автор указывал, что "ученые болгары принадлежат по большинству к так называемой молодой Болгарии, которая хоть и рассеяна по разным государствам, но чувствует себя как бы единым целым". В противоположность единству "молодой Болгарии" автор показывал несогласия среди различных "самозванных обществ, комитетов, настоятельств, министерств".

Все эти моменты статьи "Задуналец" были близки и Каравелову, среди идейных противников редактора "Свободы" в Бухаресте возникли подозрения именно на круг его единомышленников. "Старые" рассматривали статью "Задуналец" как клевету на себя перед русским правительством (*467). При всем этом два момента вызывают сомнения в авторстве Каравелова. "Задуналец" полностью отождествлял группу БЦТК с "Добродетельной дружиной", что видно из его совместной критики газет "Отечество" и "Народность" как ее предшественницы. Во-вторых, по мнению "Задуналец" Болгария уже избавлена от такого "недуга", как чорбаджийство. Эти положения спорной статьи оставляют открытым вопрос об ее авторе.

Рассмотрение спорных анонимных материалов в русских газетах позволяет заключить, что в период 1867-1869 гг. Каравелову принадлежали 100 анонимных публикаций в "Голосе" (62), "Русских ведомостях" (33), "Московских ведомостях" (2), "Русском инвалиде" (2) и "Иллюстрированной газете" (1). Наиболее продуктивным временем корреспондентской деятельности Каравелова был 1867 г. (84 публикации), в первой половине 1868 г. им опубликовано 13 корреспонденций и заметок. После ареста и тюремного заключения в июле 1868 г. - январе 1869г. Каравелов возобновил свое сотрудничество в русских газетах лишь в августе 1869 г. Всего в этом году было опубликовано три его корреспонденции.

Анализ спорных анонимных материалов в русских газетах не позволяет считать болгарского публициста автором передовых статей в "Голосе", а также материалов рубрики "Из славянских земель" и "Славянские земли" в этой же газете. Уточнение проведено также и в отношении ряда спорных материалов в газетах "Голос", "Русские ведомости", "Иллюстрированная газета". Список анонимных работ Каравелова приводится в Приложении N 2.

2. Политическая программа Каравелова

Публицистическая деятельность Каравелова в качестве корреспондента русских газет дает представление о его отношении к различным сторонам болгарской действительности. Развитие публицистики ее жанров со времени борьбы за национальное просвещение (*468) приобрело исключительно важное значение для развития национального самосознания и национально-освободительного движения в связи с утверждением политической публицистики. В этом смысле "русская" публицистика Каравелова, активного участника болгарского национального движения в 60-е годы, представляет интерес для изучения процесса развития общественно-политической мысли в Болгарии. Учитывая преобладание информационного аспекта в корреспондентской деятельности Каравелова, главное внимание уделяется здесь

выяснению его политической программы, нашедшей отражение в "русской" публицистике.

Рассмотрение политической программы Каравелова необходимо начать с главного вопроса о его целевых установках. Для оценки общественно-политических взглядов Каравелова этот вопрос менее всего нуждается в специальном анализе. Идея освобождения болгарского народа от турецкого владычества лежит в основе многих его корреспонденций и статей (*469), она соответствовала главной задаче болгарского национально-освободительного движения.

Вопрос о форме будущего болгарского государства в публицистических произведениях Каравелова тесно связан с путями достижения национальной независимости. Проповедуя необходимость совместной борьбы южнославянских народов еще в период пребывания в России, Каравелов в 1867 г. часто пишет о необходимости учреждения, после достижения освобождения, южнославянской федерации (*470). Прогрессивность пропаганды федеративной идеи в связи с развитием освободительного движения на Балканах явно выделяется при сравнении с национально-буржуазными программами.

Пропаганда достижения автономии Болгарии в рамках Турецкой империи, которая велась еще в 40-50-е гг. А.Экзархом (*471), в конце 60-х годов получила широкую огласку в связи с деятельностью БЦТК. Привлекая внимание международной общественности, способствуя росту политического сознания болгарского народа, эти программы имели, однако, ограниченное прогрессивное значение, поскольку не предполагали революционного пути их достижения и ставили болгарское национальное движение в зависимость от внешних факторов (*472). Идея освобождения от турецкого национального гнета, пропагандировавшаяся Каравеловым, принципиально отличалась от стремлений консервативно-либеральных слоев болгарской буржуазии к сохранению экономических позиций в рамках Турецкого государства.

Форме государственного правления в будущей федерации Каравелов уделял мало внимания. Упоминание о том, что "верховная же власть должна быть одна: она будет

состоять из парламента..., а во главе парламента должен стоять князь Михаил Обренович, который будет иметь право сам назначать высших правителей южнославянского государства" (*473), по времени совпадает с болгаро-сербскими переговорами. Отмечая это обстоятельство, югославский историк Дж.Игнатович (*474) не вполне правомерно утверждал, что таким образом Каравелов пропагандировал идею соглашения между сербским правительством и болгарской буржуазной организацией в Бухаресте - "Добродетельной дружиной". Подобным же образом болгарский историк М.Димитров идентифицировал позиции "Добродетельной дружины" и Каравелова, писавшего о необходимости политического соединения балканских народов (*475).

Интерпретация этого момента Д.Игнатовичем и М.Димитровым вызвана, вероятно, некоторым сходством двух различных программ в вопросе об отношениях между сербским и болгарским народами (*476). Коренное различие заметно при сравнении методов достижения программных целей. Если "Добродетельная дружина" в своих решениях от 5 апреля 1867 г. ставила болгарское движение в зависимость от Сербии, то Каравелов в известных нам статьях в русской печати обосновывал необходимость создания будущего государства в результате совместной борьбы южнославянских народов. Кроме того, нельзя обходить вниманием и внешние различия: "Добродетельная дружина" выступала за создание единого монархического государства Болгаро-Сербия или Сербо-Болгария, Каравелов же пропагандировал идею федерации (но не конфедерации) с участием кроме болгарского и сербского также и хорватского, черногорского, иногда и чешского народов (*477). При этом, естественно, взаимоотношениям болгар и сербов уделялось важное место.

Изначальные различия, определявшиеся классовыми различиями, подтверждаются дальнейшей эволюцией планов "Добродетельной дружины" и Каравелова. Первая в начале 1869 г. переходит от идеи Югославского царства к пропаганде идеи дуализма в отношениях с Турцией (*478), Каравелов же продолжает пропагандировать идею федерации, выступая в 1869 г. за республиканские образцы США и Швейцарии и

трансформируя состав федерации из южнославянской в балканскую, или дунайскую (*479).

В 1867 г. в планах Каравелова о федерации не содержалось открытой критики княжеской власти. Учитывая роль княжества Сербии, он главную задачу видел в пропаганде освобождения Болгарии от турецкого ига. Это, однако, не говорит о монархических убеждениях Каравелова в это время (*480). В конце 1867 г. Каравелов часто критиковал сербское правительство (*481), в начале 1868 г. критика болгарского публициста распространялась и на князя Михаила Обреновича (*482). Все это не изменило основной идеи Каравелова о федерации с участием сербского народа, а позволило ему открыто высказываться за республиканскую форму правления в сербских и болгарских газетах (*483).

Убежденность Каравелова в необходимости федеративного устройства будущего южнославянского государства позволяет сделать важное замечание: в известных болгарских программах до Каравелова не было подобного подхода к решению вопроса о судьбах национально-освободительного движения на Балканах. Упоминание о конфедерации в одном из программных документов БЦТК (*484) было временным явлением, этот комитет известен прежде всего своими дуалистическими планами. С другой стороны, создание обширного государства в проекте болгарина Д.Кировича, жившего в России, не имело ничего общего с федерацией. Предусматривалось соединение Далмации, Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговины, Болгарии, Фракии, Македонии, а "столицею государства будет город Салоники, управляться же оно будет монархом, избранным из числа членов какого-нибудь царствующего дома, исповедующего христианство по обрядам восточной, греческой церкви" (*485). Некоторые внешние сходства с различными программами государственного устройства не дают оснований для приравнивания к ним программы Каравелова. Вместе с этим интерес представляет вопрос об источниках формирования программных установок Каравелова.

Идеи федеративного устройства содержались в различных по своему содержанию идеологических программах, начиная с начала XIX века. О федерации славянских

народов мечтали и декабристы (Пестель и "Общество соединенных славян"), и А.Чарторыйский, в 40-х годах - Кирилло-Мефодиевское общество. В проектах последнего прямо говорилось об участии в федерации болгарского народа, а столицей будущего государства предположительно намечался Киев (*486). В период пребывания Каравелова в России, когда он увлеченно читал произведения русских революционных демократов, о славянской федерации в связи с идеями Кирилло-Мефодиевского общества писал А.И.Герцен в "Колоколе" (*487). В то же время московские славянофилы в лице И.С.Аксакова выступали в "Дне" против федерации" (*488). В этом смысле показательным и отношение Каравелова к славянофильскому изданию и журналу "Основа", в котором важную роль играл приверженник идеи федерации, бывший участник Кирилло-Мефодиевского общества Н.И.Костомаров. Разница между двумя изданиями велика, отмечал Каравелов, с "Основой" можно "не сходить в некоторых мнениях и спорить, не нельзя не уважать ее направления. Напротив, в журнале "День" можно встретить много хороших мыслей, а сочувствовать его направлению, его духу, нет никакой возможности" (*489).

Московским болгарам были известны такие письма из Киева под названием "Где не будет самостоятельности, там не будет и федерации. Письма к киевским болгарам и сербам" (*490). Краткое изложение федеративной идеи в этих письмах дал в одном из "Славянских обзоров" Р.Жинзифов (*491). Неизвестный нам автор, подписавшийся "Поднепрянец" и принадлежавший, видимо, к тайному обществу "Громада", предостерегал болгар и сербов от увлечений панславянскими идеями славянофилов, в частности Аксакова, положительно высказывался об "Основе", критиковал "Современник" за поддержку поляков на Украине. Характерно, что выступая за "самостоятельность украинского народа", автор считал достижение политической самостоятельности отдельной целью и, поэтому, выдвигал задачи просвещения "темного люда" и борьбы за "доброе житье" украинских крестьян.

Будучи знаком с позициями А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, украинских общественных деятелей, славянофилов по славянскому вопросу, Каравелов сообразно со своим

пониманием задач болгарского движения выработал собственную оригинальную программу. Мысли о федеративном устройстве южнославянского государства в ней были родственны идеям Кирилло-Мефодиевского общества и Герцена, отличием при этом было более реальное, поставленное в качестве задачи освободительного движения на Балканах, положение об участии в федерации народов, борющихся против турецкого владычества.

Этот момент программы Каравелова показывает ее близость идеям Н.Г.Чернышевского, отстаивавшего тезис о самостоятельности национального движения славянских народов в Турции (*492). Выступая, как славянофилы, за невмешательство западных держав, Чернышевский ратовал не за осуществление панславистских идей, а за самостоятельное освобождение подвластных Турции народов. В этом пункте устремления Каравелова тождественны идеям Чернышевского: критикуя внешнеполитические планы славянофилов (*493), болгарский публицист часто выдвигал требование невмешательства западных держав (*494).

Для оценки сущности программы Каравелова необходимо выяснить его отношение к путям достижения программных целей и к роли России для судеб болгарского национального движения. Как показано в главе II, еще в России Каравелов пришел к выводу о необходимости совместной борьбы южнославянских народов за свою независимость. В 1867-1868 гг. его пропаганда федеративного устройства будущего государства предполагала вооруженное выступление болгарского народа. Конец затянувшимся в науке спорам о просветительском или революционном характере деятельности Каравелова в конце 60-х годов положило исследование Кр.Шаровой, в котором убедительно доказано, что в 1867 г. Каравелов стал "выразителем наиболее передовых тенденций в болгарском освободительном движении" (*495). Практическая революционная деятельность Каравелова в 1867 г. находит свое подтверждение в его пропаганде вооруженной борьбы против турецкого ига в корреспонденциях для русских газет (*496).

Отношение к России, ее роли в освободительной борьбе на Балканах проявлялось различным образом в

корреспонденциях Каравелова. Традиционная вера болгарского народа в освободительную миссию России всегда оказывала влияние на взгляды Каравелова. Проявления же этого влияния не были одинаковыми. Разделяя позицию Чернышевского о самостоятельности южнославянского освободительного движения, Каравелов не предусматривал вооруженного участия России. Тем не менее в его корреспонденции "С Балканов" говорилось, что "Россия и Сербия имеют полное право не только позволить каждому русскому и сербу идти на помощь своему брату, но могут составить полки" (*497) из добровольцев.

Критикуя русских консулов в Турции, помня о позиции России в болгарском церковном вопросе в начале 60-х годов, Каравелов проводил различие между Россией и петербургским правительством. "Если русское правительство и осуществляло среди нас интриги, - возражал он английскому политику в своей статье, - то его интриги имели совсем другой характер. Россия ... хотела задуть болгарские движения, будь то против турок или греков ..." (*498). С политикой правительства Каравелов отождествлял и намерения "поповщины и присноблаженных славянофилов", которые стремятся "любым способом объединить" русский, украинский и польский народы (*499).

В своих проектах южнославянской федерации Каравелов, хотя и не всегда, писал о покровительстве России или тесном союзе с нею (*500). Это позволило С.А.Никитину сделать вывод о славянофильском влиянии на болгарского публициста (*501). Все различия во взглядах Каравелова и славянофилов не дают возможности видеть в этом славянофильское влияние. Характерно, например, что и такой противник славянофильства, как сербский демократ Ж.Жуевич, в том же 1867 г. писал о возможности и необходимости для славянских народов "политического единства под условным предводительством России" (*502). Еще ранее вопрос о роли России при создании славянской федерации нашел свое отражение в статьях А.И.Герцена (*503).

Учитывая реальное положение и роль России как союзника будущего южнославянского государства, а также традиционные народные симпатии, Каравелов в своих

корреспонденциях отражал и надежды сербов и болгар на царя Александра II (*504). Было бы неправильно на этом основании делать вывод, что Каравелов не предполагал революционный путь освобождения Болгарии, возлагая надежды на Россию или Сербию (*505). Показанное выше отношение Каравелова к роли России в освободительном движении на Балканах формировалось еще во время его учебы в Москве. Для него характерным было постоянное обращение с конца 50-х годов к задачам болгарского национального движения. Даже в это время, когда вопросы борьбы за национальное просвещение и независимую церковь оставались первостепенными (*506), Каравелов оптимистически видел залог успеха в единении освободительных движений южных славян и добавлял: "И очень важно было бы, если б в эту минуту во главе болгарской журналистики стал человек, не столько истинно просвещенный, сколько истинный сын своего народа" (*507).

Развитие революционного этнического движения в Болгарии способствовало формированию революционных убеждений Каравелова. В то же время влияние оказывали и внешние факторы - восстание на Крите, усиление освободительного движения южных славян. Это переплетение внутренних и внешних факторов способствовало также возникновению революционной ситуации в Болгарии в 1867-1868 гг., вызванной кризисным состоянием Турецкой империи. Все эти моменты нашли отражение в обосновании Каравеловым программных целей и революционного пути их достижения.

В соответствии с информативной стороной корреспондентской деятельности и стремлением показать реакционный характер турецкого владычества в Болгарии, Каравелов приводил в русских газетах обширный фактический материал. "Известия из Болгарии, кроме новых, но весьма разнообразных проявлений турецкого деспотизма, случаев угнетения и насилия, нового почти ничего не сообщают" (*508), - писал он. Конкретные сведения такого рода в изобилии приводились в корреспонденциях Каравелова (*509), такое направление в информации о Болгарии было характерно для русской прессы и в 60-х годах, и в 70-х годах (*510).

Отличительной особенностью корреспонденций Каравелова было его стремление к обоснованию и защите социально-экономических интересов крестьянства. Это проявлялось в его критике налоговой системы в Болгарии (*511), критике болгарского чорбаджийства и туркофильской интеллигенции как пособников турецкой власти (*512). При этом Каравелов отмечал невозможность реформистского пути. Он подчеркивал "бумажный" характер реформ-обещаний султанской власти, показывал новое увеличение налогообложения, несмотря на провозглашение "Великих" реформ (*513). В критике реформистской деятельности турецкого правительства Каравелов выражал и свои социальные позиции. "Говорят, что чиновниками в Турции будут и турки, и славяне, и греки, без различия вероисповедания, - писал он, - но эти чиновники будут набираться константинопольским правительством. Следовательно, новое чиновничество будет похоже на фанариотское в Молдово-Валахии, или духовно-фанариотское - в Болгарии. Богатые люди будут покупать должности у его величества султана и его визиря, потом сядут на шею народа и будут отнимать последний кусок хлеба и последнюю сорочку у бедняков" (*514).

Критика реформистского пути ставила Каравелова в ряд идейных противников БЦТК, выступавшего в 1867-1868 гг. за автономию Болгарии в рамках Турции. Революционное фразерство, пропагандистская деятельность Тайного комитета были причинами того, что в 1867 г. все вооруженные выступления приписывались этому комитету. Важным моментом, поэтому, было открытое выступление Каравелова против программы БЦТК. В начале 1869 г. вскоре после освобождения из пенитенциарной тюрьмы он публикует перед своим приездом в Бухарест статью-призыв "Братья мои" (*515). В ней в соответствии со своими статьями в русских газетах Каравелов отвергает эволюционно-реформистский путь и критикует программу дуалистов, т.е. БЦТК и "Добродетельной дружины".

Вместе с этим в обосновании вооруженного выступления Каравелов важное место уделял и внешним факторам, которые, как отмечено выше, были связаны с внутренними

причинами обострения положения в Болгарии. Считая в 1867 г. сложившуюся обстановку выгодной для совместного выступления, Каравелов видную роль при этом отводил Сербии (*516). В связи с этим иногда отмечалось, что он не был сторонником революционного пути (*517). Опровержением такой оценки служит сама практическая революционная деятельность Каравелова в 1867 г., показавшая его независимость от сербской политики (*518). В "русской" публицистике Каравелова также показана его позиция как в отношении будущего участия Сербии и Болгарии в федерации, так и в отношении равноправного совместного участия в освободительном движении. "Болгары также многочисленны и сильны, как и сербы..., - отмечал Каравелов, - ни сербы не должны быть болгарскими рабами, ни болгары - сербскими" (*519). "Какая же польза будет нам, - писал он, - если нас не будет бить и вешать Митхад-папа или Осман-паша, а будет вешать наш родной брат Михаил Обренович или Никола Христич и Барловец?" (*520).

Неправомерен также и вывод Д.Игнатовича (*521) о том, что после прихода сербской либеральной партии к власти у Каравелова наступил идейный перелом, связанный с его переходом на либеральные позиции. При всей кажущейся оригинальности заключение Д.Игнатовича родственно рассмотренному выводу М.Димитрова о надежде Каравелова в деле освобождения Болгарии преимущественно на Сербию. Действительно, Каравелов имел личные связи с сербскими либералами (С.Бошкович, А.Васильевич и др.) (*522), хотя его отношение к ним было достаточно критическим (*523). Но принципиальным моментом для идейного перелома у Каравелова не могла послужить его перемена в отношении к сербскому правительству после прихода либералов к власти. Хотя контакты Каравелова с сербской администрацией были облегчены, и Сербия по-прежнему фигурировала в его планах, основным компонентом его идеологии было отношение к болгарскому революционному движению. Более того, деятельность Каравелова в БРЦК в начале 70-х годов показывает его естественный переход к участию в "наивысшей форме революционной организации до Освобождения

Болгарии" (*524), т.е. об отходе Каравелова от революции к либерализму в конце 60-х годов невозможно говорить.

Ограничиваясь рассмотрением публицистики Каравелова в плане выяснения его политической программы, необходимо подчеркнуть наиболее характерные ее черты.

В основе публицистической деятельности Каравелова, заключающейся в информации русского общества о положении в Болгарии и на Балканах, лежало его стремление к достижению национальной независимости Болгарии. Пропаганда Каравеловым идей болгарского национального движения нашла свое воплощение в его проектах создания южно-славянской федерации. Освобождение Болгарии Каравелов видел как результат вооруженной борьбы болгарского народа совместно с другими южнославянскими народами против турецкого господства на Балканах. Непосредственно участвуя в революционной борьбе, Каравелов в своих статьях пропагандировал вооруженные выступления болгарских чет. Классовый характер программы Каравелова проявлялся в его обосновании необходимости освобождения Болгарии революционным путем. Вскрывая реакционный характер турецкого господства, он не только показывал тяжелое экономическое положение крестьянства, бесправное положение болгарского народа, насилия и бесчинства феодально-бюрократической администрации, но и аргументированно выступал против реформистского пути.

Значение политической программы Каравелова в развитии национально-освободительной идеологии определяется ее классовым содержанием, показывающим защиту интересов крестьянства и мелкой городской буржуазии. Участие национальной буржуазии в освободительном движении в конце 60-х годов вносило в него существенные элементы либерализма. Хотя нет оснований для оценки революционности болгарской буржуазии как класса (*525), можно говорить об участии отдельных слоев буржуазии и преобладании буржуазной идеологии в болгарском национальном движении в тот период. Явственно обозначившиеся в результате этого реформистские устремления как среди туркофильско настроенного меньшинства, так и среди русофильско и прозападно настроенной буржуазии, были

предметом критики Каравелова. Его революционная пропаганда явилась продолжением идей Г.Раковского и наиболее последовательным отражением в новых условиях интересов трудящегося народа - всего крестьянства и мелкой городской буржуазии (*526).

В силу специфики условий и развития болгарского национального движения в 60-х годах оформление революционно-демократической идеологии проходило при своеобразной (в отличие, например, от России) расстановке классовых сил, когда буржуазия уже выступала как самостоятельный класс, а процесс социальной дифференциации крестьянства не был еще завершен. Последний процесс оставался вне поля зрения Каравелова, это вело при отсутствии сословно-юридического оформления болгарского общества к идеалистическому восприятию Каравеловым турецкой феодално-бюрократической системы. Это нашло выражение в его преимущественной критике политической надстройки и непонимании происхождения налогов (*527). Все эти моменты накладывали отпечаток на крестьянско-мелкобуржуазную идеологию и затрудняли выдвижение специфически классовых требований (*528). Тем не менее призыв Каравелова к свержению турецкой государственной власти включал в себя и социальные мотивы. Полнее всего это выразилось в обосновании Каравеловым освободительных целей и путей их достижения.

Общественно-политическая позиция Каравелова в части пропаганды федеративного устройства будущего государства скрывала в себе и некоторые слабости. Будучи прогрессивной по своему характеру, идея совместного выступления южнославянских народов в то время несла в себе опасность недооценки задач внутреннего развития болгарского революционного движения. Это выразилось в приверженности Каравелова к этнической тактике. Кроме того, различия в задачах болгарского и сербского национальных движений, а также националистические тенденции сербской буржуазии во внешней политике ставили препятствия для совместных выступлений.

Пропаганда Каравеловым идей болгарского революционного движения в русском обществе имело большое

значение. Его прогрессивная программа была важной составной частью открытой постановки вопроса об освобождении Болгарии в русской прессе. Последовательная защита Каравеловым интересов болгарского народа была и его вкладом в развитие того общественного движения в России, которое развернулось в 70-х годах в поддержку борьбы южнославянских народов против турецкого ига.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публицистическая деятельность Любена Каравелова в русской периодической печати в 60-х годах прошлого века представляет собой важный этап в формировании и развитии его общественно-политических взглядов. В то же время постоянное обращение болгарского публициста к проблемам болгарской действительности связывает его публицистические произведения со всем ходом развития идеологии болгарского национального движения. Статьи Каравелова в русской печати служили делу ознакомления русского общества с болгарским народом, способствовали формированию общественного мнения в России по вопросам о судьбах Болгарии.

Нынешнее состояние изучения "русской" публицистики Карвелова характеризуется наличием существенных разногласий по вопросу о принадлежности ему тех или иных анонимных статей из русских изданий. Дискуссионный характер оценки идеологии Каравелова наложил свой отпечаток и на исследования о его публицистической деятельности. В этих условиях задача установления и уточнения публицистических произведения болгарского автора выдвигается на первый план при изучении его сотрудничества в русской периодической печати.

Рассмотрение в настоящей работе публицистической деятельности Л.Каравелова в русской периодике в период 60-х годов XIX века позволяет выделить два этапа. Первый этап (1860-1866 гг.) протекал во время его пребывания в России. Начиная автор за эти годы опубликовал ряд своих художественных произведений, публицистических статей,

корреспонденций, заметок, обзоров, подготовил к печати значительное количество информативных сообщений.

На основании изучения русской периодики и других источников, а также исследований болгарских и советских авторов (М.Димитров, М.Арнаутов, Кр.Шарова, И.Конев, Н.Кондарев, Д.Леков, Ц.Унджиева, Л.Минкова, Л.Воробьев, С.Сидельников, К.Копержинский, С.Никитин, Л.Ерихонов, В.Карасев, В.Конобеев, К.Поглубко, И.Козьменко, А.Улунян и др.) в настоящей работе установлена принадлежность Каравелову 56 публикаций в русских газетах и журналах во время пребывания в России. 11 публикаций имеют подпись автора, это, прежде всего, рассказы и повести, а также этнографические очерки, обзоры болгарской литературы и журналистики. Некоторые публикации подписаны псевдонимами - К., К.Л., Л-чо, Калчо, Л.Калчо, Х., большая часть работ опубликована анонимно.

Результаты источниковедческого анализа, отличающиеся от прежних в количественном отношении, позволяют также по-новому осветить участие Каравелова в русских периодических изданиях во время пребывания в России. В это время болгарский публицист не сотрудничал в славянофильских изданиях, как это часто отмечалось в обобщающих трудах. В отношении последних лет пребывания Каравелова в России (1864-1866), которые являются малоизученными в его биографии, восстановлена картина публицистической деятельности болгарского автора. Установлены неизвестные ранее публикации Каравелова в газетах "Наше время", "Московские ведомости", "Московская газета", уточнены также публикации его в газетах "С.-Петербургские ведомости", и "Голос".

Определяющим для оценки органов печати, в которых сотрудничал Каравелов в России, является его преимущественное участие в либеральных изданиях. Наряду с публикациями Каравелова в реакционном издании М.Н.Каткова "Московские ведомости", демократической газете "Современное слово", необходимо подчеркнуть его активное участие в либеральных изданиях различных оттенков - "Наше время", "Библиографические записки", "Московские

ведомости" в 1862 г., "С.-Петербургские ведомости", "Московская газета", "Голос".

Это позволяет обратить внимание на малоизвестную сторону связей Каравелова в России. Его известные контакты со славянофильскими деятелями, революционными демократами И.Г.Прыжовым и И.А.Худяковым должны быть дополнены сведениями о контактах Каравелова с журналистскими кругами, прежде всего с либерально настроенными публицистами, издателями - Н.С.Скворцовым, Н.Ф.Павловым, А.Н.Афанасьевым, В.Ф.Коршем, М.П.Щепкиным, Н.П.Бочаровым и др. Разумеется, для оценки взглядов Каравелова первостепенное значение имеет содержание его публицистических произведений. В процессе формирования взглядов болгарского публициста, протекавшем в годы учебы в России и во время активного сотрудничества в русской периодической печати, важнейшее место занимает участие Каравелова в болгарском национальном движении.

Своеобразной формой участия Каравелова в болгарском национальном движении была его деятельность в рамках "Московской болгарской дружины". Сотрудничество Каравелова в русских изданиях в начале 60-х годов протекало в рамках программных задач этой просветительной организации. Изменение условий российской действительности, дальнейшее развитие болгарского национального движения вели к дифференциации идейных позиций болгарского студенчества в Москве. Уже во время пребывания в Москве внимание Каравелова-публициста постепенно концентрируется на задачах борьбы за национальное освобождение Болгарии.

Выступая сначала 60-х годов по вопросам церковно-национальной борьбы, развития болгарской литературы и просвещения, Каравелов в своей публицистике стремился отразить процесс развития болгарского освободительного движения, сделать его достоянием русской общественности. Вместе с процессом формирования Каравелова-писателя происходит дальнейшее развитие его общественно-политических позиций. Наиболее полное выражение программы Каравелова-политика в русской прессе происходит в конце 60-х годов, после его отъезда из России.

Второй период сотрудничества болгарского автора в русских периодических изданиях (1867-1869 гг.) характеризуется исключительно активной корреспондентской деятельностью в 1867 - начале 1868 г. Вынужденное прекращение публикаций Каравелова во 2-й половине 1868г., в связи с арестом и тюремным заключением, приводит к резкому сокращению его корреспонденций в 1869 г. Большое количество спорных анонимных статей в газете "Голос" в 1867 г. затрудняет изучение "русской" публицистики Каравелова этого периода.

Рассмотрение содержания проблемных материалов в русской прессе 1867-1869 гг. позволяет сделать вывод о непричастности Каравелова к публикации передовых статей в "Голосе". Их анализ показывает различия с ранней публицистикой болгарского автора и позицией Каравелова в это время. Отсутствие убедительных аргументов не дает основания считать Каравелова автором корреспонденций из Вены и Пешта, а также материалов в рубриках "Из славянских земель" и "Славянские земли" в этой же газете. Уточнению подвергнуты и факты сотрудничества болгарского публициста в газетах "Русские ведомости", "Иллюстрированная газета", "Русский инвалид". Список анонимных корреспонденций Каравелова, отмечавшихся различными пунктами отправки с Балканского полуострова и публиковавшихся преимущественно в "Голосе" и "Русских ведомостях", приведен в Приложении N 2.

Публицистика Каравелова представляет собой богатый источник для изучения истории болгарской литературы и общественно-политической мысли периода возрождения. Недостаточная изученность публицистики одного из крупнейших писателей и идеологов болгарского национального движения, первоочередность задачи уточнения его публикаций обусловили ограниченное рассмотрение в настоящей работе произведений Каравелова в русской периодике. Основное внимание уделено его политической программе, нашедшей отражение на страницах русских газет и журналов.

В своих статьях и корреспонденциях Л.Каравелов последовательно выступал за освобождение Болгарии революционным путем. Эта позиция резко отличала его от

деятелей реформистского течения, принадлежавших к различным по внешнеполитической ориентации группировкам. Идеологическое обоснование революционного пути освобождения Болгарии в работах Каравелова показывает, что он был защитником интересов крестьянства и мелкой городской буржуазии. Эта сторона идеологии Каравелова свидетельствует о последовательном развитии им идей основоположника национально-революционной идеологии в Болгарии Г.Раковского. Задача освобождения страны от турецкого ига являлась общенациональной, она поддерживалась болгарской буржуазией, отдельные слои и группировки которой стояли на революционных позициях. Однако в обосновании цели и методов ее достижения лежал тот водораздел, который отделял идейные течения внутри революционного потока в болгарском национальном движении.

Реальные условия освободительной борьбы болгарского народа, недостатки четнической тактики революционного движения составили в конце 60-х годов задачу создания внутренней революционной организации. Практическая и пропагандистская деятельность Каравелова показывает развитие тенденции высвобождения последовательно революционного движения от влияния колеблющихся буржуазных группировок и организаций. В то же время настойчивая пропаганда Каравеловым федеративных идей, прогрессивных по своему содержанию, несла в себе опасность недооценки насущных задач, стоявших перед болгарским революционным движением.

Место политической программы Каравелова в развитии национально-освободительной идеологии определяется ее классовым характером. Идеалистически воспринимая характер феодального землевладения, Каравелов в своих публицистических произведениях тем не менее выступал последовательно против усиления феодально-бюрократической эксплуатации и за свержение турецкого владычества. Предполагая таким образом решить не только задачу национального освобождения, но и вопрос о полном овладении землей, Каравелов защищал интересы крестьянства. Такая классовая обусловленность политической программы

Каравелова была важным моментом во внутреннем развитии борьбы за идеологическое преобладание в национально-революционном движении.

В болгарском освободительном движении идеологическая платформа Каравелова была шагом вперед к организационному обособлению приверженников складывавшейся революционно-демократической идеологии. Различия в социальной базе революционно-демократической идеологии в России, с одной стороны, и в Болгарии, с другой, определялись различиями в расстановке классовых сил в условиях освободительной борьбы. Особенностью идеологии Герцена, Чернышевского, Писарева и др. было сочетание революционного демократизма с идеями утопического социализма. Социальные задачи болгарских крестьянских революционеров 60-х годов входили составной частью в пропаганду национального освобождения, обоснование которого раскрывает их классовую основу. В этом смысле идеология Каравелова в развитии революционной мысли в Болгарии занимает важное место, являясь выражением классовых интересов крестьянства и мелкой городской буржуазии.

"Русская" публицистика Каравелова отражает процесс формирования его взглядов в 60-е годы. Одновременно произведения болгарского автора в русской периодике были его вкладом в пропаганду болгарского вопроса в России. В течение 60-х годов в русской прессе постоянно увеличивалось количество материалов о Болгарии. Во второй половине 60-х годов в России широко обсуждался вопрос о независимости Болгарии. Все это способствовало развитию движения всенародной поддержки освободительной борьбы болгарского народа, развернувшегося в России в 70-х годах прошлого столетия. Публицистическая деятельность Каравелова была весомым вкладом в развитие этого движения, послужившего одним из истоков тех отношений дружбы и сотрудничества между народами Болгарии и СССР, которые сложились в настоящее время на принципах пролетарского интернационализма.

**Список анонимных публикаций Л.Каравелова
в русской периодической печати
60-х годов XIX века**

1. Болгария. 14 декабря 1860 года. "Наше время", 9.I.1861, N 51, стр.834-835. Подпись - К.
2. Резня болгар. Из Бессарабии. Колония Кубей на русско-валахской границе. 12 декабря. "Наше время", 15.I.1861, N 1, стар.7-8. Подпись - Х.
3. Константинополь. 1 января 1861 года. "Наше время", 22.I.1861, N 2, стр.25.
4. Болгарская уния. "Наше время". 30.I.1861, N 3, стр.42-43. Подпись - К.
5. Болгарская уния. Константинополь. 1 января. "Наше время", 6.II.1861, N 4, стр.64-65. Подпись - К7
6. Константинополь. 10 января 1861 года. "Наше время", 13.II.1861, N 5, стр.80. Подпись - К.
7. Болгарские церковные дела. "Наше время", 13,27.II, 20.III.1861, NN 5,7,10, стр.78-80, 126-128, 169-170. Подпись - К.
8. Константинополь. 24 февраля 1861 года. "Наше время", 20.III.1861, N 10, стр.168-169.
9. Болгария, 6 мая. "Наше время", 14.VI.1861, N 20, стр.346. Подпись - К.
10. По поводу славянского отдела газеты "День". "Русская речь и Московский вестник", 4.I.1862, N 1, стр.3. Подпись - К.
11. Турция. Из Болгарии. "Московские ведомости", 6.VII.1862, N 147, стр.1176.
12. Турция. Из Белграда. "Московские ведомости", 11.VII.1862, N 151, стр.1206-1207.
13. Сербия и европейское равновесие. "Московские ведомости", 12.VII.1862, N 152, стр.1213-1214.
14. Турция и славяне. "Московские ведомости", 15.VII.1862, N 155, стр.1236-1237.

15. Турция. Движение в Болгарии. "Московские ведомости", 21.VII.1862, N 160, стр.1280.
16. Турция. Положение дел в Болгарии. "Московские ведомости", 27.VII.1862, N 165, стр.1320.
17. Турция. Волнения в Болгарии. "Московские ведомости", 1.VIII.1862, N 168, стр.1344.
18. Турция. Движение в Болгарии. "Московские ведомости", 8.VIII.1862, N 173, стр.1384.
19. Турция. Движение в Болгарии. "Московские ведомости", 15.VIII.1862, N 179, стр.1431.
20. Настоящее положение дел в Турции. "Московские ведомости", 21.VIII.1862, N 183, стр.1461.
21. Сербия и Константинопольские конференции. "Московские ведомости", 3.X.1862, N 214, стр.1710.
22. Турция. Общее состояние Болгарии. "Московские ведомости", 18.X.1862, N 227, стр.1819.
23. Народные балы. (Вечера, вечерницы). "Современное слово", 17,19.II.1863, NN 38,39, стр.149-150. 153-156 (в соавторстве с И.Г.Прыжовым).
24. Славянские известия. (Извлечения из писем и газет). "С.-Петербургские ведомости", 4.V.1863, N 99, стр.413.
25. Славянские известия. Герцеговина. "С.-Петербургские ведомости", 14.V.1863, N 107, стр.443.
26. Славянские известия. Босния. Болгария. "С.-Петербургские ведомости", 15.V.1863, N 108, стр.447.
27. Славянские известия. Сербия. Босния. "С.-Петербургские ведомости", 19.V.1863, N 112, стр.463.
28. Славянские известия. Болгария. (Корреспонденция "СПб.ведомостей"). Герцеговина. "С.-Петербургские ведомости", 23.V.1863, N 114, стр.471.
29. Славянские известия. Черногория. Кроация (Загреб). "С.-Петербургские ведомости", 29.V.1863, N 119, стр.491.
30. Славянские известия. Черногория, Герцеговина, Болгария. "С.-Петербургские ведомости", 7.IV.1863, N 127, стр.522.
31. Славянские известия. Босния. "С.-Петербургские ведомости", 14.VI.1863, N 134, стр.551.

32. Славянские известия. "Сербский дневник" о турках в Сербии. "С.-Петербургские ведомости", 14.VII.1863, N 158, стр.647.

33. Из Болгарии. "Московские ведомости", 15.V.1864, N 107. Подпись - Л.Калчо.

34. Из Константинополя. Константинополь. 11-го июля. "Московские ведомости", 26.VII.1864, N 165. Подпись - К.Л.

35. Из Турции. Константинополь. 15-го июля. "Московские ведомости", 2.VIII.1864, N 170. Подпись - К.Л.

36. Из Турции. Константинополь. 9-го августа. "Московские ведомости", 29.VIII.1864, N 190. Подпись - К.Л.

37. Из Константинополя. 16-го октября 1864. "Московские ведомости", 4.XI.1864, N 241. Подпись - К.Л.

38. Из Константинополя. 22 ноября 1864 г. "Московские ведомости", 10.XII.1864, N 271. Подпись - К.Л.

39. Из Турции. Константинополь. 13(25) февраля. "Московские ведомости", 2.III.1865, N 46. Подпись - Калчо.

40. Из Турции. Константинополь. 1-го марта. "Московские ведомости", 24.III.1865, N 65. Подпись - Калчо.

41. Из Константинополя (От нашего корреспондента). "Московская газета", 6.II.1866, N 6, стр.57.

42. Из Константинополя (От нашего корреспондента). "Московская газета", 13.II.1866, N7, стр.67.

43. Из Константинополя. 8-го февраля. "Московские ведомости", 4.III.1866, N 47. Подпись - К.Л.

44. Славянские известия. Белград. 4 сентября. "Голос", 1.X.1866, N 271. Подпись - Л-чо.

45. Из Белграда (Корреспонденция "Голоса"). "Голос", 13.XI.1866, N 314. Подпись - Л-чо.

Следующие корреспонденции Каравелова опубликованы после его отъезда из России.

46. Из Белграда, 6 января. "Русские ведомости", 23.II.1867, N 23.

47. Из Пешта, 9-го февраля. "Московские ведомости", 24.II.1867, N 45. Подпись - V.

48. Из Рушука. "Русский инвалид", 28.II(12.III).1867, N 59. Подпись- К.

49. Из Белграда, 18 февраля. "Русские ведомости", 2.III.1867, N 25.
50. Белград, 22-го февраля. "Голос", 2(14).III.1867, N 61. Подпись - S.
51. Из Рушука. "Русский инвалид", 12(24).III.1867, N 71. Подпись - K.
52. Из Белграда, 12 марта. "Русские ведомости", 21.III.1867, N 33.
53. Из Белграда, 18 марта. "Русские ведомости", 1.IV.1867, N 38.
54. С Черногорской границы. 21 марта. "Русские ведомости", 1.IV.1867, N 38.
55. Белград, 18(30) марта. "Голос", 6(18).IV.1867, N 96.
56. Зимнич (в Валахии), 23 марта. "Голос", 9(21).IV.1867, N 99.
57. Белград. 24 марта. "Голос", 9(21).IV.1867, N 99. Подпись - S.
58. Из Белграда, 28 марта. "Русские ведомости", 11.IV.1867, N 42.
59. Из Белграда. 4 апреля. "Русские ведомости", 15.IV.1867, N 44.
60. Белград, 18(30) марта. "Голос", 27.IV(9.V).1867, N 115.
61. Из Белграда. 9 апреля. "Русские ведомости", 27.IV.1867, N 47.
62. Из Филиппополя, 18 апреля. "Русские ведомости", 4.V.1867, N 50.
63. Белград, 24 апреля. "Голос", 4(16).V.1867, N 122. Подпись - L.S.
64. Из Белграда, 4 мая. "Русские ведомости", 13.V.1867, N 54.
65. Зимнич (в Валахии), 30 апреля(12 мая). "Голос", 13(25).V.1867, N 131.
66. Из Софии, 30 апреля (11 мая). "Голос", 18(30).V.1867, N 136. Подпись - Софийчанин.
67. Белград, 2(14) мая. "Голос", 18(30).V.1867, N 136. Подпись - S.

68. Бухарест, 1(13) мая. "Голос", 22.V(3.VI).1867, N 140. Подпись - Один из членов центрального болгарского комитета.
69. Белград, 5(17) мая. "Голос", 23.V(4.VI).1867, N 141.
70. Из Белграда. 9 мая. "Русские ведомости", 25.V.1867, N 59.
71. Иностранные известия (из Бухареста). "Русские ведомости", 25.V.1867, N 59.
72. Из Сербии. Белград, 13(25) мая. "Московские ведомости", 1.VI.1867, N 119. Подпись - V.
73. Из Софии, 15мая. "Русские ведомости", 1.VI.1867, N 62.
74. Белград, 18(30) мая. "Голос", 7(19).VI.1867, N 155.
75. Белград, 28 мая (9 июня). "Голос", 7(19).VI.1867, N 155.
76. Свищев, 1-го (13-го) июня. "Голос", 11(23).VI.1867, N 159.
77. Белград, 4-го (16-го)июня. "Голос", 15(27).VI.1867, N 163.
78. Из Свищова. 2-го июня. "Русские ведомости", 17.VI.1867, N 69.
79. Прокламация к болгарскому народу. Балканы, 1867, 1-го июня, "Голос", 22.VI(4.VII).1867, N 170. Подпись - Балканский родолюбец.
80. Свишов, 13-го (25-го) июня. "Голос", 24.VI(6.VII).1867, N172.
81. С Балканов. 1-го (13-го) июня. "Голос", 29.VI(11.VII).1867, N 177.
82. Иностранные известия (из Свищова). "Русские ведомости", 1.VII.1867, N 75.
83. Из Рушука, 22-го июня (4-го июля). "Голос", 5(17).VII.1867, N 183. Подпись - Грек.
84. Из Белграда, 20 июня. "Русские ведомости", 6.VII.1867, N 77.
85. Из Софии, 22 июня. "Русские ведомости", 8.VII.1867, N 78.
86. Иностранные известия (из Рушука). "Русские ведомости", 13.VII.1867, N 80.

87. Ниш, 27-го июня. "Голос", 14(26).VII.1867, N 192.
88. Иностранные известия (из Ниша). "Русские ведомости", 20.VII.1867, N 83.
89. Новый Сад, 22-го июня. "Голос", 20.VII(1.VIII).1867, N 198.
90. Бухарест, 26-го июня(8-го июля). "Голос", 20.VII(1.VIII).1867, N 198. Подпись - Один из членов болгарского комитета.
91. С Балканов. 30-го июня. "Голос", 21.VII(2.VIII).1867, N 199. Подпись - Один из членов болгарского комитета.
92. Белград, 14-го (26-го) июля. "Голос", 25.VII(6.VIII).1867, N 203.
93. С Балканов, 4-го июля. "Голос", 27.VII(8.VIII).1867, N 205. Подпись - Южный славянин.
94. Зимнич (в Валахии), 21-го июля (2-го августа). "Голос", 1(13).VIII.1867, N 210.
95. Иностранные известия (из Рушука). "Русские ведомости", 1.VIII.1867, N 88.
96. Из Болгарии. 6-го июля. "Иллюстрированная газета", 3.VIII.1867. Подпись - Л.К-в.
97. Белград, 26-го июля. "Голос", 5(17).VIII.1867, N 214.
98. Иностранные известия (из Зимнича). "Русские ведомости", 5.VIII.1867, N 90.
99. Иностранные известия(из Бухареста, из Болгарии). "Русские ведомости", 5.VIII.1867, N 90.
100. Из Филиппополя. 20 июля. "Русские ведомости", 8.VIII.1867, N 91.
101. С Черногорской границы, 20 июля. "Русские ведомости", 10.VIII.1867, N 92.
102. Иностранные известия (из Свищова). "Русские ведомости", 10.VIII.1867, N 92.
103. Белград. 15-го (27-го) июля. "Голос", 11(23).VIII.1867, N 220. Подпись - S.
104. Из Софии, 12 августа. "Русские ведомости", 26.VIII.1867, N 99.
105. Новый Сад, 12-го августа. "Голос", 2(14).IX.1867, N 242. Подпись - S.S.

106. Белград, 20-го августа. "Голос", 2(14).IX.1867, N 242.
107. Белград, 21-го августа. "Голос", 2(14).IX.1867, N 242.
108. Белград, 27-го августа. "Голос". 7(19).IX.1867, N 247.
109. Константинополь. "Голос", 8(20).IX.1867, N 248.
110. Иностранные известия (из Софии). "Русские ведомости", 12.IX.1867, N 106.
111. С черногорских границ. 6-го (18-го) августа. "Голос", 13(25).IX.1867, N 253
112. Рушук, 10-го сентября. "Голос", 19.IX(1.X).1867, N 259.
113. С Черногорской границы. 16-го (28-го) сентября. "Голос", 30.IX(12.X).1867, N 270.
114. Иностранные известия (из Болгарии, из Белграда). "Русские ведомости", 30.IX.1867, N 114.
115. Иностранные известия (из Белграда). "Русские ведомости", 3.X.1867, N 115.
116. Ниш. "Голос", 11(23).X.1867, N 281.
117. Белград, 26-го сентября. "Голос", 11(23).X.1867, N 281.
118. Рушук, 29-го сентября. "Голос", 19(31).X.1867, N 289.
119. Свишов, 29-го сентября (11-го октября). "Голос". 19(31).X.1867, N 289.
120. Иностранные известия (из Свишова, из Рушука, из Крагуеваца). "Русские ведомости", 24.X.1867, N 124.
121. Крагуевац, 5-го октября. "Голос", 25.X.(6.XI).1867, N 295.
122. Белград, 6-го октября. "Голос", 25.X(6.XI).1867, N 295.
123. Новый Сад, 18-го октября. "Голос", 4(16).XI.1867, N 305.
124. Белград, 19-го октября. "Голос", 4(16).XI.1867, N 305.
125. Иностранные известия (из Белграда). "Русские ведомости", 9.XI.1867, N 131.

126. Ниш, 20-го октября. "Голос", 10(22).XI.1867. N 311.
127. Бухарест, 6-го ноября."Голос".23.XI(5.XII).1867. N 324. Подпись - Один из членов болгарского комитета.
128. София, 1-го (13-го) ноября. "Голос", 3(15).XII. 1867, N 334.
129. С берегов Дуная. 11-го ноября. "Голос", 10(22).XII. 1867, N 341.
130. София, 18-го(30-го) января. "Голос". 7(19).II.1868, N 38.
131. Новый Сад, 21-го февраля (4-го марта)."Голос". 8(20).III.1868, N 68.
132. Рушук. 18-го февраля (1-го марта). "Голос", 10(22).III.1868, N 70.
133. Белград, 10-го(22-го) марта. "Голос", 31.III(12.IV).1868, N 91.
134. Новый Сад, 15-го (27-го) марта. "Голос", 6(18).IV.1868, N 95.
135. Иностранные известия (из Болгари). "Русские ведомости", 9.IV.1868, N 75.
136. Иностранные известия (из Болгарии). "Русские ведомости",11.IV.1868, N77.
137. Белград, 10-го (22-го)апреля."Голос", 30.IV(12.V). 1868, N 119.
138. Свишов, 21-го апреля. "Голос", 9(21).V.1868, N 128.
139. Босния, 11-го (23-го) мая. "Голос", 29.V.(10.VI).1868, N 147.
140. Белград, 8-го(20-го)июня. "Голос", 18(30).VI.1868, N 167.
141. Белград, 9-го июня. "Голос". 19.VI(1.VII).1868, N 168.
142. Белград, 12-го (24-го) июня. "Голос", 25.VI(7.VII).1868, N 174.
143. Из Болгарии, 3-го (15-го) августа. "Голос", 15(27).VIII.1869, N 224. Подпись - Л...
144. Из Болгарии. Рушук, 27-го августа (8-го сентября). "Голос", 3(15).IX.1869. N 243.
145. Из Болгарии. "Голос", 9(21).XII.1869. N 340.

*1 См. *К.Възова-Каратеодорова*. Вестник "Начало". Едно не осъществено начинание на Любен Каравелов. "Български журналист", 1969, кн.2. *Ее же*. Нови данни за дейността на Любен Каравелов през 1877-1878 г. "Музеи и паметници на културата", 1969, кн.3.

*2 Из различных данных о годе рождения принимаем как наиболее вероятную 1835 г. См. *Л.С.Каравелов*. Отново за фамилията и рождената дата на Любен Каравелов. "Исторически преглед", 1972, кн.3.

*3 См. *Л.Доросиев*. Бележки по развитието на учебното дело в Капривштица от 1822-1865 год. "Училищен преглед", 1897, кн.7-8.

*4 См. "Московские ведомости", 13.VII.1862, N 153.

*5 См. "Русский вестник", т.68, 1867, N 3.

*6 См. "Русский вестник", т.68, N 3, 1867. О влиянии Н.Герова на формирование взглядов Каравелова и их дальнейших отношениях подробно см.: *И.Конев*. Найден Геров и Любен Каравелов. "Език и литература", 1956, кн.5, стр.377-383.

*7 См. *Н.Я.(Н.В.Ястребов)*. Русское влияние на болгарскую литературу и язык. "Провителственний вестник", 17.VII.1905, N 154.

*8 Точную дату установить трудно. Н.А.Попов (см. "История Славянского благотворительного комитета в Москве. Второе пятилетие. 1863-1867." Вып.2. М., 1872, стр.22) указывал, что Кесяков прибыл в Москву в сентябре 1857г. Больше отвечает истине, видимо, дата, указанная К.Геровым в его письме из Москвы от 13.XI.1857 г. "Две недели назад, - писал он своему брату, - сюда прибыли К.Искров и Л.С.Каравелов". См. "Из архива на Найден Герова", т.1, стр.432.

*9 ОР ГБЛ, ф.231, Пог/II, п.23, е.х.52, л.34/2.

*10 "Из архивата на Найден Геров", т.1, стр.435.

*11 Памятники народного быта болгар, издаваемые Любеном Каравеловым. Кн.1, М., 1861.

*12 *Ф.Воропонов*. Сорок лет тому назад. стр.769.

*13 См. *Л.С.Ерихонов*. Л.Каравелов и И.А.Худяков. "Известия на Института за литература", 1967, т.18; *Ю.И.Смирнов*. Любен Каравелов и Иван Худяков. "Межславянские культурные связи", М., 1971.

*14 См. *К.А.Поглубко*. Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60-70 гг. XIX в.). Кишинев, 1972, стр.66-67.

*15 *В.И.Злыдов, И.И.Лециловская, Е.П.Львова*. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур. В кн. "История, культура, фольклор и этнография славянских народов", М., 1873, стр.331.

*16 *С.А.Никитин*. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. В кн. "История, культура, фольклор и этнография славянских народов", М., 1968, стр.75.

*17 *Н.Жечев*. Някои данни за българските ученически дружества през възраждане. "Известия на Института "Ботев-Левски". 1959, кн.3; *Е.Кирова*. Ученическите дружества и техните библиотеки в епохата на възраждане. "Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет", 1961, т.54, кн.1.

*18 *Н.А.Попов*. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве. Первое пятилетие (1858-1862). М., 1871, стр.72-73; *Л.С.Ерихонов*. Литературната дейност на българската дружина. "Език и литература", 1963, кн.6; *К.А.Поглубко*. Указ.соч., стр.56-58.

*19 ОР ГБЛ, ф.231, Пол./IV, п.2, е.х.89, лл.77/1-77/3.

*20 Цит. по: *А.Р.(А.В.Рачинский)*. Несколько слов о просвещении болгарского народа. "Русская беседа", ч.IV, 1857, кн.8, отд.V, стр.167.

*21 "Из архивата на Найдено Геров", т.1, стр.742.

*22 См. "Архив на Г.С.Раковски", т.II, стр.391-392.

*23 *Д.Фингов*. Спомени из живота ми. "Сборник на "Калиферска дружба", С., 1908, кн.I, стр.131.

*24 "Архив на Г.С.Раковски", т.II, стр.472-473.

*25 См. *С.А.Никитин*. Славянские комитеты в России в 1857-1876 гг. М., 1960.

*26 *Н.А.Попов*. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. стр.129.

*27 ОР ГБЛ, ф.231, Пол./II, п.14, е.х.84.

*28 ОР ГБЛ, ф.231, Пол./II, п.15, е.х.84.

*29 ОР ГБЛ, ф.231, Пол./IV, п.2, е.х.49.

*30 Я.О.О. (Я.О.Орел-Ошмянцев). О положении учащихся здесь болгар (По поводу самоубийства одного из них). М., 1860 (рукопись). ОР ГБЛ, ф.231, Пог./IV, п.2, с.х.90, л.76/4 об. О лучшем положении Даскалова среди других болгар свидетельствует заметка "От А.Н.Бахметова", где выписаны из отчета за 1859 г. данные о годовом вспомоществовании Славянского комитета 14 болгарским воспитанникам. Даскалов получил 325 руб., тогда как Запрянов - 268 руб., Теохаров - 263, Станишев, Жинзифов, Стоянов, Диамандиев, Вязанков - по 233 руб. и т.д. См. "Московские ведомости". 15.V.1860. N 106.

*31 Н.А.Попов. Из истории Славянского вып.I, стр.73.

*32 См. Л.С.Ерихонов. Литературната дейност на българската дружина. "Език и литература", 1963, кн.6.

*33 Н.Бончев. Литературна критика и публицистика. С., 1962, стр.196-197, 199-200.

*34 См. Б.Н.Билунов. К истории "Болгарской дружины" - организации болгарских студентов в Москве. В кн.: "Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время", М., 1974, стр.187-188.

*35 См. "Московские ведомости". 12.V.1868. N 101.

*36 Г.Гобза. Столетие Московской I-ой гимназии. 1084-1904. Краткий исторический очерк. М., 1903, стр.341.

*37 См. Х.Йонков. Двамата офицери от четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа. С., 1971.

*38 Выйдя в отставку в феврале 1866 г., поручик И.Христович отправился в Румынию, здесь он установил связи с деятелями Тайного центрального болгарского комитета, затем стал одним из главных руководителей четы Х.Димитра и С.Караджа. Отправившись в качестве секретаря четы в Болгарию, И.Христович героически погиб в бою с превосходящими силами турецких войск. По-иному сложилась судьба К.Станишева. После окончания математического факультета университета он преподавал греческий язык в I-ой московской гимназии, а затем и математику в лицее цесаревича Николая. В лицее Станишев прошел всю служебную "лестницу" и в 1888-1894 гг. был его директором. (См. "Историческая записка императорского лицея в память

цесаревича Николая за XXX лет. (1868-1898)", М., 1899, стр. 186, 611 и др.). Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. он участвовал в работе по подготовке гражданского управления в Болгарии (см. Один из бывших в Болгарии. Гражданское управление в Болгарии. "Новое время", 20.II.1878, N 712), был уполномоченным Красного креста (см. ОПИ ГИМ, ф.178, е.х.82, лл.17-18. Письмо Станишева к Д.А.Хомякову от 26.X.1877 гг.), некоторое время был вице-губернатором Раховской (Видинской) губерний. (См. Г.Тодоров. Временного русско управление в България през 1877-1879 гг. С., 1958, стр.80, а также ОПИ ГИМ, ф.178, е.х.82, л.20. Письмо Станишева к Д.А.Хомякову от 23.XII.1877 г.). После возвращения в Москву К.Станишев продолжил свою педагогическую деятельность, в 1894 г. вышел в отставку, принялся за составление своих воспоминаний, но эти его затеи прервала смерть 22 мая 1900 г. Определяющим для его деятельности в России и участия в болгарском движении были тесные связи с И.С.Аксаковым, М.Н.Катковым, П.М.Леонтьевым. Как отмечалось в одном из некрологов, Станишев "вполне проникся их взглядами ...до конца своей жизни был искренним, убежденным славянофилом" (см. В.Глазков. Памяти К.Н.Станишева. "Московские ведомости", 25.V.1900, N 143).

*39 ОР ГБЛ, ф.231, Пог./IV, п.2, е.х.89, л.77/1.

*40

*41 ОР ГБЛ, ф.231, Пог./IV, п.2, е.х.89, л.77/1 об.

*42 Там же.

*43 *Н.А.Попов*. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве. Первое пятилетие (1858-1862), стр.73.

*44 ОР ГБЛ, ф.86 (В.И.Григорович), д.4, е.х.58(а). Письмо Любена Каравелова от 5.V.1860 г.; "Публицистика", стр.569.

*45 "Публицистика", стр.574-575.

*46 Там же, стр.571-572.

*47 "Из архива на Любен Каравелов", С., 1964, стр.228.

*48 Пятидесятилетие Литературного фонда. 1859-1909. Общий очерк. По поручению комитета Литературного фонда составил А.А.Корнилов. СПб., 1909, стр.46.

*49 *В.Г.Карасев.* Из историје руско-српских револуционарних ве а у првој половини 70-х год. XIX в. "Историјски гласник", 1962, N 1-4; *его же.* К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. "УЗИС", 1966, т.XXX.

См. *Б.П.Козьмин.* Любен Каравелов и Светозар Маркович в их связи с русскими революционерами. "Каторга и ссылка". 1934, N 4-5; *В.Я.Гросул.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе(1859-1874), Кишинев, 1973, стр.368.

*51 См. *Кр.Шарова.* Указ.соч.; *Дж.Игњатович.* Любен Каравелов и сърбското общество. Ниш, 1969; *П.Кузманов.* Кнез Иван Кулин, С.,1971.

*52 *Дж.Игњатович.* Указ.соч., стр.124.

*53 *Дж.Игњатович.* Договор князя Михаила с "Добродетельной дружиной" о Югославянском царстве и некоторые события в 1867/1868 гг. В кн.: Actes du I-er Congres international des etudes Balkaniques et sud-est europeenes", Sofia, 1969, t.IV, s.176

*54 См. *Кр.Шарова.* Указ.соч., стр.180.

*55 "Архив на Г.С.Раковски", С., 1952, т.I, стр.430.

*56 *Кр.Шарова.* Указ.соч., стр.181.

*57 Там же, стр.184.

*58 См. *Б.Н.Билунов.* К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии. (На примере формирования взглядов Любена Каравелова). В кн.: "Проблемы всеобщей истории", М., 1973, стр.220.

*59 См. *Кр.Шарова.* Указ.соч., стр.244 и др. Болгарин В.Караконовский, работавший врачом в русском посольстве в Константинополе, писал в своей корреспонденции "Болгарские дела" о четах Хитова и Тотю: "Все эти отряды, как видно по всему, не действуют наступательно, а только ограничиваются тем, что беспокоят войска: вероятно они ожидают дальнейших распоряжений комитетов". См. "Одесский вестник", 1.VIII.1867, N 167.

*60 См. *Кр.Шарова.* Указ.соч., стр.215.

*61 Там же, стр.244.

*62 "Москва", 30.VI.1967, N 71.

*63 "Голос", 5(17).VII.1867, N 183.

*64 "Одесский вестник", 18.VIII.1867, N 181; "Москва", 18.VIII.1867, N 110; "Голос", 29.VIII(10.IX).1867, N238; "Киевлянин", 5.IX.1867, N 106.

*65 См. *К.Миятев*. Документи за българската и сръбската история из маджарските държавни архиви. 1868-1878.С., 1966, стр.71, 73, 76.

*66 См. *Кр.Шарова*. Указ.соч., стр.185-186.

*67 "Голос", 22.VI(4.VII).1867, N 170.

*68 "Голос", 22.VI(4.VII).1867, N 170.

*69 "Голос", 22.VI(4.VII).1867, N 170.

*70 См. *Кр.Шарова*. Указ.соч.; *П.Кузманов*. Кнез Иван Кудин; "Военно-исторически сборник", 1969, кн.І, стр.58-79.

*71 См. "Москва", 1.VIII.1867, N 96; "Голос", 30.VII(11.VIII).1867, N 208.

*72 Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина, ф.391 (А.А.Кравевский), а.е.413, лл.1-2; "Публицистика", стр.582. Из Сербии Каравелов писал также В.И.Ламанскому, М.П.Погодину, А.А.Котляревскому ("Публицистика", стр.577-583) и др. Переписывался Каравелов вероятно и с И.Г.Прыжовым, который в одной из своих библиографических заметок отмечал: "Несколько месяцев назад, когда в Белграде только что успели узнать, что готовится новое издание песен Шевченко, сейчас же составила подписка на них, в которой приняли участие сербы и болгары ..." См. "Голос", 29.VII(10.VIII).1867, N 207.

*73 См. "Голос", 8(20).III.1868, N 68.

*74 См. "Голос", 24.VII(2.VIII).1868, N 199. Здесь сообщалось, что основанием для ареста был факт "значительного перемигивания" между сербом М.Янковичем и Л.Каравеловым при известии о смерти Михаила Обреновича, а также то, что они "за день до совершения убийства принесли в новосадскую сберегательную кассу 1000 дукатов и 5000 гульденов в банковых билетах". Не называя имени Каравелова, "Русские ведомости" (24.VII.1868, N 161) писали: "В самый день убийства в Новом Саде у капитана Камбера были гости, и когда за обедом принесли депешу о смерти князя Михаила, сотрудник газеты "Застава" Милован Янкович

переглянулся с сидевшим за столом болгариним, и оба они так громко засмеялись, что это было замечено всеми почти гостями".

*75 См. *В.Крестич*. Писмата заради които Любен Каравелов бил арестуван след убийството на кнез Михаил Обренович. "Известия на научния архив на БАН", 1966, кн.3, стр.101-143.

*76 О пребывании Каравелова в заключении писали газеты "Русский", 7.IX.1868, N 50; "Голос", 1868, NN 246, 250, 357 и др.

*77 "Публицистика", стр.573-575.

*78 *М.Димитров*. Към вопросам за публицистичното наследство на Любен Каравелов. "Публицистика", т.2, стр.5-6.

*79 *М.Арнаудов*. Любен Каравелов. Живот, дело, епоха, стр.188 и др.

*80 *С.И.Сидельников*. Ценен извор ..., стр.91.

*81 *Л.С.Ерихонов*. Каравелов и невярна светлина. Его же. Руското общество и българската литература, стр.113 и другие работы.

*82 *Л.В.Воробьев*. Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество, стр.57.

*83 См. "Исследования и статьи за Любен Каравелов", стр.90.

*84 См. также *Б.Н.Билунов*. К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати. "Советское славяноведение", 1974, N 5, стр.50.

*85 "День", 21.X.1861, N 2. "Публицистика", стр.73-74.

*86 См. "Публицистика", стр.74, "Публицистика", т.2, стр.34.

*87 См. "Русская речь и Московский вестник", 4.1.1862, N 1, а также "Публицистика", стр.82.

*88 Там же.

*89 "Русская речь и Московский вестник", 4.1.1862, N 1, а также "Публицистика", стр.82-83.

*90 "День", 25.V.1863, N 21.

*91 "Московские ведомости", 12.VII.1862, N 152, а также "Публицистика", стр.86-88.

*92 См. "Публицистика", стр.103.

*93 См. "Публицистика". т.2, стр.107-108, а также стр.35-36, III.

*94 В.Жачек. Васил Д.Стоянов в Чехия (1858-1868). В кн. "Чехословакия и България през вековете". С.,1963, стр.57-104.

*95 В.Жачек. Указ.соч., стр.80.

*96 Там же, стр.83-84.

*97 См. "День", 28.X.1861, N 3.

*98 См. "День", 2.XII.1861, N 8; 20.X.1862, N 42 и др.

*99 Краледворска рукопис. Сбирка от старыченски юначки песни. М.,1863.

*100 Zdenek Urban. Nesname dopisy Rajka Zinzifova V.D.Stojanovovi a jelič vyznom. "Franku Wollmanovi k sedmdesatinam". Praha,1958, s.258-267.

*101 "С.-Петербургские ведомости", 15.V.1863, N 108, а также "Публицистика", т.2, стр.110-111.

*102 См. "Публицистика", стр.103.

*103 "Современное слово", 1.VII.1862, N 32.

*104 "День", 23.III. , N 12.

*105 См."Публицистика", стр.110.

*106 П.Орешков. Жинзифов като журналист. "Македонски преглед", 1928, кн.1, стр.81; Л.С.Ерихонов. Руского общество и българската литература. стр.250; "Райко Жинзифов. Публицистика", т.1, стр.19-20.

*107 "Из архива на Любен Каравелов", стр.331.

*108 Там же, стр.332.

*109 "День", 21.XII.1862,N 51.

*110 См. "Публицистика", т.2, стр.34.

*111 "День", 21.XII.1862, N 51.

*112 "День", 2.III.1863, N 9.

*113 Л.Ерихонов. Жинзифов в руския печат. "Литературна мисъл", 1963, кн.4, стр.77; "Райкр Жинзифов. Публицистика", т.1, с.19.

*114 "Очерки", 3.IV.1863, N 89.

*115 В.Г.Карасев. Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М.,1974, стр.98.

*116 "Очерки", 3.IV.1863, N 89.

*117 Там же.

- *118 "Голос", 1867, N 242, а также "Публицистика", стр.301.
- *119 *Н.А.Попов*. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. стр.135.
- *120 См. "Поэзия славян", СПб., 1871, стр.308.
- *121 *Б.П.Козьмин*. Журналистика шестидесятых годов XIX века. М., 1948, стр.7.
- *122 "Русские ведомости". 1863-1913. Сборник статей. М.,1913, стр.64.
- *123 "Речь и отчет, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета", М.,1860.
- *124 См. "Публицистика",стр.573.
- *125 "Наше время", 9.I.1861. N 52, "Публицистика", т.2, стр.95-96.
- *126 "Наше время", 30.I, 6.II.1861. NN 3.4. Статью из N 4 см. в "Публицистика", стр.51-54.
- *127 "Наше время", 13.II, 27.II, 20.III.1861, NN 5.7.10, а также "Публицистика", стр.55-66.
- *128 "Наше время", 13.II.1861,N 5. "Публицистика", стр.54.
- *129 "Наше время",14.VI.1861. N 20. "Публицистика", стр.67.
- *130 "Наше время", 12.I.1861, N 2.
- *131 "Наше время", 20.III.1861, N 10.
- *132 "Наше время", 15.I.1861, N 1.
- *133 См. "Архив на Г.С.Раковски", т.2, С.,1957, стр.770-772.
- *134 "Одесский вестник", 17.XII.1860, N 138.
- *135 "Северная пчела" 7.I.1861, N 5.
- *136 См."Северная пчела", 17.I, 19.I.1861, NN 13,15.
- *137 *С.Палаузов*. Болгарское переселение из Молдавии. СПб., 1861.
- *138 *И.С.Иванов*. Заметки о переселении болгар из Молдавии в Новороссийский край. Одесса, 1862.
- *139 "Наше время", 31.VII.1861, N 26.
- *140 Там же, стр.431.
- *141 *Л.С.Ерихонов*. Руското общество и българската литература, стр.115.

*142 "Московские ведомости". 11.V.1862, N 102, стр.817.

*143 *И.Снегирев*. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М.,1861, стр.109.

*144 См. "Москвитянин", 1842, N 11. Ф.Буслаев также критически отозвался на работу И.Снегирева в рецензии в "Отечественные записки", N 9.

*145 Об этом писал, например, И.А.Худяков в "Материалы для изучения народной словесности". СПб.,1863, стр.17.

*146 *П.В.Быков*. Материалы для словаря псевдонимов. "Российская библиография". 13.IX.1881, N 93, стр.365.

*147 См. *Л.Блюммер*. Чему могут служить лубочные картины. СПб.,1859; *его же*. Современные лубочные картины. СПб.,1860.

*148 *К.А.Копержинский*. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России. стр.191.

*149 "Московские ведомости". 12.VII.1862, N 152; "Публицистика", стр.86-88.

*150 "Московские ведомости". 15.VII.1862; "Публицистика", стр.96-97.

*151 *Л.С.Ерихонов*. Руского общество стр.117.

*152 См. "Исследования и статьи за Любен Каравелов", стр.90.

*153 *Л.С.Ерихонов*. Руского общество стр.115.

*154 Там же, стр.117.

*155 "Московские ведомости", 1862, NN 48,52,64,98,129,131.

*156 *Л.С.Ерихонов*. Указ.соч., стр.117.

*157 *С.И.Сидельников*. Цена извор ..., стр.91. *М.Арnaudов*. Любен Каравелов. Живот, дело, эпоха, стр.187-188. *Кр.Шарова*. Любен Каравелов и българското освободително движение. 1860-1869, стр.41,43.

*158 "Московские ведомости", 5.VII.1862, N 146.

*159 *В.Г.Карасев*, *В.И.Фрейдзон*. Сотрудничество хорватского публициста Имбро Ткалаца в "С.-Петербургских ведомостях" (1863-1865). В кн. "Славяне и России". М.,1972, стр.171,177.

*160 Из Иваноково В.Ф.Корш писал 14 июня 1862 г. историку В.И.Герье, приглашая его сотрудничать в "С.-Петербургских ведомостях" с условием планы "7 копеек за печатную строку в 40 букв". См. ОР ГБЛ, ф.70 (В.И.Герье), п.45, е.х.28.

*161 "Московские ведомости". 20.III.1862, N 62.

*162 Для характеристики журналистских связей Каравелова в России интерес представляет и личность Митрофана Павловича Щепкина (1832-1908). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, он с 1859 г. становится помощником редактора "Московских ведомостей" (В.Ф.Корша), а с 1862 г. доводит издание до конца года, т.е. до передачи его в аренду М.Н.Каткову и П.М.Леонтьеву. Вместе с научными интересами М.П.Щепкина в области политэкономии его характеризует активная журналистская деятельность. Начав с 1863 г. сотрудничать в газете "Русские ведомости" (редакторы Н.Ф.Павлов и Н.С.Скворцов), Щепкин становится вместе с Н.С.Скворцовым соредактором этого органа в 1866-1869 гг., т.е. в период активного участия в "Русских ведомостях" Любена Каравелова. Впоследствии Щепкин предпринимает издание газеты "Русская летопись", однако его либеральные взгляды вызвали цензурные преследования. За публикацию некролога А.И.Герцена М.П.Щепкин был вынужден оставить кафедру политэкономии в Петровской академии, а издание "Русской летописи" было вскоре запрещено. (См. "Митрофан Павлович Щепкин". М., 1910, а также "Русские ведомости". Сборник статей. 1863-1913. М., 1913, стр.207). Хотя о характере связей М.П.Щепкина с Л.Каравеловым трудно судить ввиду отсутствия достоверных источников, их знакомство на поприще журналистики не вызывает сомнений.

*163 "Московские ведомости". 13, 14.VII.1862, NN 153, 154.

*164 Там же, 6.II, 21,27.VII, 1,8,15.VIII, 18.X.1862, NN 147,151,160,165,168,173,179,227.

*165 Сравни "С.-Петербургские ведомости", 20,21,25.VII.1862, NN 157,158,161 (о волнении в Тырново, легионе Раковского и т.д.).

- *166 "Современное слово", 29.VII. 16.X.1862, NN 50,110.
- *167 "Московские ведомости", 28.IV.1862, N 92.
- *168 Там же, 21.VIII.1862, N 183.
- *169 Там же, 3.X.1862, N 214. В начале 1862 г. при редакторе В.Ф.Корше на первом месте в "Иностранных известиях" были напечатаны еще две статьи "Сербские дела" (31.I.1862, N 24) и "Положение дел в Герцеговине" (24.II.1862, N 42), извлеченные из "Ост унд вест". Наличие прямых связей В.Ф.Корша с редактором последнего издания (см. В.Г.Карасев, В.И.Фрейдзон. Указ.соч..) не позволяет без дополнительных исследований решить вопрос о причастности Каравелова к публикации этих статей, тем более, что они появились ранее бесспорной даты начала сотрудничества его в "Московских ведомостях" - 20 марта.
- *170 К.А.Копержинский. Журнально-публицистическая ..., стр.192.
- *171 "С.-Петербургские ведомости", 29.V.1863, N 119.
- *172 Там же, 14,15,19,23.V, 5,7.VI.1863, NN 17,108,112,114,125,127.
- *173 "Публицистика", т.2, стр.109-125.
- *174 Л.С.Ерихонов. Руского общество ..., стр.117.
- *175 "С.-Петербургские ведомости", 1863, NN 39,61,74,116,130,139,142,151.
- *176 См. С.А.Никитин. Южнославянские связи..., стр.112. Подпись П.Д. стоит и под корреспонденцией из Дрездена в "С.-Петербургских ведомостях" 4.II.1863г., в это же время П.Дубровский был в Дрездене. См. РО ГБЛ, ф73911, д.348.
- *177 См. "Публицистика", т.2, стр.111, 114.
- *178 Л.С.Ерихонов. Руского общество ..., стр.117.
- *179 "С.-Петербургские ведомости", 4,14,15,- 19,23,29.V, 7,14.VI, 14.VII.1863, NN 99,107,108,112,114,- 119,127,134,158.
- *180 "С.-Петербургские ведомости", 5.VI.1863, N 125.
- *181 "С.-Петербургские ведомости", 20.VII.1863, N 163. "Славянские известия" в этом номере газеты вообще выпали из поля зрения исследователей.

*182 *Н.С.Шумада*. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки. (Період болгарського відродження). Київ, 1963, стр.80-81.

*183 *Л.Минкова*. Творчество на Тарас Шевченко в публицистиката на Любен Каравелов. "Известия на Института за литература", 1966, кн.ХVIII-ХІХ, стр.374-275.

*184 *М.Д.Бичваров, В.С.Горьский*. Українско-болгарські філософські зв'язки. Друга половина ХІХ ст. Київ, 1966, стр.62.

*185 *М.А.Альтам. И.Г.Прыжов и его литературное наследие*. В кн. "И.Г.Прыжов. Очерки, статьи, письма". М.-Л., 1934; *А.Р.Мазуркевич. И.Г.Прыжов. Из истории русско-украинских литературных связей*. Киев, 1958.

*186 См. *П.С.Рейфман*. Демократическая газета "Современное слово". "Учебные записки Тартусского университета". Тарту, 1962, вып.12.

*187 "Современное слово", 28.XI.1862, N 146.

*188 *К.Студинський*. Галичина й Україна в листуванні 1862-1864 р.р. Матеріали до Історії української культури в Галичині та її зв'язків з Україною. Харків-Київ, 1931, стр.111.

*189 "Современное слово", 17.19.II.1863, NN 38,39.

*190 *И.Трофимов*. Неизвестные рукописи ученого-революционера. "Русская литература". 1966, N 3, стр.159-161. Рукописное наследие И.Г.Прыжова исследуется в статье "Вопросы истории России в трудах И.Г.Прыжова" книги *А.Н.Цамутали*. Очерки демократического направления в русской историографии 60-70-х годов ХІХ в. Л., 1971, стр.142-185.

*191 *Л.С.Ерихонов*. Русское общество ..., стр.67.

*192 "Из архива на Любен Каравелов", стр.427,428.

*193 "Публицистика", стр.573.

*194 *В.Г.Карасев*. Сотрудничество сербского демократа Живоина Жуевича в газете "С.-Петербургские ведомости" в 1864 г. (Опыт историко-ведческого исследования). "Советское славяноведение", 1968, N 6; *его же*. Сербский демократ Живоин Жуевич ..., стр.148-295.

*195 "С.-Петербургские ведомости", 1864, N 151, "Публицистика", т.2, стр.129-131.

*196 *Р.Жинзифов*. Публицистика, т.1, стр.156-164.

- *197 "День", 4.VII.1864, N 27.
- *198 См., например, *Л.С.Ерихонов*. Руското общество ..., стр.116; *Ц.Унджиева*. Любен Каравелов. Литературни позиции. Изграждането на белетриста. Майстор на фейлетона. С.,1968, стр.74; *Кр.Шарова*. Указ.соч., стр.37, и др.
- *199 *Любен Каравелов*. Страници из книги страдания българского племени. М.,1868, стр.142-158.
- *200 "Московская газета", 23.30.I.1866. NN 4,5.
- *201 "Московская газета", 9.I, 10.IV.1866. NN 2,14.
- *202 Начало очерка "Святки у болгар" опубликовано в N 2, а в N 3 "Московской газеты" от 16.I.1866 помещена заметка И.Г.Прыжова "Библиография".
- *203 См. ОПИ ГИМ, ф.304 (Н.П.Бочаров).
- *204 "Московская газета", 10.IV.1866. N 14.
- *205 "Московская газета", 9.I.1866. N 2.
- *206 См. "Московская газета", 6.13.II.1866. NN 6,7.
- *207 Московский житель. Московская жизнь. "Голос", 4.II.1866. N 35. Здесь, в частности говорится о "Московской газете", что "по первым выпшедшим номерам она успела уже заявить себя далеко не политическою, так как самые коротенькие компиляции из иностранных известий едва ли могут, хоть сколько-нибудь, оправдывать название газеты политической". См. также "Московские ведомости", 1866, N 14.
- *208 *К.А.Поглубко*. Указ.соч., стр.66-67.
- *209 См. *Л.С.Ерихонов*. Руското общество ..., стр.116.
- *210 В том числе и один из идейных противников Каравелова *Т.Шишков*. См. *В.Велчев*. Българският кореспондент на Херценовия "Колокол". "Литературен фронт", 31.I.1974, бр.5.
- *211 БИА-НБКМ, ф.65.а.е.11А5091.
- *212 См. Объяснение *М.Н.Каткова* министру народного просвещения в работе *Н.Барсукова*. Жизнь и труды *М.П.Погодина*. СПб., 1902, т.XVI, стр.273-274.
- *213 См. *Р.Жинзифов*. Публицистика, тт.1-2.
- *214 См. некролог "К.Н.Станишев" в "Московские ведомости", 23.V.1900, N 141, а также "Историческая записка императорского лицея в память цесаревича Николая за XXX лет ..., стр.611.

*215 См. *С.А.Никитин*. Южнославянские связи ..., стр.106. БИА-НБКМ, ф.716 (Т.Бурмов), а.е.175, л.1, а.е.367, лл.1-20.

*216 "Публицистика", стр.121-122.

*217 "Московские ведомости". 15.V.1864, N 107.

*218 "Московские ведомости", 2.III.1865, N 46.

*219 "Московские ведомости". 24.III.1865, N 65.

*220 Там же, 21.VII, 2, 29.VIII, 4.XI, 10.XII.1864, NN 165, 170, 190, 241, 271; 4.III.1866, N 47.

*221 Там же, 2.VIII.1864, N 170 и др.

*222 "Московские ведомости", 10.XII.1864, N 271.

*223 Кроме указанных, в этой газете помещена еще одна корреспонденция из Константинополя ("Московские ведомости", 20.I.1866, N 15), подписанная одной буквой К. Изложение в ней событий, связанных с эпидемией холеры, позволяет предположить авторство болгарина В.Караконевского, работавшего после окончания медицинского факультета университета в 1864 г. врачом в русском посольстве в Константинополе и писавшего в русские газеты. Сам Караконевский принимал активное участие в подавлении вспышки холеры, о чем сообщали болгарские газеты "Время" (21.VIII.1865) и "Турция" (31.VII.1865).

*224 "Публицистика", стр.123-128.

*225 См. *Л.С.Ерихонов*. Л.Каравелов в невярна светлина.

*226 См. *С.И.Сидельников*. Цenen извор ..., стр.91.

*227 См. "Публицистика", т.2, стр.35.

*228 "День", 30.V.1864, N 22.

*229 "Московские вдомости", 21.VIII.1862, N 183.

*230 "С.-Петербургские ведомости", 4.V.1863, N 99.

*231 "Московские ведомости", 4.XI, 10.XII.1864, NN 241, 271.

*232 См. *П.Орешков*. Жинзифов като журналист, стр.83; Р.Жинзифов. Публицистика, т.1, стр.20, т.2, стр.305 и др.

*233 См. *Р.Жинзифов*. Публицистика. т.1, стр.139-141, 144-149.

*234 *С.И.Сидельников*. Цене извор ..., стр.94.

*235 *С.И.Сидельников*. Созданиe и деятельность первого Болгарского революционного комитета (1868-1873 гг.). Рукопись докторской диссертации. Харьков. 1962, стр.161.

*236 *С.И.Сидельников*. Участие на Любен Каравелов ..., стр.68, 69, 73.

*237 *Л.С.Ерихонов*. Руского общество ..., стр.154-157.

*238 *С.А.Никитин*. Южнославянские связи стр.118-119.

*239 "Русский биографический словарь", СПб., 1913, т.25, стр.194-195, а также РО ГПБ, ф.391, д.386 (Письма А.М.Зубарева к А.А.Краевскому 1866-1867 гг.).

*240 См. "Публицистика", стр.17.

*241 "Голос", I.X, 13.XI.1866, NN 271.314.

*242 См. напр., *Личо Стойчев*. За въздухът ... Букурещ, 1872 и др.

*243 См. "Публицистика", стр.137, 147, т.2, стр.32-33.

*244 *С.И.Сидельников*. Ценен извор ..., стр.94.

*245 ОР ГБЛ, ф.231, Пог.П, п.17, е.х.11, д.30.

*246 РО ГПБ, ф.391, д.667 (Письмо С.А.Рогая к А.А.Краевскому от 5.XII.1863).

*247 *В.Г.Карасев*. Сербский демократ Живоин Жуевич..., стр.133-147.

*248 *В.Г.Карасев*. Указ.соч., стр.143.

*249 См. *М.Горчаков*. Современное положение болгар в религиозном отношении (по немецким газетам). "Вестник юго-западной и западной России", Киев, 1863, т.IV, кн.11 и др.

*250 *А.Родосский*. Биографический словарь студентов первых 28-и курсов С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1907, с.116.

*251 РО ГПБ, ф.391, д.269.

*252 См. *В.О.Михневич*. Пятнадцатилетие газеты "Голос". 1863-1877. СПб., 1878, стр.6.

*253 Сравни оценку церковной борьбы в обеих статьях: "под каноническими и историческими доводами" она скрывала "чисто денежный вопрос". "Голос", 8.III.1866, N 67 и 21.VIII.1866, N 230.

*254 "Голос", 8.III.1866, N 67.

*255 "Из архива на Любен Каравелов". стр.332.

*256 "Голос", 21.VIII.1866, N 230.

- *257 "Голос", 24.IX.1865, N 264.
- *258 *С.И.Сидельников*. Ценен извор ..., стр.94-95.
- *259 См. "Публицистика", стр.83,95,148,150.
- *260 См. *М.Арнаутов*. Любен Каравелов ..., стр.811.
- *261 "Голос", 18.XI.1865, N 319.
- *262 *М.Арнаутов*. Указ.соч., стр.204-305
- *263 "Московские ведомости". 13.14.VII.1862, NN 153,154.
- *264 "Русская речь и "Московский вестник". 4.I.1862. N 1.
- *265 "Библиографические записки". 1861, т.III, NN 9,15.
- *266 "Наше время", 30.I. 6.II.1861. NN 3,4.
- *267 "Наше время", 13.27.II, 20.III.1861, NN 5,7,10.
- *268 "Московские ведомости", 21.VII, 2,29.VIII, 4.XI, 10.XII.1864, NN 165,170,190,241,271; 2.III.1865, N 46; 4,24.III.1866, NN 47,65.
- *269 "Голос", 1.X, 13.XI.1866, NN 271,314.
- *270 "Московские ведомости", 13.VII.1862, N 153.
- *271 Полузабытая в настоящее время деятельность **Э.Васкидовича** и его заслуги в деле болгарского просвещения отмечаются в работах: *Т.Крыстанов*. Емануил Васкидович - едно забравено име. "Жар", 17.V.1973; *его же*. Познаваме ли българина Емануил Васкидович? "Учителско дело", 12.III.1974, бр.II (2019) и др.
- *272 "Московские ведомости", 14.VII.1862, N 154.
- *273 См. "Из архива на Любен Каравелов", стр.331-334.
- *274 См. *Л.Минкова*. Скакво може дасе помогне на българите? "Литературна мисъл", 1963, кн.I; *Кр.Шарова*. Указ.соч., стр.48-78.
- *275 См. "Библиографические записки", 1861, т.3, NN 9,15, стр.277-280,467-471; "Московские ведомости", 1861, т.3, 14.VII.1862, NN 153,154 и др.
- *276 См. "Известия на Института за българската литература", 1958, кн.6.
- *277 В свете "Объяснения" Каравелова не вполне основательным представляется подчеркивание факта субсидирования издания "Памятники ..." **И.С.Аксаковым**. См.

В.Я.Гросул. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859-1874). Кишинев, 1873, стр.367 и др.

*278 "Българска пчела", 16,23,30.VI, 10.VII.1864, NN 3-6.

*279 "Северная пчела". 30.V, 1.13,24.VI.1860, NN 120,122,132,142.

*280 См. ОР ГБЛ,ф.86, д.4, с.х.104. Письмо С.Н.Палаузова к В.И.Григоровичу от 27.IX.1860 г.

*281 "Из архивана Любен Каравелов", стр.39. В его архиве сохранились любопытные "Записки о России", где говорится: "Вошедши в комнату, я увидел попа за штофом водки, которую он тянул с какими-то оборванными и запачканными людьми, похожими скорее на жуликов, чем на служителей алтаря. Увидев меня, священник сильно выпивши, обратился ко мне с жарким потоком укорительных слов. Он вопил против мятежного духа болгар, против их ненависти к святому патриарху и его апостольской власти, потом разговорился о заслугах греческого духовенства и кончил желанием "чтоб болгары во всем слушались святого отца и т.д."

*282 БИА-НБКМ, ф.113, а.е.29, л.15-6.

*283 "Наше время", 6.II.1861, N 4.

*284 "Наше время", 6.II.1861, N 4.

*285 "Наше время", 9.I.1861, N 52.

*286 Там же.

*287 "Наше время", 30.I.1861, N 3.

*288 "Наше время", 13.II.1861, N 5.

*289 *Д.Косев. Новая история Болгарии. М.,1952, стр.251.*

*290 На работу Х.Даскалова "Возрождение болгар ..." ссылался Каравелов в своей записке "Чем можно помочь болгарам?" См. *Л.Воробьев. К вопросу о пребывании Любена Каравелова в Московском университете. "Известия на Института за българската литература", 1960, кн.9, стр.281. В примечаниях ошибочно указано, что речь идет о неизвестной брошюре.*

*291 См. "Библиографические записки", 1861, N 9; "Московские ведомости", 14.VII.1862, N 154.

*292 См. *Б.Н.Билунов*. К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии. (На примере формирования взглядов Любена Каравелова). В кн.: "Проблемы всеобщей истории", М., 1973, стр. 215.

*293 "Наше время", 9.I.1861, N 52.

*294 См. "Московские ведомости", 15.V. 29.VIII.1864, NN 107, 190, 24.III.1865, N 65 и др.

*295 "Наше время", 6.II.1861, N 4.

*296 "Наше время", 6.II.1861, N 4.

*297 Там же.

*298 С.ПЛЭВ (С.Н.Палаузов). Болгарские христиане в Турции. "Северная пчела", 24.VI.1860, N 142.

*299 См. "Северная пчела", 27.I.1861, N 22.

*300 "Русская речь и Московский вестник", 4.I.1862, N 1.

*301 "Наше время", 13.II.1861, N 5.

*302 Там же.

*303 См. "Публицистика", стр. 625; "Московские ведомости", 2.III.1865, N 46.

*304 "Русская речь и Московский вестник", 4.I.1862, N 1.

*305 "Московские ведомости", 14.VII.1862, N 154.

*306 См. "Московские ведомости", 11, 21, 27.VII, 1, 8, 15.VIII.1862, NN 151, 160, 165, 168, 173, 179.

*307 "С.-Петербургские ведомости", 4.V.1863, N 99.

*308 Там же.

*309 "С.-Петербургские ведомости", 15.V.1863, N 108.

*310 См. "Московские ведомости", 4.XI.1864, N 241.

*311 См. "Московские ведомости", 10.XII.1864, N 271.

*312 Там же, 2.III.1865, N 26.

*313 "Голос", 1.X.1866, N 271.

*314 Там же.

*315 Там же.

*316 "Голос", 1.X.1866, N 271.

*317 Там же.

*318 "Голос", 13.XI.1866, N 314.

*319 "Голос", 13.XI.1866, N 314.

*320 ОР ГБЛ, ф. 231, Подл, п. 2, с. х. 89, лл. 77л-77л об.

*321 См. *М.Димитров*. Любен Каравелов, а также другие его работы.

*322 См. *Л.С.Ерихонов*. Мировоззрение Любена Каравелова, стр.157 и др.

*323 См. *В.Я.Гросул*. Указ.соч., стр.368.

*324 См. *М.Димитров*. Към въпроса ..., стр.8.

*325 *С.А.Никитин*. Южнославянские связи ...

*326 См. *С.И.Сидельников*. Ценен извор ..., стр.94,95, где наряду с другими рассматриваются корреспонденции в "Голос", 1867, N 198,270, "Русские ведомости", 1867. NN 42,44, 54,59,69,91, которые ранее были определены С.А.Никитиным как принадлежащие Каравелову.

*327 См. "Публицистика", стр.29.

*328 "Публицистика", стр.236-237. 278-280, 287-290, 357-360.

*329 *С.И.Сидельников*. Ценен извор стр.94-95.

*330 См. "Публицистика", стр.169-174. 178-188. 190-196, 204-212, 215-218, 240-245, 250-258, 263-265, 297-300.

*331 См. *Л.С.Ерихонов*. Каравелов в невярна светлина; *его же*. Руското общество и българската литература. Очерци, стр.123-130.

*332 *С.И.Сидельников*. Ценен извор стр.92-93.

*333 Там же, стр.94-95.

*334 *С.И.Сидельников*. Участието на Любен Каравелов ..., стр.82.

*335 *М.Арnaudов*. Указ.соч., стр.815-821.

*336 *Кр.Шарова*. Указ.соч., стр.116.

*337 В более широком плане, для рассмотрения отношения болгарской общественности к Критскому восстанию, эту же анонимную статью из русской газеты использует Н.Данова. См. *Н.Данова*. Критското въстание през 1866-1869 гг. и българската общественост. "Исторически преглед", 1971, кн.6, стр.61.

*338 *А.Н.Степанов*. Газета А.А.Краевского "Голос" (1863-1883). в Кн.: "Журналистика и литература", М.,1972, стр.142.

*339 См. *С.Н.Семанов*. А.М.Горчаков. Русский дипломат XIX века. М.,1962, стр.55; *А.Н.Степанов*. Указ.соч., стр.142; *Л.С.Крихонов*. Руското общество ..., стр.123-124; об

этом говорится в рецензии *И.В.Козьменко* на работу *С.А.Никитина* "Очерки по истории южных славян" ... См. "Советское славяноведение", 1974, N 3, стр.104.

*340 *С.А.Никитин*. Очерки по истории южных славян...".стр.237-238 и др.

*341 "Голос", 26.X.(7.XI).1867. N 296.

*342 *Л.С.Ерихонов*. Руского общество ..., стр.123-130.

*343 "Голос", 18.II(2.III).1867. N 49. Автором этой статьи *С.И.Сидельников* (см. "Исторически преглед", 1959, кн.6, стр.94-95) считал *Каравелова*.

*344 "Голос", 25.II(9.III).1867, N 56: "Публицистика", стр.169-174.

*345 "Голос", 4(16).III.1867, N 63: "Публицистика", стр.181-187.

*346 Несмотря на это в рецензии *С.И.Сидельникова* на "Публицистику" ("Исторически преглед", 1956, кн.6, стр.92-93) отрицается авторство *Каравелова* в отношении второй статьи, но признается - в отношении первой.

*347 "Голос", 4(16).III.1867, N 63. Здесь говорилось: "Из Парижа возвращались уже с иным складом мыслей, наслушавшись лекций *Сиприама Робера* и особенно *Духинского*. Оттуда возвращались сербы-"паризлии", имеющие много общего с тою партией образованных сербов, которые вращались в кружке русских обоеденных. Эти люди, воображающие себя радикалами, а между тем оторвавшиеся от корня и почвы".

*348 "Голос", 8(20).I.1867, N 8. Здесь говорилось, что славяне, учившиеся по западным книгам, смотрят на Россию "глазами *Духинского*, *Анри Мартена*, де *Мазада* и *Сен-Мари Жирардена*. Этим людям, гордым тем, что они нахватались поверхностных знаний в сокровищнице европейской мудрости, подобно сербским "паризлиям", учившимся в Париже. ...страшна и неприятна Россия".Сравни у *В.И.Ламанского*: "паризлии ... своим ложным, поверхностным образованием в Париже совершенно отрываются и от всего народа". См. *В.И.Ламанский*. Сербия и южнославянские провинции Австрии. "Отечественные записки", 1864. т.152, N 1-2, стр.696.

*349 "Голос", 4(16).III.1867, N 63. В другой своей статье (см. "Голос", 1867, N 8) этот же автор по другому поводу

ссылался на работу Ракича "Голос из Сербии" (см. "Русское слово", 1864, N 5), где также давалась хвалебная оценка Святоандреевской скупщины.

*350 См. "Голос", 23.II(7.III).1867^ N 54.

*351 "Голос", 8(20).I.1867. N 8.

*352 "Голос", 31.I(12.II).1867, N 31.

*353 "Голос", 6(18).IV.1867, N 96: "Публицистика", стр.191-195.

*354 Там же.

*355 "Голос", 31.I(12.II).1867, N 31.

*356 "Голос", 6(18).IV.1867, N 96: "Публицистика", стр.194.

*357 "Голос", 23.II(7.III).1867^ N 54.

*358 Там же, 17(29).V.1867, N 135: "Публицистика", стр.215-218.

*359 "Голос", 25.VI(7.VII).1867, N 173: "Публицистика", стр.250-258.

*360 См. "Голос", 13,15,17,18.VI.1867, NN 161,163,165, 166.

*361 "Голос", 21.VIII(2.IX).1867, N 231: "Публицистика", стр.297-300.

*362 См. *А.Арнаудов*. Любен Каравелов ..., стр.815-821; *Л.С.Ерихонов*. Руското общество ..., стр.127-129 и др.

*363 *Л.Каравелов*. Южнославянская библиография за 1867 г. "ЖМНП", ч.138, июнь; "Публицистика", стр.393.

*364 *Л.С.Ерихонов*. Руското общество стр.120.

*365 *М.Арнаудов*. Указ.соч., стр.816.

*366 *Л.Каравелов*. Указ.соч.; "Публицистика", стр.393.

*367 *Л.Н.Алексашкина*. О.М.Боянский. К истории возникновения славяноведения в России. В кн.: "Проблемы всеобщей истории", М.,1973, стр.211.

*368 *Л.Каравелов*. Указ.соч.; "Публицистика", стр.386.

*369 См. "Голос", 1867, NN 179,184.

*370 См. *Б.П.Козьмин*. Революционное подполье в эпоху "белого террора", М.,1929, стр.48-49.

*371 "Голос", 14(26).V.1867, N 132. Об авторстве Каравелова говорилось в работе С.И.Сидельникова (см. "Исторически преглед", 1959, кн.6, стр.94-95).

- *372 "Голос", 14(26).VII.1867, N 192. "Публицистика", стр.263-265.
- *373 "Голос", 14(26).V.1867, N 132.
- *374 "Публицистика", стр.264.
- *375 "Голос", 6(18).V.1867, N 124; "Публицистика", стр.204-210.
- *376 "Голос", 12(24).V.1867, N 130; "Публицистика", стр.210-212.
- *377 "Голос", 7(19).III.1867, N 66. Здесь приводилась цитата из статьи французского публициста, считавшего, что России "хочется съесть артишок, обирая его по листу, да съесть так ловко, чтоб прочие державы не имели права жаловаться".
- *378 "Голос", 1(13).VI.1867, N 150.
- *379 *С.И.Сидельников*. Ценен извор..., стр.94-95.
- *380 *С.И.Сидельников*. Участие на Любен Каравелов..., стр.76.
- *381 "Голос", 1(13).VI.1867, N 150.
- *382 "Голос", 4(16).V.1868, N 123. Об авторстве Каравелова см. *С.И.Сидельников*. Ценен извор..., стр.94-95.
- *383 "Голос", 4(16).V.1868, N 123.
- *384 См. "С.-Петербургские ведомости", 4.V.1863, N 99; "Московские ведомости", 10.XII.1864, N 271 и др.
- *385 "Голос", 22.VI.(4.VII).1867, N 170; "Публицистика", стр.240-245.
- *386 "Голос", 18(30).XI.1865, N 319.
- *387 См. *Л.Каравелов*. Предисловие. В кн.: "Памятники народного быта болгар ...", М., 1861.
- *388 "Голос", 2(14).III.1867, N 61; "Публицистика", стр.178-181.
- *389 См. *М.Димитров*. Към въпроса за публицистичното наследство на Любен Каравелов, стр.33.
- *390 *Л.С.Ерихонов*. Руското общество..., стр.125.
- *391 *И.С.Аксаков*. Славянский вопрос. 1860-1886. Статьи из "Дня", "Москвы", "Москвича" и "Руси". Речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878 гг. М., 1886.
- *392 По тематике и подписи С.П. можно предположить авторство Палаузова в отношении статьи "Корона св.Стефана" в "Голос", 1(13).VI.1867, N 150. Не

исключена возможность принадлежности Палаузову и других статей в этой газете.

*393 Именно участие разных авторов не дает возможности оценивать линию "Голоса" по международным вопросам как однозначную с линией МИД. Показательно, что два предупреждения в 1867 г. газета получила за внешнеполитические передовицы. 17.X.1867 г. в N 287 "Голос", в частности, писал: "Узкий эгоизм Наполеона III и влияние на него супруги делают его неспособным к царскому самопожертвованию". Этот выпад вызвал 1-е предупреждение. 2-е было дано за передовицу в N 299 по османскому вопросу.

*394 См. *Л.И.Ровнякова*. С.Н.Палаузов - деятель болгарского просвещения. "Русская литература". 1972, N 2, стр.174.

*395 "Публицистика", стр.265-367.

*396 См. *С.И.Сидельников*. Цензурный извор..., стр.90.

*397 Там же.

*398 Кроме указанных С.И.Сидельниковым в "Голосе" были помещены еще 23 сообщения "Из славянских земель" (1867, NN 166,167,170,172,176,193,204,206,207,208, 210, 212,219,222,226,229,232,233,235,241,245,248,250) и 27 сообщений "Славянские земли" (1867, NN 262,265,268,270,277, 278,281,282, 286,289,294,297,298, 304,305,308,311,330,332,340, 345,347,353,355; 1868, NN 1,2,3).

*399 "Голос", 30.VII(11.VIII).1867, N 208.

*400 "Голос", 12(24).VIII.1867, N 221.

*401 Газета "Москва" (1.VIII.1867, N 96) писала: "С августа начинается издание в Белграде новой болгарской газеты "Братский союз", издателем которой будет редактор сербской газеты "Световид" Андрич, а редактором болгарин Каравелов, известный в русской литературе своими рассказами из болгарской жизни. Задача новой газеты - распространять между болгарами идею о южнославянском единстве". Об этом же писала ужгородская газета "Свет", 2(14).IX.1867, N 10.

*402 *А.Родосский*. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии. 1814-1869. СПб., 1907, стр.116.

*403 Болгарский адрес хорватскому народу приводится в белградской корреспонденции Каравелова

("Голос", 7(19).VI.1867, N 155) и в рубрике "Из славянских земель" (там же, 17(29).VI.1867, N 165); адрес Болгарского комитета к черногорцам приводится в корреспонденции "С Черногорской гарнизы" ("Голос", 30.IX(12.X).1867, N 270) и в рубрике "Славянские земли" (там же, 13(25).X.1867, N 283); адрес белградских студентов своим профессорам Куянджичу и Герпичу приводится в рубрике "Славянские земли" (там же, 1(13).XI.1867, N 302) и в белградской корреспонденции Каравелова ("Голос", 4(16).XI.1867, N 305) и т.д.

*404 См., например, "Публицистика", стр.267, где говорится: "Движение пассажирских поездов на Краковско-перемышльской железной дороге возобновится не раньше 17-го (29-го) июля, а перевозка товаров начнется не раньше половины будущего сентября".

*405 См. *Л.В.Воробьев*. "Виенский" корреспондент на вестник "Голос"...; его же. Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество, стр.127. Виенские корреспонденции рассматривались для характеристики взглядов Каравелова в работе *Д.Дойнов*. Любен Каравелов за пълногласна, формите и средствата на борбата за освобождение на България от турско робство. В кн.: "Военнореволюционно наследство на В.Левски. Л.Каравелов, Хр.Ботев и Г.Бенковски". С., 1964, стр.58-92.

*406 *Л.С.Ерихонов*. Руското общество..., стр.146-152.

*407 *С.И.Сидельников*. Ценен извор..., стр.94-95.

*408 См. "Голос", 6(18).X.1866, N 276.

*409 См. *Л.С.Ерихонов*. Руското общество..., стр.121. А.Зубареву, вероятно, принадлежит корреспонденция из Буякдере (квартал в Константинополе) с подписью "А.З-ъ" в "Голосе" 7(19).X.1866, N 277.

*410 См. *Л.И.Ровнякова*. С.Н.Палаузов - деятель болгарского просвещения. "Русская литература", 1972, N 2, стр.174.

*411 "Голос", 1868, NN 229, 236, 243, 250, 254 и др.

*412 "Голос", 28.V(9.VI).1867, N 146.

*413 См., например, "Голос", 19.II(3.III).1867, N 50, а также статью "Из Болгарии" в "Голосе", 29.III(10.IV).1867, N 887.

*414 См. "Публицистика", стр.177, 223, 225, а также стр.166-167.

- *415 "Голос", 16(28).X.1867, N 286.
- *416 Там же. Еще за два месяца до этого в "Голосе" сообщалось о запрете газеты Каравелова. См. N 221 от 12(24) августа 1867 г.
- *417 Дважды об этом писала, например, "Застава". См. *Кр. Шарова*. Указ. соч., стр. 130.
- *418 "Голос", 8(20).IX.1867, N 248.
- *419 "Голос", 10(22).XI.1867, N 311: "Публицистика", стр. 341.
- *420 "Голос", 8(20).IX.1867, N 248. Сравни "Публицистика", стр. 306, 353-355.
- *421 *Л. В. Воробьев*. Любен Каравелов..., стр. 116.
- *422 "Голос", 5(17).VII.1867, N 183. Подписана "Грек".
- *423 *С. И. Сидельников*. Ценен извор..., стр. 94-95.
- *424 "Голос", 29.V(10.VI).1868, N 147.
- *425 "Голос", 21.I(2.II).1868, N 21. Без приведения доказательств эта корреспонденция используется в качестве каравеловской в работе *С. И. Сидельникова*. Участието на Любен Каравелов..., стр. 82.
- *426 См. "Публицистика", стр. 585.
- *427 "Голос", 15(27).VIII, 3(15).IX, 9(21).XII.1869, NN 224, 243, 240; "Публицистика", стр. 524-527, 535-537, 546-549.
- *428 *С. И. Сидельников*. Участието на Любен Каравелов..., с. 67, 72, 79, 83.
- *429 "Голос", 23.II(7.III).1869, N 54.
- *430 "Голос", 18(30).III.1869, N 77.
- *431 "Голос", 22.III(3.IV).1869, N 81.
- *432 "Голос", 22.III(3.IV).1869, N 81.
- *433 *С. И. Сидельников*. Участието на Любен Каравелов..., стр. 72.
- *434 "Голос", 23.XI(5.XII).1867, N 324; "Публицистика", стр. 341.
- *435 "Голос", 6, 28.XII.1868, NN 337, 357.
- *436 "Голос", 12, 16, 17.I, 6.II, 7, 29.III.1869, NN 12, 16, 17, 37, 66, 88, 89.
- *437 "Голос", 18(30).IV, 23.IV(5.V).1869, NN 108, 111.
- *438 См. *В. Г. Карасев*. Сербский демократ Живоин Жуевич..., стр. 293.
- *439 "Голос", 12(24).18(30).VI.1869, NN 160, 166.

*440 В декабре 1868 г. анонимный белградский корреспондент "Голоса" писал о возвращении в Сербию изгнанных ранее лиц. "При этом невольно вспоминается еще один изгнанник, место которого не только в либеральной партии, но и в целой сербской омолодине занять решительно некому; я говорю о Владимире Ивановиче, который вместе с болгариним Любеном Каравеловым полгода томится в мадьярских тюрьмах..." См. "Голос", 28.XII.1868, N 357.

*441 Сравни "Илюстрированная газета", 20.III.1869, N 12, стр.182. Ранее об этом писали "Русские ведомости", 5.II.1869, N 29.

*442 Содержание корреспонденции из Бачки в "Голосе" во многом совпадает с цитатами из корреспонденции из Бечкерека (Бачки) в "Заставе" от 16.II.1869. См. *М.Димитров*. Любен Каравелов..., стр.171.

*443 "Голос", 25.III(6.IV).1867, N 84. Для автора, кроме рассуждений о "высоком назначении в истории человечества" славянских племен, характерна мысль о необходимости военного вмешательства России. Этой же буквой, хотя и несколько иначе "серб З." написаны белградские корреспонденции в "Московских ведомостях", 1867, NN 25,27,44,66,68.

*444 *С.А.Никитин*. Южнославянские связи..., стр.116.

*445 *Л.С.Ерихонов*. Руското общество...,стр.157.

*446 "Русские ведомости", 23.II, 2.21.III, 1.II, 15,27.IV, 13,25.V, 6.VII.1867, NN 23,25,33,38,42,44,47,54,59,77.

*447 В письмах Каравелова к Погодину в начале 1869 г. ("Публицистика", стр. 584,586) говорилось, что редактор "Русских ведомостей" Н.С.Скворцов должен был Каравелову за его работу свыше 80 руб.

*448 *Л.С.Ерихонов*. Руското общество..., стр.157.

*449 *С.И.Сидельников*. Ценен извор..., стр.94-95.

*450 Например, корреспонденция Каравелова в "Голосе" (14.VI.1867, N 172) перепечатана в газете "Киевлянин" (11.VII.1867, N 82). При перечислении болгар, за головы которых Митхад-паша обещал награды, здесь в отличие от "Голоса" отсутствует фамилия Каравелова.

*451 Например, о деятельности Апраксина в помощь болгарскому восстанию ("Русские ведомости", 9.VI.1868, N

125) также по западным источникам писали "Москва" (27.VII.1867, N 93), "Литературная библиотека" (1867, август, кн.1-2). Текст выступления князя Михаила в Крагуеваце ("Русские ведомости", 14.X.1867, N 120) ранее публиковался в "Москве" (8.X.1867, N 148) и "Русском инвалиде" (5.X.1867, N 274) и т.д.

*452 "Московские ведомости", 24.II, 1.VI.1867, NN 45,119; "Публицистика", стр.164-166, 646-648.

*453 "Русский инвалид", 28.II(12.II).1867, N 59; "Публицистика", стр.166-167. С той же подписью К. в "Русском инвалиде", 12(24).III.1867, N 71 была помещена еще одна корреспонденция из Руцука.

*454 "Публицистика", стр.581.

*455 "Иллюстрированная газета", 3.VIII.1867, N 30.

*456 Л.Каравелов. Събрани съчинения. т.VII, стр.73-76.

*457 "Иллюстрированная газета", 20.XI.1869, N 46.

*458 См. "Свобода", 7.XI.1869, бр.1.

*459 См., например, "Иллюстрированная газета", 4,11,18,25.VII, 1,8,15,29.VIII, 5,12,19,26.IX, 3,10,21.X, 14.XI.1868, NN 26-32, 34-40, 43,45.

*460 См. Ив.К.Стойчев. Д-р Д.К.Кирович. (родолюбец и славянофил). "Известия на Българското историческо дружество", С.,1948, кн.ХХII-ХХIV, стр.433.

*461 Л.С.Ерихонов. Руского общество.... стр.171-172.

*462 "Одесский вестник", 19.XII.1869, N 280. Подпись - "Задунаец".

*463 См. "Одесский вестник", 1,12,19,26.VIII, 12.IX, 17.X,XI.1867, NN 167,177,182,188,199,227,249 и др.

*464 М.Розен-Чудновский. Положение дел на Балканском полуострове. "Одесский вестник", 14,28.IX, 5,13.X, 23.XII.1867, NN 201,211,223,283.

*465 Заховский. Пропаганда в Болгарии. "Одесский вестник", 9.X.1867, N 101.

*466 С.Стоманяков. По поводу статьи "С берегов Дуная", в N 260. Од.вестн. "Одесский вестник", 23.XII.1867, N 283.

*467 См. "Отечество", 16.I.1870, бр.25, а также 1.V.1870, бр.39.

*468 См. *И.Конев*. Литературни взаимоотношения и литературен процес. С., 1974, стр.196.

*469 См. "Голос", 1867, NN 136,140,141,170,177 и др.

*470 См. "Голос", 1867, NN 141,122,177,205,253 и др.

*471 См. *А.Екзарх*. Напись ради болгаров представен на Високата порта и петъте велики снии. Париж. 1843; *Б.Йоцов*. Един мемоар на Александр Екзарх."Родина". 1940, кн.2, стр.160-167. О подобной записке А.Экзарха, поданной Решиду-паше в 1851 г. см. *В.А.Тенцов*. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. "Русский вестник", 1882, кн.5,6,8,11. Подобные программы имела и болгарская эмиграция в Румынии. См. БИА/НБКМ, ПА 4157.

*472 См. *Д.Косев*. Към история на революционното движение в България през 1867-1871 гг., стр.11-14.

*473 "Голос", 23.V.1867, N 141: "Публицистика". стр.230.

*474 *Д.Игнатовић*. Београд као политичко средиште бугара пре једног столећа. В кн.: "Ослобођење градова у Србији од Турака. 1862-1867." Београд, 1970, стр.345. В другой своей работе Д.Игнатович цитируя приведенный выше отрывок, прямо указывал, что в основе этих взглядов Каравелова "стоит официальная политика России и Сербии и Договор князя Михаила с Добродетельной дружиной". См. *Д.Игнатович*. Договор князя Михаила с "Добродетельной дружиной" о Югославском царстве и некоторые события в 1867/1868 гг., стр.178.

*475 *М.Димитров*. Любен Каравелов. Биография. стр.130-131.

*476 Помимо своеобразной формы парламентарной монархии для федерации Каравелов предусматривал, что "каждое племя должно иметь свои законы, язык, литературу, школы и т.п." ("Голос", 23.VI.1867, N 141; "Публицистика", стр.230). Оценивая результаты сербско-болгарских переговоров, русский дипломат Оффенберг указывал следующие характерные моменты: "образование сербско-болгарского государства, совсем отдельная администрация, с сохранением наречий, при одной династии - М.Обренович". См. *П.Орешков*. Руска държавна преписка по нашето освободително движение (1866-1868). "Списание на БАН", 1935, кн.52, стр.320.

- *477 См. "Голос", 1867, NN 122, 141, 177, 205, 253.
- *478 См. петицию 54 болгарских подданных от 4.I.1869 г. в газете "Народност", 25.I.1869, бр.10.
- *479 См. "Публицистика", стр.511.
- *480 Исторические примеры и параллели дают много подобных примеров. Убежденный республиканец декабрист П.И.Пестель в своих проектах федеративного государства на Балканах употреблял термин "Царство греческое", будучи сторонником его республиканского устройства "наподобие Американских соединенных штатов". См. Сыроечковский Б.Е. Балканская проблема в политических планах декабристов. В кн.: "Очерки из истории движения декабристов", М., 1954, стр.186-275. Итальянский демократ Д.Гарибальди выступал с лозунгом "Италия и Виктор Эммануил". См. "Советская историческая энциклопедия", т.4, стр.208.
- *481 "Голос", 1867, NN 295, 305 и др.
- *482 "Голос", 1868, N 68.
- *483 См. "Публицистика", стр.500, 507-508, 511. Этим новым подтверждением приверженности Каравелова федеративной идее предшествовал песимистический вывод весной 1868 г.: "Сербия ни сама, ни вместе с другими не в состоянии еще принимать никаких мер для освобождения христиан на Балканском полуострове". См. "Голос", 1868, N 91.
- *484 См. И.Касабов. Мои воспоминания о восставших на България с революционни идеи. С., 1905, стр.61.
- *485 "Восточный вопрос и славяне на Балканском полуострове", стр.71.
- *486 П.А.Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество. 1846-1847. М., 1959, стр.86.
- *487 "Колокол", 15.I.1860, лист 61.
- *488 См. И.С.Аксаков. Сочинения. т.2, стр.78.
- *489 "Русская речь и "Московский вестник", 3.I.1862, N 1.
- *490 "Слово", 2(14), 6(18).III.1863. NN 18, 19.
- *491 См. "День", 16.III.1863, N 11.
- *492 В статье "Народная бестолковость" ("Современник", 1861, октябрь) Н.Г.Чернышевский, выступая против славянофилов, замечал, что "рассуждениями о призвании

русского орла покрыть славянские племена могущественными крыльями" наносится вред "освобождению славян, возбуждая тревогу в западных державах". Именно невмешательству западных держав уделял важное место Чернышевский, считая достаточным для успеха численный перевес южных славян над турками.

*493 См. "Голос", 13(25).XI.1866. N 314.

*494 См. "Московские ведомости", 12.VII.1862, N 152; "С.-Петербургские ведомости", 15.V.1863. N 108; "Голос", 29.VI.1867, N 177 и др.

*495 *Кр.Шарова*. Указ.соч., стр.408.

*496 См. "Голос", 1867, NN 99,131,159,170,177,199,205; "Русские ведомости", 1867, NN 25,62,69,77; "Иллюстрированная газета", 1867, N 30 и др.

*497 "Голос", 1867. N 205. Этот призыв Каравелова нашел своеобразный отклик в русской печати: анонимный автор в журнале "Литературная библиотека" считал корреспонденции "С Балканов" в "Голосе" написанными в Петербурге и тем не менее призывал русское общество снабдить болгарских повстанцев сподвижниками, оружием, оказать помощь женщинам и детям. См. "Литературная библиотека", 1867, август, кн.1-2 (15-16). стр.143-150.

*498 "Народность", 11.V.1869. бр.24: "Публицистика", стр.512.

*499 "Публицистика", стр.499.

*500 См. "Голос", 29.VI(6.VII).1867, N 177: "Публицистика", стр.259.

*501 *С.А.Никитин*. Южнославянские связи..., стр.120.

*502 "С.-Петербургские ведомости", 11(23).V.1867, N 128; *В.Г.Карасев*. Сербский демократ Живоин Жуевич..., стр.274-277.

*503 См. *И.М.Белявская*. А.Н.Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М.,1954, стр.77-81. Характерно цитируемое здесь место из ответа Герцена на обвинения в панславизме: "Я только для нерусского славянского мира от всей души желал братский союз с Россией для того, чтоб когда... гроза грянет,они не были бы взяты врасплох". Сравни у Каравелова: "Южные славяне должны устроить свободное федеративное государство... если

мы... заключим с Россиею тесный, братский союз, - в таком случае ни Меттерних с Деаками, ни Наполеон с папами, ни Мутье с Омером-пашою... никто не дерзнет грозиться нам" ("Голос", 1867, N177).

*504 См. "Голос", 1867, NN 96,136,159,163,198,220,341; 1866, N 271.

*505 См. *М.Димитров*. За идеологията на Любен Каравелов..., стр.15-16.

*506 Болгарскому публицисту наверняка известна была рецензия Н.Некрасова на повесть Тургенева "Накануне", в которой ставился под сомнение успех освободительной борьбы в Болгарии: "Сила обстоятельств, недостаток просвещения, отсутствие гениального патриота - все это может обратить в химеру самую большую идею". См. "Московские ведомости", 5.V.1860, N 99.

*507 "Московские ведомости", 14.VII.1862, N 154.

*508 "Голос", 27.IV(9.V).1867, N 115.

*509 См. "Голос", 1867, NN 99,136,177,198,214,334; "Русские ведомости", 1867, NN 50,62,69,78,91,92 и др.

*510 См. *А.А.Удунян*. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877-1878 гг. М.,1971, стр.130-176; *А.Иванов*. Освещение болгарского национально-освободительного движения в печати России накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В кн.: "Теория и практика современной международной журналистики", М.,1972, стр.118-125.

*511 См. "Голос", 1867, NN 99,131,170 и др.

*512 См. "Голос", 1867, NN 61,99,140; 1868, N 70; "Русский инвалид", 1867, N 59 и др. Критика чорбаджийства в этих корреспонденциях Каравелова ("чорбаджии - верные рабы паши и поклонники турецкого правительства" - "Голос", 1867, N 99) опровергает необоснованный тезис Л.С.Ерихонова: "До издания "Свободы" публицист не высказывался в русской печати против чорбаджийства". См. *Л.С.Ерихонов*. Русское общество..., стр.170.

*513 См. "Голос", 1867, NN 99,115,131; 1869, N 243.

*514 "Голос", 9(21).IV.1867, N 99.

*515 "Народност", 9.III.1869, бр.16; "Публицистика", стр.506-508.

*516 См. "Голос", 1866, N 271,314; 1867, NN 61,96,99, 170, 177,183,199 и др.

*517 См. *М.Димитров*. За идеологията на Любен Каравелов..., стр.15-16.

*518 *Кр.Шарова*. Указ.соч., стр.244 и др.

*519 "Голос", 22.VI(4.VII).1867, N 170.

*520 "Голос", 31.III(12.IV).1868, N 91.

*521 *Д.Игнятович*. Любен Каравелов и сърбското общество. Ниш,1969, стр.190.

*522 См. *Д.Игнятович*. Сърбските другари на Л.Каравелов. Белград, 1957.

*523 См. *Д.Леов*. Неизвестни страници из архивното наследство на Любен Каравелов. "Литературна мисъл", 1960, кн.5, стр.102-113.

*524 *Кр.Шарова*. Указ.соч., стр.410.

*525 См. об этом примечание *Хр.Христова* к работе *Н.Генчев*. Одеското българско настоятелство. "Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет", т.64, кн.3, стр.220.

*526 В связи с этим нельзя согласиться с *А.С.Бейлисом*, писавшим о "буржуазно-классовой ограниченности" Каравелова. См. *А.С.Бейлис*. Исследования *М.Димитрова* по истории болгарского Возрождения. "Советское славяноведение", 1969, N 3, стр.90.

*527 *В.Д.Конобеев*. Българското национально-освободително движение..., стр.434.

*528 *Б.Н.Билунов*. К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии..., стр.222-223.

Список публикаций Б.Н.Билунова

1. Успехов вам, драги другари! (К 26-й годовщине социалистической революции в Болгарии). - "Московский комсомолец", 8 сентября 1970 г. № 210.
2. К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии. (На примере формирования взглядов Любена Каравелова). - "Проблемы всеобщей истории". Москва, изд. МГУ, 1973, с.213-229.
3. К истории "Болгарской дружины" организации болгарских студентов в московском университете. - "Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время". Москва, изд. "Наука", 1974, с.182-194.
4. К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати. - "Советское славяноведение", 1974, № 5, с. 48-59.
5. Публицистическая деятельность Любена Каравелова в русской периодической печати 60-х годов XIX в. Москва, изд. МГУ, 1974. (автореферат кандидатской диссертации на правах рукописи).
6. Конференция на историче-слависти в СССР. "Исторически преглед". София, 1976, кн.1, с.159-163 (в соавторстве с Е.Л.Валевой).
7. Как учатся историки. - "Московский университет, 15 апреля 1976 г. №25.
8. Всесоюзна награда заведущих кафедрами історії в Москві. - "Український Історичний журнал". Київ, 1976, № 3, с.155-156 (в соавторстве с Ю.И.Макаром).
9. (реф). *Поглубко К.А.* Из Истории болгаро-российских культурных связей 40-70-х годов XIX в. (Болгары в учебных заведениях Одессы. Киева. Кишинева). Кишинев, 1976. - "Общественные науки в СССР. История", 1977, № 3, с.107-110.

10. (реф.) *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876 г. София, 1976. – "Общественные науки за рубежом. История", 1977, № 5, с. 71-76.
11. (реф.) *Недялков Х.* Младежкото движение в Латинска Америка. София, 1976. – "Общественные науки за рубежом. История", 1977, № 5, с. 137-141.
12. Конференция на Историческом факультете МГУ. – "История СССР", 1977, № 6, с. 226-228. (в соавторстве с В.А. Георгиевым).
13. (реф.) "Из истории балканских стран. Научные записки Кубанского университета". Краснодар, 1975, вып. 192. – "Советское славяноведение", 1978, № 1, с. 114-116. (в соавторстве с А.Е. Москаленко, В.Г. Тарановой).
14. (реф.) *Байчински К.* Движещи сили на социалния прогрес. София, 1977. – "Общественные науки за рубежом. История", 1977, № 6, с. 67-71.
15. Руското славянофилство и българското национално движение. – История и основи на комунизма". София, 1978, № 1, с. 12-17.
16. (реф.) *Боев Б., Радулов С., Благоев Д.* и работническа класа в България. София, 1977. – "Общественные науки за рубежом. История", 1978, № 2, с. 28-32.
17. (реф.) *Башилев Д.* Социално-политически особености на аграрния въпрос в Латинска Америка. София, 1977. – "Общественные науки за рубежом. История", 1978, № 4.
18. Български публицисти върху страниците на руски вестници. (1876-1878). – "Исторически преглед". София, 1978, кн. 5, с. 93-99.
19. (реф.) *Улунян А.А.* Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. Москва, 1978. – "Общественные науки в СССР. История", 1978, № 6, с. 103-106. (в соавторстве с В.М. Фоминым).
20. (реф.) *Чорний В.П.* Героическая эпопея болгарского народа. Апрельское восстание 1876 года. Львов, 1976. – "Советское славяноведение", 1978, № 6, с. 108-110 (в соавторстве с В.Г. Карасевым).
21. (реф.) *Манчев В., Бистрицки В.* България и нейните съседи. Политически и дипломатически отношения. 1931-

1939. София, 1978. – "Общественные науки за рубежом. История", 1979, № 1, с.60-64.
22. (реф.) *Димитрова С.* Българската комунистическа партия срещу десния опортюнизм, за единството на работническия клас (1917-1923). София, 1978. "Общественные науки за рубежом. История", 1979, № 2, с.27-30.
23. (реф.) "Вопросы истории славян". Воронеж, 1977, вып.5. – "Советское славяноведение", 1979, № 3, с. 120-121. (в соавторстве с А.Е.Москаленко, Х.Х.Хейретдиновым).
24. Березин Леонид Васильевич. – "Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь". Москва, изд. "Наука", 1979, с.68-69.
25. Горяинов Сергей Михайлович. – "Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь". Москва, изд. "Наука", 1979, с.129.
26. Зыков Сергей Павлович. – "Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь". Москва, изд. "Наука", 1979, с.162-163.
27. Мурзакевич Николай Никифорович. "Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь". Москва, изд. "Наука", 1979, с.244-245.
28. Савельев – Ростиславич Николай Васильевич. "Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь". Москва, изд. "Наука", 1979, с.299.
29. (реф.) *Огнянов Л.* Войнишкото въстание. 1918. София, 1978. – "Общественные науки за рубежом. История", 1979, № 4, с. 54-57.
30. (реф.) *Косев К.* Бисмарк, източният въпрос и българското освобождение. 1856-1878. София, 1978. – "Общественные науки за рубежом. История", 1979, № 4, с.62-65.
31. (реф.) "Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878". Москва, 1978. – "Новая и новейшая история", 1979, №6, с. 188-191 (в соавторстве с Н.С. Киняпиной, М.М.Залышкиным).
32. (реф.) *Поглубко К.А.* Из Истории российско-болгарских общественных и революционных связей (последняя четверть XIX в.). Кишинев, 1979. – "Общественные науки

- в СССР. История", 1979, №6, с.79-81. (в соавторстве с В.М. Фоминым).
33. (реф.) Мичева З. Великата Октомврийска революция и балканските народи (1917-1921). – "Проблемы социально-политического и национального развития Балкан (конец XVIII в. – 1939 г.) в зарубежной историографии". Москва, ИНИОН АН СССР, 1980, с.100-105.
34. Манчев К., Бистрицки В. България и нейните съседи. 1931-1939. София, 1978. – "Проблемы социально-политического и национального развития Балкан (конец XVIII в. – 1939 г.) в зарубежной историографии". Москва, ИНИОН АН СССР 1980, с. 200-204.
35. Трайков В. Идеологически течения и програми в национално-освободителните движения на Балканите до 1878 г. София, 1978. – "Проблемы социально-политического и национального развития Балкан (конец XVIII в. – 1939 г.) в зарубежной историографии". Москва, 1980, с. 60-73.
36. (реф.) Петрова Д. БЗНС през периода на икономическата криза. 1929-1934 г. София, 1979. – "Общественные науки за рубежом. История", 1980, № 3, с.83-85.
37. (реф.) Георгиев Г. Освобождението и етнокултурното развитие на българския народ. 1877-1900. София, 1979. – "Общественные науки за рубежом. История", 1980, №6, с.175-178.
38. (реф.) Стефанова С. За сигурността в Европа. София, 1980. — "Общественные науки за рубежом. История", 1981, № 2, с.62-65.
39. Петков Т. Разоръжаването – единствения път. София, 1980. – "Проблемы военной разрядки в Европе". Москва, 1981, с.54-64.
40. Стефанова С. За сигурността в Европа. – "Проблемы военной разрядки в Европе". Москва, 1981, с.256-161.
41. Болгаро-русские общественные связи в 1856-1869 гг. – "Първи международен конгрес по българистика. Резюме-та". София, 1981, кн. 1, с. 213-214.
42. Заключение. – "Русия и освобождението на България". София, 1981, с. 232-237.

43. Из истории болгаро-русских журналистских связей. – "Россия и восточный кризис 1875-1878 гг." Москва, изд. МГУ, 1981, с.98-116.
44. (ред.) "Россия и восточный кризис 1875-1878 гг." Москва, 1981.
45. Первые болгарские воспитанники московского университета.- "История и культура Болгарии". Москва, изд. "Наука", 1981, с.148-156. (в соавторстве с О.К. Вяземской).
46. (реф.) *Ровняков А.А.* В борьбе за свободу Болгарии. Национально-освободительное движение болгарского народа и деятельность Георгия Раковского. 30-60-е годы XIX века. Ленинград, 1980. "Общественные науки в СССР. История", 1981, № 6, с.91-94 (в соавторстве с В.М.Фоминым).
47. Влияние Н.Г.Чернышевского на болгарскую общественную мысль. – "Н.Г.Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран". Москва, изд. "Наука", 1981 (в соавторстве с М.Бычваровым).
48. (реф.) *Петрова С.* Девето-септемврийската социалистическа революция. 1944. София, 1981. "Общественные науки за рубежом. История", 1982, № 2, с.64-67.
49. 37 лет по пути социализма в тринадцативековой истории Болгарии. – "Советское славяноведение", 1982, № 2, с.3-8.
50. (реф.) *Радулов С.* Управлението на БЗНС и българската буржоазия. София, 1981. - "Общественные науки за рубежом. История", 1982, № 3, с.70-73.
51. Введение. – "Россия и освобождение Болгарии", Москва, изд. МГУ, 1982, с.5-9.
52. Политическая борьба в Болгарии (последняя треть XIX века). – "Узловые вопросы советского славяноведения. (тезисы докладов и сообщений IX Всесоюзной конференции историков-славистов)". Ужгород, 1982, с.161-162.
53. (реф.) *Мельцер Д.Б.* Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая. 681-1981. Минск, 1981. – "Советское славяноведение", 1982, № 5, с.112-113 (в соавторстве с И.А.Воронковым).

54. (рец.) *Воробьев Л.В.* Любен Каравелов. Москва, 1980. – "Вопросы истории", 1982, № 10, с.133-136 (в соавторстве с В.Г.Карасевым)
55. (рец.) *Степанова Л.И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50-70-е годы XIX в. Кишинев, 1981. – "Советское славяноведение", 1982, № 6, с.112-113
56. Историческая болгаристика в Московском университете в XIX-XX вв. – в кн.: "Университетские исследования и преподавания на българската история у нас и в чужбина". София, 1982, с.72-91 (в соавторстве с В.И.Владимирской, И.А.Воронковым, Л.В.Гориной, В.Г.Карасевым).
57. Болгаро-русские общественные связи в 1856-1869 гг. – "Първи международен конгрес по българистика, София 23 мая-3 июня 1981 Доклады", Българска академия на науките, София, 1982, стр.375-394.
58. К истории славяноведения в Московском университете (1811-1835 гг.). В кн.: "Из истории университетского славяноведения в СССР. Сборник статей и материалов к 80-летию С.А.Никитина". Москва, изд. МГУ, 1983, с.3-33.
59. (рец.) "Българското възраждане и Русия". София, 1981. – "Советское славяноведение", 1983, № 5, с.116-118.
60. (рец.) *Козьменко И.В.* Руската дипломатия и формирането на българската държавност след Освобождението. София, 1982. – "Новая и новейшая история". 1983, № 6, с.178-181.
61. Изучение болгарского революционно-демократического движения 60-70-х годов XIX в. в советской исторической литературе. – В кн.: "Советская болгаристика. Итоги и перспективы". Москва, изд. "Наука", 1983.
62. (рец.) *Червенков Н.Н.* Политические организации Болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50- 60-х годов XIX века. Кишинев, 1982. – "Советское славяноведение", 1984, № 5, с.115-117
63. Строительство развитого социализма в Болгарии. – "Новая и новейшая история", 1984, № 5, с.34-49 (в соавторстве с Д.Г.Песчаным)

64. Траен интерес към делото на Любен Каравелов (интервю). – "Български журналист", 1985, №1, с.42-44
65. Болгарский демократ Любен Каравелов в русской дореволюционной литературе. – В кн.: "Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. X Всесоюзная конференция историков-славистов". Харьков, 1985, с.205-206
66. (рец.) *Чернейко Г.А.* Болгария: плоды реального социализма. Москва, Политиздат, 1985. – "Вопросы истории", 1985, №5.
67. Заключение. – В кн.: "Болгаро-российские общественные связи. 50-70-е гг. XIX в." Кишинев, изд. "Штиция", 1986, стр. 252-256.
68. Болгаро-российские общественно-политические связи. 50—70-е гг. XIX в. Кишинев, изд. "Штиция", 1986, (ответственный редактор).
69. Формирование национально-революционного течения в болгарском освободительном движении. – В кн.: "Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней", Москва, изд. "Наука", 1987, стр. 218-227.
70. Болгарский революционный Центральный комитет. Там же, стр. 228-234.
71. Апрельское восстание. Там же, стр. 235-239.
72. Построение основ социализма. Там же, стр. 452-464 (в соавторстве с В.И.Гребенниковым).
75. На пути к развитому социализму. Там же, стр. 465-504 (в соавторстве с В.И.Гребенниковым).
76. Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. Москва, изд. "Наука", 1987 (редактирование совместно с Г.Г.Литавриным, В.И.Гребенниковым, В.И.Злыдневым, Д.Ф.Марковым).
77. Летопись дружбы и сотрудничества народов Болгарии и СССР – "Вопросы истории", 1989, № 6 (в соавторстве с Д.Г.Песчаным).
78. Двадесет години поредица "Летопис на дружбата" — "Исторически преглед", София, 1989, кн. 12, стр.57-67 (в соавторстве с Д.Г.Песчаным).
79. Национальное возрождение зарубежных славянских народов. Болгары. – В книге "Хрестоматия по истории

- южных и западных славян. В трех томах". Минск, изд. "Университетское", 1989, том II, стр. 8-25 (составительство совместно с Л.Е.Грачевой).
80. Основные проблемы развития культуры славянских и балканских народов в XVIII-XIX веках. – "Вопросы истории", 1990, № 12, стр. 18-28 (в соавторстве с И.И.Лещиловской).
81. С войной покончили мы счеты? "Экономика и жизнь", 1991, № 26.
82. Западники и болгарское национальное движение. – "Болгарская культура в веках", Москва, 1992, стр.88-90.
83. К истории македонского вопроса. "Очаги тревоги в Восточной Европе", Москва, 1994, стр. 162-171.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ

1. К истории болгаристики и славяноведения в России.
2. Освобождение Болгарии в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов в освещении современной историографии.
3. Политическое развитие национальных движений на Балканах (50-70-е годы XIX в.).
4. Россия и принятие Тырновской конституции.
5. Русские демократы и болгарское национальное движение.
6. Болгарское возрождение в трудах С.А.Никитина.
7. Сотрудничество болгарских авторов в русской периодической печати в 40-50-х годах XIX века.
8. Болгарские просветительские общества и организации.
9. К истории просветительского движения в эпоху Болгарского возрождения.
10. Георгий Димитров об исторических связях НРБ и СССР.
11. Георгий Димитров - великий пролетарский революционер и теоретик болгарского и международного коммунистического движения
12. Лекции по исторической географии.
13. Историческая наука в Болгарии.
14. "Именник".
15. Программа курса лекций "Историческая география южнославянских народов".
16. О болгарском национальном возрождении (Проблемы историографии).

Содержание

Борис Николаевич Билунов - историк-славист (1946-1992) (<i>Л.В.Горина</i>).....	3
К истории болгаристики и славяноведения в России.....	14
К истории славяноведения в Московском университете (1811-1835 гг.).....	28
Основные проблемы развития культуры славянских и балканских народов в XVIII - XIX веках (<i>в соавторстве с И.И.Лециловской</i>).....	54
Политическое развитие национальных движений на Балканах (50-70-е годы XIX века)	73
О болгарском национальном возрождении (Проблемы историографии).....	80
К истории просветительского движения в эпоху болгарского возрождения.....	92
Русское славянофильство и болгарское национальное движение.....	101
Формирование национально-революционного те- чения в болгарском освободительном движе- нии.....	122
Болгарский Революционный центральный коми- тет.....	135
Апрельское восстание.....	143

Освобождение Болгарии в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов в освещении современной историографии.....	148
Россия и принятие Тырновской конституции.....	161
Первые болгарские воспитанники Московского университета (в соавторстве с О.К.Вяземской).....	179
К истории “Болгарской дружины” - организации болгарских студентов в Московском университете.....	191
Болгаро-русские общественные связи в 1856-1869 годах.....	205
Влияние Н.Г.Чернышевского на болгарскую общественную мысль (в соавторстве с М.Бычваровым).....	218
Из истории болгаро-русских журналистских связей.....	242
Сотрудничество болгарских авторов в русской периодической печати в 40-х - 50-х годах XIX века.....	262
К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати.....	286
К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии (На примере формирования взглядов Любена Каравелова).....	307
К истории македонского вопроса.....	324
С войной покончили мы счеты?.....	332

Программа курса лекций “Историческая география южнославянских народов”	338
Публицистическая деятельность Любена Каравелова в русской периодической печати 60-х годов XIX века (Кандидатская диссертация).....	344
Список публикаций Б.Н.Билунова.....	484
Содержание.....	490

Болгария и Россия

Сборник трудов Б.Н.Билунова

**Рукопись подготовлена к печати
в Институте славяноведения и балканистики
Российской Академии наук**

Компьютерная верстка и обложка М.И.Леньшиной

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 00.00.1996. 22,0 печ.л.
Тираж **300** экз. Заказ № **381** Цена договорная

Отпечатано на ротапринте ООО "Техномонтаж"